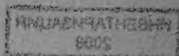


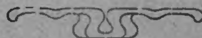
Г. Юрскій.

Правые въ Третьей Государственной Думѣ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ХАРЬКОВЪ.
Изданіе Центральнаго Предвыборнаго Комитета Объединенныхъ Русскихъ Людей.
1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.



Глава I.

Распредѣленіе силъ.

Къ открытію Государственной Думы третьяго созыва, т. е. къ 1 ноября 1907 г., думское правое крыло составляло единое цѣлое, численностью приблизительно въ 140 человѣкъ, т. е. немного менѣе третьей части всего думскаго состава.

Однако, уже черезъ нѣсколько дней эти 140 человѣкъ раздѣлились на двѣ партіи: правыхъ и умѣренно-правыхъ, а къ началу 1908 года произошло дальнѣйшее дробленіе: образовалась, сверхъ того, фракція русскихъ націоналистовъ.

Къ этому моменту численность „правыхъ", упорно именуемыхъ въ освободительныхъ газетахъ *крайними* правыми, опредѣлилась приблизительно въ 50 человѣкъ. Въ такомъ составѣ, то немного увеличиваясь, то немного уменьшаясь, фракція правыхъ осталась до окончанья полномочій третьей Думы.

Предсѣдателемъ ея сперва былъ графъ Владиміръ Филипповичъ Дорреръ; вслѣдствіе же его тяжкой болѣзни, а затѣмъ и смерти (16 ав. 1909 г.) его преемникомъ избранъ (22 окт. 1908 г.) Андрей Сергѣевичъ Вязигинъ.

Товарищъ Предсѣдателя, графъ Алексѣй Александровичъ Бобринской, 1 января 1912 года выбылъ изъ состава членовъ Думы, будучи назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Кромѣ графа Доррера умерло еще четыре члена фракціи: о. К. Н. Ровнатовскій, о. А. А. Златомрежевъ, о. Ф. І. Никоновичъ и С. Н. Мезенцовъ.

Что касается другихъ фракцій праваго крыла, то во

второй половинѣ 1909 года, на третій годъ думской дѣятельности, послѣдовало сліянье умѣренно-правыхъ, во главѣ коихъ находились П. Н. Балашевъ, графъ Владиміръ Алексѣевичъ Бобринской[1]) и П. Н. Крупенскій съ націоналистами, руководимыми княземъ А. П. Урусовымъ и А. А. Мотовиловымъ. Впрочемъ, сліянье это произошло вопреки желанья князя Урусова, который не только отказался отъ такъ называемаго лидерства, но вышелъ изъ партіи, и черезъ нѣкоторое время присоединился къ правымъ.

Хотя умѣренно-правыхъ было свыше 70 человѣкъ, а націоналистовъ только 18, но вновь образовавшаяся послѣ сліянья группа заимствовала и свое названье и свою программу отъ меньшинства. Такимъ образомъ, на третій годъ думскаго существованья возникла въ Думѣ руководимая оффиціально П. Н. Балашевымъ „фракція русскихъ націоналистовъ“, изъ которой затѣмъ уже образовалась и внѣдумская партія: „всероссійскій національный союзъ“. Какъ извѣстно, обыкновенно политическія организаціи нарождаются въ обратномъ порядкѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ самое слово „фракція“—отломокъ, отколокъ: сначала возникаетъ партія, организація, а затѣмъ члены ея, попавшіе въ то или иное выборное учрежденье, образуютъ тамъ соотвѣтствующую „фракцію“—частицу, отломокъ цѣлаго.

Съ „націоналистами“ дѣло вышло наоборотъ по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Въ концѣ четвертаго года думской дѣятельности, весною 1911 г., у „націоналистовъ“ произошло новое измѣненіе: выдѣлилась группа въ 17 человѣкъ, руководимая П. Н. Крупенскимъ и присвоившая себѣ наименованье „націоналистовъ независимыхъ“.

Большинство этой группы принадлежало прежде къ „умѣренно правымъ“.

Переходя отъ праваго думскаго крыла къ такъ называемому думскому „центру“, надлежитъ отмѣтить, что первоначально онъ состоялъ изъ одной и очень многочисленной фракціи „октябристовъ“, насчитывавшей свыше 150 человѣкъ; однако, съ первыхъ же дней думской дѣятельности

[1]) По думскому справочнику, графъ Бобринской *второй*, въ отличіе отъ графа Алексѣя Александровича Бобринского—*перваго*.

началось „разсасыванье“ центра: переходъ отдѣльныхъ его членовъ въ сосѣднія партіи, налѣво—къ прогрессистамъ и направо—къ умѣренно правымъ. Далѣе, въ исходѣ второго года думской жизни, весною 1909 г., отъ фракціи „октябристовъ“ отдѣлились 11 человѣкъ и, подъ руководствомъ барона Н. Г. Черкасова и Я. Г. Гололобова, составили особую группу „правыхъ октябристовъ“, гораздо больше тяготѣвшихъ къ правому крылу, чѣмъ къ центру.

Въ концѣ думскихъ полномочій, центръ, руководимый А. И. Гучковымъ, насчитывалъ всего лишь 120 членовъ Думы.

Наконецъ лѣвое крыло состояло изъ 142 человѣкъ, раздѣленныхъ на семь партій.

Кромѣ того, съ каждымъ годомъ думскаго существованья увеличивалось число такъ называемыхъ „безпартійныхъ“—вышедшихъ изъ своей фракціи по самымъ разнообразнымъ побужденьямъ и къ другой фракціи примкнуть не пожелавшихъ. Среди нихъ людей праваго направленья было почти столько же, сколько и лицъ съ лѣвымъ уклономъ.

Въ итогѣ партійный составъ третьей Думы къ исходу ея полномочій былъ слѣдующій:

1. Правые	46
2. Русская національная фракція .	74
3. Независимые націоналисты . . .	17
4. Правые октябристы	11
5. Союзъ 17 октября	120
6. Прогрессисты	36
7. Мусульманская группа	9
8. Польское коло	11
9. Польско - литовско - бѣлорусская группа (!?)	7
10. Кадеки	51
11. Трудовая группа	14
12. Соціалъ демократы	14
	400
Безпартійные	27
Всего . . .	427

Вслѣдствіе пестроты партій, большого ихъ числа, на первый планъ выступалъ вопросъ о „группировкѣ“, о „блокахъ“ и о внутренней сплоченности.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи у партій лѣваго крыла дисциплина была большая. Каждая лѣвая партія, кромѣ, пожалуй, прогрессистовъ, дѣйствовала вполнѣ единодушно, голосовала обыкновенно какъ одинъ человѣкъ [1]), но эта ихъ сильная сторона въ значительной мѣрѣ ослаблялась тѣмъ, что самыхъ партій было очень много — цѣлыхъ *семь*, причемъ между нѣкоторыми изъ нихъ общее заключалось только въ ненависти къ нашему государственному строю. Во всемъ остальномъ точекъ соприкосновенья не оказывалось рѣшительно никакихъ.

Что общаго, напримѣръ, между буржуазными прогрессистами, они же *мирнообновленцы*, и трудовиками, столь близкими соціалистамъ-революціонерамъ? Что общаго между соціалъ-демократами, именующими себя представителями рабочаго пролетаріата, и польскимъ коло, гдѣ задаютъ тонъ крупные помѣщики, вродѣ пана Дымши, или видные дѣятели капиталистическаго міра, вродѣ пана Жуковскаго?

Итакъ, дѣленье на множество разношерстныхъ мелкихъ партій но зато сильная спайка внутри каждой партіи—таковы отличительныя черты лѣваго крыла, въ этомъ и сила его и слабость.

Совершенно обратное являлъ изъ себя думскій центръ: въ немъ была только одна партія, но зато въ ея нѣдрахъ никакой сплоченности, никакого единодушія.

По всѣмъ крупнымъ вопросамъ среди октябристовъ поднималась разноголосица и съ думской кафедры одинъ октябристъ опровергалъ мнѣнія другого октябриста. Не было серьезнаго голосованья, по которому октябристы голосовали бы всѣ какъ одинъ человѣкъ, но было много такихъ голосованій, гдѣ центръ раскалывался на почти равныя части.

Тѣмъ не менѣе, и по своей численности, и по своему чрезвычайно выгодному для голосованій центральному положенью и по тѣмъ отношеньямъ къ П. А. Столыпину, ко-

[1]) Не подчинявшіеся партійной дисциплинѣ подлежали исключенію изъ фракціи. Такъ напримѣръ, за участіе въ Высочайшемъ пріемѣ 8 іюня 1912 года исключены изъ состава „трудовиковъ“ Сагателянъ, Рожковъ и Шило.

торыя держались первые годы существованья третьей Думы —октябристы играли въ ней вліятельную роль, гордо именуя себя партіей „руководящей“.

Дѣйствительно, сидя посрединѣ, октябристы, казалось, всегда должны были оказаться въ большинствѣ—то съ правымъ, то съ лѣвымъ крыломъ.

Однако, и октябристы, и покровительствовавшій имъ первоначально П. А. Столыпинъ, прекрасно понимали, что для настоящей законодательной работы, цѣльной, продуманной и планомѣрной, такого большинства недостаточно.

Нужно большинство, основанное не на случайномъ и попеременномъ *совпаденіи*, а на прочномъ и длительномъ *соглашеніи*. Иначе получается то неустойчивое равновѣсіе, при которомъ все хитроумное сооруженье можетъ опрокинуться какъ разъ въ самый рѣшительный моментъ.

Попытки такого-соглашенья, такого „блока“, который бы давалъ обезпеченное большинство, дѣлались сначала въ томъ направленіи, чтобы октябристамъ опереться съ одной стороны на „умѣренно правыхъ“, съ другой стороны на прогрессистовъ и даже на польское коло, а затѣмъ все остальное, расположенное и правѣе, и лѣвѣе—„игнорировать“.

Затѣя эта, однако, успѣха не имѣла, а между тѣмъ правительство стало „правѣть“ и П. А. Столыпинъ началъ выдвигать идеи „націонализма“.

Послушные его желаньямъ, „умѣренно-правые“ поспѣшили слиться съ группою „націоналистовъ“, малочисленной, не имѣвшей въ то время почти никакого значенья, и послѣ сліянья образовалась крупная „фракція русскихъ націоналистовъ“, которая, по мысли правительства, и должна была, войдя въ соглашенье, въ „блокъ“ съ октябристами составить то прочное, идущее рука объ руку съ правительствомъ, большинство, безъ котораго думская работа явно не клеилась.

Однако, и это начинаніе удалось лишь въ незначительной мѣрѣ.

Во-первыхъ, у октябристовъ былъ такой разбродъ, такая разноголосица, такая неустойчивость, что мало мальски длительное и прочное соглашеніе съ ними было вообще невозможно: они врядъ ли сами за себя могли ручаться.

Во вторыхъ, октябристы и націоналисты настоящаго большинства все же не давали—ихъ, вмѣстѣ взятыхъ, было меньше половины всего думскаго состава.

Въ третьихъ, насколько П. А. Столыпинъ правѣлъ, настолько октябристы лѣвѣли, и въ ихъ отношеньяхъ къ правительству появились трещины, которыя быстро начали расширяться и углубляться.

Нельзя, однако, отрицать, что по цѣлому ряду вопросовъ у октябристовъ съ націоналистами было соглашенье, основанное на „компромиссѣ“, на взаимныхъ уступкахъ. Только, увы, въ этихъ парламентскихъ комбинаціяхъ *отдать* націоналистамъ пришлось гораздо больше, чѣмъ *получить*.

На численности и распредѣленіи отдѣльныхъ думскихъ партій пришлось остановиться довольно подробно, ибо только такимъ путемъ можно выяснить, какія задачи должны были поставить себѣ правые и насколько успѣшно они ихъ выполнили: своимъ единодушіемъ, твердостью, своимъ воодушевленьемъ и убѣжденностью, своими рѣчами и запросами они быстро заставили съ собою серьезно считаться.

Но этого было мало.

Надлежало показать свою силу и въ голосованьяхъ.

Впрочемъ, пока только объ этомъ мы и ведемъ рѣчь. „Программѣ“ правыхъ, тому *чего* они добивались, посвящены слѣдующія главы, а здѣсь мы говоримъ лишь о „тактикѣ“, о томъ, *какъ* приходилось добиваться ея осуществленія.

Если обратиться къ цифрамъ, помѣщеннымъ выше, то окажется, что правые, голосуя съ лѣвымъ крыломъ и безпартійными, даютъ почти столько же голосовъ, сколько октябристско-націоналистическій блокъ (215 противъ 222).

Переходя отъ этихъ бумажныхъ цифръ къ дѣйствительнымъ голосованьямъ, надлежитъ удостовѣрить, что соотношенье силъ еще болѣе благопріятствовало правымъ, какъ потому, что, въ общемъ, правые и лѣвые аккуратнѣе посѣщали Думу, чѣмъ октябристы и націоналисты, такъ и потому, что на такихъ голосованьяхъ отъ октябристовъ и націоналистовъ почти всегда нѣсколько человѣкъ откалывалось.

Такимъ образомъ, голосуя вмѣстѣ съ октябристско-націоналистическимъ блокомъ, правые давали ему безспорное, обезпеченное большинство, а голосуя противъ этого

блока, подвергали его самой серьезной опасности остаться въ меньшинствѣ, провалиться на баллотировкѣ.

Другими словами, голоса правыхъ становились **рѣшающими.**

Надо было видѣть переполохъ октябристовъ, когда первый разъ правые голосовали противъ нихъ вмѣстѣ съ лѣвыми.

Какой поднялся вой, какіе вопли раздались въ газетахъ о „революціонерахъ справа“.

И до самаго конца октябристы не могли успокоиться—передъ самымъ концомъ думскихъ полномочій А. И. Гучковъ говорилъ о „неестественномъ чернокрасномъ блокѣ, который составляетъ проклятіе страны“.

Негодованье октябристскаго лидера вполнѣ понятно.

Если бы не было „проклятія страны“, то „руководящій центръ“ жилъ бы припѣваючи. Одну часть законопроекта, одни „поправки“ онъ проводилъ бы голосами лѣваго крыла, а другую часть—голосами праваго крыла.

И получалось бы какъ разъ то, чего хочется октябристамъ.

Но вотъ бѣда: послѣ голосованія всѣхъ отдѣльныхъ статей и поправокъ надо ставить на голосованье законопроектъ въ его цѣломъ.

Тогда лѣвые начнутъ голосовать противъ законопроекта, потому что для нихъ непріемлемы статьи, принятыя правымъ крыломъ, а правые тоже подадутъ голоса противъ законопроекта, ибо не могутъ согласиться со статьями, принятыми лѣвымъ крыломъ...

И вся октябристская махинація рушится!

Вести весь законопроектъ въ лѣвомъ вкусѣ, опираясь только на лѣвое крыло?.. но судьба такого законопроекта предрѣшена въ Государственномъ Совѣтѣ. Тамъ онъ провалится безнадежно.

Слѣдовательно, обойтись безъ правыхъ, безъ ихъ голосовъ оказывалось невозможнымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь шла не объ освободительной рекламѣ, а о проведеніи серьезной реформы въ жизнь, о превращеніи проекта преобразованья въ законъ.

Возможность голосовать вмѣстѣ съ лѣвыми дѣлала правыхъ господами положенья.

Вотъ почему октябристы и ихъ печать старались, съ

пѣною у рта, изобразить такія голосованья какъ нѣчто, чуть ли не позорящее правыхъ.

Напрасныя усилія...

Если бы между правыми и лѣвыми дѣйствительно образовался „блокъ", т. е. *соглашенье, договоръ*—это давало бы основанье для нареканій. Но вѣдь даже тотъ, кто кричалъ о „черно-красномъ блокѣ", отлично зналъ, что ни малѣйшаго соглашенья, договора нѣтъ, а есть нѣчто, совсѣмъ иное: *совпаденье*. Ни правыхъ, ни лѣвыхъ законопроектъ въ цѣломъ не удовлетворялъ. Естественно, что и тѣ, и другіе голосовали противъ него.

Наоборотъ, поведенье, „тактика" правыхъ тѣмъ и отличалась отъ тактики октябристовъ и націоналистовъ, что они, правые, ни въ какіе блоки, ни въ какія соглашенья [1]) ни съ кѣмъ не вступали. Такимъ образомъ имъ удалось сохранить полную независимость, самостоятельность, не отступить ни на іоту отъ своихъ принциповъ, своей программы и тѣмъ не менѣе занять чрезвычайно вліятельное положеніе въ серьезныхъ думскихъ голосованьяхъ, хотя по своей численности правые составляли немногимъ больше одной девятой части всего думскаго состава.

Значенью думскихъ правыхъ способствовало и то обстоятельство, что имъ удалось вступить въ довольно тѣсныя сношенья съ правою группою Государственнаго Совѣта и такимъ образомъ создать взаимную освѣдомленность, а въ будущемъ—возможность совмѣстныхъ, согласованныхъ дѣйствій.

Было образовано общее бюро, куда вошли три члена Думы: А. С. Вязигинъ, графъ А. А. Бобринской, Г. Г. Замысловскій и три члена Совѣта: А. С. Стишинскій, князь А. Н. Лобановъ-Ростовскій и М. Я. Говоруха-Отрокъ. Предсѣдателемъ бюро былъ избранъ членъ Государственнаго Совѣта князь А. А. Ширинскій-Шахматовъ.

Кромѣ засѣданій бюро, были и совмѣстныя засѣданья членовъ правой группы Государственнаго Совѣта съ членами фракціи правыхъ Государственной Думы.

---

[1]) Единственное исключенье: выборы, въ первыя засѣданья первой сессіи, предсѣдателя Думы, товарищей предсѣтедаля, секретаря и товарищей секретаря. Объ этомъ ниже.

Никакой другой политической партіи устроить такое единеніе между членами Думы и Совѣта не удалось. Излишне распространяться, насколько оно было важно.

Наконецъ, для учета силъ имѣли нѣкоторое значенье и органы печати. Въ этомъ отношеніи положенье правыхъ было сначала очень незавиднымъ. Не говоря уже о лѣвыхъ жидовскихъ изданьяхъ, даже такая газета, какъ „Новое Время", относилась къ правымъ враждебно. Въ ея думскихъ отчетахъ рѣчи правыхъ подвергались такому „сокращенью", что пріобрѣтали совершенно не тотъ смыслъ, который имѣли въ дѣйствительности.

Впечатлѣнье создавалось явно и умышленно превратное. Разсѣять его правые, не располагая своей газетой въ Петербургѣ, не имѣли никакой возможности.

Только къ третьему году думской жизни, лѣтомъ 1909 г., удалось создать газету „Земщина", которая, до конца думскихъ полномочій, и давала вѣрное, всестороннее освѣщенье дѣятельности правыхъ въ третьей Государственной Думѣ.

Глава II.

Задачи и цѣли.

Безотрадная картина развернулась передъ правыми, когда они, 1 ноября 1907 года, вступили въ третью Государственную Думу.

Изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ поступилъ рядъ законопроектовъ, гдѣ, подъ флагомъ „свободы совѣсти" затѣвалось явное униженье православія.

Крупное преобразованье, предположенное Министерствомъ Юстиціи, реформа мѣстнаго суда, была построена на полномъ уничтоженіи суда народнаго, близкаго деревнѣ. Этой реформѣ сопутствовала цѣлая серія явно освободительныхъ преобразованій: „объ условномъ осужденіи", „о введеніи защиты на предварительномъ слѣдствіи", „объ измѣненіи порядка преданья суду".

Во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенья стояли фонъ Кауфманъ и Герасимовъ. Оберъ-прокуроромъ былъ Извольскій. Главноуправляющимъ землеудѣліемъ и землеустройствомъ—князь Васильчиковъ. Государственнымъ контролеромъ—Философовъ. Министромъ Торговли—Шиповъ.

Ни о какомъ національномъ движеніи и помину не было.

При такихъ весьма тягостныхъ условіяхъ отношенье правыхъ и къ многимъ, внесеннымъ въ Думу крупнымъ законопроектамъ, и къ большинству представителей правительства, должно было, неизбѣжно, стать отрицательнымъ.

Напречь всѣ усилія, чтобы эти вредные законопроекты не сдѣлались законами, чтобы эту опасную дѣятельность нѣкоторыхъ видныхъ носителей власти освѣтить надлежащимъ образомъ—такова была первая задача правыхъ.

Они немедленно внесли запросъ о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ Министра Народнаго Просвѣщенія. Впрочемъ къ 1 января 1908 г. фонъ Кауфманъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Герасимовъ оставили свои посты.

Сейчасъ вслѣдъ затѣмъ, тоже въ первую же сессію, (осень 1907—весна 1908 г.) правые внесли запросъ о финляндскихъ безобразіяхъ, о подготовкѣ тамъ вооруженнаго возстанія, о „воймѣ", о „красной гвардіи".

Значенье запроса было огромное. Онъ послужилъ поворотнымъ пунктомъ въ отношеньяхъ русскаго правительства къ финляндской окраинѣ.

Но правые не только критиковали. Они энергично поддерживали тѣ начинанья правительства, которыя соотвѣтствовали ихъ взглядамъ, ихъ убѣжденьямъ: въ ту же первую сессію былъ заслушанъ весьма важный и крупный по количеству ассигнованій законопроектъ о постройкѣ амурской желѣзной дороги, вызвавшій самыя яростныя нападки лѣваго крыла.

Сознавая огромное значенье дороги и для русскаго переселенья и для государственной обороны нашихъ дальне-восточныхъ владѣній, подробно развивъ эту точку зрѣнья въ рѣчахъ В. М. Пуришкевича и Н. Е. Маркова, правые дали самый рѣшительный отпоръ хитросплетеньямъ, шедшимъ слѣва, и, составивъ вмѣстѣ съ октябристами большинство, одобрили законопроектъ.

Таково же было отношеніе правыхъ къ законопроекту, занявшему большую часть второй сессіи (осень 1908 г.—весна 1909 г.)—о выходѣ изъ общины.

Хотя реформа эта, въ видѣ „закона временнаго" была уже введена въ дѣйствіе правительствомъ съ 9-го ноября 1906 года, помимо Думы, по 87 статьѣ Зак. Осн., тѣмъ не

менѣе закрѣпить столь важное преобразованіе, превратить „временную мѣру“ въ постоянный законъ, одобренный Государственною Думою, Государственнымъ Совѣтомъ и удостоившійся Высочайшаго утвержденія—имѣло крупное государственное значенье и было достигнуто въ значительной мѣрѣ голосами правыхъ.

Въ ту же вторую сессію правымъ удалось весьма успѣшно использовать предоставленный членамъ Думы законодательный починъ, законодательную иниціативу. Правыми былъ выработанъ проектъ вознагражденья, на особыхъ, льготныхъ и широкихъ основаніяхъ, усиленными пенсіями и пособіями тѣхъ, кто пострадалъ отъ террористическихъ актовъ.

Какъ ни старалось лѣвое крыло, сколько ни распинался Маклаковъ, это законодательное предположеніе правыхъ, тщательно разработанное ихъ трудами въ комиссіи, столь важное и принципіально и практически, было одобрено Думою и, послѣ Высочайшаго утвержденія 18 марта 1909 года, сдѣлалось закономъ „о пенсіяхъ и пособіяхъ въ память Царя-Освободителя и Мученика“ [1]).

Закончилась вторая сессія обсужденіемъ возмутительнѣйшаго законопроекта о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданья въ другое, гдѣ цѣлый рядъ правыхъ ораторовъ, въ сильныхъ рѣчахъ, выступилъ на защиту православія.

Законопроектъ былъ принятъ большинствомъ, составившимся изъ октябристовъ и лѣваго крыла, но все-таки силы закона, какъ увидимъ ниже, не получилъ.

Третья сессія (осень 1909 г.—весна 1910 г.) ушла, главнымъ образомъ, на реформу мѣстнаго суда, проведенную октябристами опять при помощи лѣваго крыла въ видѣ, совершенно непріемлемомъ для правыхъ.

Однако все то, на чемъ настаивали правые, было выдвинуто затѣмъ Государственнымъ Совѣтомъ въ качествѣ условій, безъ которыхъ онъ будетъ принужденъ отклонить преобразованье цѣликомъ, и передъ истеченьемъ думскихъ полномочій, боясь придти къ избирателямъ съ пустыми ру-

---

[1]) Желательно, чтобы противники правыхъ указали, въ чемъ проявился законодательный починъ, законодательная иниціатива другихъ политическихъ партій Думы и какія проявленія этого почина сдѣлались закономъ? Намъ таковыя неизвѣстны.

ками, прижатые къ стѣнѣ, октябристы согласились на всѣ тѣ требованья, выставленныя первоначально правыми, о которыхъ раньше „руководящій центръ“ и слышать не хотѣлъ.

Законопроектъ, принятый въ третью сессію *голосами октябристовъ и лѣваго крыла противъ правыхъ*, былъ черезъ два года, въ пятую сессію, послѣ коренной переработки въ Государственномъ Совѣтѣ, одобренъ *октябристами и правыми противъ лѣвыхъ*.

Въ такомъ видѣ онъ удостоился Высочайшаго утвержденья 15 іюня 1912 г.

Закончилась третья сессія большою побѣдою правыхъ: принятіемъ законопроекта „о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ общегосударственнаго значенья“. Всякимъ разговорамъ о какой то особой финляндской государственности былъ положенъ конецъ.

Въ четвертую сессію (осень 1910 г.—весна 1911 г.) октябристы, вмѣстѣ съ лѣвымъ крыломъ, провели большіе законопроекты „о начальномъ образованіи“, „о волостномъ самоуправленіи“, „о бюджетныхъ правилахъ“.

Всѣ три реформы были для правыхъ совершенно неприемлемы, ибо подъ красивыми, благозвучными названьями скрывали весьма неприглядную сущность.

Реформа школьная, упразднявшая школу церковно-приходскую, клонилась, по убѣжденью правыхъ, къ постепенному устраненью церкви отъ учительства.

Реформа самоуправленья стремилась создать мелкую земскую единицу, враждебную, оппозиціонную правительству и хорошо вооруженную для борьбы съ нимъ.

Реформа бюджетныхъ правилъ была направлена къ умаленью правъ Монарха и къ полному подчиненью правительства Думѣ, къ тому, чтобы, по образцу западныхъ конституціонныхъ странъ, ввести, путемъ бюджетнаго пресса, чистѣйшій парламентаризмъ.

Противъ этихъ затѣй, наполнившихъ почти всю четвертую сессію, правые возражали самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Ни одна изъ нихъ, какъ извѣстно, закономъ не сдѣлалась.

Въ пятую сессію (осень 1911—весна 1912 г.) Дума добралась, наконецъ, до столь непріятныхъ октябристамъ рабочихъ

законопроектовъ. Свои старанья угодить крупнымъ капиталистамъ думскій центръ довелъ до того, что противодѣйствовалъ такимъ начинаньямъ правительства, которыя шли на встрѣчу справедливѣйшимъ и весьма скромнымъ домоганьямъ рабочихъ. Такимъ образомъ, правительственные проекты рабочаго страхованья, представляющіе, несомнѣнно, крупный шагъ впередъ, были поддержаны главнымъ образомъ правыми: октябристы тормозили и искажали реформу, какъ могли. Лѣвое крыло, кромѣ соціалъ-демократовъ, было, правда „принципіально" за проекты, но вносило въ нихъ такія „поправки", такія измѣненія, которыя дѣлали все преобразованье непріемлемымъ для правительства.

Послѣ того, какъ октябристскія попытки встрѣтили отпоръ со стороны правыхъ и лѣвыхъ, а „поправки" лѣваго крыла были отклонены голосами правыхъ и октябристовъ, рабочіе законопроекты, одобренные Государственною Думою и Совѣтомъ, удостоились Высочайшаго утвержденія.

Удалось правому крылу провести въ пятую сессію и законопроектъ о выдѣленіи Холмщины. Хотя прошелъ онъ въ крайне искаженномъ видѣ, изуродованный октябристскими „поправками", все же, даже при такихъ условіяхъ, это—существенный успѣхъ. Самое провозглашеніе Думою принципа, приводящаго въ бѣшенство поляковъ, что губерніи бывшаго Царства Польскаго никакой особой единицы, никакой политической территоріи болѣе не представляютъ—имѣетъ значенье.

Таковъ краткій и сжатый перечень главныхъ вопросовъ, главныхъ реформъ, разсмотрѣнныхъ Государственною Думою третьяго созыва съ 1907 по 1912 г., за пять лѣтъ ея существованія.

Реформы эти, каждую отдѣльно, въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ мы разсмотримъ болѣе подробно, пока же, приведя ихъ перечень по сессіямъ, въ хронологическомъ порядкѣ, намъ хотѣлось дать лишь общую картину для отвѣта на общій же вопросъ: *что дѣлали правые въ третьей Думѣ, какъ они относились къ думской работѣ?*

Первое обвиненье, которое бросаютъ правымъ ихъ политическіе враги, это упрекъ въ томъ, что правые, отрицая самую идею Думы, явились въ Думу лишь для того, чтобы

„взрывать ее изнутри", чтобы „помѣшать плодотворности думскихъ трудовъ".

Лживость такого извѣта совершенно очевидна.

Необходимость единенія Царя съ народомъ всегда проповѣдывалась правыми. Слѣдовательно, Государственная Дума, русская по духу, призванная по слову царскому помогать Царю въ дѣлѣ государственнаго строительства—вполнѣ соотвѣтствуетъ, по своей идеѣ, убѣжденьямъ правыхъ.

Насколько, однако, эта идея осуществилась въ третьей Государственной Думѣ—это, разумѣется, вопросъ иной.

Была ли третья Дума русской по духу?

Нѣтъ, не была. Русская по духу Дума не стала бы вести походъ противъ православія, не стала бы большинствомъ голосовъ высказываться за разсмотрѣнье въ комиссіи думскаго предположенья объ отмѣнѣ черты еврейской осѣдлости—вмѣсто полнаго и немедленнаго отверженья такой затѣи.

Старалась ли третья Дума быть доброй и вѣрной помощницей Царю?

Нѣтъ. Ея большинство все время ухищрялось изобразить дѣло такъ, будто бы Дума не помощница Царю, а соперница, будто бы верховная государственная власть раздѣлилась; часть ея осталась у Царя, а часть перешла къ Думѣ, почему, молъ, и Царь болѣе уже не Самодержецъ.

Вотъ къ *такой* Думѣ правые относились, конечно, отрицательно. Они говорили: *идея* хороша, но *осуществленье* ея плохо. Дума пусть остается, но *избирательный законъ* долженъ быть измѣненъ. Не вдаваясь пока въ подробный разборъ его недостатковъ, укажемъ, напримѣръ, что, по убѣжденью правыхъ, *іудеи должны быть совершенно лишены избирательныхъ правъ*, между тѣмъ, по дѣйствующему избирательному закону, эти права предоставлены имъ безъ всякихъ ограниченій, въ томъ же объемѣ, какъ и коренному русскому населенью.

Правда, въ третьей Думѣ оказалось только два іудея, но зато сколько людей, работающихъ на іудеевъ, было проведено въ Думу іудейскими голосами.

Въ такомъ именно смыслѣ и высказывались въ Думѣ ораторы правыхъ. Пусть ихъ противники укажутъ хоть одну думскую рѣчь, гдѣ бы правые отрицали идею Думы. Наобо-

роть, можно указать нѣсколько рѣчей, гдѣ правые эту идею признавали [1]), но третьей Думѣ, ея руководителямъ давали въ то же время оцѣнку по заслугамъ.

Идею русской Государственной Думы отрицаютъ тѣ, кто законъ 3 іюня 1907 г. называютъ „государственнымъ переворотомъ".

Клеветою является и утвержденье, будто правые „взрывали Думу изнутри", „мѣшали ея плодотворнымъ трудамъ".

Только что приведенный перечень наиболѣе крупныхъ законопроектовъ, разсмотрѣнныхъ Думою, наглядно показываетъ, что дѣятельность правыхъ была вполнѣ государственною.

Дѣйствительно, оказывается, что изъ всѣхъ крупныхъ реформъ, разсмотрѣнныхъ Думою, силу закона получили именно тѣ и только тѣ, которыя прошли голосами правыхъ. Наоборотъ, ни одна крупная реформа, принятая Думою вопреки голосамъ правыхъ, закономъ не сдѣлалась.

Законопроектъ объ Амурской дорогѣ, о выходѣ изъ общины, о Финляндіи, о Холмщинѣ, при прохожденіи ихъ въ Думѣ, поддерживались правыми по мѣрѣ силъ. Всѣ эти реформы получили силу закона.

Законопроекты о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, о „начальномъ образованьи", о волостномъ самоуправленіи, о новыхъ бюджетныхъ правилахъ—вызвали самыя рѣшительныя возраженья справа. Ни одна изъ этихъ затѣй закономъ не сдѣлалась.

Тоже самое, какъ будетъ видно изъ послѣдующихъ главъ, наблюдалось и въ отношеніи многочисленныхъ реформъ второстепенной важности.

Какъ характерно, далѣе, прохожденье реформы о мѣстномъ судѣ. Октябристы, хотя и поздно, но должны были придти къ убѣжденью, что реформа эта можетъ сдѣлаться закономъ лишь въ томъ случаѣ, если будутъ приняты измѣненья, на которыхъ съ самаго начала настаивали правые. И центръ въ 1912 году дружно голосовалъ за принятіе того, о чемъ онъ и слышать не хотѣлъ въ 1910 году.

Наконецъ, весьма важные законопроекты о страхованіи

---

[1]) См. главу о Самодержавіи, а также, напримѣръ, Стеногр. отчетъ, сессія 2, ч. Ш, стр. 2593 и слѣд.

рабочихъ, удостоившіеся Высочайшаго утвержденья 23 іюня 1912 г., прошли именно въ томъ видѣ, какъ хотѣли правые. Ни домоганья центра, ни домоганья лѣваго крыла успѣха не имѣли.

Послѣ всѣхъ этихъ чисто фактическихъ справокъ нельзя отрицать, что дѣятельность правыхъ въ третьей Государственной Думѣ была серьезной, творческой и строго-продуманной.

О какомъ же „взрывѣ изнутри" можетъ быть рѣчь, когда изъ всѣхъ реформъ, возникшихъ по думскому почину и сдѣлавшихся закономъ, первое и чуть ли не единственное мѣсто принадлежитъ закону „о пенсіяхъ и пособіяхъ въ память Царя Освободителя и Мученика", закону, выдвинутому и разработанному правыми!

Государственной, трезвой законодательной работѣ правые никогда и ни въ чемъ не мѣшали, но они всегда давали рѣшительный отпоръ, всегда тщательно, неукоснительно разоблачали попытки нашихъ парламентаріевъ расширить исподтишка свои права захватнымъ путемъ за счетъ самодержавной власти, протащить незамѣтно, подъ нейтральнымъ флагомъ контрабандный грузъ, прикрыть громкимъ, „популярнымъ" заглавіемъ весьма неприглядную сущность.

Вотъ тутъ правые „мѣшали". Они, напримѣръ указывали, что подъ красивымъ заглавіемъ „всеобщее обученье" проводится затѣя устранить церковь отъ учительства, что лозунгами о „свободѣ совѣсти" стараются воспользоваться для униженья православія, что цѣлый рядъ хитрыхъ бюджетныхъ махинацій предпринимается вовсе не ради какихъ либо экономическихъ или финансовыхъ цѣлей, а исключительно для насажденья „парламентаризма": для того, чтобы завинчиваньемъ бюджетнаго пресса покорить себѣ правительство подъ нози.

Этотъ отпоръ, эти разоблаченья, подкрѣпленные документальными, неопровержимыми доказательствами, имѣли, несомнѣнно, большое значенье. Опыты захватнаго права, открытыя попытки превращенья Думы въ конституціонный парламентъ повторялись съ каждымъ годомъ все рѣже и рѣже, становились все мельче и мельче.

Въ концѣ концовъ—и именно вслѣдствіе отпора, постоянно даваемаго правыми—всѣ эти широковѣщательные

призывы нашихъ парламентаріевъ „къ народному суду съ этой высокой трибуны, завоеванной народомъ“—выродились въ пошлѣйшее кривлянье, въ буффонаду, вызывавшую только веселый смѣхъ. А закулисныя хитросплетенья обезвреживались вытягиваньемъ ихъ на дневной свѣтъ. Открывались понемногу глаза и у благонамѣренной части русскаго общества, и у нѣкоторыхъ представителей власти. Наконецъ, расчищалась почва для нанесенья рѣшительныхъ ударовъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Если бы дѣятельность правыхъ была не серьезной, ошибочной и не опасной для ихъ политическихъ враговъ, то враги эти не проявляли бы такой жгучей ненависти, не удѣляли бы столько времени и мѣста нападкамъ на правыхъ, не измышляли бы чуть ли не ежедневно противъ нихъ все новую и новую клевету.

Глава III.

Ходъ думской жизни.

Открытіе третьей Государственной Думы, 1-го ноября 1907 года, прошло съ большимъ одушевленьемъ, съ патріотическимъ подъемомъ.

Послѣ молебна, члены Думы нѣсколько разъ пропѣли гимнъ, покрытый мощнымъ „ура“, выслушали стоя царскій указъ, еще разъ кричали „ура“ и, по соглашенью центра съ правымъ крыломъ, тогда еще не раздѣлившимся, избрали въ предсѣдатели Думы и младшіе его товарищи двухъ октябристовъ, намѣченныхъ ихъ фракціею—Хомякова и барона Мейендорфа, а старшимъ товарищемъ предсѣдателя, секретаремъ и старшимъ товарищемъ секретаря намѣченныхъ правымъ крыломъ князя В. М. Волконскаго, Созоновича и Замысловскаго. Впослѣдствіи князь Волконскій отошелъ къ умѣренно-правымъ, а Созоновичъ и Замысловскій остались среди правыхъ.

Но патріотическаго подъема хватило у октябристовъ не надолго. 13 ноября 1907 года начались въ Думѣ пренія о текстѣ адреса, подносимаго Думою Государю, и октябристы, соединясь съ лѣвымъ крыломъ, „отвергли Самодержавіе“—

не захотѣли, вопреки настояньямъ правыхъ, включить въ текстъ адреса упоминанье о царскомъ самодержавіи [1]).

Послѣ такого шага, для правыхъ стало ясно, что ни о какомъ дѣйствительномъ соглашеніи съ октябристами не можетъ быть рѣчи.

Создавшееся положенье очень вѣрно схвачено въ одной изъ передовыхъ статей праваго журнала „Прямой Путь" [2]).

„Соглашеніе съ правыми... Да, скажемъ прямо, когда при торжественномъ пѣніи гимна и при несмолкавшихъ крикахъ „ура", открывалась Государственная Дума третьяго созыва, мы вѣрили, что такое соглашенье осуществится, и были убѣждены, что именно оно является прочнымъ залогомъ и непремѣннымъ условіемъ успѣшной, плодотворной дѣятельности Думы.—Для насъ было несомнѣнно, что только при наличности такого соглашенія—хорошаго, искренняго, вызваннаго національнымъ воодушевленіемъ и патріотическимъ подъемомъ, третья Дума можетъ сказать новое слово, можетъ внести живительную, здоровую струю въ тяжелую обстановку русской жизни.

Что требовалось для такого соглашенья отъ октябристовъ? Имъ говорили: „будьте себѣ на здоровье „руководящей партіей", выбирайте изъ своей среды предсѣдателя Думы, облеченнаго высокимъ правомъ непосредственнаго доклада у Государя, но только—никакихъ посягательствъ, никакихъ вылазокъ противъ власти Самодержавнаго Царя и противъ господствующей Православной Церкви;—въ этихъ двухъ пунктахъ не можетъ быть компромиссовъ, не можетъ быть уступокъ ни на шагъ, ни на іоту.

Если бы въ началѣ, когда только что собралась третья Дума, этотъ вопросъ былъ поставленъ октябристамъ ребромъ, открыто, прямолинейно и если бы они вдумались глубоко и внимательно въ послѣдствія, могущія произойти отъ отрицательнаго отвѣта, мы увѣрены, что соглашенье осуществилось бы, а небольшая группа лѣвыхъ октябристовъ или ушла бы къ кадетамъ и прогрессистамъ, или подчинилась бы, затая злобу, большинству своей партіи. Но въ томъ-то и бѣда, что именно эта группа, несмотря на свою малочисленность, задавала въ партіи тонъ, отчасти потому, что къ ней принадлежали столичные октябристы—наиболѣе вліятельные, отчасти потому, что сюда попали какъ разъ люди хитрые, ловкіе, видавшіе виды, а такіе—въ особенности на первыхъ порахъ—всегда заберутъ верхъ надъ добродушнымъ, покладистымъ большинствомъ. Сыграла тутъ, конечно, роль пе-

[1]) Пренія по адресу разобраны подробно въ главѣ о Самодержавіи.

[2]) Май 1909 г., № 2.

тербургская пресса, да и вообще все петербургское болото, пасквозь пропитанное микробами кадетизма и дѣйствующее на провинціала угнетающимъ образомъ.

Такъ или иначе, но уже то обстоятельство, что октябристы на должности предсѣдателя Думы и его товарища намѣтили чуть ли не самыхъ лѣвыхъ членовъ своей партіи,— Хомякова и барона Мейендорфа,—было предзнаменованьемъ, не сулившимъ ничего хорошаго".

Вліянье Хомякова на дальнѣйшее полѣвѣнье октябристовъ не замедлило сказаться. Прежде всего оно выразилось въ совершенно неподобающемъ положеніи, которое, вслѣдствіе попустительства со стороны Хомякова, заняла думская пресса.

О ней весьма любопытныя свѣдѣнія находимъ въ слѣдующей передовой статьѣ того-же „Прямого Пути“ (1909, № 3).

„Третья Дума застала эту прессу въ такъ называемой „верхней ложѣ“, на хорахъ, куда г. корреспонденты проходили особымъ ходомъ, неимѣющимъ сообщенія съ помѣщеніями, предназначенными для членовъ Думы. Такой порядокъ былъ установленъ особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 23-го октября 1907 г. Но лишь только Хомяковъ былъ избранъ предсѣдателемъ, какъ первымъ его дѣйствіемъ было упорно настаивать передъ правительствомъ, чтобы часть прессы перевести въ нижнюю ложу—а для того, чтобы въ нее попасть, необходимо проходить черезъ помѣщенія, отведенныя для членовъ Думы. Любопытны были мотивы ходатайства:—бѣдные журналисты горько жаловались, что въ верхней ложѣ имъ плохо слышно... Въ Думѣ вообще акустика неудовлетворительная, потому весьма вѣроятно, что такое заявленіе было справедливо, хотя верхняя ложа и находится противъ ораторской трибуны. Несомнѣнно, однако, что въ нижней ложѣ, расположенной на краю зала, сбоку —слышно ни на волосъ не лучше, чѣмъ въ верхней.—Умыселъ же тутъ былъ совсѣмъ иной—попасть „въ кулуары“, войти въ близкія и постоянныя сношенія съ членами Думы —и этого не могъ не знать Хомяковъ. Если бы предсѣдатель Думы ставилъ на первый планъ интересы своихъ сочленовъ, интересы Думы, онъ бы, конечно, замѣчанія г. журналистовъ отклонилъ и тѣмъ навлекъ бы ихъ гнѣвъ. Но, какъ и всѣ лѣвые октябристы, Хомяковъ ставилъ на первый планъ *свою* популярность, немыслимую безъ содѣйствія прессы, а потому сталъ распинаться, чтобы ея ходатайства были всемѣрно удовлетворены. И, дѣйствительно, новымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, отъ 21 ноября 1907 г., въ нижнюю ложу было допущено 18 журналистовъ, коимъ предоставлено *проходить* туда черезъ кулуары, „имѣя на себѣ

особо установленный знакъ". Съ этого момента началась сущая вакханалія—господа журналисты, на три четверти—евреи, вмѣсто того, чтобы „проходить" въ предназначенную имъ ложу, стали торчать въ отведенныхъ для членовъ Думы помѣщеніяхъ безъисходно, стали приставать къ депутатамъ, прямо не давая имъ прохода, распространять всякіе гадкіе слухи, сплетни, не брезгая подслушиваньемъ. Октябристовъ, обнаруживавшихъ „начатки сознательности"—хвалили и поощряли; октябристовъ, проявлявшихъ „безсознательность"—травили, сколько могли; среди крестьянъ вели совершенно открытую агитацію; „особо установленныхъ значковъ" не носилъ никто. Зато въ цѣломъ рядѣ газетъ были заведены особые отдѣлы: „изъ кулуаровъ" и построчная плата обильно потекла въ карманы завѣдующихъ этими отдѣлами; господа же репортеры говорили совершенно открыто: „насъ отъ газеты двое—онъ ведетъ отчетъ о засѣданіи, а я—кулуары". Постороннему человѣку трудно себѣ представить, какой огромный вредъ былъ причиненъ правильному теченію думской жизни всѣмъ этимъ безобразіемъ, создавшимся исключительно вслѣдствіе попустительства Хомякова, „популярность" коего зато росла не по днямъ, а по часамъ. Число „кулуарныхъ" журналистовъ стало множиться такъ, какъ не множится даже чисто еврейское населеніе, а чтобы не быть голословными,—мы сошлемся на Думскій справочникъ за 1909 годъ—весьма изящную книжку, составленную приставскою частью Гос. Думы, т. е. органомъ, прямо подчиненнымъ ея предсѣдателю. Тамъ, на страницѣ 160-й, значится: „представители печати въ Гос. Думѣ. Нижняя ложа"—и далѣе слѣдуетъ *54* различныхъ фамиліи. Итакъ, по Высочайшему повелѣнію въ нижнюю ложу можно пускать лишь восемнадцать журналистовъ, а по распоряженію г. предсѣдателя—не восемнадцать, а *пятьдесятъ четыре*. Но этого мало. Господа журналисты имѣютъ широкій доступъ не только въ нижнюю ложу, столь остроумно названную „чертой думской еврейской осѣдлости", но и въ кабинетъ „всѣми уважаемаго Николая Алексѣевича", который на „интервью" не скупится. Приведемъ для „иллюстраціи одинъ образчикъ изъ „Новаго Времени": „никакой опредѣленной программы у крайнихъ правыхъ нѣтъ; я глубоко убѣжденъ, что о Россіи ровно никто изъ этихъ господъ не думаетъ. Я вижу во всемъ этомъ только интригу, голую интригу".

На такое развязное заявленіе предсѣдателя Думы, высказанное по поводу столь нашумѣвшаго вопроса о морскихъ штатахъ, отозвался „членъ Гос. Совѣта", который, между прочимъ, печатно заявилъ: „разъ ищутъ все интригъ, то не обратитъ-ли Н. А. Хомяковъ вниманіе на интригу, лично противъ него направленную? За мѣсяцъ до слушанія дѣла о штатахъ въ Гос. Совѣтѣ, между его членами *систе-*

матически началъ распускаться слухъ, будто-бы предсѣдатель Думы удостоился услыхать въ Царскомъ Селѣ указанія, что тамъ ничего не имѣютъ противъ утвержденія штатовъ морского генеральнаго штаба, черезъ законодательныя учрежденія [1]). Сообщившій это „членъ Гос. Совѣта“ писалъ далѣе, что онъ назоветъ свою фамилію немедленно, какъ только Хомяковъ подтвердитъ, что вышеприведенное интервью не есть фантазія репортера.

На это въ такомъ „почтенномъ“ органѣ, какъ „Биржевыя Вѣдомости“, было пропечатано жирнымъ шрифтомъ слѣдующее: „предсѣдатель Думы *уполномочилъ* насъ сообщить: „въ виду того, что письмо члена Гос. Совѣта не подписано, я по существу письма высказываться не могу“.

Кто-же тотъ удостоенный высокаго довѣрія корреспондентъ, котораго „уполномачиваетъ“ самъ предсѣдатель Гос. Думы? Открываемъ „Справочникъ“ и читаемъ: Александръ Лазаревичъ Стембо;—а къ этому добавимъ, уже не изъ Справочника, а отъ себя: г. Стембо привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго въ принадлежности къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и дѣло о немъ не окончено и по сіе время [2]), о чемъ предсѣдателю Думы прекрасно извѣстно, потому что, когда, осенью 1908 г., Стембо былъ по этому обвиненію временно взятъ подъ стражу, то онъ осаждалъ предсѣдателя Думы просьбами выхлопотать ему освобожденье. Но предсѣдатель Думы не только даетъ г. Стембо уполномочіе, но сообщаетъ даже о томъ, какъ его, предсѣдателя, принималъ Государь Императоръ въ Царскомъ Селѣ, о томъ, что во время пріема говорилось... Многочисленные читатели столь распространенной въ Петербургѣ двухкопеечной Биржевки не откажутся это засвидѣтельствовать...

Какъ извѣстно, члены правой фракціи Гос. Думы перестали подавать Хомякову руку. Но забудемъ на минуту о правыхъ, о лѣвыхъ, объ октябристахъ, а зададимся лишь общимъ вопросомъ: при наличности фактовъ, нами разобранныхъ, удовлетворяетъ-ли теперешній предсѣдатель Гос. Думы самымъ скромнымъ требованіямъ, которыя въ правѣ предъявить ему Россія?“

---

[1]) Значенье законопроекта о штатахъ морского генеральнаго штаба разобрано въ главѣ о самодержавіи. По мнѣнію оставшихся при голосованіи въ меньшинствѣ правыхъ, законопроектъ этотъ не подлежалъ вѣдѣнью Государственной Думы и Совѣта. Принятый названными учрежденьями, онъ не былъ, однако, утвержденъ Государемъ.

[2]) Въ принадлежности къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ іудей Стембо былъ въ концѣ концовъ оправданъ, но черезъ очень непродолжительное время обвиненъ въ оклеветаніи члена Думы Гололобова, а нынѣ снова арестованъ по политическому дѣлу и сидитъ въ Крестахъ.

Полная неудовлетворительность Хомякова повліяла на думскую жизнь самымъ удручающимъ образомъ и заставила правыхъ принести на дѣйствія предсѣдателя рядъ строго обоснованныхъ протестовъ. Нѣкоторые изъ нихъ считаемъ не лишнимъ воспроизвести, какъ весьма цѣнный, но, къ сожалѣнію, малоизвѣстный матеріалъ для выясненья тѣхъ условій, въ которыхъ правымъ приходилось работать въ третьей Гос. Думѣ.

„Въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ 25-мъ засѣданіи Гос. Думы 3 декабря 1908 г.: 1) члены Гос. Думы Кузнецовъ и Розановъ неоднократно называли фамиліи должностныхъ лицъ тюремнаго вѣдомства, а также одного изъ губернаторовъ, совершившихъ, по ихъ мнѣнію, тѣ или иныя незакономѣрныя дѣйствія. Останавливать въ этихъ случаяхъ членовъ Думы Кузнецова и Розанова г. предсѣдатель не считалъ нужнымъ, хотя указаніе фамилій должностныхъ лицъ могло имѣть въ данномъ случаѣ роковыя для нихъ послѣдствія, хотя въ томъ же самомъ засѣданіи г. предсѣдатель запретилъ члену Думы Пуришкевичу называть имена должностныхъ лицъ, поступавшихъ, по мнѣнію Пуришкевича, неправильно, не взирая на то, что Пуришкевичъ былъ вызванъ къ тому словами г. Министра Юстиціи. 2) Тотъ же Кузнецовъ позволилъ себѣ читать съ каѳедры не имѣющія никакого отношенія къ дѣлу, неизвѣстнаго происхожденія, письма, въ которыхъ начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія г. Курловъ называется „негодяемъ и мерзавцемъ". Г. предсѣдатель не счелъ нужнымъ остановить Кузнецова, несмотря даже на то, что г. Курловъ, дававшій объясненія о томъ законопроектѣ, по поводу котораго говорилъ Кузнецовъ, присутствовалъ въ залѣ засѣданія. 3) Тотъ же Розановъ, говоря о тюремныхъ сидѣльцахъ, сказалъ, что „у нихъ есть честь, которой у васъ нѣтъ"; при этомъ Розановъ обратился къ членамъ Думы, занимающимъ правыя скамьи. Даже на эти слова г. предсѣдатель не счелъ нужнымъ реагировать и только послѣ поднявшагося въ залѣ засѣданія шума предложилъ Розанову взять свои слова обратно. Тогда Розановъ къ первому оскорбленію присоединилъ второе,—онъ сказалъ, что слова его относились не ко всѣмъ членамъ Думы, а лишь къ нѣкоторымъ; послѣ чего г. предсѣдатель не только не встрѣтилъ препятствій допустить Розанова къ продолженію рѣчи, но даже нашелъ такое его объясненіе удовлетворительнымъ. Помимо явно пристрастнаго отношенія, проявленнаго г. предсѣдателемъ, онъ нарушилъ 115 ст. Наказа, согласно коей оскорбительныя рѣчи въ Думѣ недопустимы. О таковомъ нарушеніи мы и вносимъ настоящій протестъ".

„Въ 90 засѣданіи Гос. Думы, 8 апрѣля 1909 г. были открыты пренія по земской смѣтѣ Минской губ. и первый изъ трехъ записавшихся ораторовъ, членъ Думы Свѣнцицкій, произнесъ рѣчь, въ коей убѣждалъ сократить ассигнованіе ея на церковно-приходскія школы, для каковой цѣли вернуть смѣту въ комиссію. Послѣ Свѣнцицкаго на каѳедру былъ допущенъ предсѣдателемъ Думы, вмѣсто очереднаго оратора, члена Думы от. Юрашкевича, предсѣдатель финансовой комиссіи Лерхе, который сталъ поддерживать словесное предложеніе Свѣнцицкаго о томъ, чтобы смѣту вернуть въ комиссію для новаго обсужденія. Тогда предсѣдатель прервалъ дальнѣйшее теченіе преній и, не допустивъ на каѳедру ораторовъ, желавшихъ говорить по существу вопроса, поставилъ на баллотировку словесное предложеніе о возвращеніи смѣты въ комиссію, что и было принято большинствомъ Думы.

Такое зажиманіе рта лицамъ, желавшимъ отстаивать ассигнованія на церковно-приходскія школы и дать отпоръ польскимъ вожделѣніямъ, представляется не только явленіемъ чрезвычайно тягостнымъ по существу, но и явно незаконнымъ, въ виду точнаго смысла § 92 Наказа: „для пріостановленія преній по данному предмету и перехода къ иному, необходимо опредѣленное предложеніе объ этомъ, *подписанное 30 членами*, и соотвѣтственное постановленіе Думы, принимаемое съ выслушаніемъ одного оратора за и одного противъ предложенія". Такого предложенія въ данномъ случаѣ не было; высказаться кому либо противъ предложенія также не было предоставлено—а потому о дѣйствіяхъ предсѣдателя, нарушившаго Наказъ, мы и вносимъ настоящій *протестъ*.

„Въ засѣданіи 26 октября 1909 г. предсѣдателемъ Гос. Думы, Н. А. Хомяковымъ, вопреки § 143 Наказа, былъ допущенъ рядъ рѣчей, переполненныхъ „оскорбительными, рѣзкими и, вообще, несовмѣстными съ достоинствомъ Гос. Думы выраженіями". Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей не имѣли прямого отношенія къ разсматриваемому законопроекту, нося всецѣло характеръ личныхъ выпадовъ противъ представителей православнаго духовенства, причемъ даже такая наглость, какъ наименованіе всѣми нами глубоко почитаемаго, преосвященнаго Митрофана, епископа Гомельскаго, „забывшимся клирикомъ", произнесшимъ, яко бы, „проповѣдь, клокочущую злобой и ненавистью" и „забывшимъ все", не вызвала никакого замѣчанія со стороны г. предсѣдателя.

При такихъ тягостныхъ условіяхъ члены Гос. Думы, принадлежащіе къ православному духовенству, не могутъ не чувствовать себя крайне стѣсненными при выполненіи отвѣтственныхъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ Самодержавной Волей, наравнѣ съ другими выборными отъ на-

селенія, пользующимися „полною свободою сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы“ (ст. 14 Учр. Гос. Думы).

Такое явное пристрастіе г. предсѣдателя является, по нашему убѣжденію, одной изъ главныхъ помѣхъ для плодотворной и мирной работы Гос. Думы, создаетъ покровительство опредѣленнымъ партійнымъ вожделѣніямъ, направленнымъ противъ св. Православной Церкви и ея достойныхъ пастырей, а потому роняетъ значеніе Думы въ глазахъ всей Россіи, вѣрной завѣтамъ родной старины.

На основаніи вышеизложеннаго, мы подаемъ протестъ противъ нарушенія Наказа тѣмъ, кто долженъ быть его главнымъ блюстителемъ“.

„При произнесеніи членомъ Гос. Думы Замысловскимъ во время засѣданія 26 октября 1909 г. чисто дѣловой рѣчи, г. предсѣдатель Гос. Думы, Н. А. Хомяковъ, не принялъ никакихъ мѣръ для поддержанія порядка и прекращенія шума, мѣшавшаго говорить оратору, и личныхъ выпадовъ противъ него, раздававшихся съ мѣстъ, хотя согласно § 141 Наказа „личныя обращенія членовъ Госуд. Думы другъ къ другу воспрещаются“, а „рѣчи произносятся съ трибуны“ (§ 139).

Мало того, когда на вопросъ Гегечкори, обращенный къ Замысловскому съ мѣста: „бывшій кадетъ, что вы скажете?“— членъ Государственной Думы Замысловскій, выведенный изъ равновѣсія непрерывнымъ шумомъ и возгласами, отвѣтилъ: „я скажу, что вы лжете“, то тотчасъ г. предсѣдатель сдѣлалъ замѣчаніе Замысловскому, призвавъ его къ порядку.

Усмотрѣвъ, очевидно, въ этомъ поощреніе своему непристойному поведенію, членъ Государственной Думы Гегечкори на основаніи „пущенной съ мѣста реплики“ попросилъ и получилъ отъ г. предсѣдателя разрѣшеніе дать объясненіе по личному вопросу, хотя г. Гегечкори не былъ названъ по имени.

Такимъ образомъ задѣваніе личности и явное нарушеніе Наказа (§ 143) создало для Гегечкори возможность, благодаря явному пристрастію предсѣдателя, усугубить свой личный выпадъ и снова нарушить Наказъ. Г. предсѣдатель не замедлилъ, однако, воспользоваться его указаніями, дабы не разрѣшить лично задѣтому члену Думы Замысловскому принести объясненія по поводу обвиненій, выдвинутыхъ противъ него безъ всякаго отношенія къ разсматриваемому Думою вопросу.

Признавая, что мы пришли въ Думу для совмѣстной работы, а не для сведенія и возбужденія личныхъ счетовъ, мы протестуемъ противъ систематическаго нарушенія Наказа г. предсѣдателемъ Думы, который забываетъ свою главнѣйшую обязанность—безпристрастіе и тѣмъ мѣшаетъ установленію добрыхъ думскихъ нравовъ“.

„Уже неоднократно съ каѳедры Государственной Думы произносились рѣчи, заключавшія въ себѣ по отношенію къ Высочайшему манифесту 3 іюня 1907 г. совершенно недопустимыя выраженія. Такъ какъ подобныя выходки не встрѣчали должнаго отпора со стороны г. предсѣдателя Госуд. Думы, то въ вечернемъ засѣданіи 2 декабря 1909 г. членъ Госуд. Думы Чхеидзе нашелъ возможнымъ сказать нижеслѣдующее: „Но тѣмъ не менѣе я полагаю, что люди, которые рукоплескали закону 3 іюня, которые сидятъ здѣсь, благодаря именно этому закону, не думаю, чтобы эти люди не были солидарны съ тѣмъ министромъ, который первую скрипку игралъ въ величайшемъ преступленіи, переворотѣ 3 іюня". Мы полагаемъ, что предсѣдатель Госуд. Думы, не остановившій и не призвавшій къ порядку оратора, позволившаго себѣ назвать Высочайшій манифестъ „величайшимъ преступленіемъ",—не исполнилъ своей обязанности, возложенной на него закономъ. Въ виду изложеннаго мы считаемъ необходимымъ внести настоящій нашъ протестъ на дѣйствія г. предсѣдателя".

„Въ утреннемъ засѣданіи 4 декабря 1909 года членъ Госуд. Думы Березовскій 2 былъ остановленъ г. предсѣдателемъ при нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ: когда Березовскій 2 употребилъ въ своей рѣчи слово „жиды",—Милюковъ съ мѣста замѣтилъ: „нельзя ли такъ не выражаться". Предсѣдатель тотчасъ же обратился къ Березовскому 2 съ замѣчаніемъ: „только, пожалуйста, оскорбительныхъ словъ не говорите. Вы говорите по серьезному вопросу, не на митингѣ, а отъ такихъ словъ только страсти разгораются". Въ силу § 125 „Наказа" руководство засѣданіемъ возложено не на г. Милюкова, а на предсѣдателя. Та же статья запрещаетъ говорить безъ разрѣшенія предсѣдателя. Слѣдовательно, замѣчаніе долженъ былъ получить г. Милюковъ, а не Березовскій 2. Помимо этого нарушенія Наказа, мы не можемъ оставить безъ протеста запрещеніе употреблять слово „жидъ". Оно вошло въ словарь русскаго языка издавна, извѣстно народу по славянскому переводу Св. Писанія, оно встрѣчается въ сочиненіяхъ лучшихъ нашихъ писателей, являющихся гордостью и украшеніемъ нашей литературы, каковы, напр., Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій и др. Мы находимъ, что г. предсѣдатель, угождая лѣвымъ и слѣдуя указаніямъ г. Милюкова, заходитъ слишкомъ далеко въ стремленіи исключить изъ русскаго обиходнаго и литературнаго языка одно изъ самыхъ употребительныхъ выраженій, а потому, протестуемъ и противъ такой угодливости г. предсѣдателя" [1]).

[1]) Послѣ этого протеста предсѣдатель и Милюковскіе единомышленники не смогли уже помѣшать словамъ „жидъ" и „жидовскій" сдѣлаться „парламентарными" выраженіями, тѣмъ болѣе, что и въ Сводѣ Законовъ многократно встрѣчается слово „жидъ".

„Г. предсѣдатель Госуд. Думы, неоднократно обнаруживавшій явно пристрастное отношеніе при произнесеніи рѣчей ораторами разныхъ партій, въ засѣданіи Государственной Думы, отъ 2-го марта 1910 г. нарушилъ всѣ общепринятыя правила руководства собраніемъ. Онъ не только превратнымъ толкованіемъ Основныхъ Законовъ покрылъ совершенно незаконное выступленіе оратора „оппозиціи", члена Государственной Думы Милюкова, но и проявилъ недопустимую нетерпимость къ вполнѣ законнымъ выступленіямъ оратора правыхъ, члена Государственной Думы Пуришкевича. Когда членъ Государственной Думы Милюковъ въ своей рѣчи позволилъ себѣ критиковать общее направленіе международной политики и давалъ указанія о необходимости вступать Россійскому государству въ соглашеніе съ тѣми или иными странами, докладчикъ бюджетной комиссіи, членъ Государственной Думы Крупенскій указалъ на нарушеніе Основныхъ Законовъ допущеніемъ въ Государственной Думѣ подобнаго рода сужденій, такъ какъ направленіе международной политики на основаніи ст. 12 Зак. Осн. всецѣло опредѣляется Государемъ Императоромъ. При этомъ выступленіи членъ Госуд. Думы Крупенскій былъ остановленъ предсѣдателемъ съ указаніемъ, что въ рѣчи члена Госуд. Думы Милюкова не было сказано ни единаго слова въ нарушеніе прерогативъ Монарха. Съ другой же стороны, когда членъ Госуд. Думы Пуришкевичъ критиковалъ назначеніе посланникомъ въ Христіанію Крупенскаго, предсѣдатель остановилъ оратора, не допуская критики назначенія посланниковъ, такъ какъ „посланники назначаются Государемъ Императоромъ въ качествѣ Его представителей".

Лишь несокрушимая энергія г. предсѣдателя, не допускающаго никакого обсужденія его изреченій, не позволила оратору выяснить, какъ незнакомство г. предсѣдателя съ общеизвѣстными нормами международнаго права, такъ и превратное толкованіе имъ дѣйствующихъ законовъ. По международному праву посланники являются не представителями Государя, а представителями правительства; представителями же Государя могутъ быть только послы. Это общеизвѣстное правило международнаго права, основанное на ст. 2 Вѣнскаго регламента, подтверждено и дѣйствующимъ законодательствомъ, а именно, на основаніи ст. 827 Учр. Мин.: „одни послы почитаются представителями Особы Его Императорскаго Величества".

Въ виду, такимъ образомъ, явнаго нарушенія г. предсѣдателемъ обязанности безпристрастнаго отношенія къ выступленіямъ ораторовъ разныхъ партій и безусловнаго извращенія имъ смысла законовъ, мы, нижеподписавшіеся, заявляемъ протестъ противъ его дѣйствій.

„Въ засѣданіи 3 марта 1910 г., когда г. Министръ На-

роднаго Просвѣщенія вышелъ на каѳедру для произнесенія рѣчи, часть членовъ Государ. Думы, занимающая лѣвыя скамьи, подняла шумъ и, съ цѣлью помѣшать г. Министру говорить, начала кричать: „перерывъ“. Вмѣсто того, чтобы прекратить безпорядокъ, который лишалъ г. Министра возможности осуществить то право, которое предоставлено ему ст. 40 Учр. Гос. Думы, предсѣдатель пошелъ навстрѣчу явно незаконнымъ выходкамъ слѣва и, объявивъ перерывъ, въ нарушеніе ст. 40 Учр. Гос. Думы, воспрепятствовалъ г. Министру, немедленно обратиться къ Думѣ съ тѣмъ заявленіемъ, которое г. Министръ считалъ нужнымъ сдѣлать.

Въ виду того, что неумѣлое несеніе г. предсѣдателемъ его отвѣтственныхъ обязанностей причиняетъ постоянно вредъ ходу дѣловыхъ занятій Госуд. Думы и осложняетъ положенье дѣлъ, внося пристрастіе и произволъ, мы, нижеподписавшіеся, вносимъ настоящій протестъ“.

Черезъ три дня послѣ этого протеста, 6 марта 1910 г., Хомяковъ сложилъ, наконецъ, съ себя званіе предсѣдателя Госуд. Думы и погрузился въ политическое небытіе. Однако, вредъ онъ уже успѣлъ принести огромный. Уваженье къ предсѣдателю, предсѣдательскій авторитетъ пали совершенно. Предѣлы дозволеннаго и недозволеннаго, границы того, что можно говорить съ думской каѳедры и чего нельзя —были стерты совершенно. Прочно внѣдрилось полное отсутствіе порядка и какой либо планомѣрности въ ходѣ работъ

Впрочемъ, въ послѣднемъ былъ виноватъ не только Хомяковъ, но и тотъ общій развалъ, который наступилъ въ „парламентской фракціи союза 17 октября“.

Объ этомъ развалѣ предоставимъ говорить самимъ октябристамъ.

Вотъ что, напримѣръ, заявилъ съ думской каѳедры 12 мая 1910 г. *лѣвый* октябристъ Клименко при обсужденіи законопроекта о введеніи земства въ шести западныхъ губерніяхъ.

„Въ воззваніи союза 17 октября, подписанномъ, начиная отъ гр. Гейдена и А. И. Гучкова и кончая М. В. Родзянко, говорится: „при широкомъ развитіи мѣстнаго самоуправленья на всемъ пространствѣ Имперіи, при прочно установленныхъ основныхъ элементахъ гражданской свободы, при участіи равно всѣхъ русскихъ гражданъ, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій, въ созданіи правительственной власти“.

Предложенный нашему разсмотрѣнью законопроектъ построенъ на другихъ началахъ—на принципѣ національныхъ

курій, и поэтому, такъ какъ онъ противорѣчитъ той партіи, къ которой я принадлежу, я буду голосовать противъ перехода къ постатейному чтенью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я приглашаю сдѣлать это и своихъ товарищей по центру. Страна съ горечью видитъ, что центръ не держится, не руководится твердыми принципами. Три года существуетъ третья Дума и три года намъ, ортодоксальнымъ октябристамъ, приходится терпѣть, подчиняться и поступаться своими принципами. Я считаю, что довольно, и въ будушемъ я буду руководиться только программой союза" [1]).

Итакъ, *лѣвый* октябристъ Клименко удостовѣрилъ, что три года октябристы, вопреки своей программѣ, вопреки своимъ принципамъ, уклонялись слишкомъ *вправо*.

Однако, *правый* октябристъ, Гололобовъ, съ не меньшею убѣдительностью доказалъ обратное,—что октябристы, за этотъ самый періодъ времени въ нарушенье своихъ принциповъ, ушли *влѣво*.

Выдержки изъ его думской рѣчи по этому поводу тѣмъ болѣе интересны, что онъ ссылается на того же самаго М. В. Родзянку, на котораго ссылался и Клименко.

28 апрѣля 1910 г. (т. е. всего за двѣ недѣли до рѣчи Клименко) Гололобовъ съ думской каѳедры заявилъ:

„Я помню, когда въ залѣ городской думы г. Екатеринослава тысяча народа собралась провожать насъ, избранныхъ депутатовъ, и когда намъ говорили: „поработайте, чтобы сохранить устои Россіи и народной жизни", то М. В. Родзянко, предсѣдатель нашей партіи, какъ прямой потомокъ запорожцевъ, имъ сказалъ: „не гнется казацкая сила, есть еще порохъ въ пороховницахъ".

Онъ этимъ вызвалъ и восторгъ, и умиленье.

Мы пріѣхали работать отъ души, и что же мы встрѣтили здѣсь?

Мы встрѣтили компромиссы, вилянье и такъ и этакъ, политиканство, и въ теченіе трехъ лѣтъ все это идетъ и вотъ къ чему мы пришли.

Вотъ я недавно Родзянкѣ говорю: „ну что же, остался порохъ въ пороховницѣ?"

— Онъ говоритъ: „трохи мабуть е" (т. е. немного, пожалуй, есть).

— „Да вѣдь"—говорю я—„отсырѣлъ!"

— „Отсырѣлъ";—говоритъ.

---

[1]) Стенограф. отчеты. Сессія 3. Ч. IV, стр. 1229.

Если я, г.г., обращаюсь къ вамъ, то не заподозрите меня въ какомъ нибудь желанiи сказать непрiятность именно здѣсь сидящимъ. Нѣтъ. Я говорю къ партiи, ко всѣмъ.

Я говорю: не томите избирателя, считайтесь съ нимъ.

Я допускаю, что вы можете сосчитаться.

Сосчитайтесь, но не обсчитывайте его (*справа рукоплесканiя и голоса: браво*).

Покажите весь вашъ товаръ!

Не надо никого—простите за выраженье—„*морочить*".

Я недавно получилъ изъ Москвы, отъ одного виднаго октябриста, который не мало потрудился надъ созданьемъ московскаго центральнаго комитета, пространное письмо по поводу послѣднихъ событiй, въ которомъ онъ пишетъ: „говорить правду октябристамъ все равно, что бросать о стѣну горохъ".

Вотъ оно что!

Это не мое мнѣнье. Надо помнить, что есть судъ исторiи, есть судъ общества, который и вынесетъ приговоръ. Я боюсь, что этотъ приговоръ будетъ слишкомъ суровъ.

Онъ выразится въ томъ, что „октябристъ" станетъ бранным словомъ".

Какъ извѣстно, рознь среди октябристовъ дошла до того, что еще въ маѣ 1909 г. А. И. Гучковъ сложилъ свое званье лидера, а видный октябристъ, баронъ Мейендорфъ заявилъ на фракцiонномъ засѣданiи: „нужны жертвы для очищенья атмосферы; нужны жертвы на алтарь возвращенья лидера".

Жертва, послѣ которой Гучковъ возвратился на лидерство, заключалась въ томъ, что октябристы должны были подаватъ записки съ именами лицъ, присутствiе которыхъ въ рядахъ фракцiи казалось подателю неудобнымъ. Получившiе свыше 30 записокъ должны были подвергнуться баллотировкѣ. Уклонившiеся отъ нея или не собравшiе большинства баллотировочныхъ голосовъ признавались выбывшими изъ фракцiи [1]).

Въ числѣ лицъ, намѣченныхъ такимъ образомъ къ ис-

---

[1]) Свѣдѣнiя заимствованы изъ брошюры А. С. Вязигина „Голобовскiй инцидентъ. Страничка изъ исторiи политическихъ партiй въ Россiи". Харьковъ. 1909.

ключенью, оказался Л. В. Половцевъ, состоявшій членомъ С.-Петербургскаго центральнаго комитета союза 17 октября!

Не дожидаясь окончательной баллотировки, онъ перешелъ къ умѣренно правымъ.

Вообще, вся эта исторія была затѣяна, повидимому, чтобы отдѣлаться отъ болѣе правыхъ членовъ фракціи, не желавшихъ пребывать въ слѣпомъ и безпрекословномъ повиновеніи Гучкову. Эта цѣль оказалась достигнутой: болѣе правые элементы ушли изъ „парламентской фракціи союза 17 октября" и образовали самостоятельную группу правыхъ октябристовъ, о которой было упомянуто въ первой главѣ.

Но гдѣ видано, чтобы такого ухода добивались закрытою баллотировкою лицъ, пребываніе которыхъ въ думской партіи „неудобно", причемъ, однако, за исключаемыми рѣшительно никакихъ предосудительныхъ поступковъ не числилось, да и не указывалось даже, за что ихъ собственно исключаютъ.

Однако, не взирая на всѣ внутреннія неурядицы и тренья „парламентская фракція союза 17 октября" старалась удержать за собою „руководящую" роль во что бы то ни стало. Пользуясь выгодами, которыя давало при голосованіяхъ центральное положенье, мѣсто „посрединѣ", октябристы предсѣдателями во всѣ безчисленныя думскія комиссіи проводили по возможности своихъ „софракціонеровъ" и притомъ преимущественно съ лѣвымъ уклономъ. Изъ 36 (!) думскихъ комиссій въ 27 предсѣдателями были октябристы.

Эта пропорція наглядно показываетъ, что при выборахъ руководились не познаніями, не дѣловымъ опытомъ и способностями избираемаго, а его политическими взглядами, партійною принадлежностью.

Такимъ образомъ, выборы въ предсѣдатели думскихъ комиссій проходили не на дѣловой, а на политической почвѣ.

А такъ какъ правыхъ октябристы считали своими политическими врагами, и притомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ, напримѣръ, кадековъ, то правыхъ пустили предсѣдателями лишь въ двѣ комиссіи и притомъ лишенныя какого либо политическаго значенья, „безпартійныя".

Епископъ Митрофанъ состоялъ предсѣдателемъ комиссіи о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ, а князь Урусовъ—комиссіи объ охотѣ.

И только...

Даже кадеки попали предсѣдателями въ комиссіи, политически болѣе важныя: Маклаковъ предсѣдательствовалъ въ комиссіи по наказу, Карауловъ въ комиссіи по старообрядческимъ вопросамъ.

Та же исторія была и съ выборомъ докладчиковъ, которыми выбирались преимущественно октябристы.

Итакъ, октябристскіе разговоры о томъ, что они пришли въ Думу для чисто дѣловой работы, чуждой политиканства, были только разговорами. Въ дѣйствительности, почти всѣ, возникавшіе въ Думѣ вопросы разсматривались октябристами главнымъ образомъ съ политической точки зрѣнья и въ цѣляхъ политиканства „руководящій центръ“ очень старательно, очень ревниво старался оттереть отъ подготовительной, комиссіонной работы,—казалось бы, чисто дѣловой—своихъ политическихъ противниковъ вообще, а правыхъ въ особенности.

Но такъ какъ среди самого центра не было ни склада ни лада, такъ какъ, въ добавокъ, и въ предсѣдатели Думы попалъ человѣкъ пристрастный, безтактный, дѣлавшій промахъ за промахомъ, не способный подняться выше уровня предсѣдателя захудалаго уѣзднаго земскаго собранія—то и создался такой хаосъ, такое „отсутствіе руководящихъ принциповъ“, на которые горько жаловались съ думской кафедры и правые и лѣвые октябристы.

При столь печальныхъ обстоятельствахъ, октябристы пошли на средство героическое. Сознавъ, что Хомяковъ, какъ предсѣдатель Думы, совершенно невозможенъ, они, встрѣтивъ весьма холодно его заявленье объ отставкѣ, немедленно выдвинули ему въ замѣстители самого Гучкова.

Такой стремительный и неожиданный переходъ „лидера руководящей фракціи“ въ предсѣдатели Думы, на должность, гдѣ, силою вещей, никакъ нельзя оставаться во главѣ партійной жизни, объяснялся „въ довольно освѣдомленныхъ правыхъ кругахъ“ такимъ образомъ: „это своего рода ва-банкъ, къ которому октябристы, однако, были вынуждены силой событій. Поднять престижъ третьей Думы сдѣлалось для октябристовъ необходимымъ, поднять его не только умѣлымъ веденьемъ засѣданій въ Думѣ, но, главнымъ образомъ, созданьемъ должнаго положенья внѣ Думы.—въ

этомъ они видѣли единственный якорь своего спасенья, и единственнымъ человѣкомъ, для этого пригоднымъ, считали Гучкова. Зато, если такого внѣдумскаго положенья Гучковъ не сумѣетъ создать,—игру октябристовъ должно считать безнадежно проигранною"[1]).

Послѣдующія событія показали, что оцѣнка момента была сдѣлана правыми кругами вѣрно.

Кандидатуру Гучкова усиленно поддерживали націоналисты. Мало того, ихъ „лидеры", Крупенскій и Потоцкій, были первыми и самыми ярыми глашатаями этой кандидатуры, изъ чего дѣлали выводъ о желательности ея для П. А. Столыпина.

Далѣе, Гучкова „поддержали прогрессисты, мусульмане—вѣроятно, какъ „истиннаго конституціоналиста" и поляки—конечно, по расчетамъ реальной политики. Изъ столь „компетентнаго" въ этомъ направленіи источника, какъ газета „Рѣчь", мы знаемъ, что въ польское коло являлся даже „видный представитель" октябристовъ, прося поддержать Гучкова. А для всякаго, знающаго хоть немного тактику польскаго коло въ третьей Думѣ, ясно, что поляки дали согласіе не прежде, чѣмъ получили таковое на одну изъ своихъ просьбъ, обращенныхъ къ октябристамъ"[2]).

Соціалъ домократы, трудовики и кадеки воздержались отъ голосованья.

Что касается правыхъ, то они единогласно постановили подать свои голоса противъ Гучкова. Согласно ихъ постановленью, Гучковъ, какъ политическій, дѣятель, проявилъ себя „противникомъ Православія, врагомъ Самодержавія. Онъ безразлично относится къ такимъ вопросамъ русской національности, которые дороги правымъ, вступая въ этой области въ недопустимые, съ точки зрѣнья правыхъ, компромиссы. Онъ дорожитъ интересами крупныхъ торгово-промышленныхъ классовъ, пренебрегая интересами русскаго дворянства, духовенства и крестьянства"[3]).

Если правые могли думать о соглашеніи съ октябристами въ день открытія третьей Думы, 1 ноября 1907 года,

---

1) „Московскія Вѣдомости". 16 Марта 1910 г., № 61. Думскіе очерки.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же.

если они могли отдать тогда свои голоса Хомякову, политическая физіономія котораго еще не успѣла обрисоваться, то теперь, въ мартѣ 1910 г., ни о чемъ подобномъ уже не могло быть рѣчи: походъ предводимыхъ Гучковымъ октябристовъ противъ Православія, вылазки противъ Самодержавія обрисовались слишкомъ ясно.

Однако, и Гучковъ въ новой роли предсѣдателя Думы не оправдалъ возлагавшихся на него октябристами надеждъ. Въ техническомъ отношеніи, въ смыслѣ управленья ходомъ засѣданья, онъ оказался не лучше Хомякова.

„Гучковъ—читаемъ мы въ Московскихъ Вѣдомостяхъ [1]) —занявъ предсѣдательскій постъ, ввелъ очень удобную и, повидимому, спокойную для предсѣдателя систему: позволять говорить о чемъ угодно и что угодно. Благодаря такому попустительству думская разнузданность стала быстро эволюціонировать. Въ началѣ дѣятельности третьей Думы Родичевъ за фразу о „столыпинскомъ галстухѣ“ былъ исключенъ на 15 засѣданій. Теперь Гегечкори заявляетъ, что Столыпинъ „приказчикъ и холопъ“—это не вызываетъ даже предсѣдательскаго замѣчанія“.

Правильность такого взгляда на предсѣдательствованье Гучкова подтверждается протестомъ, который, за большимъ количествомъ подписей былъ поданъ правыми уже 2 апрѣля 1910 г.—тогда какъ Гучковъ началъ нести предсѣдательскія обязанности всего лишь съ 12 марта 1910 года.

Въ протестѣ читаемъ:

„Господинъ предсѣдатель Государственной Думы въ своей вступительной рѣчи заявилъ, что свободу слова лучше толковать въ сторону ея расширенья, чѣмъ стѣсненія. Между тѣмъ, изъ нижеприведенныхъ, относящихся къ обсужденію запроса о нарушеніи статьи 96 Законовъ Основныхъ, фактовъ явствуетъ, что примѣненіе этого правила въ жизни г. предсѣдатель понимаетъ какъ расширеніе правъ только лѣвой стороны Государственной Думы и какъ нетерпимое стѣсненіе рѣчей правыхъ ораторовъ. Такъ, напримѣръ, въ засѣданіи Государственной Думы отъ 31 марта с. г. членъ Государственной Думы Покровскій 2-й не былъ остановленъ г. предсѣдателемъ за сравненіе правыхъ членовъ Государственнаго Совѣта съ „каркающими воронами“. Безучастно отнесся г. предсѣдатель и къ непозволительной выходкѣ члена Государственной Думы Милюкова, дерзновенно соче-

[1]) 10 марта 1911 г., № 56, Думскіе Очерки.

тавшаго имя Монарха съ „обществомъ убійцъ и погромщиковъ“. Не остановилъ г. предсѣдатель въ засѣданіи 26 марта и члена Думы Гегечкори, утверждавшаго, что новый государственный строй завоеванъ революціей“.

„Когда же членъ Государственной Думы Половцовъ, въ опроверженіе рѣчи члена Государственной Думы Гегечкори, исполняя свой вѣрноподданническій долгъ, доказывалъ, что современный государственный строй свободно дарованъ Самодержавной властью и никакихъ завоеваній революціонерами въ этомъ отношеніи совершено не было, г. предсѣдатель прервалъ оратора, признавая его рѣчь не относящейся къ вопросу. Находя подобное покровительство непозволительнымъ выходкамъ лѣвыхъ ораторовъ безусловно недопустимымъ, мы, нижеподписавшіеся, вмѣстѣ съ симъ протестуемъ противъ явнаго попранія свободы слова, проявленнаго г. предсѣдателемъ по отношенію къ оратору, охранявшему достоинство Верховной Власти, каковая обязанность была не исполнена г. предсѣдателемъ Думы“.

Вопреки установившейся практикѣ, протестъ этотъ не только не былъ приложенъ предсѣдателемъ къ стенографическимъ отчетамъ, но даже не былъ помѣщенъ въ думскомъ справочникѣ.

„Однако голосъ протеста, читаемъ мы въ „Прямомъ Пути“ (отъ 30 апрѣля 1910 г.) заглушить было не такъ то легко, и въ засѣданіи 2-го апрѣля Гучковъ оказался вынужденнымъ, заявляя о поданномъ правыми протестѣ, дать по нему соотвѣтствующее объясненіе. Собственно говоря, заявленіе это было преждевременно, ибо самый протестъ поданъ былъ въ концѣ утренняго засѣданья, а заявленіе свое г. Гучковъ сдѣлалъ въ началѣ его, основываясь на газетныхъ свѣдѣньяхъ и слухахъ. Самое же характерное въ этомъ объясненіи то, что, какъ оказывается по словамъ Гучкова, послѣдній сдѣлалъ замѣчаніе Милюкову за его неумѣстное упоминаніе Имени Государя Императора. Между тѣмъ, ни въ гектографированныхъ стенограммахъ, розданныхъ членамъ Думы, ни даже въ самыхъ лѣвыхъ газетныхъ отчетахъ, составляемыхъ, какъ извѣстно, скорѣе поклонниками Гучкова, чѣмъ его противниками, нигдѣ ничего не упоминается о подобномъ призывѣ къ порядку. Оказывается, такимъ образомъ, что Милюковъ былъ призванъ къ порядку такъ тихо, что, повидимому, ни самъ ораторъ, ни секретарь, ни докладчикъ, ни даже стенографистки этого замѣчанія не слыхали. Иначе говоря, будемъ говорить просто, никакого замѣчанія Милюкову не было сдѣлано, и сочинить подобную версію г. Гучковъ нашелъ необходимымъ, съ явной цѣлью во что бы то ни стало обѣлить себя послѣ совершеннаго имъ преступ-

наго промаха, въ качествѣ предсѣдателя Государственной Думы".

Правые, разумѣется, не удовлетворились объясненіями Гучкова и въ концѣ засѣданія подали новый протестъ, также не напечатанный ни въ приложеніи къ стенографическимъ отчетамъ, ни даже въ думскомъ справочномъ листкѣ.

Протестъ гласилъ:

„Въ засѣданіи 88-мъ Государственной Думы 2 апрѣля 1910 года, г. предсѣдатель сдѣлалъ внѣочередное заявленіе по поводу событій, происшедшихъ въ среду 31 марта. Согласно заявленію г. предсѣдателя въ этомъ засѣданіи членъ Государственной Думы Милюковъ въ своей рѣчи „неумѣстно упомянулъ имя Государя Императора, за что и былъ призванъ мною къ порядку".

Призывомъ къ порядку должно считать лишь такое замѣчаніе оратору, которое дѣлается гласно и вовсеуслышаніе, а не шопотомъ, по секрету. Между тѣмъ никто изъ насъ, нижеподписавшихся, такого призыва къ порядку не слыхалъ; въ подлинную стенограмму призывъ этотъ не занесенъ и ни въ одномъ изъ газетныхъ отчетовъ засѣданія не упомянутъ.

Предсѣдатель Государственной Думы счелъ необходимымъ заявить о своемъ замѣчаніи члену Государственной Думы Милюкову лишь сегодня, послѣ того, какъ въ газетахъ уже появился протестъ противъ „безучастнаго" поведенія г. предсѣдателя.

Независимо отъ сего мы находимъ, что допущенное Милюковымъ умышленное сочетаніе имени Государя Императора съ „обществомъ убійцъ и погромщиковъ", сочетаніе, именуемое г. предсѣдателемъ лишь „неумѣстнымъ", а нами признаваемое преступнымъ и наглымъ, должно было повлечь не простой призывъ къ порядку, а гораздо болѣе суровую мѣру дисциплинарнаго воздѣйствія.

Помимо оскорбленія Монарха не только въ присутствіи общаго собранія членовъ Думы, но и высшихъ представителей правительства, членъ Госуд. Думы Милюковъ, по признанію самого предсѣдателя, „бросилъ чрезвычайно тяжкое обвиненіе одной изъ политическихъ партій, находящейся внѣ стѣнъ Думы" (Союзу Русскаго Народа). На это тяжкое обвиненіе, предсѣдатель „не счелъ себя въ правѣ какимъ-либо образомъ реагировать"; „имѣя на то обвиненіе свой личный опредѣленный взглядъ", онъ находитъ, что „таковое не имѣло отношенія ни къ какой-либо парламентской фракціи, ни къ какимъ либо отдѣльнымъ членамъ Думы". Противъ этого обвиненія, говоритъ предсѣдатель, надлежало бороться „аргументами, а не бранью, послѣдовавшей съ правыхъ скамей".

По этому поводу мы считаемъ необходимымъ заявить, что:

1) Съ предсѣдательскаго мѣста надлежитъ руководить собраніемъ, а не говорить о личныхъ взглядахъ, хотя бы и „опредѣленныхъ";

2) что оскорбительныя слова Милюкова, вопреки утвержденію предсѣдателя, имѣли отношеніе къ отдѣльнымъ членамъ Государственной Думы, ибо цѣлый рядъ ихъ состоитъ членами Союза Русскаго Народа, о чемъ неоднократно во всеуслышаніе заявлялось съ думской каѳедры, и предсѣдатель не могъ не знать объ этомъ, равно какъ и о томъ, что сидѣвшій тогда рядомъ съ нимъ товарищъ предсѣдателя Государственной Думы, князь Волконскій, до своего избранія въ члены Думы, состоялъ товарищемъ предсѣдателя одного изъ отдѣловъ Союза Русскаго Народа. Указаніе же на то, что въ Думѣ нѣтъ парламентской фракціи Союза Русскаго Народа явно несообразно, ибо дѣленіе на фракціи не признано ни закономъ, ни думскимъ Наказомъ; мысль-же, будто политическія партіи, „находящіяся внѣ стѣнъ Думы" только въ силу этого обстоятельства можно оскорблять,—едва ли соотвѣтствуетъ доброму намѣренію г. предсѣдателя насаждать въ Думѣ „культурные парламентскіе нравы";

3) наконецъ, именованіе послѣднихъ словъ Милюкова „обвиненіемъ" мы также не можемъ оставить безъ возраженія: не говоря уже о томъ, что членъ Госуд. Думы Милюковъ, съ цѣлями явно провокаціонными, невозбранно говорилъ о предметахъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго отношенія къ разсматриваемому Госуд. Думой вопросу, послѣднія слова его и по формѣ представляли не „обвиненіе", а совершенно недопустимую брань, на которую невозможно отвѣчать какими-бы то ни было аргументами.

На основаніи вышеизложеннаго мы подаемъ этотъ протестъ противъ неправильныхъ дѣйствій предсѣдателя".

Что касается внѣ думскаго положенья октябристовъ, то оно, съ избраньемъ Гучкова въ предсѣдатели, стало не укрѣпляться, а еще болѣе расшатываться и къ январю 1911 г. назрѣло открытое ихъ столкновенье съ П. А. Столыпинымъ. Разсматривался законопроектъ о канализаціи С.-Петербурга. Думская комиссія, послѣ долгаго спора и торга съ правительствомъ, желавшимъ сначала для себя гораздо большихъ полномочій, остановилась на компромиссномъ рѣшеніи: дѣло канализаціи будетъ находиться въ рукахъ города, но если онъ начнетъ тянуть работу такъ, что пропуститъ опредѣленные въ законѣ сроки, то все дальнѣйшее сооруженье переходитъ въ руки правительства.

Въ общемъ собраніи Думы Предсѣдатель Совѣта Министровъ выступилъ съ очень рѣзкою, властною рѣчью, требуя гарантій, чтобы Петербургъ не захлебывался въ нечистотахъ. „Я не хочу, я не желаю оставаться долѣе безвольнымъ и безсильнымъ свидѣтелемъ вымиранья низовъ петербургскаго населенья—говорилъ глава правительства—я хочу не надѣяться, я хочу навѣрное знать, что при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ черезъ 15 лѣтъ въ столицѣ русскаго Царя будетъ, наконецъ, чистая вода“.

До сихъ поръ, П. А. Столыпинъ выступалъ въ Думѣ лично только тогда, когда, по предварительному изслѣдованью, за его мнѣніемъ стояло вполнѣ опредѣленное большинство.

Казалось, оно было обезпечено и на этотъ разъ, но, какъ разъ послѣ его рѣчи, начались со стороны лѣвыхъ октябристовъ усиленныя нападки на законопроектъ, который де, „въ высшей степени неудаченъ, ибо сугубо подчеркиваетъ антагонизмъ между правительствомъ и общественнымъ самоуправленьемъ“.

Въ результатѣ частью октябристовъ была внесена „поправка“, сводившая на нѣтъ все то, на чемъ настаивалъ Столыпинъ. При голосованіи вставаньемъ и сидѣньемъ октябристы раскололись, причемъ Гучковъ былъ въ числѣ поддерживавшихъ поправку, а при провѣркѣ голосованья выходомъ въ двери за поправку оказалось 131, противъ 130. Голосъ Гучкова, какъ предсѣдателя, сдѣлался рѣшающимъ. Онъ воздержался отъ голосованья и поправка была принята.

Руководимые Гучковымъ октябристы первый разъ *провалили* Столыпина, именно послѣ того, какъ онъ, видимо не ожидая провала, высказался особенно рѣшительно и опредѣленно. Чтобы не упустить случая, столь чувствительнаго для личнаго самолюбія и авторитета главы правительства, дѣятели, пришедшіе въ Думу, по ихъ словамъ, только ради дѣловой работы, не постѣснялись тѣмъ, что точка зрѣнья, отстаиваемая П. А. Столыпинымъ, была въ данномъ случаѣ не только дѣловой, но и вполнѣ государственной.

Въ разрывѣ П. А. Столыпина съ октябристами и, въ особенности, съ Гучковымъ больше нельзя было сомнѣваться.

При такихъ условіяхъ наступили въ мартѣ 1911 года

бурныя событія по поводу введенья земства въ шести западныхъ губерніяхъ.

Соотвѣтствующій законопроектъ былъ Госуд. Совѣтомъ 11 марта 1911 г. отклоненъ.

12 марта занятія Госуд. Совѣта и Госуд. Думы были прерваны Высочайшимъ Указомъ до 15 марта.

14 марта былъ изданъ Высочайшій Указъ о введеніи земства въ шести западныхъ губерніяхъ въ порядкѣ 87 ст. Осн. Зак.

Мѣры эти вызвали сильнѣйшее возбужденіе среди членовъ и той и другой законодательной палаты. Огромное большинство ихъ, хотя и по совершенно различнымъ основаньямъ, сходились въ осужденіи П. А. Столыпина. Запросы о незакономѣрности его дѣйствій были приняты и въ Гос. Совѣтѣ, и въ Госуд. Думѣ громаднымъ перевѣсомъ голосовъ.

Заниматься здѣсь подробнымъ обсужденьемъ всего весьма сложнаго конфликта не входитъ въ нашу задачу, для насъ пока важно лишь отмѣтить, какъ онъ отразился на ходѣ думской жизни: Гучковъ, которому предстояло отбывать наказаніе за дуэль съ гр. А. А. Уваровымъ, ухватился за представившійся ему случай „сдѣлать парламентскій жестъ“—сложилъ съ себя званье предсѣдателя и взялъ отпускъ до конца сессіи. На предсѣдательское мѣсто былъ избранъ Родзянко, представитель правыхъ теченій октябризма.

Когда вслѣдъ затѣмъ, осенью 1911 г., Дума снова собралась послѣ лѣтняго перерыва, П. А. Столыпина уже не было въ живыхъ. Отношенья различныхъ думскихъ партій къ новому главѣ правительства, В. Н. Коковцову, оставались, до самаго окончанья думскихъ полномочій, не достаточно выяснившимися, мало опредѣленными, но было несомнѣнно, что значенье октябристовъ и въ особенности Гучкова продолжало идти на убыль.

Приведенный крайне сжатый, но по возможности фактическій обзоръ даетъ право на слѣдующіе, вполнѣ обоснованные выводы: правые пришли въ третью Госуд. Думу съ самыми миролюбивыми въ отношеніи октябристовъ намѣреньями, не для войны съ „центромъ“, а по возможности, для совмѣстной съ нимъ работы. Свое миролюбіе и желанье совмѣстно работать правые немедленно доказали своимъ со-

глашеньемъ съ октябристами о выборѣ членовъ думскаго „совѣщанья“, такъ называемаго „президіума“.

Чѣмъ отвѣтили октябристы правымъ?

Они въ пятомъ же засѣданіи Думы, 13 ноября 1907 г., съ демонстративнымъ подчеркиваньемъ „отвергли самодержавіе“ и тѣмъ, очевидно, сдѣлали дальнѣйшія сношенья свои съ правыми невозможными.

Они, голосами правыхъ, выбрали въ предсѣдатели человѣка, явно правымъ враждебнаго, который сейчасъ же напустилъ въ помѣщенье Думы жидовъ, и принялся дѣлать все, отъ него зависѣвшее, чтобы стѣснить правыхъ, дискредитировать, выставить въ невыгодномъ свѣтѣ, позволяя себѣ въ „интервью“ высказывать чудовищное „убѣжденье“, что все поведенье правыхъ есть „голая интрига“ и что „о Россіи ровно никто изъ нихъ не думаетъ“.

Наконецъ, октябристы, только что использовавъ нужные имъ при открытіи Думы голоса правыхъ для выборовъ членовъ „совѣщанья“, „президіума“, сразу же вслѣдъ затѣмъ приняли всѣ мѣры, чтобы оттереть правыхъ отъ подготовительной, комиссіонной работы, не допуская ихъ ни въ докладчики по крупнымъ, серьезнымъ законопроектамъ, ни въ предсѣдатели думскихъ комиссій. Проведя туда благодаря преимуществу въ голосованьяхъ, подавляющее большинство своихъ сочленовъ, октябристы затѣмъ постарались изобразить это обстоятельство, какъ особую дѣловитость и трудоспособность октябристовъ, будто бы отсутствовавшую у ихъ противниковъ.

Такимъ образомъ, военныя дѣйствія были открыты не правыми, но октябристами.

Каковы же оказались послѣдствія?

Пристрастіе, бестактность и неумѣлость выдвинутаго изъ среды октябристовъ предсѣдателя, Н. А. Хомякова, были доказаны правыми столь очевидно и наглядно, что Хомяковъ принужденъ былъ отъ предсѣдательства отказаться.

Отсутствіе опредѣленнаго, основаннаго на длительномъ соглашеніи большинства и внутреннія тренія, внутренній развалъ, ссоры и перекоры въ нѣдрахъ „парламентской фракціи союза 17 октября“—привели къ отсутствію *плана* работъ, къ невозможности установить систему, очередь, правильную постепенность въ прохожденіи необходимыхъ и

назрѣвшихъ реформъ. Вмѣсто планомѣрности воцарился хаосъ, безпорядокъ, суетливая безтолковщина: подъ вліяньемъ момента брались за одно; не окончивъ, бросали, чтобы приняться за другое, потомъ хватались за третье—и возникающій изъ такой „законодательной чехарды“ сумбуръ сваливали съ больной головы на здоровую, старались объяснить „происками враговъ представительнаго строя“.

„Послѣднее средство“, чтобы „спасти положенье“—занятіе предсѣдательскаго поста Гучковымъ—не привело ни къ чему.

Хаосъ остался прежній, а отношенья октябристовъ къ правительству дошли до открытаго разрыва съ П. А. Столыпинымъ.

Въ „поправѣніи“ Столыпина, въ обнаруженіи истинныхъ вожделѣній Гучкова и въ паденіи его престижа правые, несомнѣнно, сыграли значительную роль.

П. А. Столыпинъ и его „кабинетъ“ въ 1907 г., когда открылась третья Дума и въ 1911 г., когда Предсѣдатель Совѣта Министровъ палъ, сраженный злодѣйскою пулею Богрова,—представляютъ разницу громадную.

Не меньше разницы было между первымъ предсѣдателемъ третьей Думы, Хомяковымъ, и М. В. Родзянкою, котораго, послѣ ухода Гучкова, принуждены были, силою событій, выдвинуть на предсѣдательскій постъ октябристы, несмотря на крайнее недовольство своихъ лѣвыхъ сочленовъ.

Заслуги правыхъ въ наступившемъ „поправѣніи“ отрицать невозможно.

Малая плодотворность работъ третьей Думы обусловлена именно тѣмъ, что „поправѣнье“ это начало сказываться, къ сожалѣнью, слишкомъ поздно.

Глава IV.

Православіе.

Походъ противъ православія былъ начатъ лѣвымъ крыломъ и октябристами съ первыхъ же дней дѣятельности третьей Думы и систематически, упорно продолжался до самаго послѣдняго дня, до весьма знаменательнаго въ этомъ вопросѣ 9 іюня 1912 года.

Нападенья производились въ различныхъ направленьяхъ и въ весьма разнообразныхъ формахъ: въ очень грубыхъ, доходящихъ до прямой брани у лѣвыхъ, и въ утонченныхъ, скрытыхъ, но тѣмъ болѣе опасныхъ у представителей центра.

Если обратиться къ дѣятельности французскихъ масоновъ и руководимой ими „Лиги образованія", то мы увидимъ въ ихъ пріемахъ, въ ихъ способахъ разрушенья церкви поразительное совпаденье съ попытками нашихъ парламентаріевъ. Разница лишь въ силѣ, въ томъ, что у насъ эти попытки были своевременно разоблачены и, по возможности, пресѣчены противодѣйствіемъ правыхъ.

Какъ извѣстно, во Франціи масонство вначалѣ лицемѣрно заявляло, что оно чрезвычайно уважаетъ господствующую религію и готово всемѣрно ее поддерживать, но, во-первыхъ, провозглашаетъ „полную свободу совѣсти", а во-вторыхъ, объявляетъ войну „клерикализму".

„Полная свобода совѣсти" сейчасъ же превратилась въ совершенную безнаказанность, широчайшую возможность для враговъ церкви говорить и дѣлать противъ нея все, что угодно.

А „война съ клерикализмомъ" привела воюющихъ къ требованью, чтобы „духовенство шло къ своимъ алтарямъ", чтобы оно „молилось и только молилось"—отсюда вытекаетъ устраненье духовенства отъ всякой государственной и общественной дѣятельности, мало того, даже отъ учительства, то есть полное ослабленье его, лишенье всякаго значенья и вліянья.

Между тѣмъ лозунги „полная свобода совѣсти", „борьба съ клерикализмомъ" звучатъ въ интеллигентныхъ ушахъ такъ заманчиво, красиво, такъ пригодны, чтобы обмануть простыхъ, довѣрчивыхъ людей.

Когда почва оказалась достаточно подготовленной и обманъ больше ненужнымъ, тогда церкви была объявлена уже открытая, рѣшительная и безпощадная война съ полнымъ изгнаніемъ духовенства изъ школъ, съ закрытіемъ монастырей и захватомъ ихъ достоянія.

Первые шаги нашихъ парламентаріевъ въ третьей Думѣ заключались тоже въ попыткѣ, расчистивъ дорогу всему, направленному къ разрушенію православной церкви, прикрыть эту попытку ссылкою на „свободу совѣсти".

Справедливость требуетъ сказать, что имъ чрезвычайно благопріятствовало само правительство, которое, превратно понявъ Высочайшій Указъ 17 апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости, выработало по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, нѣсколько вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ, чрезвычайно вредныхъ для православія.

Октябристы, при помощи лѣваго крыла, немедленно принялись за самый важный изъ нихъ, „о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданья въ другое" и правительственный текстъ, который уже въ первоначальномъ своемъ видѣ признавался правыми непріемлемымъ, „переработали" возмутительнѣйшимъ образомъ, продолжая, однако, утверждать, что осуществляютъ предначертанія Высочайшаго Указа 17 апрѣля.

Описанье того, какъ законопроектъ этотъ проходилъ въ общемъ собраніи Думы заимствованно нами, съ небольшими лишь измѣненіями, изъ брошюры „Не посягайте на православіе" [1]):

Съ 22 мая по 1-го іюня 1909 года въ Государственной Думѣ 3-го созыва происходило обсужденіе законопроекта о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое.

Выдвинутъ былъ этотъ законопроектъ октябристами и лѣвыми съ величайшею поспѣшностью, какъ разъ въ то время, когда православная Русь собиралась торжественно чествовать открытіе мощей Святой Анны Кашинской.

Что касается правыхъ, то они возстали противъ законопроекта рѣзко и рѣшительно. Убѣжденно, горячо ихъ ораторы раскрыли весь вредъ, весь ужасъ того, что собиралась дѣлать Дума.

Когда затѣмъ наступило голосованье, предсѣдатель правыхъ, профессоръ Андрей Сергѣевичъ Вязигинъ, заявилъ отъ ихъ имени слѣдующее: „Признавая разсматриваемый законопроектъ: 1) недостаточно обоснованнымъ и противорѣчащимъ Основнымъ Законамъ и Высочайшимъ предначертаніямъ; 2) посягающимъ на господствующее положеніе святой православной вѣры и расторгающимъ союзъ между

---

[1]) Изданіе Виленскаго Православнаго Свято-Духовскаго Братства. Вильна. 1909.

Церковью и государствомъ; 3) вносящимъ смуту въ души милліоновъ людей, нарушающимъ семейный миръ и вреднымъ для государственнаго спокойствія; 4) измѣняющимъ вѣковымъ завѣтамъ нашей исторіи и расшатывающимъ устои русской государственности, а, слѣдовательно, опаснымъ для самаго существованія единой недѣлимой и великой Россіи —фракція правыхъ будетъ голосовать противъ законопроекта какъ одинъ человѣкъ".

Послѣ того, какъ законопроектъ, тѣмъ не менѣе, былъ принятъ Думою, Высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій, пригласилъ къ себѣ тѣхъ свѣтскихъ ораторовъ—г.г. Замысловскаго, Маркова, Созоновича, Шечкова и Вязигина, кои выступали въ Думѣ отъ имени правыхъ противъ законопроекта, благодарилъ ихъ за мужественную защиту правъ церкви православной въ эти тяжелые для нея дни и благословилъ каждаго иконою Святого Сергія Радонежскаго—основателя Троицко-Сергіевской лавры, подвигнувшаго Димитрія Донского на бой съ полчищами Мамая.

Самое обсужденье законопроекта представляло систематическое, совершенно неслыханное надругательство надъ православіемъ со стороны лѣвыхъ членовъ Думы, выходки коихъ, однако, были допускаемы предсѣдателемъ, Н. А. Хомяковымъ, и его товарищемъ барономъ Мейендорфомъ совершенно невозбранно—мы бы не рѣшились на такую рѣзкую оцѣнку думской дѣятельности, но, къ сожалѣнью, приведенная нами фраза представляетъ лишь буквальное повтореніе того, что внесено въ приложенный къ думскимъ дѣламъ протестъ, поданный правыми и покрытый множествомъ подписей—ниже мы приводимъ его дословно.

Съ думской каѳедры, при аплодисментахъ слѣва и при полномъ попустительствѣ предсѣдателя и его товарища говорили, что православная церковь въ Россіи есть „полицейскій институтъ", что она „чисто полицейская организація, обслуживающая полицейскія задачи", „опіумъ народнаго духа", „орудіе всякаго, самаго грубаго насилія, орудіе порабощенья всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ"; говорилось, что православное духовенство „распространяетъ ложь, лицемѣріе, ханженство, изувѣрство, темноту", что оно „снимаетъ съ обнищавшаго послѣднюю старую рубашку", „раз-

считываетъ на полицейскую нагайку", а „православная вѣра этого духовенства можетъ быть охраняема только тюрьмами, арестами, нагайками и штыками"; говорили, что „большинство высшихъ пастырей нерѣдко присутствовали при погромахъ", а, якобы, „по настоянію преосвященнаго Макарія Томскаго въ 1904 году произошло массовое избіеніе инородцевъ" [1]). Все это пересыпалось грубыми насмѣшками по отношенію православныхъ духовныхъ лицъ, являющихся членами Думы—къ одному обращались съ каѳедры со словами: „святой отче", другому кричали съ мѣста: „батька, стыдно".

Въ особенности не нравилось лѣвымъ упоминаніе о Холмской Руси со стороны преосвященнаго Евлогія, хотя сдѣланное владыкою описаніе того, чему онъ былъ „свидѣтелемъ и очевидцемъ" отличалось величайшею сдержанностью.

Впечатлѣніе, произведенное словами владыки старался всячески изгладить сначала представитель польскаго кола Парчевскій, а затѣмъ и вторившій Парчевскому членъ кадекской партіи Карауловъ, заявившій, при аплодисментахъ слѣва, что православіе въ Холмской Руси насаждено „не проповѣдью православной, а драгунскими нагайками", что „главнымъ миссіонеромъ православнымъ былъ драгунскій полковникъ нѣмецкаго происхожденія и лютеранскаго закона", что „тамъ нагайками убивали грудныхъ дѣтей на рукахъ упорствующихъ матерей".

Справа начали кричать: „ложь", но тогда Н. А. Хомяковъ сразу сдѣлался строгъ и немедленно остановилъ кричавшихъ.

Въ концѣ описываемаго засѣданья, когда вмѣсто Н. А. Хомякова предсѣдательствовалъ баронъ Мейендорфъ, высокопреосвященный Евлогій вновь поднялся на кафедру и сказалъ слѣдующее:

„Членъ Госуд. Думы Карауловъ нѣсколько разъ произнесъ съ этой трибуны мое имя. Онъ упрекалъ меня въ томъ, что я забылъ о страданіяхъ своей паствы, о страданіяхъ несчастнаго холмскаго народа въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія".

„Смѣю увѣрить г. Караулова, что я объ этомъ не за-

[1]) Стенографическій отчетъ, сессія 2; ч. 4, стр. 1804, 1809, 1864—1867; 1911, 1913.

былъ; что мнѣ слишкомъ дорога и памятна многострадальная исторія нашего бѣднаго, несчастнаго и забытаго холмскаго народа".

„Но, если уже углубляться въ воспоминанія, то я имѣю больше основаній упрекать г. Караулова въ томъ, что у него память коротка. Ему слѣдовало бы вспомнить, г.г., не то, о чемъ онъ здѣсь вспоминалъ; ему слѣдовало бы вспомнить и о польскихъ батогахъ, которые гуляли по спинамъ нашихъ холмскихъ мужиковъ; ему слѣдовало бы вспомнить о тѣхъ страшныхъ насиліяхъ и преслѣдованіяхъ (*шумъ слѣва, голоса справа*: тише), которыми его обращали въ унію и католичество. Ему слѣдовало бы вспомнить о закрытыхъ православныхъ церквахъ въ нашей несчастной Холмщинѣ, объ отдачѣ этихъ церквей въ аренду евреямъ, о чемъ и доселѣ поетъ свои скорбныя пѣсни нашъ холмскій народъ; ему слѣдовало бы вспомнить, какія злыя силы искалѣчили душу нашего холмскаго народа, который, будучи искони русскимъ, православнымъ, почти потерялъ теперь свое религіозное національное самосознаніе".

„Но мы не будемъ удаляться въ глубь этихъ историческихъ воспоминаній, которыя по сути своей—все же дѣло далекаго прошлаго, того прошлаго, которое считается мрачной, можетъ быть, эпохой неволи и несвободы. Я скажу только два слова о томъ, что происходитъ у насъ въ настоящее время, въ дни этихъ свободъ; вѣдь это чистая хотя и упорно повторяемая, ложь, будто въ католичество отпали только тѣ, которые формальнымъ и внѣшнимъ образомъ принадлежали къ православной церкви. Нѣтъ, отпали цѣлыя тысячи такихъ преданныхъ церкви людей, какъ церковные старосты, церковные братчики. Отчего они отпали? Оттого, что эту пресловутую свободу превратили на практикѣ, въ жизни, въ адъ; оттого, что эту свободу сдѣлали орудіемъ пытокъ и насилій. (*Голоса справа*: вѣрно). Во имя этой свободы помѣщики лишали куска хлѣба нашъ народъ, за эту свободу онъ подвергался всякимъ издѣвательствамъ, насмѣшкамъ и насиліямъ. Вотъ что происходило. И когда я говорю объ этомъ, когда я вопли нашего холмскаго народа доношу до слуха Государственной Думы, мнѣ говорятъ: „молчите, это выдумка человѣконенавистничества"!

„Гг., когда говорятъ объ этомъ поляки, я это еще понимаю, я вспоминаю тогда пословицу: „знаетъ кошка, чье мясо съѣла" (*шумъ слѣва*): но когда имъ вторятъ наши русскіе, хотя и кадетскіе, подголоски, я это ничѣмъ не могу назвать, какъ самымъ возмутительнымъ фарисействомъ, беззастѣнчивымъ лицемѣріемъ и издѣвательствомъ надъ правдой и говорю (*обращаясь влѣво*): стыдно вамъ господа". (*Продолжительныя рукоплесканія* и *голоса справа*: вѣрно, браво).

Послѣ этихъ словъ произошло нѣчто невѣроятное: баронъ Мейендорфъ, только что безпрепятственно разрѣшавшій говорить, что русская православная церковь есть „чисто полицейская организація, обслуживающая полицейскія задачи“, а пастыри ея суть лица, „разсчитывающія на полицейскую нагайку“—этотъ самый баронъ Мейендорфъ на рѣчь православнаго епископа позволилъ себѣ, при шумныхъ одобреніяхъ слѣва, сказать: *„Ваше преосвященство, за ваши слова, я призываю васъ къ порядку“.*

Эта выходка барона была послѣднею каплею. Чаша терпѣнья тѣхъ, кто смотрѣлъ на православную церковь не какъ на „полицейскій участокъ“—наконецъ переполнилась. Справа понеслись по адресу Мейендорфа негодующія восклицанья: „вонъ его, не позволимъ инородцу издѣваться надъ Владыкой“. Баронъ Мейендорфъ попробовалъ что-то сказать, но, видя, что негодованье возрастаетъ, что оно охватило столь всегда спокойныхъ, столь сдержанныхъ священниковъ и крестьянъ, предсѣдательствующій покинулъ свое мѣсто и ушелъ изъ засѣданья.

На слѣдующій день, 24 мая, *въ воскресенье* (лѣвые и октябристы такъ спѣшили съ этимъ законопроектомъ, что назначали засѣданья и по праздникамъ)—предсѣдателю Думы былъ поданъ правыми протестъ, покрытый массою подписей.

Приводимъ его дословно.

„Въ 117 засѣданіи Государственной Думы, 23 мая сего года, произошло событіе, произведшее на всѣхъ насъ, нижеподписавшихся, самое тягостное впечатлѣніе. Предсѣдательствовавшій бар. Мейендорфъ, призывомъ къ порядку, подвергъ преосвященнаго Евлогія мѣрѣ дисциплинарнаго взысканія. Вся предшествовавшая думская дѣятельность Владыки достаточно доказала его величайшую сдержанность, терпѣніе и умѣренность въ сужденіяхъ. Не погрѣшилъ онъ противъ этихъ качествъ и въ то время, когда подвергся дисциплинарному воздѣйствію предсѣдательствовавшаго бар. Мейендорфа. Всякій, обратившійся къ стенограммамъ, убѣдится, что ораторы слѣва, въ теченіе двухъ думскихъ засѣданій, систематически позволяли себѣ надругательство надъ православіемъ. совершенно неслыханное. Всѣ ихъ выходки, однако, были допускаемы предсѣдателями совершенно невозбранно. При такихъ условіяхъ преосвященный Евлогій, вызванный къ отвѣту депутатомъ Карауловымъ, называвшимъ его по имени, долженъ былъ сказать именно то, что онъ сказалъ, и требованія самой элементарной справедливости

обязывали предсѣдательствовавшаго отнестись къ Владыкѣ такъ же, какъ относились ранѣе предсѣдательствовавшіе къ ораторамъ слѣва. Въ виду нарушенія этихъ требованій и превышенія правъ предсѣдателемъ, ибо ни законъ, ни наказъ не облекаютъ его правомъ призывать къ порядку оратора, уже окончившаго свою рѣчь, мы, нижеподписавшіеся, вносимъ объ этомъ настоящій протестъ".

При разсмотрѣніи законопроекта о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданья въ другое, думскимъ крестьянамъ усиленно внушали мысль, что голосовать за полное отверженіе законопроекта (выражаясь думскимъ языкомъ—голосовать противъ перехода къ постатейному чтенью)—никакъ нельзя, потому, де, что законопроектъ является выполненіемъ обѣщаній, данныхъ Государемъ въ Высочайшемъ Указѣ 17-го апрѣля 1905 года о вѣротерпимости, а если, молъ, въ законопроектѣ есть кое-что съ Указомъ несогласное, то это можно исправить при постатейномъ чтеніи путемъ различныхъ поправокъ и дополненій.

Такими увѣреньями, совершенно несоотвѣтствующими дѣйствительности, въ среду крестьянъ, однако, было внесено не малое смущенье и они, за цѣлымъ рядомъ подписей, внесли предложенье, чтобы отложить голосованье законопроекта до осени.

За это предложенье дружно голосовало все правое крыло Думы—противъ него были лѣвые и октябристы. Подсчитали голоса—предложенье оказалось отвергнутымъ. У лѣвыхъ и октябристовъ было 185 голосовъ, у правыхъ 152. Немедленно вслѣдъ затѣмъ былъ проголосованъ и принятъ переходъ къ постатейному разсмотрѣнью.

Тридцать три голоса рѣшили дѣло—спрашивается, кому они принадлежали. Отвѣтъ простой—во-первыхъ, тѣмъ иновѣрцамъ, которые всѣ, сплошь, голосовали съ лѣвыми и которыхъ въ Думѣ болѣе тридцати трехъ человѣкъ; во-вторыхъ, тѣмъ соціалистамъ, которые прямо, открыто заявляютъ о своемъ безбожіи...

Такъ провели въ Думѣ господа октябристы законопроектъ, явно посягающій на права православной церкви.

Какъ только Дума перешла къ разсмотрѣнью законопроекта по статьямъ, предсѣдатель правыхъ, А. С. Вязигинъ, заявилъ, что въ такомъ разсмотрѣньи правые участвовать не будутъ, такъ какъ „самыя основанья законо-

проекта признаютъ въ высшей степени вредными, а никакими поправками изъ дурного дѣла хорошаго не получить".

Послѣ такого заявленья правые покинули залъ засѣданія.

Въ чемъ же состоитъ законопроектъ, вызвавшій столь горячіе споры?

Онъ по объему своему такъ невеликъ, что мы имѣемъ возможность привести его цѣликомъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ выработанъ думскою „комиссіею по вѣроисповѣднымъ вопросамъ" и принятъ Думой.

Но сначала два слова объ этой комиссіи—въ нее было избрано Думою 35 человѣкъ, изъ нихъ 12 иновѣрцевъ, въ томъ числѣ оба думскихъ еврея—Фридманъ и Нисселовичъ.

Предсѣдателемъ своимъ комиссія избрала октябриста Каменскаго—онъ же былъ и докладчикомъ по законопроекту.

Это тотъ самый Каменскій, который, выступивъ отъ имени октябристовъ при обсужденіи Кавказскихъ дѣлъ, заявилъ, что октябристы „относятся съ большимъ вниманьемъ къ жизненнымъ интересамъ всѣхъ національностей, *не исключая и русской*".

Но переходимъ къ тексту законопроекта.

Статья I-ая. Каждому лицу, достигшему 21 года, предоставляется право переходить во всякое вѣроисповѣданіе или вѣроученіе, принадлежность къ коему не наказуема въ уголовномъ порядкѣ.

Такимъ образомъ, согласно этой статьѣ, всякій православный супругъ имѣетъ право перейти въ магометанство и кромѣ той жены, съ которой онъ сочетался бракомъ по православному обряду, взять еще нѣсколько женъ по законамъ магометанской религіи. Всѣ эти жены и православная, и магометанки будутъ одинаково считаться его законными женами.

Далѣе, если проживающему въ чертѣ осѣдлости еврею понадобится ѣхать за эту черту по своимъ дѣламъ, то онъ имѣетъ возможность заявить, что принялъ православіе, безпрепятственно съѣздить, а потомъ, вернувшись, сказать, что онъ снова перешелъ въ іудейство.

Высказывалось мнѣніе, что вредъ этой статьи заключается лишь въ разрѣшеніи переходить изъ православія въ религіи *нехристіанскія*; если же ограничить право перехода только христіанскими религіями, то статья будетъ всецѣло вытекать изъ Высочайшаго Указа 17-го апрѣля 1905 года.

Этотъ „Указъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости“, однако, гласитъ: „Признать, что отпаденье отъ православной вѣры въ другое христіанское исповѣданье или вѣроученье не подлежитъ преслѣдованью“.

Между *ненаказуемостью* отпаденья отъ вѣры, допускаемой Указомъ о *вѣротерпимости*, и *правомъ* каждаго отпадать, провозглашаемымъ законопроектомъ—цѣлая бездна!

Въ жизни всякаго государственнаго организма всегда есть множество отрицательныхъ, порочныхъ явленій, на которыя государство смотритъ сквозь пальцы. Раньше государство за нихъ наказывало, а потомъ, что называется, махнуло рукой, стало относиться „терпимо“. Такихъ порочныхъ явленій можно, въ видѣ примѣра, привести не мало—пьянство, развратъ, различные обманные поступки.

За нихъ теперь не караютъ, но что сказали бы Вы о законѣ, который бы начинался статьею: „всѣмъ и каждому предоставляется право пьянствовать, обманывать и предаваться разврату?“

Вѣроотступничество, отпаденіе отъ православной церкви есть, въ православномъ государствѣ, явленіе, несомнѣнно, отрицательное. Раньше за него преслѣдовали, наказывали, затѣмъ стали смотрѣть сквозь пальцы, терпимо, но отрицательный, порочный характеръ явленья отъ этого вѣдь не измѣнился. О томъ, чтобы взглядъ на самое существо явленія сталъ инымъ—развѣ сказано хоть одно слово хоть въ одномъ изъ Высочайшихъ Манифестовъ и Указовъ? Да если основной Указъ именуется Указомъ „о вѣротерпимости“—то и не можетъ быть сказано. А тотъ, кто приписываетъ такой смыслъ Высочайшимъ Манифестамъ и Указамъ —неужели онъ дѣйствуетъ въ ихъ развитіе, осуществленіе? [1].

Статья 2-ая. „Лицамъ, достигшимъ 14-ти лѣтняго возраста, означенное право (ст. 1) предоставляется съ разрѣшенія тѣхъ лицъ, на которыхъ лежитъ попеченіе о личности несовершеннолѣтняго (родителей, усыновителей, попечителей, опекуновъ)“.

Статья 3-ья. „Родители, или тотъ изъ нихъ, на которомъ лежитъ попеченіе о личности малолѣтняго, не достигшаго 14 лѣтъ, опредѣляютъ его вѣроисповѣданіе“.

Такимъ образомъ, православный отецъ, оставшись вдовымъ, и дѣйствуя, напримѣръ, подъ вліяніемъ подкупа, денежныхъ выгодъ, имѣетъ право перевести въ еврейство своего 13-лѣтняго сына, воспитаннаго матерью въ духѣ православной церкви и горячо вѣрующаго.

Статья 4-ая. Съ переходомъ въ установленномъ закономъ порядкѣ въ другое вѣроисповѣданіе или вѣроученіе прекра-

---

[1]) Мысли эти были прекрасно развиты въ произведшей огромное впечатлѣніе рѣчи Н. Е. Маркова.

щаются взаимныя права и обязанности между церковью или религіознымъ обществомъ, съ одной стороны, и отпавшими отъ оныхъ съ другой.

Статья 5-ая. Всѣ заявленія, прошенія и другія бумаги по дѣламъ о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія или вѣроученія въ другое освобождаются отъ гербоваго сбора.

Не хватало только этой поощрительной преміи за вѣроотступничество!

Статья 6-ая и послѣдняя. Лицамъ, желающимъ присоединиться къ другому вѣроисповѣданію или вѣроученію, принадлежность къ коему не наказуема въ уголовномъ порядкѣ, а тѣмъ болѣе къ православной вѣрѣ, никто ни подъ какимъ видомъ не долженъ препятствовать въ исполненіи сего желанія.

Согласно объясненіямъ докладчика, г. Каменскаго, статья эта, словами „а тѣмъ болѣе къ православной вѣрѣ“ подчеркиваетъ, будто бы, господствующее, первенствующее положенье православія. На самомъ дѣлѣ, подъ такимъ „комплементомъ православію“,—какъ остроумно выразился одинъ изъ ораторовъ—лукаво скрыта совсѣмъ иная цѣль. Оказывается, за силою статьи 6-ой, православный священникъ, видя, что его чадъ всякими обѣщаньями, соблазнами и посулами переводятъ въ другую вѣру—не имѣетъ права, что называется, пошевелить пальцемъ, иначе его сейчасъ обвинятъ въ томъ, что онъ нарушаетъ государственный законъ, „препятствуетъ“.

А между тѣмъ духовныя лица другихъ вѣръ, напримѣръ католическіе ксендзы, будутъ совершенно въ иномъ положеніи, потому что они считаютъ себя обязанными соблюдать русскіе государственные законы лишь въ той мѣрѣ, въ какой это не противорѣчитъ велѣньямъ папы, а папа подъ угрозой небесныхъ каръ требуетъ, чтобы къ удержанію католиковъ въ ихъ вѣрѣ ксендзы прилагали все возможное, всѣ старанья, всѣ усилія, вплоть до *физической силы.*

Если бы разобранный законопроектъ сдѣлался закономъ, то православію, несомнѣнно, былъ бы нанесенъ сильный ударъ. Однако, Государственный Совѣтъ въ корнѣ измѣнилъ затѣи нашихъ парламентаріевъ.

Согласительная комиссія къ единогласному заключенью не пришла, такъ какъ представители правыхъ Госуд. Думы вмѣстѣ съ членами Госуд. Совѣта признали невозможными какія бы то ни было уступки въ ущербъ „господствующему положенію православія“. Слѣдовательно, законопроектъ подлежалъ новому разсмотрѣнью Думы, которая должна была высказаться, соглашается ли она съ измѣненіями, внесенными Госуд. Совѣтомъ, или не соглашается, оставаясь при

прежнемъ рѣшеніи. Въ послѣднемъ случаѣ чередъ былъ бы за Госуд. Совѣтомъ: или уступить Думѣ, отказаться отъ сдѣланныхъ измѣненій, или, своимъ несогласіемъ, отвергнуть весь законопроектъ цѣликомъ.

Казалось, если наши парламентаріи были убѣждены въ правильности, въ справедливости своего первоначальнаго рѣшенья, если октябристы дѣйствительно вѣрили, что осуществляютъ, проводятъ въ жизнь предначертанья Высочайшаго Указа 17 апрѣля 1905 г.—они немедленно должны были приступить въ общемъ собраніи Думы къ обсужденью трудовъ согласительной комиссіи и прямо открыто провозгласить, по какимъ основаніямъ не считаютъ возможнымъ принять мнѣнье Госуд. Совѣта.

Однако, „руководящій центръ" поступилъ иначе. Онъ предпочелъ отмолчаться, сдѣлать видъ, будто бы ничего особеннаго не произошло и, до самаго роспуска третьей Думы, такъ и не удосужился поставить на повѣстку тотъ вопросъ, о спѣшности, неотложности котораго самъ же такъ много кричалъ раньше.

Заключенье согласительной комиссіи по законопроекту о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданья въ другое осталось Думою не разсмотрѣннымъ—хотя времени для разсмотрѣнья было болѣе, чѣмъ достаточно.

Такимъ образомъ палъ самъ собою наиболѣе вредный, наиболѣе опасный законопроектъ изъ всѣхъ, разсмотрѣнныхъ третьею Думою.

Не имѣла успѣха и другая попытка въ той же области, хотя и гораздо менѣе крупная. Въ Думу былъ внесенъ министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ законопроектъ „о послѣдствіяхъ лишенья духовнаго сана". Думская комиссія его, по обыкновенью, „переработала" такъ, что онъ сталъ въ противорѣчіе съ канонами православной церкви.

На обстоятельство это не замедлилъ указать въ общемъ собраніи Думы Товарищъ Оберъ-Прокурора св. Сѵнода, А. П. Роговичъ (нынѣ членъ Госуд. Совѣта) [1]. Признавая за реформой извѣстное практическое значеніе, онъ оттѣнилъ, что гораздо болѣе важенъ принципіальный вопросъ, ею выдвинутый, важенъ „и для государства вообще, и для всѣхъ православныхъ людей. Для государства—въ томъ отношеніи,

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія II, ч. IV. Стр. 787—791.

что по этому первому прецеденту [1]) и впредь церковное законодательство будетъ поставлено въ строгихъ рамкахъ правильнаго соотношенья Церкви и государства; для православныхъ людей—въ томъ отношеніи, что они будутъ имѣть сознанье, что невозможенъ такой порядокъ, при которомъ дѣла церковныя, законы, касающіеся церкви, будутъ разсматриваться въ государственномъ учрежденіи безъ участья, безъ заключенья Церкви". „Не представляется ли совершенно неестественнымъ и недопустимымъ, чтобы въ подобныхъ случаяхъ верховное церковное правительство, т. е. Святѣйшій Сѵнодъ, былъ бы лишенъ права и возможности авторитетно возвысить свой голосъ? А между тѣмъ, къ сожалѣнью, быть можетъ, по недоразумѣнью, именно нѣчто подобное случилось съ нынѣшнимъ законопроектомъ". „Такой случай и, можетъ быть, нѣсколько повторительныхъ подобныхъ случаевъ повели бы къ тому, что пришлось бы искать иныхъ, новыхъ путей для того, чтобы защитить независимость и крѣпость церковныхъ опредѣленій". Эта рѣчь Товарища Оберъ-Прокурора вызвала, согласно стенографическому отчету, „бурныя рукоплесканья справа; шиканье слѣва".

Говорившій затѣмъ отъ имени правыхъ членъ Думы о. Добромысловъ заявилъ: „что полезно, что вредно для Церкви, объ этомъ судить не здѣсь, это вѣдаютъ тѣ, кто получилъ власть пасти Церковь Христову, управлять ею. Вторгаться въ область внутренняго управленья Церковью не имѣетъ права никакое законодательное учрежденье, ни тѣмъ болѣе наша Госуд. Дума, въ которой шестая часть иновѣрцевъ. Разсуждать объ этомъ здѣсь равносильно тому, какъ если бы между прочими спрашивали и раввина и муллу, и атеиста, какія мѣры для пользы Церкви они рекомендовали бы Святѣйшему Сѵноду. Такого униженья православная Церковь не видѣла даже во времена монгольскаго ига. (*Рукоплесканія справа*). По моему мнѣнію, законопроектъ этотъ внесенъ въ Думу въ нарушенье ст. 65 Закон. Осн. (*голоса справа: вѣрно*). Статья эта гласитъ: „въ управленіи церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, Ею учрежденнаго" (*продолжительныя рукоплесканія справа*) [2]).

---

[1]) Законопроектъ о послѣдствіяхъ лишенья духовнаго сана слушался въ Думѣ раньше законопроекта о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданья въ другое.

[2]) Стеног. отчетъ. Сессія 2-ч. IV стр. 793.

Думское большинство не захотѣло даже отложить разсмотрѣнья законопроекта, чтобы Святѣйшій Сvнодъ далъ то заключеніе, на которомъ настаивалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора. Послѣ этого правые покинули залъ засѣданья.

Законопроектъ былъ принятъ не только Думою, но и Госуд. Совѣтомъ. Правые и тамъ боролись, сколько могли, но у противниковъ ихъ оказался перевѣсъ *въ четыре голоса*. Члены правительства, входящіе въ составъ Госуд. Совѣта, на голосованье это не явились.

Поднесенный затѣмъ на Высочайшее утвержденіе, **законопроектъ Государемъ Императоромъ утвержденъ не былъ.**

Остальные законопроекты, входившіе въ общій кругъ реформъ „объ отмѣнѣ содержащихся въ дѣйствующемъ законодательствѣ ограниченій, политическихъ и гражданскихъ, находящихся въ зависимости отъ принадлежности къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданьямъ и къ отдѣлившимся отъ православія сектамъ, а равно законоположеній, допускающихъ вмѣшательство гражданской власти въ духовныя отношенья частныхъ лицъ“—были взяты правительствомъ обратно.

Походъ противъ православія, затѣянный подъ видомъ „свободы совѣсти“, потерпѣлъ такимъ образомъ въ третьей Думѣ полное крушенье—по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ реформъ законодательныхъ.

Однако, наши парламентаріи въ своей борьбѣ съ церковью были изобрѣтательны. Они не замедлили приспособить для этой цѣли законъ о старообрядцахъ.

Исторія вопроса такова.

17 октября 1906 г. былъ изданъ въ порядкѣ 87 статьи Зак. Осн. законъ „о порядкѣ устройства послѣдователями старообрядческихъ согласій общинъ, а также о правахъ и обязанностяхъ сихъ лицъ“.

Согласно тексту 87 статьи, на основаніи ея издаются, во время перерыва занятій законодательныхъ палатъ, законы временные, которые затѣмъ, когда вновь созываются Госуд. Дума и Госуд. Совѣтъ, поступаютъ на ихъ обсужденье. Если такой „временный законъ“ будетъ отклоненъ Думою или Совѣтомъ, то онъ перестаетъ дѣйствовать. Если временный законъ и Думою, и Совѣтомъ будетъ одобренъ, то послѣ

Высочайшаго утвержденья, онъ изъ „временнаго“ превращается въ постоянный.

Временнымъ закономъ 17 октября 1906 года старообрядцы были вполнѣ удовлетворены. И печатно, и черезъ особыя депутаціи они заявляли, что получили все, чего добивались, всѣ желанья ихъ осуществлены.

Дѣйствительно, временный законъ 17 октября 1906 года отмѣнялъ всякія стѣсненія въ исповѣданіи старообрядцами ихъ вѣры, разрѣшалъ имъ отправлять богослуженіе публично, предоставлялъ образовывать общины, пользовавшіяся самоуправленьемъ, правомъ пріобрѣтать и отчуждать имущество, избирать духовныхъ лицъ, на которыхъ возлагалось и веденье метрическихъ книгъ.

Когда этотъ временный законъ поступилъ на разсмотрѣнье третьей Думы, то, казалось бы, у истинныхъ, серьезныхъ друзей старообрядчества могла быть только одна забота: поскорѣе закрѣпить создавшееся положенье, принять всѣ мѣры, чтобы законъ, даровавшій старообрядцамъ такъ много, безъ всякихъ замедленій, безъ какихъ либо осложненій превратился бы изъ изъ шаткаго „временнаго“ въ постоянный.

Но въ томъ то и дѣло, что политическимъ дѣятелямъ, изображавшимъ столь пылкое влеченье къ старообрядчеству, оно было нужно лишь какъ *средство* для достиженья иныхъ цѣлей „тактическихъ“ и „политическихъ“.

Эти дѣятели заявили, что законъ, еще столь недавно вполнѣ удовлетворявшій старообрядцевъ, болѣе ихъ уже не удовлетворяетъ.

Нужно новое расширенье старообрядческихъ правъ.

Какое же!?

Разумѣется, такое, которое прямо посягаетъ на права православной церкви.

Законъ 17 октября 1906 года былъ составленъ именно такъ, что отношеній старообрядчества къ православію онъ не затрагивалъ, совершенно не касаясь вопросовъ каноническихъ.

Между тѣмъ, въ Думѣ, лѣвое крыло и октябристы первымъ дѣломъ внесли „поправку“, что старообрядцамъ предоставляется право „проповѣдыванья“, причемъ въ широкихъ, мало освѣдомленныхъ кругахъ очень искусно стали

отождествлять право *проповѣдыванья* съ правомъ *проповѣди*. Это, молъ, одно и тоже. Не разрѣшать старообрядческому наставнику сказать проповѣдь при богослуженіи, при совершеніи обрядовъ, на кладбищѣ! Только враги старообрядчества способны на это.

Однако, думскими преніями сія поддержка была разоблачена и установлено съ совершенной несомнѣнностью, что „проповѣдь“ и „проповѣдыванье“—не одно и тоже. Произносить проповѣди при богослуженіи, при совершеніи обрядовъ, на похоронахъ старообрядческіе наставники имѣютъ полнѣйшее право, ибо такая проповѣдь входитъ въ понятіе „исповѣданья вѣры“, а право свободнаго исповѣданья предоставлено старообрядцамъ первою статьею временнаго закона 17 октября 1906 г.

Подъ правомъ же „проповѣдыванья“ разумѣется право пропаганды, право миссіонерской дѣятельности, право доказывать публично лицамъ другихъ вѣръ и исповѣданій правильность, преимущество своего исповѣданья.

Это право въ Россіи предоставлено, по закону, только и исключительно Православной Церкви, какъ первенствующей и господствующей.

Однако, и ей право пропаганды принадлежитъ лишь въ извѣстныхъ условіяхъ: подъ строгимъ цензурнымъ уставомъ Церкви и только съ разрѣшенья епархіальнаго архіерея.

Думскими „благодѣтелями“ предполагалось дать это право старообрядцамъ безъ всякихъ условій, безъ всякаго контроля. Другими словами, они получили бы больше правъ, чѣмъ имѣетъ Православная Церковь.

Разумѣется, ни Святѣйшій Сvнодъ, ни правительство, ни правые на такую „поправку“ согласиться не могли.

Другое измѣненье, внесенное въ временный законъ 17 октября 1906 года нашими парламентаріями, гласило, что старообрядческимъ духовнымъ лицамъ, именуемымъ нынѣ въ законѣ „настоятелями“ и „наставниками“, оффиціально присвояются такія же іерархическія наименованья, какъ и православному духовенству. Такимъ образомъ, у старообрядцевъ будетъ духовное лицо, именуемое, по обязательному для всѣхъ россійскихъ гражданъ закону, „архіепископъ московскій и всея Руси“, а можетъ быть и „патріархъ всея Руси“.

И съ этой „поправкой“, какъ противорѣчащей канонамъ православной церкви, ни Святѣйшій Сvнодъ, ни правительство, ни правые согласиться не могли.

Одновременно, думское большинство передѣлало статью, перечисляющую тѣхъ, кто *не можетъ* быть избираемъ старообрядцами въ духовныя лица.

Передѣлка сосредоточилась на той части статьи, гдѣ говорилось о бывшихъ подъ судомъ и приговоромъ суда не оправданныхъ. Послѣ передѣлки, устранившей „излишнюю строгость“, оказалось, что, напримѣръ, человѣкъ, осужденный и отбывшій наказанье за *подлогъ*, имѣетъ право быть старообрядческимъ наставникомъ и, въ качествѣ таковаго, вести метрическія книги.

Далѣе, голосами лѣваго крыла и центра было установлено, что для образованья старообрядческой общины, пользующейся столь крупными правами, достаточно заявленія 12 человѣкъ о томъ, что они, старообрядцы, желаютъ такую общину открыть.

Никакихъ разрѣшеній затѣмъ не требуется. Поступило заявленіе—и община считается открытой, законно существующей. Въ то же время самое понятіе „старообрядца“ осталось въ законопроектѣ совершенно невыясненнымъ, неопредѣленнымъ. Никакихъ признаковъ, указующихъ, гдѣ кончается старообрядчество и начинается сектантство, которому враждебны сами старообрядцы—приведено не было, никакой провѣрки, изслѣдованья не полагалось.

Соорудивъ такую реформу, наши парламентаріи начали громко кричать, что всѣ, противъ нея возражающіе, суть заклятые враги старообрядцевъ, отказывающіе имъ въ насущныхъ, элементарнѣйшихъ правахъ.

Крикъ этотъ возымѣлъ свое дѣйствіе и во многихъ старообрядческихъ кругахъ получило распространеніе то мнѣніе, что творцы и сторонники думскихъ „поправокъ“—это друзья старообрядцевъ, заслуживающіе помощи и поддержки, а противники „поправокъ“—недруги, отъ которыхъ лучше быть подальше.

На такой результатъ и была разсчитана вся тонко задуманная и хитро разыгранная парламентская игра, въ которой объ истинныхъ интересахъ старообрядчества думали менѣе всего.

Эти интересы требовали не осложнять, не запутывать тѣхъ законодательныхъ мѣръ, которыя, на благо старообрядчества, уже вошли въ жизнь, уже дѣствовали три года. Если дальнѣйшее расширенье старообрядческихъ правъ такъ нужно старообрядцамъ, (а сами старообрядцы очень недавно говорили, что оно не нужно) то добиваться такого расширенья можно было, во всякомъ случаѣ, лишь закрѣпивъ полученное ранѣе, но еще шаткое, временное, не закрѣпленное.

Наталкивать реформу на противорѣчіе съ канонами православной церкви значить вести ее не къ осуществленью, а къ провалу.

Далѣе, если старообрядцамъ, дѣйствительно, нужно право проповѣдыванья (лукаво смѣшиваемое съ правомъ проповѣди) и право давать своимъ духовнымъ лицамъ паименованья именно такія, которыя даются православными—то зачѣмъ старообрядцамъ община изъ 12 человѣкъ и духовныя лица, отбывшія наказанье за подлогъ!?

Для чего эти требованья такъ настойчиво введены въ законопроектъ вновь объявившимися друзьями старообрядцевъ?

Вѣдь старообрядцамъ отъ этихъ „поправокъ" только вредъ.

А кому же польза?

Прежде всего, польза всевозможнымъ сектантамъ, которые, образовавъ группу въ 12 человѣкъ, сдѣлаютъ не подлежащее изслѣдованью и провѣркѣ заявленье, что они старообрядцы, образуютъ „общину" и воспользуются всѣми, вытекающими отсюда правами до права публичной пропаганды, миссіонерства включительно, до права освобожденья отъ воинской повинности „духовнаго лица", выбраннаго этими двѣнадцатью.

Развѣ такой порядокъ не внесетъ засоренье и развалъ въ среду самого старообрядчества?

Но зато какой сильный и ловко задуманный ударъ по православной церкви.

Для кого же, однако, нужно допущенье въ среду духовныхъ лицъ" людей, осужденныхъ въ тюрьму судебными приговорами?

Отвѣтъ довольно неожиданный: для выборгскихъ сидѣльцевъ.

Казалось бы, на первый взглядъ, какая связь между ними и старообрядцами? Но въ томъ то и дѣло, что истинная сущность „парламентскихъ комбинацій" бываетъ сплошь и рядомъ совсѣмъ иною, чѣмъ ихъ внѣшній видъ. Выборгскіе сидѣльцы судились за дѣянье, влекущее лишенье всѣхъ особенныхъ правъ состоянья, и были осуждены, но судъ смягчилъ имъ наказанье и, вмѣсто арестантскихъ ротъ, посадилъ ихъ просто въ тюрьму. Однако, для правъ политическихъ и общественныхъ это было все равно: по закону, здѣсь важно не *наказанье*, отбытое осужденнымъ, а *преступленье*, за которое онъ судебнымъ приговоромъ осужденъ. Вотъ этотъ то принципъ и старались сломать кадеки, чтобы вернуть къ политической жизни своихъ товарищей. Они старались внушить, что, разъ отбытое наказанье не повлекло, само по себѣ, такъ называемаго „лишенья всѣхъ особенныхъ лично и по состоянью присвоенныхъ правъ и преимуществъ"—то всѣ права (а въ томъ числѣ, самое главное, и право избираться въ Думу)—сохранены [1]).

Для проведенья этого начала, долженствовавшаго выручить изъ бѣды выборгскихъ сидѣльцевъ и усилить кадекскую партію—кадеки не нашли ничего лучшаго, какъ выбрать старообрядческій законопроектъ. Опытъ, „ломку принципа" предполагалось произвести на старообрядческихъ духовныхъ лицахъ; они должны были создать тотъ „прецедентъ", который бы расчистилъ дальнѣйшую дорогу.

Октябристы, шедшіе по старообрядческому законопроекту, рука объ руку съ кадеками, поддержали ихъ и въ этомъ вопросѣ, какъ голосованьемъ, такъ и рѣчью барона Мейендорфа. Остальныя „поправки" поддерживались Гучковымъ и Каменскимъ [2]).

Правые голосовали за переходъ къ постатейному чтенью законопроекта, но съ разобранными выше „поправками" согласиться, разумѣется, не могли.

Въ самомъ началѣ преній, когда говорившій отъ имени правительства Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Кры-

---

[1]) А такъ какъ сохранять сіи права для лицъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ за кражу, мошенничество и присвоенье, было бы слишкомъ „непопулярно", то въ отношеніи этихъ категорій кадеки дѣлали исключенье: имъ права не сохранялись.

[2]) Стеногр. отчетъ. Сессія 2. Ч. IV, стр. 1041, 1379, 1416.

жановскій заявилъ, что правительство относится съ величайшимъ вниманьемъ къ нуждамъ старообрядчества и поставило удовлетворенье этихъ нуждъ впереди многочисленнаго ряда другихъ вопросовъ государственнаго устроенья", что „старообрядцы, по крайней мѣрѣ громадное, можетъ быть даже подавляющее, большинство ихъ, всегда были вѣрными сынами Россіи"—правые встрѣтили эти слова возгласами „вѣрно" и рукоплесканьями [1]).

Такое же отношенье къ старообрядцамъ было выражено въ рѣчахъ цѣлаго ряда ораторовъ справа, послѣ чего, при переходѣ къ постатейному чтенью, правыми было внесено такое пожеланье:

„Признавая необходимымъ, чтобы, въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствующими нынѣ законоположеньями и предначертаньями Высочайшаго Указа 17 апрѣля 1905 г., были устранены стѣсненья, тяготѣющія на нашихъ братьяхъ по крови и вѣрѣ, именуемыхъ выше упомянутымъ Указомъ „старообрядцами", полагая, что это дѣло мира и любви „послужитъ къ вящшему возвеличенью Православной Церкви", коей одной принадлежатъ, согласно Основнымъ Законамъ, незыблемыя права господствующей и первенствующей церкви, и высказывая пожеланье, дабы предначертанный, по примѣру благочестивыхъ царей, Государемъ Императоромъ —„верховнымъ защитникомъ и хранителемъ догматовъ господствующей вѣры, блюстителемъ правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія"—помѣстный Соборъ Россійской церкви устранилъ раздоры и разногласія, нарушающіе единство церковное—Госуд. Дума переходитъ къ постатейному обсужденью законопроекта [2]).

Это пожеланье думскимъ большинствомъ было *отвергнуто!!*

Когда затѣи нашихъ парламентаріевъ поступили въ Госуд. Совѣтъ, онъ, разумѣется, ихъ отвергъ. Была созвана согласительная комиссія, которая къ единогласному заключенью не пришла, ибо представитель правыхъ членовъ Госуд. Думы и члены Госуд. Совѣта не приняли думскихъ „поправокъ", исказившихъ правительственный законопро-

1) Стеногр. отчетъ. Сессія 2. Ч. IV стр. 1024.
2) Тамъ же стр. 1396.

ектъ и „не нужныхъ“ самимъ старообрядцамъ. Слѣдовательно, законопроектъ подлежалъ, въ предѣлахъ разногласія, новому, окончательному разсмотрѣнью въ Думѣ.

Но октябристы, такъ же, какъ и въ вопросѣ о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданья въ другое, предпочли спрятаться и *старообрядческаго законопроекта до самаго роспуска Думы на повѣстку такъ и не поставили.*

Истинная цѣль враговъ Церкви оказалась достигнутой: въ отношеніи православія и старообрядчества былъ, по выраженью одного изъ правыхъ ораторовъ, „забитъ новый клинъ“; и въ православную, и въ старообрядческую среду внесено недовольство, раздраженье, вражда.

А цѣль мнимая, лицемѣрно выставляемая новоявленными друзьями старообрядчества на показъ, для отвода глазъ,—эта цѣль, по минованіи надобности, отброшена, забыта: интересамъ старообрядчества ничего, кромѣ вреда, не причинено, ибо столь важный для старообрядцевъ законъ 17 октября 1906 г. какъ былъ „временной мѣрой“, такъ и остался. Вмѣсто того, чтобы закрѣпить его, превратить въ постоянный законъ—а сдѣлать это въ 1908 и 1909 г.г. было такъ легко—октябристы предпочли оставить назрѣвшую реформу въ прежнемъ, шаткомъ и неопредѣленномъ состояніи, сдавъ ее въ наслѣдство четвертой Думѣ.

Разобранными тремя законопроектами—изъ которыхъ ни одинъ не сдѣлался закономъ—о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданья въ другое, о послѣдствіяхъ лишенья духовнаго сана и о старообрядческихъ общинахъ—исчерпываются, собственно, тѣ законодательныя мѣры вѣроисповѣднаго характера, въ области которыхъ лѣвое крыло и октябристы старались нанести удары православію, но кромѣ законодательныхъ мѣръ вѣроисповѣднаго характера, походъ противъ Православной Церкви велся и въ другихъ направленьяхъ.

Такъ, при обсужденіи смѣты Св. Синода, октябристы упорно, два года подрядъ, проводили „пожеланье“ „о распространеніи на денежные обороты вѣдомства общихъ правилъ отчетности передъ государственнымъ контролемъ, за исключеньемъ отчетности по доходамъ и расходамъ церквей и монастырей“.

Но вѣдь, по словамъ Московскаго митрополита Фила-

рета, „рубль свѣчного дохода, лежитъ ли въ церковномъ хранилищѣ, переходитъ ли въ концѣ года въ консисторію, поступаетъ ли въ началѣ слѣдующаго года въ епархіальное училище, пересылается ли въ хозяйственное управленье при Св. Сvнодѣ, во всѣхъ сихъ случаяхъ онъ есть церковная собственность и не превращается черезъ сіе движенье въ собственность государства".

Такимъ образомъ, изъятіе для церквей и монастырей нисколько не умаляетъ общаго смысла „пожеланья", согласно которому оказывается, что церковь есть такое же „вѣдомство", какъ и всякое другое, а потому, на равныхъ съ прочими вѣдомствами основаньяхъ, оно должно отсчитываться передъ государствомъ не только въ тѣхъ суммахъ, которыя получаетъ отъ государства, но и въ своихъ „спеціальныхъ средствахъ",—другими словами, въ тѣхъ деньгахъ, которыя поступаютъ въ церковь, какъ въ общество вѣрующихъ, отъ его сочленовъ, въ видѣ доброхотныхъ даяній.

Но, если даже въ такихъ „доброхотныхъ даяніяхъ" церковь обязана передъ государствомъ отчетомъ, то, повидимому, государству принадлежитъ въ нихъ и нѣкоторое право распоряженья, сводящееся, въ концѣ концовъ, къ опредѣленью, вопреки волѣ церкви, тѣхъ потребностей, на удовлетворенье коихъ эти доброхотныя даянья должно тратить" [1]).

Приравнять Православную Церковь къ обыкновенному вѣдомству... лишить ее свободнаго распоряженья даже тѣми суммами, которыя вѣрующій человѣкъ жертвуетъ на церковь...

А тѣмъ временемъ, пока октябристы, подъ предлогомъ единообразія государственной отчетности, проводили эти „смѣтныя пожеланья", слѣва пользовались „преніями по смѣтѣ", чтобы говорить о „нагло-надменныхъ писаньяхъ архіепископа Антонія Волынскаго"; о томъ, что „выкрестить православное духовенство — потребуется слишкомъ много воды", а православныхъ монаховъ и монахинь называли „огромной арміей черной саранчи" [2]).

Докладчикъ по смѣтѣ Св. Сvнода, видный октябристъ Ковалевскій, доходилъ до того, что предлагалъ бюджетной комиссіи, въ видѣ „бюджетнаго пожеланья", вынести изъ

[1]) „Московскія Вѣдомости" 3-го марта 1910 года № 50. Думскіе очерки.

[2]) Стенографическій отчетъ. Сессія 3. Ч. II, стр. 1578.

Московскаго Кремля Чудовъ и Страстной монастыри на окраины города. Только буря негодованья, поднявшаяся справа, заставила докладчика заявить, что онъ „согласенъ не вносить своего предложенья въ окончательную редакцію доклада“. .

Старались октябристы урѣзывать и кредиты, ассигнованья, нужныя духовному вѣдомству. Къ счастью, большинство этихъ кредитовъ оказались недоступными такой урѣзкѣ, забронированными, но тамъ, гдѣ было возможно, наши парламентаріи себя показали. Попытку ихъ вовсе упразднить церковно-приходскія школы и тѣмъ положить начало устраненью церкви отъ учительства—будетъ послѣдовательнѣе разобрать въ главѣ о народномъ просвѣщеніи, но отношенья къ ассигнованьямъ на эти школы и вообще на нужды учащихъ въ духовномъ вѣдомствѣ умѣстно коснуться здѣсь же. Еще весною 1910 г., передъ самымъ роспускомъ на лѣтнія вакаціи, октябристы, при помощи лѣваго крыла, отклонили законопроектъ объ увеличеніи жалованья учебно-воспитательному составу духовныхъ академій и платы за дополнительные (сверхъ 12) уроки въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ.

Испрашиваемыя ассигнованья—232 тысячи рублей въ годъ—были настолько скромны, основанья законопроекта: уравнять служащихъ въ духовныхъ учебныхъ заведеньяхъ со служащими въ соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеньяхъ свѣтскихъ—настолько незыблемы, что провалъ законопроекта можно было объяснить только враждебнымъ отношеньемъ къ Православной Церкви вообще и желаньемъ „сосчитаться“ съ представителями духовнаго вѣдомства—хотя бы на спинахъ скромныхъ тружениковъ учебнаго дѣла, ни въ чемъ неповинныхъ. Впрочемъ, октябристы, проваливая законопроектъ, не сочли даже и нужнымъ объяснить съ думской каѳедры, по какимъ основаньяхъ они такъ поступаютъ.

Наступилъ 1911 годъ и возобновилась та же исторія, лишь съ нѣкоторыми видоизмѣненьями. Оберъ-Прокуроромъ Св. Сѵнода было внесено два законопроекта: объ увеличеніи содержанья служащихъ: 1) въ духовно-учебныхъ заведеньяхъ и 2) въ церковно-приходскихъ школахъ.

Основанья законопроектовъ опять были неоспоримы: служащимъ духовно-учебныхъ заведеній просили прибавить

„примѣнительно“ къ тѣмъ прибавкамъ, которыя въ учебныхъ заведеньяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенья были введены еще въ 1903 году, а учащимъ церковно-приходскихъ школъ—опять таки лишь „до размѣра, установленнаго закономъ 3-го мая 1908 г. „въ начальныхъ министерскихъ школахъ“.

Октябристы опять пустили дѣло въ затяжку и, несмотря на весьма энергичныя протесты правыхъ, дотянули до самаго послѣдняго засѣданья, въ которомъ на повѣстку было поставлено 118 мелкихъ срочныхъ законопроектовъ.

Когда очередь дошла, наконецъ, до двухъ вышеуказанныхъ ассигнованій, то на каѳедрѣ появился бывшій попечитель двухъ учебныхъ округовъ, октябристъ фонъ-Анрепъ и заявилъ, что законопроекты о служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеньяхъ и церковно-приходскихъ школахъ надлежитъ снять съ обсужденья и отложить.

Какъ вы полагаете, почему?

А потому, что Госуд. Совѣтъ не хочетъ уступить Думѣ въ вопросѣ, касающемся полнаго упраздненья церковно-приходскихъ школъ, какъ таковыхъ.

Но правое крыло предвидѣло возможность такого выпада, а потому собрало въ засѣданье всѣ свои силы, тщательно предупредивъ своихъ, что надо явиться обязательно. Благодаря такой мобилизаціи справа, а также и тому обстоятельству, что часть октябристовъ, хотя и не многочисленная, присоединилась къ правымъ, они одолѣли на баллотировкѣ 13 голосами и оба законопроекта были приняты, но въ законопроектъ объ учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ октябристы успѣли вставить чреватую послѣдствіями поправку, что прибавка дается только на одинъ годъ.

Возмутительный смыслъ поправки, провалить которую у правыхъ силъ не хватило, былъ ясенъ уже въ то время: въ своемъ торгѣ съ правительствомъ о церковно-приходскихъ школахъ октябристы хотѣли сохранить оружіе, которое считали для правительства опаснымъ. На безнравственное, противогосударственное значенье такого шага, на тяжелое положенье ни въ чемъ неповинныхъ сельскихъ учителей наши парламентаріи взирали съ величайшимъ цинизмомъ.

Наступилъ 1912 годъ и возобновилась прежняя, возве-

денная въ систему волокита. Правительство внесло законопроекты объ ассигнованьяхъ на нужды учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ и на ремонтъ самыхъ школъ —октябристы, опираясь на лѣвое крыло, упорно не ставили этихъ законопроектовъ на повѣстку.

Между тѣмъ, насколько неотложны и безспорны были кредиты на церковно-школьное строительство видно изъ слѣдующаго письменнаго, оффиціальнаго сообщенья, поступившаго въ Совѣтъ Министровъ отъ Оберъ-Прокурора Св. Сvнода въ іюнѣ 1912 г., уже послѣ весенняго роспуска Думы:

Въ училищномъ совѣтѣ при Св. Сvнодѣ находится въ настоящее время свыше 1,500 ходатайствъ объ отпускѣ пособій на строительныя нужды церковно-приходскихъ школъ и при томъ ходатайствъ, поступившихъ только за послѣдніе два года. Оставаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безъ всякаго ремонта, школьныя зданія, по сообщеніямъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ, въ буквальномъ смыслѣ разваливаются и становятся совершенно непригодными для школьныхъ надобностей. Въ нѣкоторыхъ школахъ крыши обветшали такъ, что въ классныя комнаты попадаетъ дождевая вода; печи, давно сложенныя, требуютъ перекладки, не даютъ тепла и опасны въ пожарномъ отношеніи, а это вмѣстѣ съ непроконопаченными стѣнами дѣлаетъ школьныя зданія холодными настолько, что въ комнатахъ замерзаетъ вода, и дѣти и учащіе занимаются въ шубахъ; встрѣчаются школы съ прогнившими полами и съ грозящими паденіемъ потолками.

Не менѣе тяжелымъ было и положенье церковно-приходскихъ учителей: имъ Дума не отпускала того жалованья, которое они получали въ прошломъ году, ибо тогда наши парламентаріи, какъ извѣстно, внесли въ соотвѣтствующій законопроектъ предусмотрительную „поправку“: „отпустить на *одинъ* годъ“ (т. е. лишь на текущій, 1911-й). Мало того, такъ какъ число школъ увеличилось, то часть учителей принуждена была оставаться вовсе безъ жалованья.

Только передъ самымъ концомъ думскихъ занятій, составляя на послѣдніе дни повѣстку изъ болѣе чѣмъ ста номеровъ „вермишели“, октябристы, „по примѣру прежнихъ лѣтъ“, всунули туда, въ хвостѣ, и пять церковно-школьныхъ законопроектовъ.

Дума дошла до нихъ, въ порядкѣ повѣстки; благодаря напряженнымъ усиліямъ праваго крыла, седьмого іюня, но уже передъ самымъ закрытіемъ засѣданья.

Восьмого іюня, днемъ, члены Думы представлялись Государю Императору и Его Величество имъ сказалъ:

„Нахожу желательнымъ въ ближайшую очередь обратить вниманье на Мое наслѣдіе отъ горячо любимаго родителя—церковно-приходскія школы“.

Того же восьмого іюня вечеромъ состоялось думское засѣданье, отведенное запросамъ. Въ концѣ его должна была быть оглашена повѣстка на слѣдующій и уже послѣдній день думскихъ занятій, девятаго іюня.

Когда предсѣдатель огласилъ повѣстку, то оказалось, что изъ нея исключены стоявшіе первыми по очереди церковно-школьные законопроекты.

На думскую каѳедру поднялся Высокопреосвященный Евлогій и просилъ возстановить повѣстку въ ея первоначальномъ видѣ. Когда надлежало подвергнуть это предложенье голосованью, то лѣвое крыло и большинство октябристовъ поспѣшно, суетливо покинули залъ засѣданья и, такимъ образомъ, „сорвали кворумъ“—голосовать предложенья нельзя было за отсутствіемъ законнаго состава и засѣданье пришлось закрыть.

По вполнѣ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, когда нѣкоторые члены Думы спросили затѣмъ предсѣдателя, камергера Родзянку, какъ онъ позволилъ себѣ снять съ думской повѣстки церковно-школьные законопроекты непосредственно послѣ словъ Государя о желательности обратить вниманіе на церковно-приходскія школы въ ближайшую очередь—камергеръ Родзянко отвѣтилъ, что, если бы онъ не снялъ, ихъ то было бы еще хуже: законопроекты оказались бы отвергнутыми.

Такъ или иначе, по тѣмъ или инымъ „октябристскимъ“ соображеніямъ: *церковно-школьные законопроекты остались не разсмотрѣнными.*

Когда это выяснилось окончательно, то 9 іюня, въ послѣдній день думскихъ занятій, свящ. Гепецкій **отъ имени думскаго духовенства** обратился къ Думѣ съ такими словами:

„Г.г. члены Гос. Думы! По поводу всѣмъ намъ очень и очень хорошо извѣстнаго отношенія фракціи Союза 17-го октября къ вопросамъ, касавшимся Православной Церкви, по поводу выяснившагося и отношенія этой фракціи къ дѣлу обезпеченія учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ, я уполномоченъ думскимъ духовенствомъ сдѣлать нижеслѣдующее заявленіе Гос. Думѣ:

Итакъ, цѣпь невыразимыхъ душевныхъ терзаній, ужасныхъ нападокъ и даже глумленій, которыя приходилось терпѣть и переносить въ 3-й Гос. Думѣ и духовенству, и другимъ защитникамъ Православной Церкви, при отстаиваніи историческихъ и каноническихъ правъ на просвѣщеніе народа, нынѣ замкнулась окончательно! Дальше идти по пути разрушенія церковныхъ учрежденій некуда! Обнаружилось воочію для всей Россіи истинное, подлинное лицо того октябризма, который такъ шумно вошелъ въ Гос. Думу, обѣщая обновленіе жизни русскаго народа и который на самомъ дѣлѣ все время колебалъ историческіе устои русскаго государства и въ особенности ополчился противъ Православной Церкви. *(Шумъ въ центрѣ и слѣва).*

Рядъ вѣроисповѣдныхъ законовъ, содержаніе церковныхъ школъ, штаты духовно-учебныхъ заведеній и т. д., и т. д. *(Шумъ въ центрѣ)*—вотъ всѣмъ извѣстные этапы, по которымъ шелъ союзъ 17 октября въ дѣлѣ своей борьбы со Св. Церковью.

Думское духовенство, которое пришло сюда для того, чтобы способствовать, по мѣрѣ силъ и способностей своихъ, установленію порядка въ Россіи, нарушеннаго революціей, старалось всюду вносить примиряющую роль. *(Сильнѣйшій шумъ въ центрѣ и слѣва).* Думское духовенство не прибѣгало ни къ какимъ демагогическимъ пріемамъ. *(Шумъ въ центрѣ)...* Оно терпѣливо сносило нестерпимыя, подчасъ жестокія нападки лично на себя, но оно не можетъ молчать, и оно не молчало, когда шли вопросы о церковныхъ учрежденіяхъ. Оно боролось съ противниками таковыхъ и можетъ съ полнымъ правомъ сказать, что принципіально оно никогда не было побѣждено. Его аргументы, почерпнутые изъ исторіи тысячелѣтняго служенія духовенства Россіи и Церкви, всегда были сильны и несокрушимы своей внутренней правотой, но, не достигши успѣха въ борьбѣ принципіальной, наши противники прибѣгали къ другому—къ силѣ большинства и безжалостно лишили церковныя школы и духовно-учебныя заведенія заслуженнаго обезпеченія. На этомъ пути мы бороться не могли, доводы грубой силы намъ несвойственны, и являются возмутительными. *(Шумъ слѣва и въ центрѣ).*

Предсѣдатель. Покорнѣйше прошу тише.

За шумомъ нѣсколько дальнѣйшихъ словъ от. Гепецкаго совершенно не слышно.

От. Гепецкій... все духовенство въ своей совокупности обижено и оскорблено!.. Вамъ отвѣтитъ вѣрующій православный народъ, который не потерпитъ глумленія надъ Православной Церковью—своей величайшей святыней. *(Опять шумъ).*

Предсѣдатель проситъ не шумѣть.

От. Гепецкій... въ такой увѣренности мы переносимъ нашу тяжбу на судъ русскаго народа. Наше дѣло правое, оно восторжествуетъ, какія бы козни противъ него ни строили! *(Продолжительныя рукоплесканія справа. Шиканье и свистъ слѣва и въ центрѣ*".

Одновременно сто пять вѣрноподданныхъ членовъ Думы обратилось къ Государю Императору со Всеподданнѣйшей телеграммой, выражавшей незыблемую надежду, что Защитникъ св. Церкви возстановитъ „попранную правду". Эта надежда не замедлила оправдаться, ибо уже 15 іюня Высочайше былъ одобренъ Всеподданнѣйшій докладъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ о способахъ удовлетворенія неотложныхъ нуждъ церковно-приходской школы, а 18 іюня Совѣтъ Министровъ, на основаніи столь ненавистной лѣвымъ 17 статьи правилъ 8 марта 1906 г., постановилъ отпустить въ распоряженіе вѣдомства православнаго исповѣданія на выдачу содержанія, въ увеличенномъ размѣрѣ, преподающимъ въ церковно-приходскихъ школахъ, въ общей сложности 2534000 руб. и 210,700 руб. на производство жалованія преподающимъ въ церковно-приходскихъ школахъ Сибири, Средней Азіи и Кавказа, начиная съ 1 сентября 1912 г. Затѣмъ Вѣдомство православнаго исповѣданія получило еще 350,000 руб. на церковно-строительныя нужды, въ силу основаннаго на той же 17 статьѣ постановленія Совѣта Министровъ отъ 5 іюля.

Итакъ, походъ нашихъ конституціоналистовъ противъ православія, начатый въ первую же сессію третьей Думы, но исподтишка, подъ лицемѣрными предлогами, закончился, на пятый годъ, дерзкой, открытой демонстраціей.

Священника, говорившаго Думѣ отъ лица всего думскаго духовенства, лѣвое крыло и центръ все время перебивали возгласами, сильнѣйшимъ шумомъ, провожали шиканьемъ и даже свистомъ.

„Дальше идти по пути разрушенья церковныхъ учрежденій некуда", сказалъ отецъ Гепецкій.

Едва ли шикавшій, не дававшій говорить священнику центръ могъ идти куда либо дальше и по пути скандала.

Унизить православіе, сравнявъ его чуть ли не съ іудействомъ, провести, не спрашивая церкви, такіе законы, которые бы шли въ разрѣзъ съ ея канонами, взять подъ

опеку церковное достоянье, уничтожить церковныя школы—развѣ это не цѣлая система, планомѣрная, строго обдуманная, провѣренная опытомъ конституціоннаго Запада въ борьбѣ масонства съ христіанствомъ.

И развѣ это не тѣ же пріемы борьбы, подъ прикрытіемъ „популярныхъ“ лозунговъ о необходимости „свободы совѣсти“ и „вреда клерикализма“.

Отпоръ врагамъ церкви правые всегда ставили себѣ въ третьей Думѣ первой, главной задачей и съ чистою совѣстью могутъ сказать, что въ предѣлахъ своихъ силъ сдѣлали все возможное.

Глава V.

Самодержавіе.

13 ноября 1907 г., въ пятомъ засѣданіи Госуд. Думы третьяго созыва, обсуждался вопросъ о текстѣ всеподданнѣйшаго адреса, которымъ предполагалось отвѣтить Государю Императору на привѣтствіе, переданное отъ Его имени Госуд. Думѣ, при ея открытіи.

Для составленья текста адреса была образована особая комиссія; предсѣдателемъ ея избранъ Гучковъ, секретаремъ октябристъ Петрово-Соловово.

Въ адресѣ, выработанномъ комиссіею, нигдѣ не было упомянуто о Царскомъ Самодержавіи.

Обративъ на такой пропускъ самое серьезное вниманье, правые заявили Госуд. Думѣ, что внесеніе соотвѣтствующихъ словъ въ адресъ совершенно необходимо.

Это требованье встрѣтило самыя ожесточенныя возраженья со стороны лѣвыхъ ораторовъ, доказывавшихъ „несовмѣстимость его съ установившимся у насъ конституціоннымъ строемъ“.

Не лишнее напомнить, что, согласно 13 и 16 ст. Учрежденія Госуд. Думы,—закону „изданному въ 1906 году“—члены ея, помимо уже принесенной ими, какъ всѣми вѣрноподданными присяги на вѣрность Самодержцу, при вступленіи, даютъ такое торжественное обѣщанье: „мы, нижепоименованные, обѣщаемъ передъ Всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя на насъ обязанности членовъ Государ-

ственной Думы по крайнему нашему разумѣнью и силамъ, храня вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору и *Самодержцу* Всероссійскому и памятуя лишь о благѣ и пользѣ Россіи, въ удостовѣренье чего своеручно подписуемся". Только лица, подписавшія это торжественное обѣщаніе, по закону, признаются членами Госуд. Думы.

Октябристы въ началѣ преній пребывали въ нерѣшительности, но затѣмъ, при рукоплесканьяхъ центра, Петрово-Соловово заявилъ:

„Мы присягали Самодержцу, понимая это слово въ томъ его значеніи, въ которомъ его въ данную минуту слѣдуетъ понимать, то есть Государь, *независимый отъ другихъ государей.*

Вотъ въ какомъ смыслѣ я присягалъ вѣрностью *Государю* и эту присягу, я думаю, я и всѣ члены моей фракціи готовы повторить во всякое время, но *только въ этомъ смыслѣ, а не въ какомъ-нибудь другомъ.* Адресъ есть не частный обмѣнъ взаимныхъ привѣтствій между нами и нашимъ Монархомъ, онъ имѣетъ гораздо болѣе глубокое значеніе, онъ имѣетъ не только всероссійское, онъ имѣетъ міровое значеніе, потому что глаза всего міра обращены въ данную минуту на насъ, и весь міръ смотритъ, какъ мы отвѣтимъ *Государю Императору* на его милостивое привѣтствіе. Этимъ мы скажемъ, что мы такое, состоимъ ли мы *представителями великой Европейской державы—державы конституціонной,* или мы только вызванные изъ народа люди для того, чтобы исполнить какое то данное намъ порученіе".

Послѣ этой рѣчи октябристы, соединясь съ лѣвымъ крыломъ, „отвергли Самодержавіе", оставивъ правыхъ въ меньшинствѣ.

Тогда правые принесли Его Величеству свой адресъ, который гласилъ:

Всемилостивѣйшій Государь!

Разномысліе по основному вопросу о существѣ и предѣлахъ Верховной Власти не дозволило намъ присоединиться къ адресу въ редакціи, принятой большинствомъ Государственной Думы.

Никогда избиратели наши, никогда русскій народъ не простили бы намъ, если бы мы дерзнули коснуться Царскаго Самодержавія.

Тяжко отзывается въ сердцахъ нашихъ невозможность общенія въ такую минуту съ Вѣнценоснымъ Вождемъ русской земли.

Государь!

Сердца наши преисполнены глубочайшей благодарности за великій актъ возстановленья давно желаннаго единенія Царя съ народомъ, получившій свое завершеніе въ учрежденіи Государственной Думы. Ободренные милостивымъ привѣтомъ Вашимъ, мы приложимъ всѣ силы къ законодательной работѣ на благо родной земли.

Дерзайте же, Государь, Самодержавною рукою ведите Россію по предначертанному ея исторіей пути и вѣрьте: пройдутъ несогласія и споры, уляжется вражда, а любовь и вѣрность русскихъ людей къ своему Царю пребудутъ во вѣкъ.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные члены Государственной Думы".

Слѣдуютъ подписи.

На адресѣ, поднесенномъ большинствомъ Госуд. Думы, Государь Императоръ начерталъ: *„готовъ вѣрить выраженнымъ чувствамъ. Ожидаю плодотворной работы"*.

Правыхъ же Государь Императоръ удостоилъ такимъ высокомилостивымъ отвѣтомъ: *„благодарю за привѣтствіе и вѣрноподданическія чувства. Вѣрю, что созданная Мною Государственная Дума обратится на путь труда и, въ строгомъ подчиненіи установленнымъ Мною Основнымъ Законамъ, оправдаетъ Мои надежды"*.

Описанныя событія подчеркнули чрезвычайно ярко основное, принципіальное различіе въ политическомъ міровоззрѣніи правыхъ съ одной стороны, лѣвыхъ и октябристовъ съ другой.

Правые смотрѣли и смотрятъ на Думу, какъ на помощницу Самодержавнаго Государя, у Котораго осталась вся совокупность верховной власти, недѣлимой по самой ея природѣ.

Лѣвые и октябристы находятъ, что эта верховная власть какъ бы раздвоилась: часть ея принадлежитъ Государю, а часть — Государственной Думѣ, которая „передъ всѣмъ міромъ" является „представительницею конституціонной державы".

Царское Самодержавіе—это, видите ли, независимость отъ сосѣднихъ государей—не болѣе.

Только въ такомъ смыслѣ, оказывается, октябристы и присягаютъ Самодержавному Государю! Какъ полезно было

бы ввести для нихъ дополнительно текстъ присяги, предназначенной спеціально для іудеевъ, въ той части, гдѣ эта присяга требуетъ, чтобы приносящій ее присягалъ „не по иному, скрытому въ нёмъ смыслу, а по смыслу и вѣдѣнью приводящихъ его къ присягѣ“.

Изъ „конституціоннаго“ взгляда, что Думѣ принадлежитъ часть верховной власти, вытекаетъ столь мѣшающая дѣловой работѣ идея борьбы съ правительствомъ, назначеннымъ Государемъ Императоромъ, стремленье увеличить права созданной Имъ Думы путемъ захвата, сдѣлать ее не помощницей царской власти, а соперницей.

Это „захватное право“ обнаруживалось многократно въ дѣятельности третьей Госуд. Думы и если всѣ болѣе существенныя проявленья его были сведены въ концѣ концовъ на нѣтъ, то крупную роль сыграли здѣсь правые, дававшіе всегда такимъ поползновеньямъ самый рѣшительный отпоръ, тщательно слѣдившіе, чтобы Дума не выходила изъ „строгаго подчиненья установленнымъ Государемъ Императоромъ Основнымъ Законамъ“.

Наибольшая острота была вызвана вторженьемъ въ тѣ вопросы арміи и флота, которые, на основаніи 14 и 96 ст. Зак. Осн., подлежатъ, минуя Госуд. Думу, непосредственному представленію Государю.

Согласно вышеприведеннымъ статьямъ, „Государь Императоръ есть Державный Вождь россійской арміи и флота. Ему принадлежитъ верховное начальство надъ всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами Россійскаго Государства. Онъ опредѣляетъ устройство арміи и флота и издаетъ указы и повелѣнья относительно дислокаціи войскъ, приведенья ихъ на военное положенье, обученья ихъ, прохожденья службы чинами арміи и флота и *всего вообще, относящагося до устройства вооруженныхъ силъ* и обороны Россійскаго Государства“. „Постановленья по строевой, технической и хозяйственной частямъ, а равно положенья и наказы учрежденьямъ и должностнымъ лицамъ военнаго и военно-морского вѣдомствъ, если они не касаются другихъ вѣдомствъ и „предметовъ общихъ законовъ“ по разсмотрѣніи ихъ Военнымъ и Адмиралтействъ Совѣтами, по принадлежности, непосредственно представляются Государю Императору“.

Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда „сіи постановленія, положенія и наказы“ требуютъ новаго расхода, не покрываемаго вѣдомственнымъ сбереженьемъ, Высочайшее ихъ утвержденье наступаетъ „по испрошеніи въ установленномъ порядкѣ ассигнованья соотвѣтственнаго кредита“.

Итакъ, по дѣйствующимъ законамъ, „въ установленномъ порядкѣ“, т. е. через Госуд. Думу и Госуд. Совѣтъ, испрашивается *кредитъ*—и только, но самыя „постановленія, положенья и наказы“, „все вообще, относящееся до *устройства* вооруженныхъ силъ“—вѣдѣнью Госуд. Думы и Госуд. Совѣта не подлежитъ.

Однако, руководимые Гучковымъ октябристы постарались завести иную практику. Учредивъ въ Думѣ особую „комиссію государственной обороны“ и даже, для сниснанья правительственнаго довѣрія не пустивъ туда представителей лѣваго крыла [1]), „руководящій центръ“ постарался въ этой комиссіи свести работу не столько на разсмотрѣнье испрашиваемыхъ кредитовъ, сколько именно на вопросы, касающіеся организаціи арміи и флота, иногда даже непосредственно строевой службы. Въ результатѣ Гучковъ, въ качествѣ предсѣдателя и докладчика этой комиссіи, сталъ выступать уже въ общемъ собраніи Думы съ критикой команднаго состава нашей арміи, поименно указывая тѣхъ военныхъ начальниковъ, которые, по его, Гучкова, мнѣнію, вносили въ армію „дезорганизацію, граничащую съ анархіей“—или, напримѣръ, признавая недостаточнымъ и „подготовительный стажъ“, пройденный однимъ изъ командировъ кавалерійскихъ полковъ [2]).

Разумѣется, всѣ эти выходки прикрывались громкими фразами о служеніи отечеству, о желаніи укрѣпить его военную мощь. Несомнѣнно, однако, что разговоры съ думской каѳедры о личныхъ качествахъ военныхъ командировъ, ихъ рѣзкое и хлесткое осужденье, совершенно, впрочемъ, голословное, не укрѣпляютъ военной мощи, а наоборотъ, вле-

---

[1]) Впослѣдствіи лѣвые были допущены къ разсмотрѣнію секретнѣйшихъ законопроектовъ Военнаго и Морского Министерствъ въ качествѣ представителей бюджетной комиссіи. Такимъ образомъ Гучковъ и тутъ велъ по обыкновенію двойную политическую игру.

[2]) Стенографическій отчетъ. Сессія 1. Томъ 3, стр. 1598; сессія 2, томъ 1, стр. 2883.

кутъ паденье военной дисциплины, именно ту „дезорганизацію, граничащую съ анархіей“, отъ которой кичливо пробовалъ предостерегать Гучковъ.

Правительство возражать Гучкову или указать на то, что Дума выходитъ за предѣлы вѣдѣнья, ей предоставленнаго, не считало нужнымъ. Протесты правыхъ членовъ Гос. Думы оставались какъ бы безрезультатными.

Тѣмъ временемъ группа правыхъ членовъ Госуд. Совѣта въ одномъ изъ военно-морскихъ законопроектовъ усмотрѣла уже прямое нарушенье правъ Монарха. Оказалось, что Дума одобрила не только кредиты, но и самые штаты морского генеральнаго штаба, не подлежавшіе ея разсмотрѣнью за силою 96 ст. Зак. Осн.

Вопросъ этотъ вызвалъ въ Гос. Совѣтѣ острыя пренія, въ которыхъ приняло участье и правительство, выступившее противъ правыхъ и доказывавшее, что законопроектъ о штатахъ морского генеральнаго штаба правильно внесенъ на разсмотрѣнье Гос. Думы и затѣмъ Гос. Совѣта. При голосованіи, правые члены Госуд. Совѣта остались въ меньшинствѣ. Перевѣсъ голосовъ у ихъ противниковъ, очень незначительный, дали голоса членовъ правительства.

Однако, когда одобренный такимъ образомъ въ Госуд. Совѣтѣ законопроектъ о морскихъ штатахъ поступилъ на Высочайшее утвержденіе, то *Государь Императоръ законопроекта не утвердилъ.*

Вслѣдъ затѣмъ, 24 августа 1909 г., были изданы выработанныя въ Совѣтѣ Министровъ и Высочайше утвержденныя правила, точно опредѣляющія порядокъ примѣненья 96 ст. Зак. Основ.

Когда, послѣ лѣтняго перерыва, Дума, 10-го октября 1909 г., возобновила свои занятія, то во второмъ же засѣданіи соціалъ-демократы внесли спѣшный запросъ о *незакономѣрности* правилъ 24-го августа, *Высочайше* утвержденныхъ.

На предложенье предсѣдателя Думы, Хомякова, приступить къ оглашенью запроса, исправлявшій должность секретаря Госуд. Думы (за временнымъ отсутствіемъ И. П. Созоновича) товарищъ секретаря Г. Г. Замысловскій заявилъ съ думской каѳедры при рукоплесканьяхъ справа, что „настоящій запросъ, какъ явно противозаконный, я, въ качествѣ вѣрноподданнаго, оглашать не буду“.

Растерявшійся Хомяковъ не нашелъ ничего болѣе умѣстнаго, какъ сказать: „тогда позвольте просить *кого нибудь* прочитать“.

На каѳедру взошелъ товарищъ секретаря „прогрессистъ“ Соколовъ и приступилъ къ чтенью.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ по сему поводу читаемъ [1]):

„Несмотря на стараніе нѣкоторыхъ газетъ замолчать весь этотъ эпизодъ, значеніе его, несомнѣнно, крупное.

Одно изъ двухъ. Или предсѣдатель дѣйствительно настаивалъ на томъ, чтобы секретарь Думы нарушилъ долгъ вѣрноподданнаго,—въ такомъ случаѣ этотъ предсѣдатель ни одной минуты не долженъ болѣе оставаться на своемъ высокомъ, отвѣтственномъ посту.

Или секретарь, самовольно отказавшись исполнить вполнѣ законное требованіе предсѣдателя, нанесъ ему тяжкое оскорбленіе своею ссылкой на долгъ вѣрноподданнаго. Въ такомъ случаѣ Дума должна была сейчасъ-же внушительно поддержать своего предсѣдателя.

Что же произошло въ ней на самомъ дѣлѣ?

Правые немедленно и очень единодушно выразили свою солидарность съ Замысловскимъ: они встрѣтили его заявленіе громкими аплодисментами, а затѣмъ, когда всетаки началось чтеніе запроса, ушли изъ зала засѣданія.

Лѣвые шикали Замысловскому, рукоплескали члену Думы Соколову, отозвавшемуся на призывъ Хомякова, чтобы „кто-нибудь“ прочелъ запросъ; наконецъ, на слѣдующій день они настаивали, чтобы Замысловскаго „за оскорбленіе предсѣдателя“ исключить на нѣсколько засѣданій.

Но что дѣлала та „руководящая“ партія, изъ среды которой выдвинутъ Хомяковъ на высокій постъ предсѣдателя?

Она, по обыкновенію, не отвѣтила ни да, ни нѣтъ. Даже когда предсѣдатель призывалъ „кого-нибудь“—октябристы не откликнулись“.

„Спѣшность“ запроса доказывалъ соціалистъ Покровскій, невозбранно говорившій, что „народъ не обольщается вашимъ конституціоннымъ цвѣткомъ, изъ-за котораго черезъ чуръ выпукло проглядываетъ *кровавая пасть до-конституціоннаго звѣря*. Если Дума отвергнетъ спѣшность, она покажетъ народу, что онъ самъ *долженъ стать силой*, чтобы пріобрѣсти право“ [2]).

---

[1]) № 240, 1909 г. 20 октября. „Думскіе очерки“.

[2]) Стенографическій отчетъ. Сессія 3. Ч. 1. Стр. 168.

Это преступное заявленье не вызвало даже замѣчанья со стороны предсѣдателя.

Выступившій затѣмъ Гучковъ началъ съ утвержденія, что соціалъ-демократическій запросъ „дѣйствительно имѣетъ *громадное значеніе*". Хотя, молъ, онъ и приправленъ не относящимся къ дѣлу „соціалъ-демократическимъ гарниромъ", „но, повторяю, смущаться намъ этимъ гарниромъ нѣтъ надобности".

Когда, однако, вопросъ о морскихъ штатахъ проходилъ въ Госуд. Совѣтѣ и Гучковъ никакъ не ожидалъ того исхода, который наступилъ, онъ говорилъ иначе: „ничтожны и жалки должны намъ казаться потуги бывшихъ людей отжившаго строя" во „*второстепенномъ* спорѣ о предѣлахъ правъ и безпредѣльности прерогативъ" [1]).

Впрочемъ, октябристы рукоплескали Гучкову и въ томъ, и въ другомъ случаѣ.

По ихъ предложенью, хотя спѣшность запроса и была отвергнута, но таковой былъ переданъ въ комиссію съ назначеньемъ ей двухнедѣльнаго срока для представленья доклада.

Въ думскихъ преньяхъ по этому докладу счелъ нужнымъ, къ сожалѣнью, принять участье самъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, причемъ пренья, выйдя изъ первоначальныхъ рамокъ, обратились къ общему вопросу о Самодержавіи и конституціи. Тогда и правые сочли необходимымъ принять въ нихъ участье.

Прежде, однако, не безынтересно остановиться на той подоплекѣ лѣваго октябризма, которую выяснилъ во время преній по запросу правый октябристъ Гололобовъ [2]):

„При обсужденіи отвѣтнаго адреса на привѣтствіе Государя, при открытіи третьей Госуд. Думы, представители фракціи октябристовъ заявляли здѣсь, что они убѣжденные конституціоналисты. Они въ то время говорили, что считаютъ Россію конституціонной монархіей, что стоятъ за укрѣпленіе конституціоннаго строя, но что всѣми силами борются противъ парламентаризма, что признаютъ правительство сильное, отвѣтственное передъ Монархомъ, но не отвѣтственное передъ политическими партіями. Вотъ, что они говорили. Теперь, г.г., посмотримъ ихъ документы. Я

---

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 2, т. 3. Стр. 1223.

[2]) Стенографическій отчетъ. Сессія 3. Часть IV, стр. 211—223.

обращаюсь къ ихъ программѣ. Въ первой статьѣ ихъ программы говорится, что „Россійская Имперія есть наслѣдственная, конституціонная монархія, въ которой *Императоръ*, какъ носитель Верховной власти, ограниченъ постановленіями Основныхъ Законовъ“. Это, конечно, не идетъ въ разрѣзъ, казалось бы, съ тѣмъ, что они борются съ парламентаризмомъ и отрицаютъ парламентаризмъ. Теперь посмотримъ § 10 этой же программы. Въ немъ говорится слѣдующее: „Министры отвѣтственны передъ *Императоромъ* и *народнымъ представительствомъ (голоса: о, о, о)* коллективно за принятыя Совѣтомъ мѣры и лично за дѣйствія въ области управленія каждаго изъ нихъ“.

Далѣе, въ концѣ § 11 говорится слѣдующее: „Министръ не можетъ въ этомъ случаѣ быть амнистированъ или помилованъ *безъ согласія народнаго представительства*“. Это относится къ тому случаю, когда привлеченные къ отвѣтственности министры будутъ осуждены, и вотъ *Государь* безъ представителей народныхъ не можетъ ихъ амнистировать.

Это ли, г.г., не „парламентаризмъ“, это ли „отвѣтственность только передъ однимъ Монархомъ, а не передъ народными представителями?“ Изъ этого, г.г., вы видите, что несомнѣнно существуетъ явное и очень большое противорѣчіе между тѣмъ, что намъ говорили съ этой трибуны „убѣжденные конституціоналисты“, и тѣмъ, что они написали и что они ставили своей основой.

Мнѣ, какъ избирателю, такъ-же, какъ многимъ милліонамъ избирателей въ Россіи, чрезвычайно важно знать, да гдѣ же правда, насколько они послѣдовательны въ своихъ дѣйствіяхъ, если у нихъ нѣтъ послѣдовательности въ ихъ политическихъ заявленіяхъ и въ ихъ политической программѣ?

Они говорятъ, что Самодержавія нѣтъ, но тогда естественно избиратель спрашиваетъ: а какъ-же актъ 3-го іюня 1907 г.? Какъ быть съ этимъ актомъ „конституціоналистамъ“?

Они отвѣчаютъ дѣйствительно конституціоннымъ языкомъ. Да, говорятъ, юридически это неправильно, но политически это полезно. *(Справа смѣхъ и рукоплесканія).*

Конечно, этотъ актъ для нихъ полезенъ. Неоднократно съ лѣвой стороны указывали, да и мы всѣ знаемъ, что, благодаря этому акту, они въ значительномъ числѣ здѣсь сидятъ.

Когда въ 1905 году было напечатано въ „Новомъ Времени“ сообщеніе, будто бы со словъ Витте, что у насъ конституціи нѣтъ, то центральный комитетъ союза 17 октября настолько обезпокоился, что собрался немедленно и сдѣлалъ постановленіе, которое, (8-го января 1906 г.) разослано по отдѣламъ.

Вотъ, что въ этомъ документѣ говорится: „титулъ самодержавный является нашимъ историческимъ достояніемъ и въ представленіи народа связанъ съ понятіемъ о Монархѣ, но исключеніе этого титула при богослуженіи могло бы внести смуту и расколъ“. А потому его исключать не надо и въ церкви надо провозглашать. *(Смѣхъ справа).*

Г.г., этотъ вопросъ не шуточный. Если вы дѣйствительно убѣждены, что у насъ Самодержавія нѣтъ, если вы честные политическіе борцы, честные политическіе проповѣдники своей идеи, то вы открыто объ этомъ говорите. Нужно не утаивать, а напротивъ, нужно было бы добиваться того, чтобы это было распубликовано, чтобы это было извѣстно, чтобы не было для кого-нибудь какихъ-либо неожиданностей. Какъ хотите, это роковой вопросъ для избирателей. Что будетъ, когда народъ постепенно узнаетъ, что здѣсь написано, что здѣсь постановлено скрывать? Такъ или иначе, согласуйте, пожалуйста, отрицанье Самодержавія съ сокрытіемъ этого отрицанья.

Посмотрите далѣе на текстъ присяги. Сколько бы ни улыбались „убѣжденные конституціоналисты“, но вѣдь улыбкой присягу не вычеркнешь. Вѣдь, если присягалъ ты, то какъ-же у тебя это: ты присягалъ Самодержцу, а теперь ты Самодержавіе отрицаешь? Значитъ, что же, или ты, присягая, вкладывалъ иной смыслъ въ эти слова, а если такъ, то это еврейская присяга. *(Голоса справа: браво).*

Позвольте васъ спросить, г.г.: какъ люди служившіе, разные статскіе, дѣйствительные и тайные совѣтники, камергеры, церемоніймейстеры, какъ они, присягнувъ *Государю,* стоятъ передъ Нимъ? *(Продолжительныя рукоплесканія правой и голоса: браво).* Вѣдь я не для потѣхи это говорю; на самомъ дѣлѣ, позвольте васъ спросить, пора же, наконецъ, выяснить этотъ вопросъ и сказать въ глаза г.г. „убѣжденнымъ конституціоналистамъ“, что вы изъ себя представляете: или вы стоите предъ лицомъ *Государя* въ бѣлыхъ брюкахъ, съ церемоніймейстерскимъ жезломъ, и въ то же время—что же? Вы эту присягу Ему нарушили? А если вы эту присягу не нарушаете, какъ же говорите, что Самодержавія нѣтъ?

Вы попираете присягу, вы отрицаете Самодержавіе Государя, мало того, вы Его хотите заставить присягать!

Вы думаете, что это дерзость съ моей стороны, что я говорю неправду?

„Я опять обращусь къ той „московской конституціи“, которую я вамъ цитировалъ, я вамъ сейчасъ прочту, что здѣсь сказано по поводу присяги: „по вопросу о томъ, дол-

жна ли быть *Государемъ Императоромъ* по открытіи Думы принесена присяга въ сохраненіи дарованныхъ Имъ правъ и свободы, комитетъ (союза 17 октября) пришелъ къ единогласному заключенію, что манифестъ 17 октября, выражая собой добрую волю *Государя Императора*, исключаетъ вопросъ о принесеніи Имъ присяги и вопросъ этотъ можетъ относиться лишь къ Наслѣднику Престола". *(Шумъ справа; голоса слѣва: вѣрно).*

Выходитъ, что *Государю* они оказываютъ снисхожденіе: Ты можешь, *Государь*, не присягать, но Наслѣдникъ *Вашего Императорскаго Величества* долженъ присягать!

Это вѣдь, г.г., документъ, это не шутка.

Если мы привыкли съ балаганной точки зрѣнія относиться къ серьезнымъ вопросамъ, то народъ, стоящій за нами, не такъ смотритъ на этотъ вопросъ и смѣха не позволитъ. *(Голоса справа: браво).* Я не знаю, г.г., при такихъ условіяхъ, что же это такое? Вѣдь это дальше всякаго парламентаризма!"...

Это горячее, искреннее выступленіе виднаго октябриста крайне смутило центръ. Онъ предпочелъ отмолчаться и уклонился какъ отъ отвѣта Я Г. Гололобову, такъ и отъ опроверженія выдвинутыхъ правыми доводовъ.

Со стороны правыхъ вопросъ былъ обстоятельно разобранъ въ рѣчи ихъ предсѣдателя, проф. А. С. Вязигина [1]). Указавъ прежде всего на терминологію нашего законодательства, на то, что ни въ одномъ его актѣ нельзя найти ни „конституціи", ни „конституціоннаго строя", онъ отмѣтилъ, что на западѣ „конституція" неизмѣнно и обязательно сопровождается такъ называемыми „конституціонными гарантіями".

Древнѣйшей изъ нихъ является право вооруженнаго сопротивленья „нарушенью конституціи" (англійская „великая хартія вольностей", французская „декларація правъ человѣка").

Другая „гарантія"—право суда объявлять недѣйствительными противоконституціонныя постановленья правительства (Америка).

Ни того, ни другого наше законодательство совершенно не знаетъ.

Дальше идетъ „отвѣтственность министерства передъ народнымъ представительствомъ". И ея въ Россіи не существуетъ.

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 3. Ч. Ш, стр. 3113—3129.

На западѣ (Германія, Австрія) акты, исходящіе отъ Государя имѣютъ общеобязательную силу лишь въ томъ случаѣ, если они *скрѣплены* отвѣтственнымъ передъ палатами министромъ.

У насъ министры, согласно 214 и 215 статьямъ Учрежденья Министерствъ, тоже обязаны скрѣплять акты государственнаго значенья, но, разумѣется, не въ смыслѣ „конституціонной скрѣпы"—это явствуетъ уже изъ того, что вышеупомянутыя статьи—214 и 215—существуютъ давнымъ давно и заимствованы изъ „Учрежденья Министерствъ", изданнаго еще въ 1811 году.

Въ конституціонныхъ странахъ граждане присягаютъ хранить вѣрность не только Государю, но и конституціи—у насъ этого послѣдняго добавленья нѣтъ.

Сами конституціонные государи присягаютъ на вѣрность конституціи—въ Россіи опять не существуетъ ничего подобнаго.

„Правда", добавилъ Вязигинъ, „со стороны нашихъ революціонныхъ партій имѣется вожделѣнье, извѣстнаго рода похоть. Они говорятъ, что власть *Государя Императора*, даровавшаго, якобы, „конституцію", не можетъ быть связана обязательствомъ присягать на вѣрность Основнымъ Законамъ, но вотъ Наслѣдника при вступленіи на престолъ надо обязать, а потому свободу Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича они хотятъ связать при вступленіи на прародительскій престолъ и подчинить Его обязательству хранить вѣрность Основнымъ Законамъ, т. е. намъ предстоитъ, другими словами, борьба за свободу русскаго Царя, который является носителемъ и хранителемъ свободы великаго русскаго народа. (*Голоса справа: браво*).

Наша исторія показала намъ ясно и отчетливо, что только при свободномъ Царѣ можетъ быть свободенъ и русскій народъ. *(Справа рукоплесканія и голоса: браво).*

Если свобода русскаго Царя будетъ скована инородцами и иновѣрцами, то тогда не можетъ быть и рѣчи о свободѣ русскаго народа.

Такимъ образомъ, ни одной изъ тѣхъ „гарантій", которыя на западѣ являются неизбѣжнымъ условіемъ конституціи, русское право не знаетъ.

Остается разобраться въ понятіи „основные законы".

Разумѣется, они не связываютъ Самодержавной воли Царя, а лишь, по выраженью Сперанскаго, опредѣляютъ „порядокъ, которымъ власть Верховная дѣйствуетъ въ законодательствѣ и управленіи".

Дѣйствительно, въ Россіи должна царить законность, это правило, которое и мы, правые исповѣдуемъ, но что Верховная власть является подзаконной—вотъ это мы отрицаемъ.

Государственная Дума, какъ извѣстно, была учреждена Манифестомъ 6 августа 1905 года. Здѣсь, въ манифестѣ, находимъ такого рода мѣсто: „Мы сохраняемъ *всецѣло за Собой* заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи „Учрежденія Государственной Думы“, и когда жизнь сама укажетъ необхомость тѣхъ измѣненій въ ея „Учрежденіи“, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному, не преминемъ дать по сему предмету соотвѣтственныя въ свое время указанія“.

Въ этомъ манифестѣ мы видимъ, такимъ образомъ, зерно 3 іюня.

„Соотвѣтственныя указанія“ для измѣненія „Учрежденія Государственной Думы“ были даны, какъ извѣстно, 17-го октября 1905 года. Этимъ манифестомъ вовсе не дана была „конституція“, какъ полагаютъ нѣкоторые, а выражаясь опять-таки языкомъ манифеста, „предоставлены Государственной Думѣ новыя въ дѣлахъ законодательства полномочія“ (это слова манифеста 20 февраля слѣдующаго года). Затѣмъ манифестъ 17 октября уже вошелъ въ Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи и имѣетъ наименованіе не „манифеста о конституціи“, какъ значится въ сборникѣ Савича, а „объ усовершенствованіи государственнаго порядка“.

Разница, какъ видите, очень существенная.

Если вы припомните точку зрѣнія лѣвыхъ въ то время, то вы должны будете сказать, что они послѣ изданія манифеста 17 октября требовали полнаго прекращенія законодательства въ Россіи; они желали, чтобы была созвана Дума и чтобы только чрезъ эту самую Думу проходили всѣ новые законы.

Но и эти вожделѣнія не нашли своего осуществленія.

Въ томъ же 1905 г. былъ изданъ рядъ актовъ весьма крупнаго значенія, а въ 1906 г. манифестъ 20 февраля намѣтилъ измѣненіе „Учрежденія Государственнаго Совѣта“ и пересмотръ „Учрежденія Государственной Думы“; 17-го марта 1906 года послѣдовалъ столь огорчившій кадековъ и заставившій кое-кого даже ѣздить въ Парижъ Высочайшій Указъ Министру Финансовъ о заключеніи государственнаго займа. Съ точки зрѣнія тогдашнихъ конституціоналистовъ и эти акты не имѣли силы и значенія, такъ какъ въ Россіи-де водворена была „конституція“, и безъ штемпеля законодательнаго учрежденія никакого займа дѣлать и никакого новаго закона давать нельзя было. Наконецъ, 23-го апрѣля были изданы новые Основные Законы, при чемъ Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату опять гово-

ритъ не о „конституціи“, а объ „установленіи новыхъ путей, по которымъ будетъ проявляться Самодержавная власть Всероссійскихъ Монарховъ въ дѣлахъ законодательства“. Если мы обратимъ вниманіе на Основные Законы новаго изданія, то мы опять увидимъ тутъ точную и ясную формулировку, что Верховная и Самодержавная власть принадлежитъ Государю Императору.

Разумѣется, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что титулъ „Самодержецъ“ показываетъ, будто Русскій Императоръ не зависитъ отъ японскаго или германскаго императора, но зависитъ отъ какого-нибудь кавказскаго соціалъ-экспропріатора или кадекскаго оратора. (*Голоса справа*: браво).

Эти представленія совершенно не научны, не юридичны, и съ ними серьезнымъ образомъ считаться нельзя. (*Рукоплесканія справа*).

Но и послѣ изданія Основныхъ Законовъ 23 апрѣля Самодержавная власть продолжала свою учредительную работу; почти, можно сказать, наканунѣ созыва Государственной Думы, 24 апрѣля, утверждено „Учрежденіе Государственнаго Совѣта“. Интересно, что и въ „Учрежденіи Государственной Думы“ и въ „Учрежденіи Государственнаго Совѣта“ совершенно ясно, рѣзко и опредѣленно подчеркиваются самодержавныя права *Государя Императора*, и каждому изъ здѣсь присутствующихъ возможность сидѣть здѣсь открыло торжественное обѣщаніе въ вѣрности Самодержавной власти.

Какъ извѣстно, первая Госуд. Дума старалась принять характеръ учредительнаго собранія, но эта ея дѣятельность долго не продолжалась, и въ манифестѣ 9 іюля 1906 года о роспускѣ первой Думы мы находимъ въ высшей степени замѣчательное мѣсто, которое въ ученіи о нашихъ Основныхъ Законахъ и о Самодержавіи нашихъ Царей имѣетъ, по моему, рѣшающее значеніе. Вотъ что говорится въ этомъ манифестѣ: „Выборные отъ населенія, вмѣсто работы строительства законодательнаго, уклонились въ непринадлежащую имъ область... и обратились съ указаніемъ Намъ на несовершенство Законовъ Основныхъ, *измѣненія которыхъ могутъ быть предприняты лишь Нашей Монаршей волей*“. Это ясно показываетъ, что Дума находится подъ закономъ, а Самодержавная власть надъ закономъ; она сохранила за собою учредительныя полномочія, учредительную власть.

Всѣ эти хитросплетенья, всѣ эти построенья о мнимой подзаконности Верховной власти разсѣиваются, какъ дымъ: у насъ остается незыблемымъ Самодержавіе и никакой „конституціи“ нѣтъ.

Это ясно, когда вы ознакомитесь съ русскимъ законодательствомъ въ полномъ объемѣ, а не будете выбирать только тѣ статьи, которыя вамъ почему либо пріятны, которыя поддаются вашему искусственному толкованью.

Мы пришли сюда по свободному зову свободнаго Самодержца. Мы стоимъ за свободное единенье свободнаго Царя со свободнымъ русскимъ народомъ".

Мѣсто не позволяетъ намъ, къ сожалѣнью, воспроизвести всю обширную рѣчь А. С. Вязигина, со всѣми ея ссылками на русское и иностранное законодательство, на мнѣнья русскихъ и иностранныхъ ученыхъ.

Однако и приведенныя нами части этой замѣчательной рѣчи достаточно показываютъ, какое незыблемое обоснованье, строго государственное, научное, историческое и юридическое дали въ третьей Госуд. Думѣ правые своимъ взглядамъ на существо Самодержавной власти.

Этой рѣчью были прекрасно дополнены многочисленныя рѣчи правыхъ о Самодержавіи, произнесенныя 13 ноября 1907 г., при обсужденіи Всеподданнѣйшаго адреса и освѣщавшія вопросъ главнымъ образомъ съ церковной, бытовой и чисто народной точки зрѣнья [1]).

Что касается соціалъ демократическаго запроса о правилахъ 24 августа 1909 г. и 96 статьѣ Зак. Осн., то онъ послѣ весьма продолжительныхъ преній, былъ, наконецъ, отвергнутъ Госуд. Думой.

Хотя съ изданьемъ этихъ правилъ дальнѣйшимъ посягательствамъ на права Монарха въ области военно-морского законодательства былъ положенъ, казалось, предѣлъ, тѣмъ не менѣе поползновенья нашихъ парламентаріевъ, съ Гучковымъ во главѣ, правда, гораздо болѣе мелкія, чѣмъ раньше, продолжались до самаго конца думскихъ занятій и, насколько можно вѣрить газетнымъ сообщеньямъ, именно на этой почвѣ разыгралась весною 1912 года исторія, закончившаяся отставкой Помощника Военнаго Министра Поливанова.

Думское захватное право проявлялось довольно ярко и въ другихъ областяхъ. Внѣшняя политика, какъ извѣстно, изъята изъ вѣдѣнья Думы. Тѣ случаи, когда Министръ Иностранныхъ Дѣлъ открывалъ въ Думѣ пренія по внѣшней политикѣ, были обусловлены каждый разъ особымъ Высочайшимъ разрѣшеньемъ. Тѣмъ не менѣе кадеки выступали съ рѣчами о международномъ положеніи Россіи и внѣ этихъ

[1]) Большинство этихъ рѣчей издано въ особомъ сборникѣ Союзомъ имени Михаила Архангела.

случаевъ, а предсѣдатель, Хомяковъ, несмотря на протесты справа, такимъ выступленьямъ не препятствовалъ. Несомнѣннымъ вмѣшательствомъ въ иностранную политику должно признать поѣздку нашихъ парламентаріевъ, во главѣ съ предсѣдателемъ Думы Хомяковымъ, Гучковымъ и Милюковымъ, въ Англію, для вящшаго укрѣпленья „россійской конституціи". Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что сіи знатные иностранцы держали себя въ Англіи не какъ обыкновенные путешественники и туристы, а какъ *представители русской Думы.* На это самозванство они, разумѣется, ни малѣйшаго права не имѣли, ибо никто имъ такихъ полномочій не давалъ, да по закону и не могъ дать.

Чрезвычайно серьезныя, крайне опасныя попытки насаждать конституцію давленьемъ на правительство были сдѣланы путемъ бюджетнаго пресса; какова, напримѣръ думская баллотировка о производствѣ ассигнованья изъ того десятимилліоннаго фонда, который *изъятъ изъ думскаго вѣдѣнья,* находясь въ непосредственномъ распоряженіи Государя—но эти попытки будутъ разсмотрѣны въ особой главѣ, посвященной бюджетнымъ вопросамъ.

Здѣсь остается разобрать весьма любопытную исторію думскаго Наказа. И этимъ путемъ наши конституціоналисты пытались, по возможности незамѣтно, расширить свои права.

Еще во времена первой Думы Сенатъ оцѣнилъ ихъ старанья по достоинству и 12 іюня 1906 года наказъ ея „за несогласованностью съ закономъ" опубликовать отказался.

Такой же указъ былъ изданъ Сенатомъ осенью 1909 г. въ отношеніи наказа третьей Думы.

Свойствамъ сего послѣдняго была посвящена въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 13-го октября 1909 года [1]) особая статья, большую часть которой мы и воспроизводимъ:

„Наказъ 3-й Думы, выработанный въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ Маклакова, мало чѣмъ отличается отъ наказа первой Думы: тенденція та же, и почти каждая статья, опротестованная Сенатомъ, имѣетъ уже свою исторію.

Старанія первой Думы войти въ непосредственныя, тѣсныя сношенія съ широкими кругами населенія достаточно извѣстны. На мѣстахъ велась усиленная агитація, чтобы посылать въ Думу какъ можно больше всевозмож-

[1]) № 234. Думскіе очерки.

ныхъ требованій, ходатайствъ, постановленій, а въ Думѣ была образована особая „комиссія для разбора корреспонденціи“, гдѣ предполагалось „изслѣдовать“ всѣ эти жалобы и просьбы, давать по нимъ непосредственно соотвѣтствующія справки и отвѣты, вести по этому поводу переписку съ администраціей,— другими словами, укрѣпить за Думой обходнымъ путемъ то „право петицій“, которое ей не предоставлено, въ виду прямого постановленія закона, но присуще учредительному собранію.

Конечно, въ третьей Думѣ вести дѣла въ такомъ масштабѣ было нельзя.

Н. А. Хомяковъ попробовалъ было помѣщать въ оффиціальномъ думскомъ справочномъ листкѣ заявленія, поступающія въ Думу съ мѣстъ; но сія затѣя вызвала немедленно рѣзкій письменный протестъ правыхъ, и предсѣдатель уступилъ.

Гораздо болѣе серьезная попытка въ этомъ направленіи предпринята наказомъ. По закону выборное производство, въ окончательной его стадіи, присылается въ Думу, и Дума, усмотрѣвъ изъ этого производства, что кто либо изъ ея членовъ выбранъ неправильно, большинствомъ двухъ третей такіе выборы отмѣняетъ.

Наказъ вноситъ къ закону „дополненіе“ и говоритъ, что, кромѣ отмѣны, Дума можетъ учредить особую комиссію для изслѣдованія нарушеній закона и различныхъ злоупотребленій, сопряженныхъ съ выборами, причемъ дѣятельность такой комиссіи должна протекать совершенно самостоятельно и независимо отъ вопроса объ отмѣнѣ выборовъ: выбытіе изъ состава Думы того или иного члена не останавливаетъ изслѣдованія (параграфы 16 и 18 Наказа). Другими словами—отмѣна выборовъ сама по себѣ, а „изслѣдованіе злоупотребленій“ само по себѣ.

Не трудно убѣдиться, что здѣсь идетъ конституціонная возня все съ тѣмъ же „правомъ петицій“, только въ нѣсколько суженномъ и замаскированномъ видѣ.

Разъ учреждена особая думская комиссія для изслѣдованія злоупотребленій администраціи, то въ нее, конечно, обильно потекутъ съ мѣстъ всевозможныя жалобы, заявленія и ходатайства, искусно подогрѣваемыя соотвѣтствующею агитаціей, а вѣдь вопросъ о томъ, что имѣетъ отношеніе къ выборамъ, крайне растяжимый.

Какъ же производить „изслѣдованіе“ по такимъ жалобамъ?

Надо членамъ Думы поѣхать на мѣста, опросить того-другого изъ „потерпѣвшихъ“; надо войти съ ними въ непосредственныя сношенія, въ переписку, съ другой же стороны затребовать объясненія о выборныхъ злоупотребленіяхъ и отъ различныхъ правительственныхъ органовъ, а газеты

уже позаботятся о томъ, чтобы пустить по поводу такихъ „изслѣдованій“ надлежащій фейерверкъ.

Сенатъ, однако, нашелъ, что тотъ способъ, которымъ Дума можетъ контролировать дѣятельность правительственныхъ мѣстъ и лицъ въ смыслѣ ея закономѣрности, точно установленъ закономъ: этотъ единственный способъ—запросы, на которые правительство обязано давать объясненія. Учрежденіе же особыхъ комиссій для изслѣдованія нарушеній правительствомъ закона—Думѣ не предоставлено.

Слѣдующимъ камнемъ преткновенія является вопросъ о приглашеніи въ думскія комиссіи свѣдущихъ лицъ. И онъ не новъ. Настойчивость, съ которою наши парламентаріи добиваются такого права, прикрывается до поры до времени очень благовидно. „Вѣдь всякое знаніе полезно“, говорятъ они. „Почему лишать насъ возможности послушать знающаго человѣка, который научно, всесторонне освѣтилъ бы намъ вопросъ, требующій спеціальной подготовки?“

Думается, однако, что такая мотивировка едва ли искренняя.

Когда совѣты знатоковъ и спеціалистовъ дѣйствительно были нужны членамъ Думы, они находили гораздо болѣе удобнымъ пользоваться таковыми внѣ думскихъ стѣнъ, внѣ засѣданій думскихъ комиссій. Когда подготовлялись, напримѣръ, „финляндскія“ пренія, то съ одной стороны правыя партіи совѣтовались съ русскими людьми, прекрасно изучившими Финляндію и ея законодательство, а съ другой стороны „объединенная оппозиція“ выслушивала докладъ спеціально пріѣхавшихъ для этого въ Петербургъ финляндскихъ вожаковъ. Познанія, а главное подборъ матеріала здѣсь находились въ неразрывной связи съ извѣстною политическою точкой зрѣнія, и такъ во всѣхъ вопросахъ, возбуждающихъ думскіе дебаты; вѣдь о сторонѣ дѣла только технической тамъ почти не спорятъ, да, наконецъ, эту сторону дѣла всегда готовы разъяснить спеціалисты, входящіе въ составъ самого правительства.

„Свѣдущіе люди“ нужны въ думскія комиссіи, конечно, не ради того, чтобъ обогатить членовъ Думы своими свѣдѣніями, а для цѣлей совершенно иного порядка: или это будутъ люди, которыхъ подъ щитомъ безпартійности, даже научности, „напустятъ“, что называется, на представителей правительства, или свѣдущими людьми окажутся партійные генералы, по капризу выборныхъ комбинацій не попавшіе въ Думу и стремящіеся быть поближе къ своему стаду, чтобы лучше имъ командовать (примѣръ—Милюковъ во второй Думѣ), или, наконецъ, вообще „улица“, люди, нужные партіи по тѣмъ или инымъ тактическимъ соображеніямъ.

Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто съ Н. А. Хомяковымъ, какъ извѣстно, весьма

дорожащимъ своею популярностью. Совершенно неожиданно для большинства Думы, онъ обратился къ предсѣдателю Совѣта Министровъ съ настойчивымъ, двукратнымъ письменнымъ заявленіемъ о необходимости вызвать въ думскую судебную комиссію, въ качествѣ свѣдущаго лица (!?), ведущаго думскіе отчеты въ *Новомъ Времени* журналиста А. А. Пиленко,—каковыя настоянія встрѣтили, впрочемъ, самый рѣшительный отказъ со стороны правительства.

Такова, вкратцѣ, „исторія" вопроса, завершившаяся нынѣ авторитетнымъ указаніемъ Сената на законъ, а именно на 42 ст. Учр. Гос. Думы, согласно коей „въ засѣданія комиссій постороннія лица не допускаются".

Далѣе, Сенатъ остановилъ свое вниманіе на статьѣ Наказа, опредѣляющей предѣлы вѣдѣнія думской финансовой комиссіи, гдѣ, между прочимъ, сказано, что ея разсмотрѣнію подлежатъ дѣла „по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ за счетъ казны". Сличая это постановленіе съ закономъ, опредѣляющимъ компетенцію самой Думы, Сенатъ усмотрѣлъ, что законъ гласитъ иначе, чѣмъ Наказъ: Думѣ подлежатъ дѣла „о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ *непосредственнымъ распоряженіемъ казны* и за ея счетъ". Обращаясь опять-таки къ нашей „парламентской исторіи", необходимо констатировать, что пропускъ въ Наказѣ словъ закона: „непосредственнымъ распоряженіемъ казны",—отнюдь не является плодомъ недосмотра или случайной ошибки.

Въ прошлую сессію нашими парламентаріями, съ предсѣдателемъ бюджетной комиссіи Алексѣенко во главѣ, велась ожесточенная кампанія, занявшая цѣлый рядъ думскихъ засѣданій, чтобъ оттянуть въ вѣдѣніе Думы дѣла о постройкѣ частныхъ желѣзныхъ дорогъ съ правительственною гарантіей, т. е. тѣхъ дорогъ, которыя хотя и строятся, въ извѣстномъ смыслѣ, „за счетъ казны", но не „непосредственнымъ ея распоряженіемъ [1]).

Конечно, если-бы эту категорію желѣзнодорожнаго строительства передать въ вѣдѣніе Думы, то вліяніе на нее

[1]) Для иллюстраціи этихъ строкъ не лишнее обратить вниманье на фактъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ уже послѣ ихъ написанья: бывшій предсѣдатель Государственной Думы второго созыва и членъ Государственной Думы третьяго созыва, кадекъ Головинъ сложилъ свои въ ней полномочія, чтобы стать во главѣ крупной желѣзнодорожной компаніи, добивавшейся получить у правительства концессію на постройку, *съ гарантіей отъ казны*, большой желѣзнодорожной линіи изъ Москвы черезъ Нижній-Новгородъ на востокъ. Насколько дѣло выяснилось въ настоящее время, правительство предпочло дать концессію другой компаніи, которая поведетъ дорогу черезъ Москву-Казань. Тѣмъ большее значенье пріобрѣтаетъ близость столь виднаго кадекскаго дѣятеля къ постройкѣ дороги „съ гарантіей" въ то время, когда кадеки, съ Шингаревымъ во главѣ, изъ кожи вонъ лѣзли, доказывая, что вопросъ этотъ подлежитъ вѣдѣнью Думы, а не правительства.

биржи и банка было бы прочно закрѣплено, но правительство дало весьма энергичный отпоръ и весь походъ господъ парламентаріевъ свелся на нѣтъ.

Теперь, пользуясь подходящимъ случаемъ и весьма удобною замаскированною формой, они возобновили попытку, но и на сей разъ неудачно: Сенатъ весьма опредѣленно поставилъ точку на і.

Таковы главныя основанія для неутвержденія Наказа.

Касаясь весьма разнообразныхъ вопросовъ, всѣ они, тѣмъ не менѣе, сходятся къ одной отправной точкѣ—къ непрерывной борьбѣ съ правительствомъ за расширеніе думскихъ правъ захватнымъ путемъ,—но къ борьбѣ, ведущейся крадучись, исподтишка и проникнутой мелкимъ политиканствомъ.

А широкую публику стараются увѣрить, что единственная цѣль „руководящей фракціи"—создать трудоспособную Думу".

Хотя Сенатъ отказался опубликовать Наказъ третьей Госуд. Думы за несогласованностью его съ закономъ, однако Дума не приняла рѣшительно никакихъ мѣръ, чтобы такого согласованья достигнуть. Напротивъ, она рѣшила „игнорировать" указъ Сената, считать его какъ бы несуществующимъ и ввести въ дѣйствіе Наказъ безъ всякихъ измѣненій. Дума, молъ, выше закона.

Указъ Сената послѣдовалъ, какъ было упомянуто, осенью 1909 года, а въ началѣ 1910 года вышелъ „Справочникъ Госуд. Думы", на обложкѣ котораго значится: „печатано по распоряженью предсѣдателя Думы".

На страницахъ 385—418 этого Справочника помѣщенъ „Наказъ Госуд. Думы", съ такой помѣткой „утвержденъ Госуд. Думою 2 іюня 1909 года", но никакого упоминанья, что сіе произведенье парламентарнаго творчества объявлено Сенатомъ незаконнымъ—не находимъ.

А какіе громы метались съ думской каѳедры нашими парламентаріями вслѣдствіе того, что правительство, молъ, подрываетъ авторитетъ Сената, этого „высшаго хранилища законовъ въ Имперіи".

Но чѣмъ больше можно подорвать авторитетъ Сената, какъ не упорнымъ неповиновеньемъ его указамъ!? А вѣдь „октябристская" Дума до послѣднихъ дней своихъ жила и работала по неопубликованному Сенатомъ Наказу.

Такова исторія насажденья „Конституціи" въ третьей

Государ. Думѣ и непрестанныхъ попытокъ умалять права Монарха.

Исторіею этой обнимается цѣлый рядъ событій, начиная съ очень крупныхъ, даже такихъ, гдѣ Государь Императоръ не утвердилъ законопроекта, принятаго голосами членовъ правительства, и кончая мелкими, на видъ почти забавными случаями. Однако всѣ эти случаи, какъ бы ни казались нѣкоторые изъ нихъ мелки и даже забавны, являлись частицей одного планомѣрнаго, хорошо обдуманнаго цѣлаго, стремленья пользоваться каждымъ моментомъ для расширенья своихъ правъ путемъ захвата, для того, чтобы эти свои права противопоставлять правамъ Монарха и правительства, чтобы понемногу, посредствомъ „практики", „прецедентовъ", „установившагося обычая"—превращать Думу въ учрежденье надзаконное и, слѣдовательно, обладающее суверенными, верховными правами.

Цѣль эта, однако, никогда не обозначалась прямо. Она тщательно прикрывалась самыми разнообразными, но неизмѣнно „популярными" лозунгами.

„Заботы о военной мощи Россіи", „желанье пріобрѣсти ей побольше друзей за границею", „необходимость лучше смотрѣть за тѣмъ, какъ расходуется народное достоянье"—вотъ къ чему старались пріурочить наши конституціоналисты свои вылазки противъ Самодержавія, дабы, въ случаѣ отпора немедленно поднять въ „дѣлающихъ общественное мнѣнье" газетахъ лицемѣрный крикъ: „*мы* были *за* укрѣпленье военной мощи, за огражденье народнаго достоянья, слѣдовательно, тѣ кто намъ возражалъ—*противъ* укрѣпленья военной мощи, противъ огражденья народнаго достоянья".

Чисто масонская передержка понятій, которая, впрочемъ достаточно была раскрыта въ главѣ „о православіи". Вѣдь и враги православія ни разу не сказали о своей враждѣ открыто, все время прикрываясь „свободою совѣсти", „любовью къ старообрядцамъ" и т. п.

Какъ врагамъ Православія, такъ и противникамъ Самодержавія правые дали въ третьей Думѣ отпоръ достаточно внушительный, ибо, подъ конецъ, безсильная отстоять свои явныя противорѣчья „руководящая партія" явно избѣгала всякихъ споровъ по существу этого важнѣйшаго вопроса.

Глава VI.

Народность.

Въ разобранныхъ выше вопросахъ—о православіи и самодержавіи—правымъ, по необходимости, пришлось держаться оборонительно. Они принуждены были лишь отражать нападенья враговъ; *положительныхъ* же мѣръ проводить не было возможности.

Въ вопросахъ національныхъ, наоборотъ, правымъ удалось, не ограничиваясь одною обороною, перейти и въ наступленіе: съ огромнымъ напряженьемъ силъ, съ громадною затратой энергіи, но добиться проведенья такихъ законопроектовъ, которые представляютъ безспорный шагъ впередъ. Несомнѣнно, однако, что и эти законопроекты, эти *положительные* результаты, очень, къ сожалѣнью, немногочисленные, являются, по существу, не *нападеньемъ*, а лишь *защитою*, защитою отъ того невѣроятнаго инородческаго засилія, которое столь недавно чуть не привело Россію на край гибели.

Немедленно послѣ созыва третьей Думы, правые приступили къ тщательному изученью того, что творилось на нашей финляндской окраинѣ и внесли запросъ о безпрепятственной дѣятельности тамошнихъ революціонныхъ организацій, „воймы", „красной гвардіи".

Этотъ запросъ былъ принятъ думскою комиссіею и 5 мая 1908 г. уже поставленъ на повѣстку общаго собранья.

Выступившій тогда же съ обширной рѣчью П. А. Столыпинъ призналъ совершенную правильность фактовъ, изложенныхъ въ запросѣ. „Я думаю, сказалъ онъ, что подвозъ въ Финляндію цѣлыхъ, нагруженныхъ оружіемъ кораблей былъ бы признанъ за провокаціонную сказку, если бы опять таки не факты" [1]).

Дѣйствительно, то, что творилось тогда на погибель Россіи въ Финляндіи, превосходило самую смѣлую фантазію. Подготовка тамъ, на широкихъ началахъ, вооруженнаго возстанія была доказана правыми ораторами документально, выяснилась роль финляндцевъ и въ общемъ революціонномъ движеніи.

---

[1]) Стеногр. отчетъ сессія 1 ч. 2 стр. 2922.

Именно они устроили въ 1904 г. въ Парижѣ тотъ знаменитый конгрессъ, гдѣ Милюковъ засѣдалъ бокъ о бокъ съ Азефомъ и гдѣ, по удостовѣренію финляндскаго дѣятеля Конни Циліакуса, бывшаго на этомъ конгрессѣ делегатомъ, „состоялось сближенье между революціонными партіями и организаціями“. „Общее положенье теперь указало вожакамъ различныхъ партій, что наступило время для совмѣстной работы—пишетъ Циліакусъ—финляндская партія революціонеровъ взяла на себя временно требуемую обстоятельствами иниціативу соединенья разныхъ партій, несогласныхъ между собой. Члены партіи дѣлались центральнымъ ядромъ, вокругъ котораго собираются отдѣльные оппозиціонные элементы“.

Кто же, кромѣ русскихъ революціонеровъ, представленныхъ Милюковымъ и Азефомъ, собрался вокругъ этого ядра?

Циліакусъ перечисляетъ: „поляки, армяне, грузины евреи, латыши“—„завоеванные и порабощенные силою народы окружаютъ Россію пылающимъ кольцомъ бунта и революціи“.

Послѣ парижскаго конгресса въ Финляндіи начался, какъ извѣстно, рядъ террористическихъ актовъ: былъ убитъ генералъ губернаторъ Бобриковъ, раненъ бомбою его помощникъ Дейтрихъ, совершено покушенье на выборгскаго губернатора Мясоѣдова, убитъ жандармскій полковникъ Крамаренко и т. д.

Достовѣрности оглашенныхъ правыми съ думской каѳедры [1]) откровеній Циліакуса никто не оспаривалъ. Между тѣмъ этими откровеніями выясняется уже не только значеніе Финляндіи въ русскомъ революціонномъ движеніи: ими устанавливается заговоръ противъ Россіи враждебныхъ ей инородцевъ. Выждавъ моментъ—японскую войну—ихъ представители собрались въ Парижѣ, чтобы, забывъ взаимную рознь, объединиться противъ общаго врага—единой, недѣлимой, самодержавной Россіи. И въ этотъ союзъ инородцевъ, окружившихъ Россію въ тяжелую годину войны „пылающимъ кольцомъ бунта и революціи„ вошли представители русскихъ революціонныхъ партій, до лидера кадековъ Милюкова включительно.

---

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія I. ч. 2 стр. 2948.

Немудрено, что лишь только въ Думѣ тронули финляндцевъ, за нихъ горой встала такъ называемая „оппозиція“.

Но запросъ о Финляндіи обнаружилъ слишкомъ многое и привелъ къ внесенію правительствомъ въ мартѣ 1910 г. законопроекта „о порядкѣ изданья касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенья“.

Реформа эта, разсмотрѣнная Думою въ маѣ 1910 г. представлялась крайне важной прежде всего со стороны принципіальной. Въ своемъ стремленіи отдѣлиться отъ Россіи. финляндцы создали особую теорію финляндской государственности, глашатаемъ коей въ Думѣ явился Милюковъ. Согласно этой теоріи, хотя Финляндія и входитъ въ составъ Россійской Имперіи, но составляетъ *государство*, имѣющее свою отдѣльную, *особую конституцію*—прикасаться къ этой конституціи ни русское правительство, ни русскія законодательныя учрежденья не имѣютъ ни малѣйшаго права. Издавать законы для Финляндіи можетъ только одно законодательное учрежденье — финляндскій сеймъ и никакое другое.

Послѣдовательное проведенье этой теоріи финляндскими учеными, финляндскими учрежденьями и финляндскими государственными дѣятелями создавало все большее и большее отдѣленье Финляндіи отъ Россіи, которому давно надо было положить конецъ.

На самомъ дѣлѣ, ни финляндскаго „государства“, ни какой то особой финляндской государственности никогда не существовало. Она была искусственно выдумана, какъ орудіе сепаратизма.

Дѣйствительно, Финляндіи еще задолго до 1905 г. было даровано широкое самоуправленье съ сеймомъ во главѣ, для *мѣстныхъ* финляндскихъ дѣлъ, но, разумѣется, этотъ сеймъ ни малѣйшимъ образомъ не ограничивалъ Верховной, Самодержавной власти Русскихъ Государей, которые, въ тѣхъ случаяхъ, когда находили нужнымъ, очень часто давали Финляндіи законы непосредственно, безъ участья сейма. Да и невозможно себѣ представить, чтобы власть Государя въ одной части единаго государства была ограниченной, а въ другой неограниченной.

Эти принципіальныя положенья были подробно развиты

правыми ораторами. Они дали съ самаго Фридрихсгамскаго мира, съ того момента, какъ въ 1809 г. Финляндія изъ шведской провинціи стала русскою провинціей, перешла „въ державное обладанье Россіи"—подробный очеркъ развитія финляндскихъ государственныхъ учрежденій, разсѣивающій, какъ дымъ, теорію о пресловутой финляндской конституціи и особой государственности, а затѣмъ привели, по годамъ, длинный перечень законовъ по разнообразнѣйшимъ вопросамъ, данныхъ русскими Государями Финляндіи помимо сейма.

Не менѣе важно было практическое значенье законопроекта. Какъ бы широко ни толковать права финляндскаго сейма, оказывалось все таки безспорнымъ, что кругъ его вѣдѣнья ограниченъ Финляндіей и не можетъ простираться за ея предѣлы. Между тѣмъ, цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, имѣя примѣненіе въ Финляндіи, выходитъ, однако, за границы этой окраины и касается интересовъ всего государства.

Въ какомъ порядкѣ, со времени учрежденья Госуд. Думы, должны разсматриваться такіе законодательные акты?

Вопросъ этотъ оказался законами не предусмотрѣннымъ, не рѣшеннымъ.

Послѣдовательно проводя идеи особой финляндской государственности, финляндскіе дѣятели хотѣли рѣшить его путемъ такъ называемыхъ „делегацій": собираются въ одинаковомъ числѣ представители Россіи, представители Финляндіи и приходятъ къ соглашенью.

— А если не будетъ соглашенья?

— Тогда и дѣло остается не разрѣшеннымъ, гласила теорія господъ финляндцевъ, которые тѣмъ временемъ усиленно старались подъ шумокъ, проводить вопросы общегосударственнаго значенья, подъ видомъ „мѣстныхъ", черезъ свой сеймъ, въ явный ущербъ русскимъ интересамъ.

Правительственный законопроектъ разрѣшалъ эти хитросплетенья очень просто: дѣла общеимперскаго значенья, касающіяся Финляндіи, разсматриваются такъ же, какъ и всякія другія законодательныя дѣла, Финляндіи не касающіяся: русскими Госуд. Думою и Госуд. Совѣтомъ. Отличіе состоитъ лишь въ томъ, что по общеимперскимъ дѣламъ, касающимся Финляндіи, спрашиваютъ раньше мнѣніе финлянд-

скаго сената и сейма—разумѣется, отнюдь не обязательное ни для Госуд. Думы, ни для Госуд. Совѣта. А такъ какъ возникло не безосновательное опасенье, что финляндцы могутъ прибѣгнуть къ „обструкціи", къ умышленной затяжкѣ, то для поступленья такихъ мнѣній былъ установленъ срокъ. Если въ теченіи этого срока финлядскаго мнѣнія не поступило, то дѣло идетъ дальше и безъ таковаго.

Кромѣ того въ составъ Госуд. Думы вводились четыре члена отъ финляндской окраины.

Далѣе возникалъ неизбѣжный вопросъ: какія законодательныя дѣла, касающіяся Финляндіи, считать дѣлами общеимперскаго значенья и какія—мѣстнаго финляндскаго. Въ разрѣшенье этого вопроса реформа заключала перечень тѣхъ законодательныхъ дѣлъ, которыя, во всякомъ случаѣ, считаются дѣлами значенья общеимперскаго.

Такая постановка, при достаточной широтѣ перечня, разрушала въ корнѣ—и принципіально и практически—всякіе разговоры о финляндской государственности.

Разумѣется, лѣвое крыло рвало и метало. Когда, наконецъ, послѣ пространнѣйшихъ преній, Дума перешла къ постатейному чтенью, то соціалисты покинули залъ засѣданья, заявивъ, что Дума „не компетентна разсматривать законопроектъ", что они, соціалисты, „не могутъ приложить руки къ тому преступленью, которое совершается". За соціалистами ушли и трудовики.

Исходъ ихъ значительно облегчилъ дѣло и разстроилъ кадекскую игру. Она была разсчитана на то, чтобы свести на нѣтъ вышеуказанный перечень, вырвать изъ него самые главные вопросы, перевести ихъ изъ разряда „общеимперскихъ" въ разрядъ „мѣстныхъ", подлежащихъ, слѣдовательно, вѣдѣнью финляндскаго сейма. Если бы такая игра удалась, то весь законопроектъ могъ сдѣлаться непріемлемымъ для правыхъ, между тѣмъ въ лагерѣ октябристовъ пошли, по обыкновенью, колебанья, сомнѣнья и лѣвая ихъ часть уже остановилась на томъ, чтобы голосовать противъ такихъ важнѣйшихъ пунктовъ перечня, какъ законодательство *о школахъ, о печати, о собраньяхъ и союзахъ*. Въ виду раскола среди центра, голосованье по этимъ пунктамъ представлялось очень шаткимъ, сомнительнымъ, и при переходѣ

къ постатейному чтенью, Милюковъ имѣлъ основанье сказать: „мы не подаримъ вамъ ни одного шага“.

Однако, когда соціалисты и трудовики, несмотря на кадекскія увѣщанья, ушли, соблюдая „чистоту принципа“, то стало очевиднымъ, что при голосованіи пунктовъ, возбуждающихъ расколъ среди октябристовъ, большинство окажется у правой части Думы. Тогда и Милюковъ немедленно измѣнилъ свою тактику: онъ заявилъ, что „Финляндію изнасиловали и „дальнѣйшее участье въ голосованьяхъ оппозиція считала бы просто участіемъ въ недостойной игрѣ, которую она считаетъ для себя унизительной“ [1]).

Послѣ ухода кадекъ, правымъ уже не представило особеннаго труда отстоять законопроектъ отъ какихъ либо урѣзокъ или искаженій. Мало того, „перечень“ даже былъ расширенъ, сравнительно съ правительственнымъ текстомъ, дополненъ новыми пунктами. Кромѣ того, по настоянью правыхъ, было указано, что законы общеимперскаго значенья становятся обязательными для Финляндіи послѣ опубликованья ихъ *Правит. Сенатомъ*, а не *финляндскими учрежденьями*, какъ было предположено въ правительственномъ текстѣ. Измѣненіе весьма существенное какъ въ смыслѣ дальнѣйшаго уничтоженья финляндской обособленности, такъ и въ виду систематическаго отрицательнаго отношенья финлядскихъ учрежденій къ требованьямъ русской власти.

Законопроектъ „о порядкѣ изданья касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенья“ былъ Высочайше утвержденъ и сталъ закономъ 17 іюня 1910 г., но и до сихъ поръ финляндцы стараются его „бойкотировать“, не выбирая, напримѣръ, въ Госуд. Думу четырехъ членовъ отъ Финляндіи.

Въ порядкѣ закона 17 іюня, правительствомъ было внесено въ Думу два законопроекта: 1) „о производствѣ финляндскою казною платежей государственному казначейству взамѣнъ отбыванья финляндскими гражданами личной воинской повинности“ и 2) „объ уравненіи въ правахъ съ финляндскими гражданами другихъ русскихъ подданныхъ“.

Оба законопроекта, разсмотрѣнные и принятые Думою въ октябрѣ 1911 года, весьма достопримѣчательны.

---

[1]) Стеногр. отч. сессія 3, ч. IV, стр. 2417, 2446, 2473.

Въ своемъ стремленіи къ обособленью отъ Россіи, финляндцы въ 1878 году провели для себя новый воинскій уставъ, гдѣ говорилось, что „финляндскія войска предназначены только для защиты Финляндіи“, что русскіе подданные, не состоящіе финляндскими уроженцами, не могутъ служить въ этихъ войскахъ, и вообще былъ введенъ цѣлый рядъ особенностей, долженствовавшихъ отдѣлить финляндскія воинскія части отъ русскихъ. При прохожденіи этого устава, глава финляндскихъ сепаратистовъ, финляндскій сенаторъ Лео Мехелинъ произнесъ весьма знаменательныя слова: „несомнѣнно, отношенье къ покровительствуемому и безоружному будетъ совершенно иное, чѣмъ къ *вооруженному союзнику*“.

При генералъ губернаторѣ Бобриковѣ эти особыя войска „вооруженнаго союзника“ были упразднены и въ Финляндіи введена общая воинская повинность, такая же, какъ и въ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи. Финляндцы, однако, встрѣтили эту мѣру безпорядками, сопротивленіемъ „пассивнымъ“ (которому кадеки хотѣли подражать пять лѣтъ спустя выпускомъ выборскаго воззванья), а затѣмъ и „активнымъ“—убійствомъ Бобрикова.

Преемники этого замѣчательнаго русскаго дѣятеля пошли на попятный и финляндцы къ общей воинской повинности такъ и не были призваны. Но этого мало, они оказались освобожденными и отъ тѣхъ денежныхъ расходовъ, которые несла Россія на оборону государства.

Здѣсь будетъ не лишнимъ привести выкладку, сдѣланную П. А. Столыпинымъ въ его думской рѣчи при обсужденіи закона 17 іюня[1]):

„Было бы совершенно справедливо, если бы на финлянцевъ, точно такъ же, какъ и на всю остальную Имперію, упадали бы нѣкоторые, совершенно безспорные расходы, ложащіеся на каждаго жителя Имперіи въ суммѣ; 3 р. 59 к. на содержанье арміи и флота, 10 коп. на содержанье Министерства Двора, 4 коп. на содержанье Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; всего 3 р. 73 коп. на жителя, а если вычесть платимые финляндцами на однородные расходы—я беру въ расчетъ всѣ подходящіе расходы, пенсіи, лоцію и т. д.—54 коп. съ жителя, то на каждаго финляндца придется 3 р. 19 коп. а на всю Финляндію 9,625,000 рублей.

---

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 3 ч. IV, стр. 2031.

На Россію тягота эта ложится по 6 коп. на каждаго жителя. Иными словами, каждый русскій, старикъ и младенецъ, женщина и мужчина за проблематическое право обладанья Финляндіей платятъ по 6 коп. въ годъ, а съ семьи въ пять душъ—30 коп., а каждый финляндецъ получаетъ льготу отъ Имперіи по 3 р. 19 коп., а на каждое семейство 15 р. 95 коп. въ годъ. Въ расчетъ этотъ не вошли таможенные доходы, которые составляютъ 16,500,000 р. Сопоставляя все это, будетъ ясно, почему Финляндія, расходуя на каждаго жителя совершенно столько же, сколько и Россія, т. е. по 15 рублей съ копейками, можетъ употреблять на культурныя надобности *вдвое* больше, а на управленье, несмотря на всѣ припѣвы о нашемъ бюрократизмѣ, *втрое* больше, чѣмъ Россія".

Казалось бы, при такихъ условіяхъ нельзя оспаривать законопроекта, который гласилъ: „взамѣнъ привлеченья финляндскихъ гражданъ къ отбыванью личной воинской повинности, возложить на финляндскую казну обязанность производить ежегодные денежные взносы въ государственное казначество.

Размѣръ этихъ взносовъ на 1911 г. опредѣляется въ 12,000,000 финскихъ марокъ (не рублей, а марокъ [1]), а затѣмъ увеличивается каждый годъ на 1,000,000 марокъ, пока не достигнетъ 20,000,000 марокъ. Начиная же съ 1919 г. составляетъ 20,000,000 марокъ въ годъ.

Въ случаѣ привлеченья финляндскихъ гражданъ къ отбыванью личной воинской повинности, уплата взносовъ прекращается со времени сего привлеченья".

Такимъ образомъ, совершенно очевидно, что и послѣ этой реформы положенье финляндцевъ остается чрезвычайно льготнымъ. Они черезъ девять лѣтъ будутъ уплачивать едва 2 р. 50 коп. военныхъ расходовъ на душу, при освобожденіи отъ всякой натуральной повинности, тогда какъ остальные граждане Россіи не только платятъ гораздо больше, но и поставляютъ ежегодно 450,000 новобранцевъ.

Однако, наша „оппозиція" отвергала и этотъ законопроектъ, а кадекъ, получающій пенсію изъ русской казны, отставной генералъ, полякъ Бобянскій говорилъ при семъ удобномъ случаѣ, что убитый финляндскими революціонерами генералъ Бобриковъ „запачкалъ лучшую страницу русской исторіи" [2]).

---

[1]) Финляндская сер. марка, въ переводѣ на русскія деньги, стоитъ 37½ к. Финляндская золотая монета 20 марокъ=7 руб. 50 к.

[2]) Стеногр. отчетъ. Сессія 5; ч. I. стр. 713.

Еще труднѣе, казалось, возражать противъ законопроекта объ уравненіи въ правахъ русскихъ съ финляндцами. Наоборотъ, можно было, повидимому, лишь изумляться, что нашлась въ мірѣ страна, гдѣ *побѣдителей* пришлось уравнивать въ правахъ съ *побѣжденными.* И *какъ* уравнивать!? Вѣдь оказалось, что русскіе граждане, не принадлежащіе къ числу „коренныхъ финляднскихъ уроженцевъ“ совершенно безправны въ Финляндіи, тогда какъ эти финляндскіе уроженцы пользуются полными правами во всѣхъ частяхъ Россіи до занятія очень высокихъ и отвѣтственныхъ должностей включительно.

Тѣмъ не менѣе, оппозиція дружно, хотя и безуспѣшно старалась провалить законопроектъ. Противъ перехода къ постатейному чтенью (т. е. за полное отверженье) оказалось девяносто три голоса, въ томъ числѣ октябристъ баронъ Мейендорфъ. Октябристы Хомяковъ и С. И. Шидловскій демонстративно ушли отъ голосованья [1]). Характерное сочетаніе! Изъ всей октябристской партіи три лица! *бывшій* предсѣдатель Думы и два *бывшихъ* товарища предсѣдателя, выдвинутые октябристами же на эти важные посты, но ушедшіе съ нихъ при далеко не почетной обстановкѣ.

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ и тотъ эпизодъ, который разыгрался при постатейномъ чтеніи. Въ прогрессивной“ и „либеральной“ Финляндіи дѣйствуютъ, тѣмъ не менѣе стражайщія драконовскіе законы относительно іудеевъ, предоставляющіе имъ гораздо меньше правъ, чѣмъ въ тѣхъ мѣстностяхъ остальной Россіи, которыя даже находятся внѣ черты осѣдлости.

И вотъ при обсужденіи законопроекта объ уравненіи правъ русскихъ съ финляндцами, всплыло предложенье, чтобы іудеи могли жить въ Финляндіи на тѣхъ основаньяхъ и правахъ, на которыхъ они вообще живутъ внѣ черты осѣдлости.

Этимъ предложеньемъ кадеки были поставлены между двухъ огней: угодить іудеямъ значило прогнѣвать финляндцевъ и наоборотъ.

Обнаруживалось, по выраженью праваго октябриста, ба-

---

[1]) „Московскія Вѣдомости“ 1911 г. 4 ноября, № 253, Думскіе очерки.

рона Черкасова [1]), „какъ котируются на биржѣ той партіи, которая именуетъ себя партіей народной свободы, а выступаетъ здѣсь большею частью какъ партія инородческаго засилія, какъ котируются на биржѣ этой фракціи обязательства, данныя финляндцамъ, въ сравненіи съ тѣми, которыя ею приняты на себя передъ евреями“ *(рукоплесканія справа)*.

Оказалось, что финляндскія обязательства стоятъ выше. Политическіе дѣятели, требующіе съ пѣною у рта равноправія для іудеевъ въ Россіи, не только не выдвинули сами предложенья о равноправіи евреевъ въ Финляндіи, но даже, когда оно было внесено другими, поддержать его не захотѣли, а выступившій послѣ барона Черкасова Родичевъ настолько потерялъ душевное равновѣсіе, что вздумалъ воспроизвести съ думской каѳедры неизвѣстный дотолѣ широкимъ кругамъ „афоризмъ“, сказанный графомъ Витте въ 1905 году, во времена земскихъ съѣздовъ. „Афоризмъ“ сводился къ тому, что *они* деньги съ евреевъ будутъ тащить, а объ еврейскомъ равноправіи въ серьезъ не думаютъ.

По Родичеву выходило, что графъ Витте относилъ сіе изреченье къ октябристамъ, но смѣнившій Родичева Гучковъ [2]) доказалъ весьма убѣдительно, что „они“—это кадеки, что только къ нимъ могло относиться „мудрое предвидѣнье графа Витте, говорившаго представителю еврейскаго народа: не вѣрьте тѣмъ радикальнымъ земцамъ, которые обѣщаютъ вамъ равноправіе и берутъ съ васъ деньги —они васъ обманутъ“.

На слѣдующій день въ газетѣ „Рѣчь“ появилось открытое письмо Родичева, въ которомъ онъ изъяснялъ, что наканунѣ ошибся: „про деньги графъ Витте ничего не говорилъ“...

Вообще, думскія пренія по финляндскому вопросу даже очень близорукимъ людямъ открыли глаза на сущность кадекской партіи. Если раньше этимъ близорукимъ людямъ можно было внушить, что „защита инородцевъ“ естественно вытекаетъ изъ „общихъ либеральныхъ принциповъ“, то теперь стало очевидно какъ разъ обратное: на первомъ планѣ служенье инородцамъ во чтобы то ни стало, а затѣмъ уже принципы—тѣ или иные—въ зависимости отъ того, какъ

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 5, ч. I, стр. 1038.

[2]) Стенографическій отчетъ. Сессія 5, часть I, стр. 1065.

лучше ихъ приспособить для такой защиты. Самый, казалось бы, твердый и непререкаемый принципъ вдругъ діаметрально измѣняется—только потому, что въ данный моментъ онъ несовмѣстимъ съ инородческими интересами. Основнымъ принципомъ лѣваго крыла было расширенье, всѣми возможными путями, правъ и компетенціи Думы. Но поступилъ въ Думу финляндскій законопроектъ и лѣвое крыло заговорило о суженіи, объ ограниченіи правъ Думы, о томъ, что законопроектъ не подлежитъ вѣдѣнью Думы, что русская Дума не можетъ принимать къ разсмотрѣнью законопроекта, ибо это неугодно финляндцамъ. Всегда лѣвое крыло, свирѣпо осуждая существующую налоговую систему, твердило, что оно за облегченье налоговаго бремени, и, главное, за болѣе справедливое его распредѣленье. Поступилъ законопроектъ, стремившійся, хоть до нѣкоторой степени (впрочемъ, очень слабой), уравнять военные налоги, падающіе на русское населенье, съ льготнымъ положеньемъ Финляндіи, которая ничего не платила и обогащалась за счетъ русской казны.

И что же? Лѣвое крыло было противъ законопроекта.

Этого мало. Либеральные дѣятели, требующіе полноправія іудеевъ въ Россіи, были противъ равноправія русскихъ въ Финляндіи.

Служенье инородцамъ вопреки всякимъ принципамъ; служенье, какъ таковое, во исполненіе принятыхъ на себя обязательствъ—было доказано прохожденьемъ въ Думѣ финляндскаго вопроса до очевидности ясно.

Едва ли можно особенно удивляться тому, что большинство членовъ третьей Думы, вступивъ въ нее, имѣло очень слабое представленье объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Финляндіи и уже въ Думѣ ознакомилось съ нимъ надлежащимъ образомъ изъ думскихъ запросовъ, законопроектовъ и преній. Гораздо болѣе удивительна и печальна была полная неосвѣдомленность очень многихъ членовъ Думы изъ центральныхъ и восточныхъ губерній въ вопросѣ польскомъ. Эти члены Думы вначалѣ искренне думали, что въ девяти западныхъ губерніяхъ преобладающее по численности населенье—польское, что правительство занимается тамъ „обрусѣньемъ", чуть не насильственнымъ, что вообще русскіе на западѣ въ положеніи „угнетателей", а поляки—въ

положеніи „угнетаемыхъ". Не малыхъ трудовъ стоило прежде всего разрушить эти фантазіи и документально установить, на основаніи историческихъ и цифровыхъ данныхъ, что наши западныя губерніи представляютъ искони русскій край [1]); что коренное ихъ населеніе никогда польскимъ не было, а поляки тамъ—люди пришлые: лишь въ одной изъ девяти губерній численность ихъ достигаетъ девяти процентовъ, а въ остальныхъ значительно ниже; что въ краѣ идетъ не обрусѣнье, а ополяченье, путемъ перехода изъ православія въ католичество; что „угнетаютъ" именно поляки, а вовсе не русскіе. Польскими являются „верхи"—крупное землевладѣнье въ краѣ, а русскими—„низы"—крестьянство. Союзъ крупныхъ землевладѣльцевъ-поляковъ съ воинствующимъ, хорошо обезпеченнымъ католическимъ духовенствомъ и приводитъ къ переходу крестьянъ-бѣлоруссовъ въ католичество подъ вліяньемъ *тяжелой экономической зависимости.*

Эти положенья, очевидныя, безспорныя для тѣхъ, кто жилъ въ западной Россіи, приходилось, однако, въ Думѣ доказывать.

Правыми ораторами были приведены случаи, какъ въ 1905 и 1906 г.г. католики вытащили изъ православнаго храма иконостасъ и сожгли [2]), какъ толпа ихъ подошла къ православному женскому монастырю и требовала отъ монахинь, чтобы онѣ покинули монастырь [3]), какъ въ православной церкви производилась охота на лисицъ и была прострѣлена икона [4]).

Были оглашены данныя изъ судебнаго приговора, устанавливающія фанатическую проповѣдь съ церковной каѳедры ненависти къ Россіи.

Несмотря на всѣ эти факты, отношенье къ полякамъ октябристовъ было, до самаго конца думскихъ полномочій, половинчатымъ, неопредѣленнымъ, и нѣкоторымъ вожделѣньямъ поляковъ, совершенно непріемлемымъ съ точки

---

[1]) Кромѣ губерніи Ковенской, гдѣ большая часть населенья литовская.

[2]) М. Венславененты, Ошмянскаго уѣзда, Виленской губ. виновные успѣли скрыться.

[3]) Антолептскій монастырь Ковенской губерніи.

[4]) Въ Минской губерніи; приговоромъ суда, постановленнымъ съ участьемъ присяжныхъ засѣдателей, виновные были осуждены въ каторжныя работы.

зрѣнья русскихъ интересовъ, октябристы шли, однако, на встрѣчу. Такъ, въ законопроектъ о начальныхъ училищахъ были включены совершенно непріемлемыя правила обученья на инородческихъ языкахъ. Въ законопроектъ о мѣстномъ судѣ внесены, въ угоду полякамъ, особыя статьи о широкомъ примѣненіи въ судопроизводствѣ „мѣстнаго языка" и о привилегированномъ положеніи иновѣрческой присяги. Наконецъ, разобранные выше вѣроисповѣдные законопроекты чрезвычайно благопріятствовали полякамъ.

Ни одна изъ этихъ затѣй осуществленья не получила, потерпѣвъ крушенье въ Госуд. Совѣтѣ. Переработанные Совѣтомъ законопроекты вѣроисповѣдные и о начальныхъ училищахъ такъ и остались въ незаконченномъ видѣ, ибо „согласительное заключенье" не было разсмотрѣно Думой, а въ законопроектѣ о мѣстномъ судѣ октябристы принуждены были согласиться съ Госуд. Совѣтомъ, который, въ числѣ другихъ измѣненій, вычеркнулъ вышеупомянутыя статьи о мѣстномъ языкѣ и иновѣрческой присягѣ.

Что касается правительства, то его отношенье къ полякамъ претерпѣло за пять лѣтъ существованья третьей Думы очень крупныя измѣненья. Весьма благосклонное къ нимъ вначалѣ, оно по мѣрѣ того, какъ укрѣплялся націоналистическій курсъ, становилось все холоднѣе и холоднѣе, до самой смерти П. А. Столыпина.

Нагляднымъ показателемъ такой перемѣны является вопросъ о введеніи въ западномъ краѣ выборнаго земства.

Въ 1906 году такого введенья добивались сами поляки, въ полной увѣренности, конечно, что земство это окажется въ ихъ рукахъ, такъ какъ они владѣютъ главною площадью частно-владѣльческой земли. О національныхъ куріяхъ, отдѣленьяхъ, не заходило тогда и рѣчи, за то у всѣхъ передъ глазами былъ законъ о выборахъ въ Государственный Совѣтъ, составленный такъ, что отъ девяти западныхъ губерній въ высшее русское законодательное учрежденье неизмѣнно выбирались девять помѣщиковъ-поляковъ, а всѣ русскіе повально забаллотировывались.

Отчего бы, слѣдовательно, не быть закону, при которомъ въ земскіе гласные девяти западныхъ губерній проходили бы въ огромномъ большинствѣ поляки, а русскіе были бы въ ничтожномъ меньшинствѣ!?

И въ 1906 году опасность эта, несомнѣнно, серьезно грозила западному краю.

Когда, затѣмъ, въ 1909 году, правительство выработало законопроектъ о западномъ земствѣ, построенный уже на началѣ національныхъ отдѣленій, курій, то все же, въ трехъ губерніяхъ изъ девяти—въ Виленской, Гродненской и Ковенской—предполагалось отдать земство въ польскія руки. Только послѣ предварительнаго разсмотрѣнья этого правительственнаго проекта, осенью 1909 года, въ Совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, съ участьемъ мѣстныхъ людей, проектъ, по настоянью русскихъ представителей западнаго края, былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, чтобы пока въ Виленской, Гродненской и Ковенской губерніяхъ выборнаго земства не вводить совсѣмъ.

Прохожденіе этой реформы въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ, вызвало, какъ извѣстно, чрезвычайныя осложненья и обостренье отношеній.

Октябристы безнадежно раскололись пополамъ и въ то время, какъ по одной статьѣ случайный перевѣсъ въ три-четыре голоса давалъ побѣду правой части Думы, въ слѣдующемъ голосованіи, такимъ же случайнымъ перевѣсомъ, брала верхъ лѣвая часть. Наконецъ, Госуд. Совѣтъ отвергъ всю реформу цѣликомъ, а правительство, тѣмъ не менѣе, ввело ее въ дѣйствіе въ видѣ „временнаго закона“, по 87 статьѣ Осн. Зак.

Въ такомъ „временномъ“ видѣ пребываетъ дѣло и по сіе время: приступать къ новому, вторичному разсмотрѣнью и превращенью въ „постоянный“ этого временнаго закона, внесеннаго правительствомъ вторично на думское обсужденье къ пятой сессіи (въ маѣ 1911 г., въ двухмѣсячный со дня опубликованья срокъ, указанный въ 87 ст.) Дума третьяго созыва не стала, оставивъ четвертой Думы наслѣдство, чреватое раздорами.

При описанныхъ условіяхъ было бы преждевременнымъ давать оцѣнку практической сторонѣ этого закона. Дѣйствуетъ онъ настолько недавно, первые и пока единственные выборы въ земство протекли при условіяхъ настолько ненормальныхъ, что трудно сказать, насколько новое земство будетъ проводникомъ русскихъ началъ въ западномъ краѣ.

Но съ принципіальной стороны побѣда надъ поляками не подлежала сомнѣнью. Глава правительства, П. А. Столыпинъ, въ рѣчи своей 7 мая 1910 г.[1]) убѣждалъ Думу принять законопроектъ во имя „огражденья правъ русскаго экономически слабаго большинства отъ польскаго экономически и культурно-сильнаго меньшинства". Онъ удостовѣрилъ, что опыты „довѣрія" попытки „предоставить польскому населенью возможность идти рука объ руку съ русскими по культурному пути, по спокойному государственному руслу" —каждый разъ оканчивались или прямо возстаніемъ, какъ это было въ 1831 и 1863 г.г., или,—въ 1905 г. „спѣшнымъ, наскоро, перекрашиваньемъ западнаго края въ польскую краску". „Историческіе уроки съ достаточною яркостью указываютъ, что такое государство, какъ Россія, не можетъ и не вправѣ безнаказанно отказываться отъ проведенья своихъ историческихъ задачъ". „Когда слабѣетъ въ краѣ русская творческая сила—выдвигается и крѣпнетъ польская".

Итакъ, если осуществленье принциповъ и было, къ сожалѣнью неудачнымъ или не вполнѣ удачнымъ, то самые *принципы*, во имя которыхъ правительство выдвигало законопроектъ, не оставляли, съ точки зрѣнья правыхъ, желать лучшаго. Съ рѣшительностью, не оставлявшею мѣста сомнѣньямъ, правительство заявляло, что печальныхъ опытовъ довѣрія оно въ отношеньяхъ своихъ съ поляками повторять не собирается. Какая громадная разница не только по сравненію съ 1905—1906 г.г., но и съ 1907—1908 г.г. и даже съ 1909 г., когда правительство предполагало отдать въ руки поляковъ выборное земство Виленской, Гродненской и Ковенской губерній.

Вліянье правыхъ на такую перемѣну отрицать невозможно.

Что касается Привислинскаго края, или такъ называемыхъ губерній бывшаго Царства Польскаго, то здѣсь крупное значенье имѣетъ законопроектъ о выдѣленіи изъ этого края Холмщины, образованіи особой Холмской губерніи, не подчиненной Варшавскому генералъ-губернатору.

Выдѣленье важно опять таки прежде всего въ смыслѣ принципіальномъ—какъ провозглашенье, что губерніи быв-

---

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 3, ч. IV, стр. 774—791.

шаго Царства Польскаго никакой *политической* территоріи нынѣ не составляютъ, а потому и образованье особой Холмской губерніи „есть не что иное, какъ одна изъ мѣръ измѣненья управленья въ небольшой даже части нашей необъятной Россіи"—какъ заявилъ это Думѣ, въ своей рѣчи по законопроекту, министръ внутреннихъ дѣлъ Макаровъ 25-го ноября 1911 года [1]). Онъ отмѣтилъ дальше ту заграничную агитацію, которая старалась изобразить дѣло „чуть ли не попыткой произвести четвертый раздѣлъ Польши", идущей въ разрѣзъ съ постановленьями Вѣнскаго конгресса и, слѣдовательно, задѣвающей международные интересы. Какъ сообщилъ министръ, появился цѣлый рядъ статей по этому вопросу въ самыхъ различныхъ иностранныхъ изданіяхъ: „Revue des deux Mondes", „Journal des Debats", „Revue Bleue", и даже въ мѣстныхъ: „Le Pays Breton", „Gazette de Lausanne" и др. Тоже было и въ англійской, и въ американской печати.

Не лишнее сравнить эти свѣдѣнья съ откровеннымъ признаньемъ Кони Циліакуса, котораго мы уже цитировали раньше: „Финляндская партія уже оказала (въ 1904 году) немаловажныя услуги освободительному движенью въ Россіи *пріобрѣтеньемъ симпатіи всей міровой прессы* въ своей борьбѣ противъ абсолютизма" [2]).

Теперь уже не секретъ, что „пріобрѣтенье симпатій" стоило очень крупныхъ денегъ.

Характерно и другое совпаденье между доводами польскихъ и финляндскихъ сепаратистовъ—отводъ, что вопросъ не подлежитъ вѣдѣнью русской Думы, выходитъ за предѣлы ея компетенціи.

Цѣль законопроекта о Холмщинѣ была опредѣлена А. А. Макаровымъ очень рѣшительно и твердо:

„Защита искони русскаго населенья Забужья отъ польско-латинскаго засилія". „Съ одной стороны крупное польское землевладѣнье,—большинство культурныхъ силъ мѣстныхъ, всѣ католическіе ксендзы, а съ другой—экономически зависимое, мало культурное, слабое русское крестьянство края (*голоса справа: вѣрно, правильно*). Я прихожу къ убѣжденью, что этой слабой сторонѣ необходима правительственная поддержка *(голоса справа и въ центрѣ:*

---

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 5, ч. I, стр. 2608—2619.

[2]) Стенографическій отчетъ. Сессія 1, ч. II, стр. 2948.

вѣрно) и такой поддержкой долженъ явиться обсуждаемый вами законопроектъ (*голоса справа и въ центрѣ: вѣрно, браво*). Не рознь и не гоненье предполагается законопроектомъ, а имѣется въ виду лишь дать возможность проживающему тамъ русскому народу сохранить свою самобытность, развить и укрѣпить въ немъ національное самосознанье и связанное съ нимъ чувство приверженности русской государственности (*рукоплесканья справа и голоса браво*).

Итакъ, въ 1911 году, правительство въ отношеніи Холмщины признало все то, что правые, чуть ли не въ буквальныхъ выраженіяхъ, твердили съ первыхъ дней третьей Думы въ отношеніи всего западнаго края.

Противники законопроекта—продолжалъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ—съ несомнѣнностью будутъ указывать вамъ на самыя разнообразныя, большею частью отрицательныя отношенья правительства къ выдѣленью частей Люблинской и Сѣдлецкой губерній въ отдѣльную губернію Холмскую. Я это признаю, но мы должны признать, что *много воды утекло* съ тѣхъ поръ, какъ впервые былъ поставленъ и *отрицательно* разрѣшенъ вопросъ о Холмщинѣ".

Наконецъ, весьма достопримѣчательно слѣдующее мѣсто изъ *думскаго комиссіоннаго доклада* о Холмщинѣ, признанное Министромъ настолько правильнымъ, что онъ воспроизвелъ его въ своей рѣчи:

„Послѣ объявленія новаго вѣроисповѣднаго закона, одна часть населенья буквально возстала противъ другой и требовала, чтобы всѣ шли въ костелъ. Кто не желалъ, кто противился этому стихійному требованью того буквально выгоняли изъ села. Въ одномъ мѣстѣ „церковку отнимали", въ другомъ ломали крестъ. Тамъ дома разрушали, наносили побои, кровавили. „Конецъ попамъ, конецъ схизматической вѣрѣ",—кричали фанатики,—„самъ царь отъ нея отрекся. Вонъ, вонъ до Москвы".

Такъ примѣнили къ жизни поляки указъ 17 апрѣля 1905 г., гласившій о дѣлѣ „мира и любви".

Практическое значенье законопроекта о Холмщинѣ было, къ сожалѣнью, гораздо слабѣе его принципіальной стороны, ибо октябристы впали, по обыкновенью, въ колебанья и сомнѣнья, начали сводить законопроектъ къ „одной обложкѣ" и отклонили цѣлый рядъ мѣръ, который могъ бы дѣйствительно оградить русское населенье Холмщины отъ польско-еврейскаго гнета. Такъ въ самой важной области—

земельныхъ отношеній—реформа не приняла рѣшительно никакихъ мѣръ къ насажденью и укрѣпленью въ Холмщинѣ русскаго землевладѣнья. Ипотечный кредитъ попрежнему остался въ рукахъ чисто польскаго учрежденія—находящагося въ Варшавѣ „земскаго кредитнаго общества губерній царства польскаго“.

Мало того, законопроектъ „оставляетъ полякамъ свободу скупки, залога и арендованья земельныхъ имуществъ, внѣ городовъ и мѣстечекъ расположенныхъ. Не пріостанавливаетъ совершенья на имя еврея купчихъ крѣпостей и закладныхъ на недвижимыя имущества, расположенныя внѣ черты городовъ и мѣстечекъ, не пріостанавливаетъ засвидѣтельствованныхъ на имя евреевъ арендныхъ договоровъ на недвижимыя имущества, находящіяся внѣ черты городовъ и мѣстечекъ, и довѣренностей на распоряженье и управленье сими имуществами“.

Отмѣтивъ всѣ эти пробѣлы и сдѣлавъ предварительно все возможное къ ихъ устраненью, правые, какъ заявилъ отъ ихъ имени Г. А. Шечковъ, голосовали „за принятіе законопроекта въ его цѣломъ, въ надеждѣ, что вопіющіе недостатки, введенные Госуд. Думою въ его правительственную редакцію, будутъ кореннымъ образомъ, во благо русскаго населенья края, исправлены“ [1]).

Нужно ли подробно описывать всѣ тѣ пріемы, до обструкціи включительно, которые примѣнялись лѣвымъ крыломъ, съ поляками во главѣ, для провала законопроекта? И опять, какъ и въ вопросѣ финляндскомъ, это служенье инородцамъ никакъ не мирилось съ „либеральными“ принципами, ибо мудрено съ „либеральной“, „демократической“ и „антиклерикальной“ точки зрѣнья оспаривать реформу, стремящуюся защитить православныхъ, русскихъ *крестьянъ* отъ гнета польскихъ *помѣщиковъ* и фанатической пропаганды *ксендзовъ*.

Законченный обсужденьемъ въ Думѣ 4 мая 1912, послѣ трехлѣтней волокиты (съ мая 1909 года) законопроектъ былъ разсмотрѣнъ Госуд. Совѣтомъ настолько беззамедлительно, что уже 23 іюня 1912 года удостоился Высочайшаго утвержденья и сталъ закономъ.

---

[1]) Сессія, 5, ч. III, стр. 3409.

Желая въ то же время сдѣлать какой либо шагъ въ сторону поляковъ, октябристы, одновременно съ прохожденьемъ въ общемъ собраніи Думы законопроекта о выдѣленіи Холмщины, принялись обсуждать законопроектъ о введеніи въ привислянскомъ краѣ городского самоуправленья.

Не видя въ этой реформѣ, Госуд. Совѣтомъ до сихъ поръ еще не разсмотрѣнной, надобности и пользы, правые, однако, не усматривали въ ней и особаго вреда. Для настоящаго изложенья она представляетъ интересъ лишь въ одномъ обстоятельствѣ.

Города привислинскаго края, какъ извѣстно, очень густо населены іудеями. Ихъ часто оказывается въ данномъ городѣ больше, чѣмъ поляковъ. Такимъ образомъ, и при введеніи выборнаго самоуправленья естественно возникъ вопросъ, не окажется ли оно въ еврейскихъ рукахъ. Во избѣжаніе сего правительственный законопроектъ ввелъ три національныхъ куріи: русскую, польскую и еврейскую, а число гласныхъ отъ каждой куріи закрѣпилъ особымъ расписаніемъ, предоставивъ для еврейской куріи очень ограниченное количество мѣстъ, а такъ какъ русское населенье городовъ привислинскаго края вообще малочисленно, по сравненію съ инородческимъ, то, слѣдовательно, путемъ такого росписанья и куріальнаго дѣленья, городское самоуправленье отдавалось тамъ въ польскія руки, а еврейская опасность устранялась.

Въ этой комбинаціи, вполнѣ устраивавшей поляковъ и очень мало—іудеевъ, былъ для поляковъ лишь одинъ камень преткновенья принципіальнаго свойства: когда обсуждался законопроектъ о западномъ земствѣ, построенный, какъ разъ, на системѣ національныхъ курій, поляки заявили, что они принципіальные противники такой системы, что дѣленія по національнымъ куріямъ они вообще въ самомъ основаніи, въ идеѣ, признать не могутъ.

И вотъ, въ той же самой третьей Думѣ имъ пришлось отстаивать какъ разъ обратное и проваливать своими голосами предложенье о томъ, чтобы іудеевъ въ отдѣльную курію не выдѣлять.

„Мы сознаемъ—заявилъ отъ имени „польскаго коло" членъ Думы по Кѣлецкой губерніи Яронскій [1])—что въ на-

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 5, ч. I, стр. 2500.

стоящій моментъ вводить самоуправленіе въ нашихъ городахъ, безъ ограниченья для евреевъ, было бы совершенно немыслимо (*движенье справа, въ центрѣ голоса: браво, браво*). . Давать евреямъ въ нашихъ городахъ полное равноправіе, повело бы къ такому усиленью наплыва къ намъ евреевъ изъ другихъ мѣстъ, что отъ этого общій еврейскій вопросъ, уже теперь у насъ острый, сталъ бы невыносимымъ. Евреи у насъ составляютъ большинство населенья во многихъ городахъ, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ не считать этихъ городовъ польскими и не можемъ ихъ признавать еврейскими".

Мудрыя мысли! Но только зачѣмъ же въ теченіи всей дѣятельности третьей Думы, какъ только возникалъ вопросъ объ отмѣнѣ какихъ либо еврейскихъ ограниченій въ коренной Россіи, польское коло неизмѣнно голосовало за такую отмѣну?

Однако, если „на биржѣ кадекской партіи" „обязательства, данныя финляндцамъ, въ сравненіи съ тѣми, которыя ею приняты на себя передъ евреями"—„котировались" *выше*, то обязательства передъ поляками—оцѣнивались *ниже*. Молчавшіе о безправіи евреевъ въ Финляндіи, кадеки громко заговорили о несправедливости ограничивать іудейскія права въ Польшѣ.

„Представители Царства Польскаго!—возопилъ избранникъ г. Москвы, кадекъ Щепкинъ [1])—неужели вы не видите, что вы пользуетесь, дѣлая это заявленіе, пріемами, которые употребляютъ ваши и наши угнетатели!? Когда это дѣлаютъ наши угнетатели, я терплю, и я знаю, что они отъ этого погибнутъ, но васъ я жалѣю—вы все-таки родственный намъ народъ... Вы кричите здѣсь о засиліи еврейскаго племени!.. Идите смѣло на все то, что вамъ подсказываетъ справедливость, и не останавливайтесь передъ такими глупыми опасеньями".

Однако поляки, видя, что дѣло идетъ не о праздныхъ разглагольствованьяхъ и не о томъ, чтобы нанести вредъ интересамъ Россіи, а о собственной ихъ шкурѣ, предпочли съ кадекскими сужденьями о томъ, гдѣ справедливость и гдѣ глупость, на сей разъ не согласиться.

Остается еще упомянуть законопроектъ о выкупѣ въ казну находившейся въ польскихъ рукахъ Варшаво-Вѣнской жел. дор. Основаньемъ такого выкупа были приведены

---

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 5, ч. I, стр. 2849.

правительствомъ экономическія соображенія. Было неопровержимо доказано, что выкупъ принесетъ выгоду казнѣ, однако несомнѣнно, что онъ, главнымъ образомъ, имѣлъ важное значеніе и военное, и національное. Такъ какъ законопроектъ о выкупѣ, ставшій теперь уже закономъ, разсматривался очень скоро послѣ только что описаннаго инцидента, то остальная оппозиція, объявивъ полякамъ „херемъ", рѣшила ихъ въ вопросѣ о выкупѣ не поддерживать. Поэтому законопроектъ этотъ, возбудившій бы въ другое время длинные разговоры, прошелъ весьма быстро и былъ принятъ голосами всей Думы противъ поляковъ—симъ послѣднимъ былъ данъ оппозиціей посильный урокъ, дабы они въ будущемъ относились болѣе почтительно къ іудейскимъ интересамъ.

Вопросъ еврейскій поднимался въ третьей Думѣ многократно, но каждый разъ отрывочно, эпизодически. Объ іудеяхъ говорилось въ отдѣльныхъ статьяхъ цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ правительственныхъ законопроектовъ, но реформы, спеціально касающейся еврейства, въ Думу правительствомъ внесено не было, а такъ какъ октябристы въ еврейскомъ вопросѣ были обуреваемы еще гораздо большими колебаньями и сомнѣньями, чѣмъ, напримѣръ, въ вопросѣ польскомъ, то, благодаря ихъ стараньямъ, и запросы, внесенные правыми объ іудеяхъ, на думскую повѣстку попасть никакъ не могли.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ стѣсненья, нѣкоторыя стороны еврейскаго вопроса правымъ удалось освѣтить достаточно ярко.

Такъ, еще въ первую сессію, при обсужденіи, 25-го апрѣля 1908 г., законопроекта о контингентѣ новобранцевъ на 1908 г., Г. Г. Замысловскій привелъ рядъ оффиціальныхъ цифръ объ уклоненіи іудеевъ отъ воинской повинности.

На каждые сто человѣкъ, подлежащихъ призыву, должно приходиться пять евреевъ, между тѣмъ, если перейти къ цифрѣ „уклонившихся", т. е. не явившихся на призывъ безъ законныхъ основаній, то соотношенье будетъ уже совершенно иное и процентъ евреевъ сразу пойдетъ въ гору.

Такъ напримѣръ:

	Всѣхъ уклонившихся	Изъ нихъ евреевъ	
въ 1905 году	83,500	20,000,	т. е. 23%.
въ 1906 году	77,000	20,000,	т. е. 26%.
въ 1907 году	87,000	21,000,	т. е. 24%.

Уклоненіемъ, неявкою безъ законныхъ причинъ, обусловливается *недоборъ*, который, достигая болѣе или менѣе крупной цифры, вноситъ серьезное разстройство въ дѣло комплектованья арміи. По недобору цифры оказываются такія:

	Всего	Изъ нихъ евреевъ	
въ 1904 году	19,500	11,100,	т. е. 56%.
въ 1905 году	25,500	11,600,	т. е. 46%.
въ 1906 году	21,500	8,800,	т. е. 41%.
въ 1907 году	19,500	10,800,	т. е. 55%.

Это вмѣсто *пяти* процентовъ, которыхъ требовало бы общее соотношенье призываемыхъ!

Дальнѣйшій разборъ цифръ, сдѣланный Замысловскимъ, показалъ съ очевидностью, что и остальная часть недобора падаетъ не на русскихъ, а на инородцевъ—поляковъ и литовцевъ, русскіе же, поставляя восемь девятыхъ всего контингента, даютъ совершенно ничтожный недоборъ въ 1,600 человѣкъ.

Обзоръ отдѣльныхъ губерній съ инородческимъ населеньемъ далъ результаты прямо поразительные. Напр. Сувалкская губ. населена литовцами, евреями, отчасти поляками; русскихъ почти нѣтъ.

Въ 1907 г. по ней взято въ счетъ контингента 1,100 чел.; уклонилось—3,500; въ недоборѣ 1,300.

Тоже въ 1906 году.

Въ 1905 году взято 700; уклонилось 3,500; въ недоборѣ 1,600 чел.

Хороша была бы русская армія, если бы по всей Россіи призывъ шелъ такъ, какъ по Сувалкской губерніи, если бы больше половины войска было „въ недоборѣ“.

Въ такомъ же родѣ цифры оказались и по Ломжинской, и по Ковенской губерніямъ [1]).

Этотъ цифровый обзоръ, по мѣрѣ поступленья новыхъ данныхъ, Замысловскій дѣлалъ затѣмъ при обсужденіи законопроекта о контингентѣ новобранцевъ ежегодно, указывая на поразительную „стойкость", повторяемость приведенныхъ имъ процентныхъ отношеній.

Такимъ образомъ было документально доказано, что коренная Россія недобора не знаетъ, что весь крупный, двадцатитысячный недоборъ изъ года въ годъ падаетъ на ея инородческіе элементы (кромѣ нѣмцевъ), преимущественно на іудеевъ, что, слѣдовательно, вмѣсто уклоняющихся инородцевъ приходится, въ конечномъ счетѣ, брать лишнее съ русскаго населенья [2]). Но чѣмъ хуже исполняютъ инородцы самую важную, самую тяжелую государственную обязанность, тѣмъ громче они кричатъ о своихъ правахъ. Чѣмъ меньшій процентъ ихъ идетъ въ армію, тѣмъ большій устремляется въ школы, особенно высшія, оттѣсняя русскую молодежь отъ образованья.

Въ частности, относительно іудеевъ правыми было вполнѣ выяснено, какое разлагающее вліянье на армію оказы-

---

[1]) Вотъ еще нѣсколько цифръ за болѣе поздній періодъ времени—1910 годъ: въ Новгородской и Псковской губерніяхъ взято новобранцевъ десять съ половиною тысячъ; въ недоборѣ *русскихъ ни одного*, „прочихъ христіанъ"—18; евреевъ—6; по Курской, Тамбовской, Тульской, Орловской и Смоленской губ. взято 40 тысячъ человѣкъ. Недобрано на эту крупную сумму русскихъ—5; евреевъ (коихъ взято по этимъ губерніямъ, находящимся внѣ черты осѣдлости, совершенно ничтожное количество)—7; магометанъ—35. Въ Екатеринославской и Харьковской губ. взято 18 тысячъ; въ недоборѣ русскихъ —12; евреевъ—93; магометанъ -7; въ Симбирской взято 6 тысячъ; въ недоборѣ русскихъ ни одного; евреевъ—2; магометанъ—44. По Кутаисской и Эриванской губерніямъ русскіе всѣ на лицо, а „прочихъ христіанъ" недобрано 501 чел. Въ Кіевской губерніи на 13500 чел. недобрано 9 русскихъ и 855 жидовъ; въ Минской недобрано 1007 жидовъ! и т. д. Свѣдѣнья заимствованы изъ газеты „Земщина" и журнала „Прямой Путь" отъ 30-го апрѣля 1911 года, кои ссылаются на оффиціальные источники.

[2]) Ибо, хотя въ данномъ году христіанинъ за еврея не идетъ, но въ слѣдующемъ общая цифра контингента будетъ возвышена на всю ту сумму, которая была недобрана въ прошломъ году и это возвышенье на восемь девятыхъ будетъ покрыто русскими новобранцами, тогда какъ образовалось оно вслѣдствіе уклоненья инородцевъ.

ваютъ тѣ немногіе представители этого племени, которые туда попадаютъ.

Болѣзни, образуемыя искусственно: грыжа, прободенье барабанной перепонки, парша, оказываются, въ огромномъ большинствѣ, именно, у іудеевъ. Среди еврейскихъ новобранцевъ процентъ больныхъ паршею былъ одно время настолько великъ, что правительство измѣнило росписанье болѣзней, являющихся основаньемъ браковки, и начало принимать больныхъ паршею въ армію. Тогда процентъ ихъ среди новобранцевъ сразу упалъ [1].

Все это приводило правыхъ къ убѣжденью, которое они выражали въ Думѣ неоднократно, что *евреямъ въ арміи не мѣсто*, что доступъ имъ въ армію долженъ быть совершенно пресѣченъ, а воинская повинность, отъ которой жиды все равно уклоняются, замѣнена крупнымъ денежнымъ налогомъ или отбываніемъ какихъ-либо общественныхъ работъ.

Точно также настаивали правые на недопущеніи жидовъ въ Военно-Медицинскую Академію. Въ большой рѣчи, произнесенной по этому поводу 22-го марта 1910 г., Н. Е. Марковъ заявилъ:

„Исторія всѣхъ вѣковъ показываетъ, что примѣсь іудеевъ въ арміи—это значитъ примѣсь въ большей дозѣ шпіоновъ, людей, продающихъ тайны своего государства, предателей, измѣнниковъ, людей, сдающихся въ плѣнъ, людей трусливыхъ. Цифры послѣдней русско-японской войны свидѣтельствуютъ, что всего въ нашей арміи было около 18,000 іудеевъ, а когда подсчитали число сдавшихся въ плѣнъ, то у японцевъ оказалось 12,000 іудеевъ, т. е. болѣе 70%. Факты говорятъ совершенно ясно, что іудеи въ дѣлѣ поставокъ военному вѣдомству, въ дѣлѣ агитаціи во время войны среди рабочихъ на военныхъ заводахъ, въ дѣлѣ переодѣванья въ офицерскую одежду и появленья на нашихъ броненосцахъ, во всѣхъ тѣхъ гнусныхъ, отвратительныхъ дѣлахъ, о которыхъ мы недавно съ ужасомъ читали, сыграли подавляющую роль“ [2]).

Что касается, собственно, медицины, продолжалъ Н. Е. Марковъ, то священная для іудеевъ, обязательная для нихъ и по сей дей книга „Шулханъ-Арухъ содержитъ въ отношеніи христіанъ предписанья прямо безнравственныя: запрещаетъ еврею „спасать ихъ, если они близки къ смерти“, запрещаетъ лечить за исключеньемъ лишь, „когда можно

---

[1]) Изъ той же рѣчи Г. Г. Замысловскаго отъ 25 апрѣля 1908 г.
[2]) Стенографическій отчетъ. Сессія 3, ч. III, стр. 1421—1433.

опасаться неприязни", дозволяетъ *испытывать* на христіанахъ лекарство: полезно ли оно. Лѣкарь Лейба Шатуновскій, прививая своимъ паціентамъ сифилисъ, дѣйствовалъ согласно кодексу іудейской нравственности...

Послѣ рѣчи Маркова, произнесенной имъ по смѣтѣ Главнаго Военно-Медицинскаго Управленья, Дума, большинствомъ 144 голосовъ противъ 116, приняла пожеланье о прекращеніи доступа лицамъ іудейскаго вѣроисповѣданья въ число студентовъ Императорской Военно-Медицинской Академіи.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ пожеланьемъ находится постановленье, принятое Думою весною 1912 г., за нѣсколько дней до окончанья ея занятій, по законопроекту, касающемуся устройства врачебной части въ переселенческихъ раіонахъ. Дума включила въ законопроектъ статью о томъ, чтобы при выдачѣ стипендій лицамъ, которыя будутъ переселенческими врачами, таковыя стипендіи не назначались бы „рожденнымъ въ іудействѣ". Добиться, однако, принятія статьи стоило большихъ усилій: при баллотировкѣ вставаньемъ и сидѣньемъ *за* нее было подсчитано 100 человѣкъ, противъ—102. Правые потребовали провѣрки подсчета выходомъ въ двери. Голосованье дало *за*—102, *противъ*—тоже 102. Согласно наказу, было произведено вторичное голосованье выходомъ въ двери, передъ которымъ подошло еще нѣсколько членовъ Думы и получилось *за*—108; *противъ*—105. Статья была принята. Она, кажется, представляетъ *единственное* ограниченье еврейскихъ правъ, *вновь* принятое Думою.

Зато въ полномъ и непримиримомъ противорѣчіи съ такимъ ограниченьемъ стоитъ попытка очень крупнаго расширенья іудейскихъ правъ, сдѣланная Думой и возможная только вслѣдствіе вѣчныхъ колебаній ея „руководящаго центра".

При обсужденіи законопроекта о мѣстномъ судѣ было признано, что іудеи могутъ быть судьями!

Обычныя старанья октябристовъ увильнуть отъ острыхъ вопросовъ сказались здѣсь въ особенно непривлекательномъ видѣ.

Особой статьи, которая бы предоставляла іудеямъ право занимать должность судьи въ законопроектѣ не заключалось. Этимъ и воспользовался „руководящій центръ „для

увертки: когда правые при первомъ постатейномъ чтеніи законопроекта, 25 января 1910 года, стали настаивать, чтобы въ перечень лицъ, не могущихъ быть судьями, включить іудеевъ, то октябристы внесли предложенье примѣнить къ требованью правыхъ 121 статью наказа.

А статья эта гласитъ: „по всякому дѣлу, прежде перехода къ его обсужденью, можетъ быть поставленъ предварительный вопросъ о томъ, надлежитъ ли вообще принять его къ разсмотрѣнью Госуд. Думы. Заявленье объ этомъ принимается или отвергается съ выслушаньемъ двухъ рѣчей за и двухъ противъ“.

Всякому здравомыслящему человѣку понятно, что 121-я статья наказа къ данному случаю совершенно не примѣнима. Она говоритъ *о снятіи съ повѣстки*, о томъ, чтобы оставить *безъ всякаго разсмотрѣнья* и, слѣдовательно, *безъ всякаго рѣшенья* то или другое дѣло.

Между тѣмъ въ данномъ случаѣ, съ отверженьемъ требованья, внесеннаго правыми, вопросъ вовсе не оставался нерѣшеннымъ, устраненнымъ отъ разсмотрѣнья, а напротивъ, рѣшался самымъ опредѣленнымъ, самымъ категорическимъ образомъ: если въ перечень лицъ, не могущихъ быть судьями, іудеи не включены,то отсюда лишь одинъ выводъ: значитъ, они *могутъ* быть судьями, и весь секретъ лишь въ томъ, что къ этому выводу октябристамъ хотѣлось придти подъ шумокъ, безъ преній, безъ лишнихъ разговоровъ.

Лѣвое крыло и центръ, однако, приняли явно незаконное предложенье „о примѣненіи 121 статьи наказа“ и такимъ образомъ не только допустили іудеевъ въ судьи, но и не позволили развить надлежащимъ образомъ возраженья противъ этого съ думской каѳедры.

Великолѣпный образчикъ „свободы слова“, въ пониманіи октябристовъ и лѣвыхъ партій!

Ту же исторію повторили октябристы и при второмъ постатейномъ чтеніи, 29 марта 1910 г., но здѣсь, по крайней мѣрѣ, правые успѣли воспользоваться тѣми двумя рѣчами, которыя, по наказу, предоставлены „возражающимъ противъ примѣненія 121 статьи“ и Н. Е. Марковъ привелъ для выясненья того, какъ относятся іудеи къ христіанскому суду, такія постановленья „Шулханъ Аруха [1]):

[1]) Стеногр. отчетъ Сессія 3, ч. III, стр. 2146—2155.

„Каждый, который выражаетъ намѣренье вести свое дѣло предъ судьями-христіанами, есть *злодѣй* и разсматривается точно такъ же, какъ будто бы онъ поносилъ или надругался, или поднялъ руку противъ Торы Моисея, нашего учителя, да будетъ миръ надъ нимъ".

„Когда христіанинъ представляетъ требованіе къ еврею, и существуетъ еще еврей, который можетъ показать за христіанина противъ еврея, при чемъ нѣтъ другихъ свидѣтелей, христіанинъ же приглашаетъ еврея дать за него показанье, то, если это происходитъ тамъ, гдѣ по законамъ христіанъ деньги могутъ быть присуждаемы на основаніи одного свидѣтельскаго показанья, еврею давать показанья за христіанина воспрещается. Если же еврей такое показанье дастъ—на него слѣдуетъ наложить проклятіе".

„Деньги христіанина суть какъ бы добро безхозяйное, никому не принадлежащее, и каждый, кто пришелъ первымъ, завладѣваетъ имъ".

„Когда кто-нибудь имѣетъ дѣло съ христіаниномъ и приходитъ другой еврей, помогаетъ ему, обманывая христіанина въ мѣрѣ, вѣсѣ или числѣ, то они дѣлятъ между собою барышъ, безразлично, намѣренъ ли онъ былъ помочь за деньги или даромъ"—и т. д.

Несмотря на такую мораль будущихъ судей, октябристы, соединясь съ лѣвымъ крыломъ, большинствомъ 164 голосовъ противъ 134 снова „примѣнили 121 статью наказа" и требованье правыхъ отвергли.

Однако Госуд. Совѣтъ, приступивъ къ разсмотрѣнью законопроекта о мѣстномъ судѣ, въ числѣ другихъ измѣненій, внесъ и постановленье, котораго тщетно добивались въ Думѣ правые, что іудеи судьями быть не могутъ.

Это „разногласіе", неустраненное въ согласительной комиссіи, поступило въ Думу, гдѣ „руководящій центръ" какъ ни въ чемъ не бывало, рѣшилъ въ 1912 году, что іудеи не должны занимать судейскихъ мѣстъ такъ-же легко, какъ раньше въ 1910 году, постановилъ обратное: голосами праваго крыла и октябристовъ, Дума согласилась съ Государ. Совѣтомъ, и статья, преграждающая доступъ іудеевъ въ судьи, была, такимъ образомъ, закрѣплена въ законопроектѣ, который нынѣ уже сталъ закономъ.

Еврейское засиліе въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ государственной жизни было предметомъ особаго вниманья правыхъ. Наплывъ іудеевъ въ высшую школу и тлетворное ихъ тамъ вліянье выяснено правыми—особенно В. М. Пу-

ришкевичемъ, въ цѣломъ рядѣ рѣчей; о которыхъ будетъ сказано въ особой главѣ, посвященной школѣ. Далѣе, В. М. Пуришкевичъ въ большой рѣчи, пріуроченной къ обсужденью смѣты Главнаго Управленья по дѣламъ Печати, 25 февраля 1911 г., обрисовалъ захватъ, произведенный іудеями въ области театра, музыки и искусства[1]).

„Жидъ является полнымъ диктаторомъ и русскаго репертуара и русской сцены при полной невозможности центральнаго вѣдомства здѣсь съ этимъ справиться и при полной распущенности и халатности административныхъ властей на мѣстахъ"—это свое утвержденье В. М. Пуришкевичъ подкрѣпилъ рядомъ документальныхъ данныхъ о подборѣ пьесъ, о составѣ труппъ, гдѣ, однако, почти у всѣхъ „по сценѣ" чисто русскія имена и фамиліи. Печатный органъ „Театръ и Искусство"—„въ рукахъ жида Кугеля".

Огромный наплывъ іудеевъ въ мѣстности, расположенныя внѣ черты еврейской осѣдлости, причины такого явленья и его результаты, установлены въ слѣдующемъ запросѣ правыхъ, поданномъ 26 ноября 1908 г.

„Циркуляромъ, отъ 22 мая 1907 г., за № 20, г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ предложилъ Курскому губернатору, впредь до пересмотра въ законодательномъ порядкѣ общаго вопроса о правѣ жительства евреевъ, пріостановить выселенье всѣхъ тѣхъ изъ числа поселившихся до 1 августа 1906 г. въ мѣстностяхъ, гдѣ имъ жительство воспрещено, кои: 1) или поселились въ названныхъ мѣстностяхъ на законномъ основаніи, затѣмъ утративъ это право, 2) или имѣютъ семью и домообзаводство.

Означенный циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ изданъ въ явное нарушенье ст. 778, 779 (прим. 1 и 2) т. IX, ст. 67, 68 и приложенья къ ст. 68 т. XIV Св. Зак. и Высочайше утвержденнаго положенья о видахъ на жительство. (П. С. З. 1894 г., № 10709, V, ст. 1—8), Циркуляръ этотъ, разосланный по всей Россіи, въ сущности уничтожилъ закономъ установленную черту еврейской осѣдлости и далъ евреямъ возможность хлынуть безконечнымъ потокомъ во всѣ города Россійской Имперіи. Въ частности, г. Курскъ въ теченіе двухъ лѣтъ оказался наводненнымъ нѣсколькими тысячами евреевъ, захватившихъ всѣ промыслы и торговлю и ремесла. Черезъ это среди коренныхъ жителей г. Курска начались волненія и жалобы на отсутствіе заработковъ. Противъ Правительства поднялось сильное неудовольствіе: про-

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія. 4. ч. II стр. 2813—2839.

стой народъ, видя безпрерывный и безпрепятственный напоръ еврейской конкуренціи, явно упрекалъ начальство въ противозаконной поддержкѣ евреевъ изъ корыстныхъ видовъ.

Когда же на выборахъ въ Госуд. Думу число выборщиковъ евреевъ въ нѣкоторыхъ участкахъ г. Курска, города, лежащаго внѣ черты еврейской осѣдлости, оказалось превышающимъ число выборщиковъ христіанъ, то негодованію населенія не было предѣловъ. Считая подобныя явленія въ высшей степени вредными для успокоенья Россіи и, принимая во вниманіе: 1) что въ порядкѣ управленья, путемъ циркуляра, возможно разъяснять законъ, но отнюдь не отмѣнять его, 2) что приведенный выше циркуляръ 1907 г. за № 20, несомнѣнно, представляетъ не разъясненье, а отмѣну закона: 3) что такимъ образомъ циркуляръ этотъ является актомъ превышенья власти, т. е. дѣяньемъ явно незаконномѣрнымъ, мы, нижеподписавшіеся, на основаніи ст. 33 Учр. Гос. Думы, предъявляемъ г. Предсѣдателю Совѣта Министровъ слѣдующій запросъ: извѣстно ли г. Предсѣдателю Совѣта Министровъ объ изданіи Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ циркуляра, отъ 22 мая 1907 г., за № 20, и если извѣстно, то почему имъ не приняты мѣры къ скорѣйшей отмѣнѣ явно незаконнаго циркуляра и къ разъясненію чинамъ высшей и мѣстной администраціи необходимости точнаго соблюденья дѣйствующихъ о евреяхъ законовъ, кои не могутъ быть отмѣняемы никакими министерскими циркулярами“.

Хотя запросъ этотъ былъ внесенъ за *три съ половиною года* до окончательнаго роспуска Думы, хотя онъ былъ признанъ думскою запросною комиссіею правильнымъ и подлещимъ принятію, на повѣстку общаго собранья Думы запроса такъ и не поставили и гласнаго разсмотрѣнья его октябристы не допустили.

Въ видѣ противовѣса лѣвое крыло 31 мая 1910 г. внесло „законодательное предположенье“ объ отмѣнѣ черты еврейской осѣдлости, подъ которымъ подписалось довольно много и октябристовъ съ предсѣдателемъ бюджетной комиссіи Алексѣенкою во главѣ—всѣхъ подписей собрали сто-шестьдесятъ шесть. 9 февраля 1911 г., на думской повѣсткѣ появился вопросъ о передачѣ этого законодательнаго предположенья на разсмотрѣнье комиссіи, причемъ, однако, предсѣдательствующій, ссылаясь на наказъ, дозволилъ говорить лишь двумъ ораторамъ *за* и двумъ *противъ*—такимъ образомъ широко развернуть пренія по еврейскому вопросу и здѣсь не представилось возможнымъ.

Правые настаивали, что подобное законодательное предположенье подлежитъ немедленному отверженью, безъ всякаго комиссіоннаго обсужденья, однако октябристы, соединясь съ лѣвымъ крыломъ, составили большинство и постановили передать дѣло въ комиссію, назначивъ ей *мѣсячный срокъ* для представленья доклада общему собранью Думы. Съ того времени до окончательнаго роспуска прошло ровно *шестнадцать* мѣсяцевъ (9 февраля 1911—9 іюня 1912), но комиссія не только не представила доклада, но даже и не приступила къ его составленью, вполнѣ оправдавъ предсказанье правыхъ, тогда же, въ февралѣ 1911 г. утверждавшихъ, съ думской каѳедры, что октябристы держатся въ еврейскомъ вопросѣ „тактики страуса“ и хлопочутъ лишь объ одномъ: какъ бы тутъ получше отмолчаться самимъ и заткнуть ротъ другимъ.

30 января 1912 правые внесли еще запросъ о незаконномъ попустительствѣ правительства въ нарушеньи евреями черты осѣдлости. Евреи-купцы имѣютъ право повсемѣстно записываться въ первую гильдію лишь послѣ того какъ, предварительно, пробыли первогильдейскими купцами пять лѣтъ въ чертѣ осѣдлости. Это требованье, точно установленное закономъ (ст. 12 приложенья къ 68 ст. т. XIV, Уст. Паспорт., изд. 1903 г.), евреями не соблюдалось и они сразу выбирали первогильдейскія свидѣтельства внѣ черты осѣдлости и принимались производить торговлю тамъ, гдѣ іудеямъ не только торговать, но и жить не полагается. Крупная выгода, достигаемая купцами-евреями путемъ такого нарушенья закона въ ущербъ русской торговлѣ, была несомнѣнна. Торговать пять лѣтъ въ предѣлахъ „черты“, неся, притомъ, довольно крупный расходъ на выборку „гильдіи“, еврейскому промышленнику мало улыбалось: предоставленный собственнымъ силамъ, онъ долженъ бы былъ вести не легкую конкуренцію со своими единовѣрцами, ибо русская торговля тамъ уже убита. Наоборотъ, внѣ черты еврей-торговецъ всегда могъ разсчитыватъ на поддержку кагала, а что касается гильдіи, то уплата ея дѣлалась нечувствительной, благодаря остроумно придуманной „раскладкѣ“: нѣсколько іудеевъ устраивали складчину, одинъ изъ нихъ зачислялся въ первогильдейскіе купцы, а остальные къ нему въ „приказчики“—и въ качествѣ таковыхъ тоже пріобрѣтали все, что

имъ было нужно: право жить и торговать, гдѣ угодно. Такимъ образомъ и эта сторона устраивалась выгодно и удобно.

Въ запросѣ было указано, что въ Кіевѣ оказалось около 200 купцовъ евреевъ первой гильдіи, никогда купцами въ чертѣ осѣдлости не состоявшихъ. „На это обстоятельство—гласилъ запросъ—незадолго до убійства П. А. Столыпина, во второй половинѣ 1911 г., было наконецъ обращено вниманье и незаконно проживавшимъ въ Кіевѣ евреямъ-купцамъ стало грозить выселенье. Предположено было, однако, отложить его до истеченья срока уже выданныхъ и оплаченныхъ гильдейскихъ свидѣтельствъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока—съ 1 января 1912 года—новыхъ свидѣтельствъ уже не выдавать и приступить къ выселенью. Дѣйствительно, Кіевская казенная палата, въ концѣ 1911 г., стала отказывать въ выдачѣ разрѣшеній на купеческія свидѣтельства первой гильдіи за 1912 г. тѣмъ евреямъ, кои этихъ свидѣтельствъ въ чертѣ осѣдлости ранѣе не выбирали. Такъ продолжалось до 3 января 1912 г., когда въ Кіевскую казенную палату поступило телеграфное предписанье Товарища Министра Финансовъ разрѣшить выдачу купеческихъ первогильдейскихъ свидѣтельствъ всѣмъ евреямъ, которымъ эти свидѣтельства были выданы въ прошломъ году. Кіевская казенная палата этому предписанью подчинилась и явное нарушенье закона, сознанное и особо отмѣченное самимъ правительствомъ, было вновь произведено къ торжеству жидовъ и въ подрывъ русской торговлѣ".

Въ объясненьяхъ своихъ по спѣшности запроса (согласно наказу, двѣ рѣчи *за*, двѣ рѣчи *противъ*) Г. Г. Замысловскій [1]), указавъ на установленное статистическими, цифровыми данными, паденье и раззоренье русской торговли въ Кіевѣ, подъ напоромъ жидовскаго капитала, вскрылъ причину такого явленья:

„Торговля требуетъ кредита. Кредитъ оказывается банками. Банки въ Кіевѣ почти всѣ въ еврейскихъ рукахъ. А, въ свою очередь, частные банки, для того, чтобы успѣшно дѣйствовать, нуждаются въ широкомъ кредитѣ Государственнаго Банка. Въ главѣ Кіевскаго отдѣленья Государственнаго Банка стоитъ г. Афанасьевъ, относительно котораго русское населенье г. Кіева составило себѣ вполнѣ опредѣленное мнѣнье, что это „жидовскій батька"—покровитель евреевъ, всячески радѣющій объ ихъ интересахъ и въ своей дѣятельности строго придерживающійся кадекской программы (*голоса справа: вѣрно*).

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 5. ч. II стр. 1088.

Согласно дальнѣйшей рѣчи Замысловскаго, Афанасьевъ, въ засѣданiи учетнаго комитета, оказывалъ прямое давленье въ пользу жидовъ на мѣстнаго предсѣдателя биржевого комитета, внушая ему, что „если даже одинъ еврей можетъ потерпѣть убытокъ, ваша обязанность выступить на его защиту“, и продолжая такъ: „вѣдь находятся же поклонники дикой идеи Столыпина о нацiонализацiи кредита“.

„Министерство Финасовъ,—заявилъ Замысловскiй—въ лицѣ конторы кiевскаго Банка, всемѣрно противъ выселенья евреевъ изъ Кiева, ибо выселить ихъ значитъ немедленно обнаружить ту колоссальную панаму, которая происходитъ въ кiевской конторѣ Государственнаго Банка (*шумъ слѣва*). Влiятельные его служащiе успѣли зарваться въ области мошенническихъ аферъ и азартныхъ спекуляцiй такъ, что они уже слились съ еврейскими аферистами и спекулянтами въ тѣсный клубокъ и одной аферой стараются покрыть убытки по другой аферѣ. Пока эти аферисты и спекулянты—въ Кiевѣ, до тѣхъ поръ изъ неизсякаемаго источника Государственнаго Банка можно такъ или иначе эти аферы прикрывать, но когда эти евреи аферисты будутъ выселены, всѣ аферы немедленно же будутъ разоблачены. *(Шумъ слѣва)*“.

Упомянувъ объ iудеѣ Лисинѣ, который не имѣетъ права торговать въ Кiевѣ, но которому Кiевская контора Госуд. Банка открыла кредитъ въ 30,000 р., Замысловскiй, въ доказательство своихъ утвержденiй, подробно остановился на исторiи съ iудеемъ Эпштейномъ, „который выпустилъ акцiй на 2,000,000 рублей по товариществу сахарныхъ заводовъ, когда все оборудованье товарищества стоило не болѣе 600,000 рублей“, а затѣмъ, получивъ „при „прямомъ участьи Афанасьева кредитъ въ Государ. Банкѣ на 700,000 р.“ —обанкротился.

„Эпштейномъ было выпущенно *бронзовыхъ*, т. е. безденежныхъ, фиктивныхъ векселей на 1,205,000 рублей. Такъ какъ главнымъ кредиторомъ Эпштейна состоитъ Кiевская контора Госуд. Банка, то вы понимаете, что этотъ актъ явно направленъ въ ущербъ казнѣ, это мошенничество противъ интересовъ казны. Между тѣмъ выяснено, что въ операцiяхъ по этому выпуску фиктивныхъ векселей на 1,205,000 р. принималъ участiе юрисконсультъ Кiевской конторы Государ. Банка, присяжный повѣренный Финнъ. Въ правѣ ли я говорить послѣ этого, что тамъ происходитъ панама? Я вамъ оглашу буквально то, что имѣется въ актахъ судебнаго разслѣдованья:

„Не желая ссориться съ управляющимъ Кіевской конторы Госуд. Банка Афанасьевымъ, Яковъ Эпштейнъ возвратилъ ему большую часть вышеуказанныхъ векселей подъ условіемъ урегулированья его, Эпштейна, дѣлъ".

Управляющій конторой узнаетъ о фактивныхъ векселяхъ на огромную сумму и что же онъ дѣлаетъ? Вмѣсто того, чтобы сообщить прокурору и требовать, чтобы лицо, выпустившее бронзовые векселя, немедленно было взято подъ стражу, онъ его призываетъ, начинаетъ съ нимъ разговаривать и проситъ его, чтобы большая часть векселей была передана ему, Афанасьеву, а тотъ соглашается на это подъ условіемъ, что Афанасьевъ урегулируетъ его дѣла. Хорошъ управляющій банкомъ, который регулируетъ дѣла человѣка, выпускающаго бронзовые векселя въ явный подрывъ государственному кредиту!

Что же дѣлаетъ въ это время юрисконсультъ конторы Банка, Финнъ? Онъ совѣтуетъ Эпштейну: „безъ вознагражденья вы этихъ бронзовыхъ векселей не выдавайте, вы устройте такъ, чтобы за эти бронзовые векселя вы получили отъ Банка все-таки извѣстное вознагражденье"...

Всему Кіеву извѣстна исторія съ большой партіей сахара въ 330,000 пуд., которая была отправлена сначала въ Данцигъ, а потомъ оказалась испорченной, негодной для заграничной пріемки, была возвращена въ Россію и сбыта заводу Кенига въ Петербургъ. Партія принадлежала товариществу Романовскихъ заводовъ, и здѣсь, опять-таки, въ прямой ущербъ казнѣ, Эпштейнъ и юрисконсультъ Кіевскаго Банка Финнъ, поѣхавъ въ Петербургъ, выговорили себѣ у Кенига куртажъ по пяти копѣекъ съ пуда,—а при количествѣ въ 330,000 пуд. это составляетъ довольно солидную сумму. Вотъ что—опять-таки буквально мы читаемъ по этому поводу въ актахъ судебнаго разслѣдованья: „въ разговорахъ съ Эпштейномъ Финнъ неоднократно говорилъ, что не заработать 25,000—30,000 р. на такомъ дѣлѣ прямо грѣшно. И что Государственный Банкъ—главный кредиторъ Романовскихъ заводовъ—не обѣднѣетъ, если на его долю придется на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей меньше". Добавлю, что Финнъ въ 1906 г. былъ редакторомъ радикальной, почти революціонной газеты „Кіевское Слово" и, повидимому, своимъ радикализмомъ покорилъ сердце управляющаго Кіевской конторы Госуд. Банка Афанасьева. Когда возникъ вопросъ объ объявленіи Эпштейна несостоятельнымъ должникомъ, то Финнъ, въ явный ущербъ казнѣ, сталъ предпринимать ходы, дабы такое объявленье несостоятельнымъ было отсрочено. Въ актахъ судебнаго разслѣдованья имѣются данныя, что къ Финну былъ подосланъ Эпштейномъ нѣкій Ааронъ Луріе и Финнъ запросилъ съ него 30,000 р. за то, чтобы несостоятельность Эпштейна была

отсрочена. Не довѣряя другъ другу, Луріе и Финнъ составили о семъ письменный договоръ, правда, на подставное лицо—на іудея Шпигеля,—но въ черновикѣ договора были найдены помѣтки, сдѣланныя рукой г. Финна. Вотъ, что происходитъ, г.г., въ Кіевской конторѣ Государственнаго Банка“...

И этотъ запросъ былъ признанъ въ думской запросной комиссіи, вопреки голосамъ лѣваго крыла, правильнымъ, подлежащимъ принятію. Комиссіонный докладъ порученъ правому Н. І. Шетохину, который, тщательно разработавъ всѣ, относящіеся сюда законодательные акты и многочисленныя Сенатскія разъясненія, обосновалъ юридическую сторону совершенно незыблемо. Надо ли добавлять, что докладъ его на повѣстку общаго собранья Думы такъ и не попалъ —здѣсь октябристы были послѣдовательны.

Еще болѣе важное значенье имѣли два запроса правыхъ по поводу звѣрски замученнаго въ Кіевѣ, 12 марта 1911 г., Андрюши Ющинскаго.

Въ первомъ запросѣ, указавъ на несомнѣнные признаки ритуальнаго убійства, на то, что, согласно актамъ судебно-медицинскаго вскрытія, двѣнадцати-лѣтнему Ющинскому, предварительно раздѣтому и связанному, было нанесено 43 раны ударами остраго колющаго орудія—шила, „швайки“; что среди ужасныхъ, нечеловѣческихъ страданій у мальчика была выпущена вся кровь; что въ теченіи этого довольно продолжительнаго, выпусканья крови, мальчика поддерживали въ стоячемъ положеніи, а ротъ у него былъ плотно заткнутъ; что злодѣянье произошло незадолго до еврейской Пасхи—правые освѣтили историческую сторону вопроса.

Они привели текстъ „надгробка“, надъ покоющимися въ Слуцкѣ нетлѣнными мощами святого младенца Гавріила, умученнаго жидами 11-го апрѣля 1690 года, привели латинскую надпись, высѣченную надъ мраморнымъ гробикомъ въ Виленскомъ по-бернардинскомъ костелѣ, удостовѣряющую, что здѣсь покоится прахъ мальчика Симона Кіерелиса „жесточайшимъ способомъ убитаго іудеями на седьмомъ году жизни, 170 ранами, и похороненнаго въ углу этого костела въ 1592 году“. Далѣе, изъ архива Госуд. Совѣта правыми былъ извлеченъ матеріалъ по судебнымъ дѣламъ о ритуальныхъ убійствахъ, Велижскому, 1823 года, и Саратовскому,

1852 года. Актъ вскрытія „разсудительно замученнаго“ въ апрѣлѣ 1823 г. въ Велижѣ, четырехлѣтняго Федора Емельянова не могъ не поражать своимъ изумительнымъ совпаденьемъ съ данными вскрытія Андрюши Ющинскаго: то же „злодѣянье, исполненное на раздѣтомъ ребенкѣ“, та же масса небольшихъ колотыхъ ранъ „для достанія крови“, то же связыванье, то же зажиманье рта, при которомъ „губы крѣпко къ зубамъ, а носъ ко рту придавлены“. Наконецъ Саратовское дѣло о замученныхъ мальчикахъ Шерстобитовѣ и Масловѣ, вполнѣ раскрытое, окончившееся ссылкою въ каторжныя работы трехъ убійцъ-іудеевъ, не оставляло уже никакихъ сомнѣній въ существованіи ритуальныхъ убійствъ. Въ Госуд. Совѣтѣ, куда оно восходило для окончательнаго разрѣшенья, приговоръ былъ постановленъ большинствомъ 22 голосовъ противъ трехъ, причемъ, однако, эти трое высказывались не за оправданье осужденныхъ іудеевъ, а лишь за „оставленье ихъ въ сильнѣйшемъ подозрѣніи“. Императоръ Александръ II-й, утвердивъ въ 1860 году мнѣніе большинства, на докладѣ Предсѣдателя Госуд. Совѣта, князя Орлова, положилъ резолюцію: „нахожу вашъ взглядъ на дѣло совершенно правильнымъ, а потому я не остановился утвердить заключенье большинства [1]).

О громадномъ значеніи этихъ добытыхъ правыми, историческихъ матеріаловъ, отчасти совсѣмъ неизвѣстныхъ, отчасти очень мало извѣстныхъ и основательно позабытыхъ— говорить не приходится.

Однако, въ моментъ внесенья перваго запроса, 29-го апрѣля 1911 г., возмутительныя событія, устанавливающія незакономѣрность дѣйствій властей по дѣлу Ющинскаго, не развернулись еще вполнѣ, а потому 7-го ноября 1911 г. правые внесли второй запросъ.

„За эти полгода—гласилъ онъ [2])—накопился цѣлый рядъ новыхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что кіевская полиція предприняла рядъ дѣйствій не къ выясненью, а къ сознательному затемненью дѣла, не къ обнаруженью истины, а къ сокрытію ея: не къ изобличенью іудеевъ, совершившихъ—по убѣжденью мѣстнаго населенья—звѣрское убійство ради крови христіанскаго ребенка, а къ отвле-

[1]) Подробности см. въ книжкѣ *Г. Г. Замысловскаго* „Умученные отъ жидовъ“. Харьковъ, 1911 г.

[2]) Стенографическій отчетъ. Сессія 5, ч. I, стр. 1429.

ченью подозрѣнья и даже къ созданью ложныхъ уликъ противъ лицъ неповинныхъ". Въ запросѣ былъ точно указанъ рядъ противозаконныхъ по формѣ и совершенно неосновательныхъ по существу обысковъ и арестовъ, которые производила кіевская полиція среди родственниковъ Андрюши Ющинскаго: были арестованы полиціей мать убитаго, отчимъ его, Лука Приходько, братъ Луки—Николай, братъ матери убитаго—Федоръ Нѣжинскій, братъ отца—Василій Чирковъ, отецъ отчима и жена брата матери. Большинство арестовъ сопровождалось продолжительнымъ, многодневнымъ заключеньемъ. Между тѣмъ среди евреевъ, за то же время полиція не произвела ни единаго ареста, ни единаго обыска. Когда, тѣмъ не менѣе, слѣдственная власть остановилась на привлеченіи въ качествѣ обвиняемаго іудея Менделя Бейлиса, то начальникъ кіевской сыскной полиціи Мищукъ старался обратить ея вниманье совсѣмъ въ иную сторону, на улики, которыя оказались *подстроенными*".

И этотъ запросъ правыхъ былъ признанъ думскою запросною комиссіею правильнымъ, подлежащимъ принятію. И онъ, однако, на повѣстку общаго собранья Думы не попалъ и обсужденью ея подвергнутъ не былъ, благодаря все той же поддержкѣ октябристами услужливыхъ стараній лѣвыхъ угодить прежде всего евреямъ.

Что касается лѣваго крыла, то оно проявило въ защитѣ іудеевъ чрезвычайную страстность. Родичевъ, напримѣръ, взывая объ отмѣнѣ черты осѣдлости, говорилъ, что это „честный путь насажденья права", которому противополагалъ „старый путь лицемѣрія, вражды, лжи и безчестности". „Пустой предразсудокъ опасности возбужденья еврейскаго вопроса—это въ родѣ китайскаго дракона: если вы его отстраните, окажется, что это пустая бумажка. Позади этого дракона стоитъ *русская* недобросовѣстность, лживость, безчестность и воровство *(рукоплесканья слѣва)*" [1]).

Почему этихъ качествъ члены партіи „народной свободы" никогда не приписывали никакой другой націи, кромѣ русской!?

Далѣе, въ изступленной защитѣ лѣвыми іудейскихъ интересовъ красною нитью проходило то явленье, которое уже было отмѣчено ранѣе: если защита эта оказывалась въ противорѣчіи съ непререкаемыми принципами радикализма, таковые приносились въ жертву безъ колебаній. Такъ, ка-

---

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 3, ч. 1, стр. 2074.

деки все время вопили, что чуть ли не всѣ министерскіе циркуляры—сплошное противозаконіе. Однако, когда правые привели циркуляръ, явно идущій въ разрѣзъ съ закономъ, но выгодный іудеямъ, то кадекская точка зрѣнья сейчасъ же измѣнилась: никакой правительственной незакономѣрности они не усмотрѣли и въ думской запросной комиссіи лѣвое крыло дружно голосовало за отверженье запроса.

Не менѣе громко заявляли кадеки, что ихъ первѣйшая задача—гласное, широкое разоблаченіе всякихъ злоупотребленій и хищеній, совершенныхъ агентами правительства. Въ запросѣ о кіевскихъ купцахъ-евреяхъ такія злоупотребленія и хищенья были внѣ всякихъ сомнѣній. Это не помѣшало лѣвому крылу голосовать въ думской запросной комиссіи за отверженье запроса и принять всѣ мѣры, чтобы онъ остался подъ спудомъ.

Полицейскій произволъ, превышенье полиціей власти, особенно въ области незаконнаго лишенья свободы—это ли не любимѣйшая кадекская тема! Но вотъ правые указали, что полиція, для вящшаго торжества Израиля явно противозаконно—и по существу, и по формѣ—арестовала всѣхъ родственниковъ замученнаго Андрюши Ющинскаго и держала нѣкоторыхъ изъ нихъ чуть не мѣсяцъ подъ стражей. Кадеки горой стоятъ за отверженье запроса! По ихъ мнѣнью, тутъ не было никакой незакономѣрности! И радикальнѣйшій присяжный повѣренный Тесленко началъ въ думской комиссіи развивать такую расширительную теорію о правѣ полиціи *во время предварительнаго слѣдствія* арестовывать заподозрѣнныхъ *безъ прямого предписанья слѣдователя*—что даже октябристы запротестовали. Наконецъ, какъ краснорѣчива эта тактика замалчиванья, „зажевыванья" всего, вреднаго іудейскимъ интересамъ, достаточно, полагаемъ, выясненная предшествующимъ изложеньемъ.

Тѣмъ не менѣе въ области еврейскаго вопроса правые сдѣлали въ третьей Думѣ не малое дѣло. Прежде всего важно уже то, что, въ это переходное, колеблющееся время іудейскія права въ законодательномъ порядкѣ не были увеличены ни на іоту. Между тѣмъ, если думское большинство постановило допустить евреевъ на судейскія должности, если въ Думѣ набралось 166 подписей подъ проектомъ отмѣны черты осѣдлости, то угроза расширенья іудейскихъ правъ

была, несомнѣнно, серьезная и въ предотвращеніи ея рѣшительный отпоръ, постоянно даваемый правыми, имѣлъ несомнѣнное значенье. Далѣе, основанное на документахъ освѣщенье такихъ сторонъ еврейскаго вопроса, какъ возмутительное отношеніе къ христіанамъ въ почитаемыхъ іудеями книгахъ, систематическое уклоненіе евреевъ отъ воинской повинности, захватъ ими самыхъ разнообразныхъ отраслей государственной и общественной жизни, попустительство такому захвату со стороны властей, часто незаконное, наконецъ, разработка данныхъ по дѣлу Ющинскаго въ связи съ общимъ историческимъ матеріаломъ о ритуальныхъ убійствахъ—вся эта работа, выполненная правыми насколько хватало ихъ силъ—сослужила надежную службу въ дѣлѣ борьбы съ еврейской опасностью.

Къ инородцамъ среди которыхъ преобладаютъ теченья, враждебныя Россіи, правые причисляли и армянъ. Ихъ засиліе на Кавказѣ, гоненье, воздвигнутое тамъ на стойкихъ, энергичныхъ агентовъ власти, твердо охранявшихъ интересы Россіи, необычайный ростъ террористическихъ актовъ, остававшихся въ огромномъ большинствѣ безнаказанными, все это послужило предметомъ особаго запроса, съ которымъ правые обратились къ Кавказскому намѣстнику, графу Воронцову-Дашкову.

Широко развернувшіяся по этому запросу пренья *заняли* цѣлый рядъ засѣданій, но зато вся исторія кавказской разрухи была закрѣплена документальными данными.

Такъ, напр., правыми были оглашены оффиціальныя донесенія русскимъ властямъ прокурора Эчміадзинскаго Синода [1]) отъ 22 января и 23 ноября 1907 г., за №№ 70 и 670, такого содержанья:

„Въ Эчміадзинской духовной академіи ректоръ академіи Месропъ-Теръ-Мовсисьянъ способствуетъ устройству митинговъ, распространенью нелегальной литературы и смотритъ сквозь пальцы на храненье въ духовной академіи оружья. Духовная академія стала уже давно притономъ

[1]) Эчміадзинскій Синодъ, съ католикосомъ всѣхъ армянъ во главѣ, состоитъ изъ армянскихъ духовныхъ лицъ и является высшимъ учрежденьемъ для армянской церкви. За дѣятельностью Синода наблюдаетъ особое свѣтское должностное лицо, назначаемое русской властью (до сихъ поръ не изъ армянъ) и именуемое Прокуроромъ Эчміадзинскаго Синода.

пріѣзжихъ и мѣстныхъ агитаторовъ, а не столь давно ученики академіи постановили упразднить всѣ положенныя по уставу молитвы.

Чинъ ектеніи за Царствующій Домъ исключенъ изъ армянскихъ богослужебныхъ книгъ и помѣщенъ на отдѣльныхъ листочкахъ на случай присутствія при богослуженіи лицъ, не удобныхъ своимъ пониманьемъ армянскаго языка.

Въ монастырской эчміадзинской типографіи напечатанъ календарь Топчіана, въ которомъ помѣщены фотографіи лейтенанта Шмидта и Спиридоновой, съ соотвѣтственными хвалебными статьями".

Правыми было указано далѣе, что, согласно даннымъ судебнаго разслѣдованья, въ домѣ эчміадзинскаго монастыря въ Тифлисѣ, въ августѣ 1907 г., нашли 14 готовыхъ къ метанью бомбъ, 10,000 патроновъ, револьверы, 80 арш. Бикфордова шнура, 267 ударныхъ капсюлей и 12 фун. гремучаго студня. Военный генералъ-губернаторъ Тимофеевъ оштрафовалъ за это монастырь на 3000 рублей. Но весьма скоро Тимофеевъ былъ выжитъ съ Кавказа и, какъ только его выжили, намѣстникъ этотъ штрафъ немедленно сложилъ.

Въ сентябрѣ 1907 г. задержанъ архимандритъ Корюнъ Саокнянцъ, бывшій секретарь Католикоса, оказавшійся атаманомъ боевой организаціи армянской революціонной партіи „Дашнакцутюнъ".

Изъ документовъ, взятыхъ у Корюна, можно было усмотрѣть, что черезъ его руки прошло до 60,000 руб. на покупку оружья, а также различныя суммы, предназначавшіяся, по его записной книжкѣ, на взятки администраціи.

Жандармскій ротмистръ Руничъ, который задержалъ его, вскорѣ послѣ этого былъ убитъ" [1]).

Фотографію Корюна въ разбойничьей одеждѣ показывалъ съ думской каѳедры Ф. Ф. Тимошкинъ, много потрудившійся надъ собраніемъ свѣдѣній и документовъ по кавказскому запросу.

Даже намѣстникъ, столь благоволившій армянамъ, долженъ былъ признать, что они „увлекались мечтами о возстановленіи самостоятельной Арменіи".

Широко раскинувшаяся не только по Кавказу, но и далеко за его предѣлами, дѣятельность армянской партіи „Дашнакцутюнъ" не ограничивалась, однако, только „мечтами".

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 2, ч. II, стр. 958, 959.

Согласно даннымъ судебнаго разслѣдованья, оглашеннымъ правыми съ думской каѳедры [1]), „въ періодъ времени съ 1904 по 1910 г.г. въ предѣлахъ Сѣвернаго Кавказа и Закавказья, а также и въ другихъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи образовалось сообщество, присвоившее себѣ наименованіе армянской революціонной партіи дашнакцутюнъ. Это сообщество поставило цѣлью своей дѣятельности насильственное посягательство на измѣненіе установленнаго въ Россіи Основными Законами образа правленія и замѣну его федеративной демократической республикой, въ которую Кавказъ долженъ входить какъ союзная часть Россіи, связанная съ нею лишь въ вопросахъ защиты государства, внѣшней политики, монетной и таможенной системы, со своими кавказскими представителями въ общероссійскомъ парламентѣ и собственнымъ парламентомъ въ г. Тифлисѣ. Таковое сообщество имѣло въ своемъ распоряженіи склады оружія и средства для производства взрывовъ и для осуществленія вышеуказанныхъ цѣлей собирало періодически свои общія собранія, вырабатывавшія программы и уставы, организовало восточное бюро, совѣты, районныя собранія, центральный и мѣстные комитеты, подкомитеты и группы, носившіе условныя наименованія, въ порядкѣ подчиненности контролирующіе другъ друга. Таковая организація издавала и распространяла свои революціонные журналы, газеты, брошюры и воззванія съ призывомъ къ вооруженному возстанію, къ ниспроверженію существующаго въ Россійской Имперіи государственнаго и общественнаго строя, къ неповиновенію законамъ и распоряженіямъ властей, имѣя для этой цѣли свои оборудованныя типографіи, склады изданій; вела широкую пропаганду революціонную среди армянскаго населенія, возбуждая его не обращаться къ правительственнымъ властямъ, не платить податей и налоговъ, не давать рекрутовъ. Обложила армянское населенье ежегоднымъ налогомъ, а съ состоятельныхъ лицъ армянскаго происхожденья взыскивала принудительные денежные сборы, при неисполненіи же требованій лишала этихъ лицъ жизни. Разсматривала гражданскія и уголовныя дѣла, вынося по симъ дѣламъ свои рѣшенія и приговоры до смертной казни включительно *(возгласы справа: о-о)*, вела пропаганду въ воинскихъ частяхъ, возбуждая нижнихъ чиновъ къ нарушенію обязанности военной службы, проводила отдѣльныхъ членовъ сообщества на административныя и учительскія должности въ армянскихъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы указаннымъ способомъ давать имъ возможность осуществить программу и стремленіе сообщества и организовать тайные ученическіе союзы и сообщества,—опредѣляла и приводила

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 5, ч. IV, стр. 435, 436.

въ исполненіе террористическіе акты въ отношеніи какъ представителей власти, такъ и частныхъ лицъ, считавшихся опасными для организаціи или не желавшихъ подчиниться ихъ распоряженію, формируя для этой цѣли террористическія группы, снабжая таковыя оружіемъ и денежными средствами, направляя дѣятельность членовъ организаціи для собиранія необходимыхъ свѣдѣній для совершенія этихъ убійствъ, вырабатывая текстъ условныхъ телеграммъ, которыми по извѣстнымъ адресамъ слѣдовало извѣщать членовъ сообщества о всѣхъ переѣздахъ, какъ лица, подлежащаго террору, такъ и террористическихъ группъ и организовывало покупку и доставку оружія и средствъ для производства взрывовъ въ особые, находящіеся въ распоряженіи общества тайные склады, ведя точный учетъ прихода и расхода оружія и взрывчатыхъ веществъ, условными шифрованными записями“.

Такимъ образомъ, правые постарались выяснить роль и этого звена въ томъ союзѣ инородцевъ, который, послѣ знаменитаго революціоннаго конгресса въ Парижѣ, въ 1904 году, „окружалъ Россію—по удостовѣренью финляндца Конни Циліакуса—пылающимъ кольцомъ бунта и революціи“.

Подводя итогъ тому отпору, которымъ былъ встрѣченъ въ третьей Думѣ натискъ враждебныхъ Россіи инородческихъ вожделѣній, надлежитъ признать, что, прежде всего, правымъ удалось твердо установить тѣсную связь и взаимную поддержку отдѣльныхъ инородческихъ группъ между собою въ дѣлѣ, которое онѣ признавали „общимъ“—въ борьбѣ съ существующимъ въ Россіи государственнымъ строемъ. Было выяснено взаимоотношеніе этихъ инородческихъ группъ съ русскими революціонными и радикальными партіями. Служебное, подчиненное положенье сихъ послѣднихъ передъ инородцами, отъѣвшимися, разбогатѣвшими за счетъ русскаго народа—сдѣлалось несомнѣннымъ. Учиняемое инородцами, при полномъ сочувствіи русскихъ радикальныхъ и революціонныхъ партій натравливанье на Россію Европы, —ея, такъ называемаго, „общественнаго мнѣнья“—проявилось съ неоспоримою очевидностью. И не пересчитать всѣхъ заграничныхъ „протестовъ“ противъ „русскихъ посягательствъ на свободу культурной Финляндіи“, противъ выдѣленья Холмщины, противъ „кроваваго навѣта на евреевъ“. Дерзость иностраннаго вмѣшательства въ русскія дѣла дошла до демонстраціи противъ Россіи въ Львовѣ и Краковѣ,

до разрыва Америкой, въ угоду жидамъ, торговаго договора съ Россіей.

Какъ зарождаются всѣ эти протесты и демонстраціи, почему вдругъ мѣстная, провинціальная бретонская или лозаннская газета разражалась—какъ будто ни съ того, ни съ сего—громоносной статьей о Холмщинѣ—теперь стало ясно даже политическимъ слѣпцамъ.

А это уже очень важно, ибо для разрѣшенья какого угодно вопроса необходимо, прежде всего, *правильное его пониманье.*

Въ области чисто законодательной, прошедшіе черезъ третью Думу законы о Финляндіи имѣютъ, безспорно, громадное и принципіальное, и практическое значенье. Послѣдняго, къ сожалѣнью, нельзя сказать про законы, касающіеся польскаго вопроса—о выдѣленіи Холмщины и о введеніи земства въ шести западныхъ губерніяхъ—настолько эти реформы искажены октябристскими поправками. Но и здѣсь въ смыслѣ установленья подлежащихъ принциповъ, руководящихъ началъ по отношенью къ полякамъ—достигнуто многое.

Наконецъ, въ вопросахъ еврейскомъ и армянскомъ, хотя никакихъ законодательныхъ реформъ и не было принято, но факты, оглашенные и доказанные правыми съ думской каѳедры, не могутъ не отразиться на мѣрахъ управленья.

Глава VII.

Бюджетъ и финансы.

Громадная перемѣна къ лучшему въ бюджетномъ, финансовомъ состояніи Россіи за послѣднія пять лѣтъ несомнѣнна.

Когда третья Дума, въ концѣ 1907 года, впервые приступила къ бюджетнымъ занятіямъ, то оказалось, что государственную роспись на наступающій, 1908 годъ, приходится сводить съ крупнымъ дефицитомъ, съ недостачей, достигшей 188 милліоновъ рублей—и эту недостачу, этотъ дефицитъ, покрывать путемъ займа.

„Свободная наличность“, та „копейка на черный день“, которая такъ нужна государству, не достигала къ 1908 году

и девяти милліоновъ рублей, т. е., въ случаѣ какой нибудь бѣды, оказать мало-мальски серьезной поддержки не могла.

Къ займу, хотя и не столь крупному, пришлось прибѣгнуть и въ росписи на слѣдующій, 1909 годъ, а свободная наличность упала къ 1909 году до совершенно ничтожной цифры въ два милліона рублей.

Роспись 1910 года, однако, свели безъ займа, безъ дефицита и къ 1 январю 1910 года получилось уже 107 милліоновъ свободной наличности.

Къ 1 январю 1911 года ея было 340 милліоновъ, при росписи бездефицитной:

Къ 1 январю 1912 года—уже свыше 400 милліоновъ.

Это не мѣшало общей суммѣ расходовъ каждый годъ возрастать: роспись на 1908 годъ была въ два съ половиною милліарда, роспись на 1912 годъ—почти въ три милліарда.

Огромное повышенье курса нашихъ процентныхъ бумагъ, поступленье съ населенья окладныхъ сборовъ не только, въ среднемъ, совершенно безнедоимочное, но и покрывающее часть недоимокъ за прежніе годы, приливъ денегъ въ сберегательныя кассы, рѣзкое измѣненіе въ нашу пользу торговаго баланса, выразившееся въ значительномъ превышеньи общей цѣнности вывоза сравнительно съ общей цѣнностью ввоза—все это неопровержимо указывало, насколько окрѣпло наше финансовое положенье и по росписи на 1912 годъ мы не только не стали прибѣгать къ займу но, напротивъ, досрочно погасили—сто милліоновъ долга и немедленно принялись за постройку „великодержавнаго“ флота, по программѣ, разсчитанной на 500 милліоновъ руб.

Нельзя забывать, что одновременно предпринимались огромныя затраты по постройкѣ крупныхъ желѣзнодорожныхъ линій, необходимыхъ для государства, но пока совершенно бездоходныхъ. Такъ, напримѣръ, по росписи 1912 г., т. е. за одинъ только годъ, 103 милліона ассигновано на постройку дорогъ азіатской Россіи: 66 м. р.—на Амурскую; 28 м. р.—на Сибирскую (укладка второго пути и переустройство горныхъ участковъ); 9 м. р.—на Тюмень-Омскую. Хотя расходы эти—*чрезвычайные*, хотя благами, которыя получатся отъ перечисленныхъ грандіозныхъ сооруженій воспользуемся не столько мы, сколько наши потомки, но по-

крытіе этихъ чрезвычайныхъ расходовъ производилось не займами, а доходами *обыкновенными*.

Такимъ образомъ, наступившее у насъ бюджетное, финансовое благополучіе не подлежитъ сомнѣнію. Но причина ему только одна: неисчерпаемыя природныя богатства нашей необъятной Россіи. Только поэтому ни революція, ни несчастная война не могли сломить нашихъ финансовъ. Однако, разумѣется, колоссальные, неисчислимые убытки, причиненные, съ одной стороны, всевозможными забастовками и „иллюминаціями", а съ другой—военными издержками, пополненіемъ самыхъ разнообразныхъ военныхъ запасовъ и снаряженья—все это легло тяжелымъ бременемъ на государственное хозяйство и придавило нашъ бюджетъ. Но вотъ кончилась война, миновала смута, Господь послалъ два года подрядъ (въ 1909 и 1910 г.г.) хорошій урожай и... „финансовые круги принуждены были констатировать, что дѣйствительность превзошла самыя смѣлыя ожиданья".

Дефицитовъ какъ не бывало и, несмотря на ежегодное возрастанье расходовъ, несмотря на то, что съ двухъ съ половиною милліардовъ они за пять лѣтъ достигли, по росписи, трехъ милліардовъ—крупныя сбереженья, крупная свободная наличность въ нѣсколько сотъ милліоновъ.

И когда, послѣ двухъ урожайныхъ лѣтъ, въ 1911 году часть Поволжья и нѣкоторыя губерніи Западной Сибири были постигнуты неурожаемъ, то на помощь пострадавшимъ безъ всякаго напряженья, безъ какихъ либо финансовыхъ осложненій оказалось возможнымъ отпустить свыше ста милліоновъ рублей.

Изложеннымъ мы вовсе не хотимъ отрицать въ дѣлѣ укрѣпленья нашихъ финансовъ извѣстныхъ заслугъ правительства: оно проявило бережливость, разсчетливость, экономію, сумѣло попридержать и поприкопить „копейку на черный день".

Но когда наши парламентаріи хотятъ изобразить *изъ себя* созидателей финансоваго благополучія въ Россіи, то отвѣтъ имъ можетъ быть только одинъ: „мы пахали".

Финансовое благополучіе *создалось*, повторяемъ, исключительно благодаря урожаямъ, благодаря природнымъ богатствамъ нашей родины. *Удержалось*—не расплылось, не

распылилось—благодаря разсчетливости и бережливости Министра Финансовъ, иногда шедшей даже черезчуръ далеко.

При чемъ же были наши парламентаріи?

Начали они, какъ извѣстно, очень широковѣщательно. Всѣмъ памятна самая беззастѣнчивая похвальба, шедшая изъ „конституціоннаго лагеря, что, молъ, дайте только намъ добраться до бюджета, до росписи, до вѣдомственныхъ смѣтъ и мы сразу проявимъ такое финансовое творчество, обнаружимъ такія перспективы государственной экономіи, что доходы неизмѣримо возрастутъ, а расходы сократятся.

Надѣлала синица много шума, а моря не зажгла!

Трудно представить себѣ большую скудость творческой мысли, чѣмъ проявленная нашими финансистами. Они не только не внесли ничего своего для увеличенья доходовъ и уменьшенья расходовъ, но упорно тормозили даже тѣ начинанья, которыя были предложены правительствомъ.

Оно еще во вторую Думу внесло крупное финансовое преобразованье, которое должно было бы не только дать казнѣ нѣсколько десятковъ милліоновъ новаго дохода, но и способствовать болѣе правильному распредѣленью налоговаго бремени—это подоходный налогъ.

Такимъ образомъ, третья Дума, съ первыхъ же дней своей дѣятельности, имѣла полную возможность съ рвеньемъ приняться за разработку этой большой и полезной реформы. которая, въ такомъ случаѣ, къ окончанью думскихъ полномочій имѣла бы всѣ данныя превратиться уже въ законъ.

Но подоходный налогъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, имѣлъ одинъ недостатокъ: онъ оказался непріятенъ тѣмъ, у кого было очень много дохода—крупнымъ торгово-промышленнымъ кругамъ, а такъ какъ октябристы старались исполнить всѣ желанья этихъ круговъ, расположенье, поддержку ихъ ставили превыше всего, а прогнѣвить боялись, пуще огня, то введенье подоходнаго налога „руководящему центру“ улыбалось очень мало.

Однако, какъ же быть?

Нельзя же прямо заявить, что мы, либеральные, прогрессивные, конституціонные октябристы противъ такой справедливой и безспорно полезной государству мѣры, какъ подоходный налогъ!?

Но „руководящій центръ“ исхитрился: не возражая прин-

ципіально противъ подоходнаго налога, онъ пустилъ дѣло въ затяжку, продержалъ законопроектъ нѣсколько лѣтъ въ финансовой комиссіи, а затѣмъ такъ и не удосужился поставить его на думскую повѣстку. Такимъ образомъ, и принципы остались въ чистотѣ, и крупные капиталисты довольны.

Тоже самое случилось съ финансовымъ законопроектомъ, хотя и не столь важнымъ, но все же весьма существеннымъ: о преобразованіи налога съ наслѣдствъ. Предполагалось въ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдство по цѣнѣ незначительно и переходитъ къ близкимъ родственникамъ, обложить такой переходъ очень низкой пошлиной, взимать весьма малый процентъ по отношенью къ стоимости переходящаго имущества. Наоборотъ, чѣмъ больше цѣна наслѣдства и чѣмъ отдаленнѣе родственники, его получающіе, тѣмъ выше процентъ обложенья.

И эта реформа, съ одной стороны, представлялась вполнѣ справедливой, а съ другой, давала чувствительное увеличенье доходовъ. Но и она, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, была неугодна крупнымъ капиталистамъ. Этого было достаточно, дабы „руководящій центръ“ и въ отношеніи налога съ наслѣдствъ примѣнилъ тотъ же парламентскій пріемъ, какъ и въ отношеніи налога подоходнаго: „принципіально“ согласясь съ законопроектомъ, но продержавъ его сколько было можно въ состоящей подъ предсѣдательствомъ октябриста Г. Г. Лерхе финансовой комиссіи, октябристы добились того, что и это преобразованье на думскую повѣстку не попало.

Мало того, въ финансовую комиссію поступилъ сравнительно не крупный и, казалось бы, совершенно безспорный законопроектъ о введеніи налога на Туркестанскій хлопокъ, съ тѣмъ, чтобы полученное обратить на расходы по расширенью въ Туркестанѣ площади, хлопкомъ засѣянной. Повидимому, ни времени, ни особо глубокомысленныхъ разсужденій для принятія сей реформы не требовалось, но, конечно, она была нежелательна хлопчато-бумажнымъ промышленникамъ, сосредоточеннымъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ въ московскомъ раіонѣ. И вотъ съ законопроектомъ начинается рядъ странныхъ недоразумѣній, въ свое время подробно описанныхъ въ газетахъ. Въ результатѣ онъ до разсмотрѣнья въ общемъ собраніи Думы такъ и не дошелъ.

Финансовая дѣятельность третьей Думы по увеличенью доходовъ выразилась въ неудачномъ преобразованіи „налога съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ“ [1]), въ установленіи налога съ папиросныхъ гильзъ [2]) и въ увеличеніи судебныхъ пошлинъ [3]).

Первое изъ перечисленныхъ преобразованій увеличило ежегодные доходы приблизительно милліоновъ на десять; второе—милліона на четыре съ половиною; третье—на милліонъ.

Такимъ образомъ это были мѣры второстепеннаго и даже третьестепеннаго значенья, которыя, разумѣется, сколько нибудь серьезнаго вліянья на положенье нашихъ финансовъ оказать не могли. Починъ и разработка ихъ всецѣло принадлежали правительству.

Но что же сдѣлала собственно Дума?

Ежегодно газеты оповѣщали, что ея бюджетная комиссія крупно увеличила доходы и сократила расходы.

Вотъ къ этимъ увеличеньямъ, сокращеньямъ и надлежитъ присмотрѣться поближе.

Увы, почти всѣ они носятъ чисто бухгалтерскій, кассовый характеръ. Въ отчетахъ, на бумагѣ цифры мѣняются, но въ жизни, реально—доходы и расходы остаются тѣ же самые.

Доходная часть нашей ежегодной росписи состоитъ изъ ожидаемыхъ поступленій, размѣръ которыхъ исчисленъ приблизительно, въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій.

Само собою разумѣется, что если мы въ росписи эти исчисленья увеличимъ или уменьшимъ, то на поступленіе доходовъ такое наше занятіе не повліяетъ ни на іоту. Измѣнятся бумажныя цифры, а дѣйствительность останется неизмѣненной.

Въ росписи, напримѣръ, акцизъ съ табака исчисленъ Министерствомъ Финансовъ на данный годъ въ 60 милліоновъ рублей. Можно, конечно, съ легкостью написать вмѣсто шестидесяти — пятьдесятъ, или семьдесятъ. Перемѣнится

---

1) Законъ 6 іюня 1910 г.

2) Законъ 18 марта 1909 г.

3) Законъ 3 іюля 1908 г.

цифра, но дѣйствительное поступленье акциза съ табака не увеличится и не уменьшится отъ этого ни на одинъ рубль.

Такой же бухгалтерскій пріемъ можно продѣлать и со многими категоріями расходовъ.

Такъ, напримѣръ, казнѣ, для всевозможныхъ операцій, надо въ годъ на много милліоновъ рублей топлива. Исчисленье потребнаго для сего расхода основано въ росписи на томъ предположеніи, что извѣстная „заготовительная единица" этого топлива будетъ стоить, скажемъ, 15 рублей. Можно съ легкостью вмѣсто пятнадцати рублей написать другую цифру—десять рублей, или двадцать рублей. Тогда и весь многомилліонный итогъ или на нѣсколько милліоновъ увеличится, или на нѣсколько милліоновъ уменьшится, но въ дѣйствительности, реально, все останется безъ малѣйшаго измѣненія: за топливо придется заплатить ту цѣну, которая будетъ стоять на рынкѣ, а эта цѣна и устанавливается рынкомъ, спросомъ и предложеньемъ, а не рѣшеньями правительства или законодательныхъ учрежденій.

Такимъ образомъ, всѣ эти бухгалтерскія комбинаціи никакой прибыли, никакой экономіи въ дѣйствительности не даютъ.

Посчитали вы доходы „съ преуменьшеньемъ", или „съ преувеличеньемъ"—разницы въ ихъ поступленіи отъ этого не получится; тоже и съ указанной выше категоріей расхода: его размѣръ будетъ зависѣть отъ состоянья рынка, а не отъ бумажной цифры, проставленной въ росписи.

Такова чисто *финансовая* сторона дѣла, но въ иномъ положеніи сторона *политическая*: здѣсь можетъ наступить существенная разница отъ того, исчислены доходы или расходы по росписи съ преуменьшеньемъ или съ преувеличеньемъ, ибо въ зависимости отъ этого у васъ будетъ значиться по соотвѣтствующимъ параграфамъ росписи или „остатокъ", или „перерасходъ". Насколько „остатки" способствуютъ финансовой независимости правительства отъ Думы, настолько „перерасходы", которые необходимо во что бы то ни стало покрыть—дѣйствуютъ въ обратномъ направленіи.

Къ политической сторонѣ, и только къ ней, сводились, въ сущности, всѣ мысли, дѣйствія и вожделѣнья нашихъ парламентаріевъ въ области бюджета, однако рѣчь о семъ будетъ впереди, а пока надлежитъ покончить съ вопросомъ,

насколько были осуществлены эти широкія обѣщанья нашихъ конституціоналистовъ обновить государственное хозяйство, повысить его доходность и въ тоже время достичь крупныхъ сбереженій.

Тѣ измѣненья, сдѣланныя Думою въ бюджетѣ, которыя вели не къ показному, бухгалтерскому, а къ дѣйствительному сокращенью расходовъ были настолько же малочисленны, насколько спорны.

Три года подрядъ Госуд. Дума вычеркивала изъ росписи кредиты на новое судостроеніе, а Госуд. Совѣтъ, пользуясь правиломъ, о которомъ будетъ сказано ниже, ассигнованья эти—не свыше 16 милліоновъ на каждый годъ—возстановлялъ. Однако, на четвертый годъ своей дѣятельности Дума одобрила отпускъ весьма крупныхъ кредитовъ на черноморское судостроительство, а на пятый годъ—еще гораздо большій расходъ на возрожденье Балтійскаго флота. Такимъ образомъ, сама же Дума измѣнила тѣ свои взгляды, по которымъ она пробовала сначала отказывать въ деньгахъ на постройку флота.

Такова единственная статья расхода, гдѣ сокращенья, которыя собиралась произвести Дума, достигали нѣсколькихъ милліоновъ рублей.

Слѣдующее по суммѣ дѣйствительное сокращенье расходовъ, сдѣланное Думой — это отверженье кредита въ 1,643,000 рублей, которые правительство предполагало ассигновать въ 1910 г. по смѣтѣ Министерства Путей Сообщенія на заказъ 31 товарнаго паровоза.

Однако, тотъ членъ Думы, который являлся въ ней, безспорно, лучшимъ знатокомъ желѣзнодорожнаго дѣла, Николай Львовичъ Марковъ (первый)—октябристъ, но представитель правыхъ теченій октябризма, напечаталъ пространное особое мнѣніе, гдѣ доказывалъ, что сокращенье это, принятое голосами лѣваго крыла и лѣвой части октябристовъ,—„мѣра вредная, неосторожная, не представляющая настоящаго сбереженья въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ“.

Далѣе, пробовала Дума вычеркнуть изъ росписи 500 тысячъ рублей, ассигнуемые ежегодно въ пособіе попечительствамъ о народной трезвости.

Должно признать и въ отношеніи этого сокращенья,

возстановленнаго Госуд. Совѣтомъ, что польза его, по меньшей мѣрѣ, чрезвычайно сомнительна.

Другихъ образчиковъ думской экономіи—не бухгалтерской, а дѣйствительной—приводить не будемъ, ибо рѣшительно утверждаемъ всѣ они и ничтожны по суммѣ и очень спорны по существу.

Такимъ образомъ мы въ правѣ сказать, что въ финансовой области, вопреки широковѣщательнымъ посуламъ, Дума обнаружила полное отсутствіе творчества. Мало того, она не только сама не сдѣлала ничего крупнаго и цѣннаго, но, по узкимъ партійнымъ разсчетамъ, свела на нѣтъ большія и полезныя начинанья правительства, положивъ подъ сукно введенье подоходнаго налога и преобразованье налога съ наслѣдствъ.

Въ оправданье такого финансоваго безплодія барды думской „трудоспособности" любятъ ссылаться, что, будто бы, причиной всему была скудость думскихъ бюджетныхъ правъ.

Эта ссылка приводитъ насъ къ *политической* сторонѣ бюджета.

Всѣ „конституціонныя теоріи" твердятъ въ одинъ голосъ, что именно бюджетъ представляется наиболѣе пригоднымъ аппаратомъ для „завоеванья" конституціи. Упорно не давать правительству денегъ, пока оно не покорится парламенту подъ ноги—вотъ испытанный конституціонный рецептъ.

Когда правые, внеся запросъ о высшей школѣ, приводили на справку тѣ кадекскіе лекціи и курсы, сдача которыхъ необходима студентамъ для полученья правъ государственной службы, то съ думской кафедры былъ оглашенъ [1]) слѣдующій весьма характерный отрывокъ изъ твореній кадекскаго профессора по финансовому праву, іудея Фридмана, отрывокъ, который надо знать студентамъ къ экзамену!

„Если въ настоящее время въ Западной Европѣ отказъ въ бюджетѣ не примѣняется, если, вообще говоря, примѣненіе его сопряжено съ *тяжелыми жертвами для населенія*, то изъ этого не слѣдуетъ вовсе, что въ Россіи, при

---

[1]) Въ засѣданіи 20 апрѣля 1911 г.

современныхъ условіяхъ, нельзя воспользоваться этимъ *опаснымъ*,—но и сильно дѣйствующимъ средствомъ. О юридической допустимости отказа въ бюджетѣ достаточно сказано выше. Что касается нравственнаго оправданія, то въ немъ невозможно отказать при пользованіи отказомъ въ бюджетѣ, какъ *орудіемъ* для завоеванія правъ народа. Когда идетъ рѣчь о такихъ высокихъ цѣнностяхъ, какъ свобода и самоопредѣленіе населенія, разумѣется, должны отойти на заднiй планъ матеріальныя соображенія экономической невыгодности тѣхъ или иныхъ пріемовъ борьбы, если, конечно, этотъ способъ борьбы цѣлесообразенъ. Среди той анархіи, среди той неразборчивости въ средствахъ, которыя господствуютъ въ настоящее время у насъ, при томъ равнодушіи къ пролитію крови, къ казнямъ и убійствамъ, которыя являются неизбѣжнымъ результатомъ непрекращающейся, ожесточенной междуусобной войны, ужасаться дѣйствію такого способа, какъ отказъ въ бюджетѣ, не приходится. Въ современной атмосферѣ русской дѣйствительности отказъ въ бюджетѣ есть одинъ изъ самыхъ мирныхъ, самыхъ законныхъ, самыхъ нравственныхъ способовъ для завоеванія лучшаго будущаго". (*Голоса слѣва: „хорошая книга, надо ее купить"*).

Послѣдствій, которыя наступятъ отъ примѣненья этого „мирнаго, законнаго, нравственнаго способа" іудейскій профессоръ не скрываетъ отъ своихъ слущателей:

„Если правительство лишено денегъ, неминуемо наступаетъ страшное экономическое потрясеніе. Кредиторы государства, а стало быть и всѣ держатели государственныхъ процентныхъ бумагъ, перестанутъ получать проценты, пенсіонеры лишаются своихъ пенсій, чиновники не получаютъ жалованье, поставщикамъ государству не изъ чего платить. Тысячи рабочихъ изъ государственныхъ предпріятій выбрасываются на улицу; закрываются школы, перестаютъ ходить желѣзныя дороги (!) останавливается почта и т. д.". *(Голоса слѣва: „какая это книга? я ее куплю"?)*".

Хотя профессоръ Фридманъ и состоитъ на правительственной службѣ, награждаемый хорошимъ жалованьемъ, чинами и орденами, однако картина, столь заманчиво имъ нарисованная, правительству особенно нравиться не могла, вотъ почему, въ предупрежденье, чтобы она и въ самомъ дѣлѣ не наступила, правительство, еще до созыва первой

Думы, издало Высочайше утвержденныя 8 марта 1906 года „правила о порядкѣ разсмотрѣнья государственной росписи доходовъ и расходовъ“.

Согласно статьѣ девятой этихъ правилъ, всѣ кредиты, всѣ ассигнованья, вносимые въ роспись дѣлятся на два разряда: одни могутъ быть измѣняемы Думою въ смѣтномъ порядкѣ, другіе не могутъ—отсюда и столь распространенное теперь названье кредитовъ „небронированными“ и „бронированными“.

Всѣ ассигнованья, основанныя *на законѣ* („бронированныя“) не подлежатъ измѣненью въ *смѣтномъ* порядкѣ.

Однако изъ сего отнюдь не слѣдуетъ, что Дума вовсе не имѣетъ права ихъ касаться. Отнюдь нѣтъ! Но измѣненье должно идти въ общемъ, *законодательномъ* порядкѣ. Надо измѣнить *законъ*, на которомъ основано производство извѣстнаго расхода. Тогда немедленно прекратится и самый расходъ, а пока продолжается дѣйствіе закона, неприкосновененъ и вытекающій изъ него расходъ [1]).

Приведемъ примѣръ. Въ городѣ N существуетъ казенная палата, на чиновниковъ которой отпускается, согласно штатамъ, 50 тысячъ рублей, которые и вносятся, изъ года въ годъ, въ соотвѣтствующую смѣту.

Дума можетъ выработать и одобрить проектъ, чтобы казенную палату въ N упразднить вовсе, чтобы увеличить или уменьшить тамъ число служащихъ, чтобы прибавить или урѣзать имъ жалованье, — тогда, конечно, соотвѣтственно измѣнится и сумма въ 50 тысячъ рублей, внесенная въ смѣту на содержанье N-ской казенной палаты. Но пока штаты ея не измѣнены—нельзя трогать и этихъ 50 тысячъ: ихъ можно мѣнять въ законодательномъ, а не въ смѣтномъ порядкѣ. Иначе, дѣйствительно, могло бы случиться нѣчто,

---

[1]) Поэтому-то кадеки упорно старались внушить Госуд. Думѣ совершенно превратную мысль, будто „бюджетъ есть законъ“; слѣдовательно въ бюджетномъ порядкѣ можно отмѣнять всѣ существующіе законы. Бывшій тов. министра кадекъ Кутлеръ договорился до утвержденія, что никакихъ законовъ, ограничивающихъ права Думы, существовать не должно, ибо она можетъ нарушить всякій законъ. Это правые признали посягательствомъ на самые устои русской государственности, о чемъ и заявилъ, по ихъ порученію, членъ Госуд. Думы Балаклѣевъ на засѣданіи 11 мая 1911 года.

живописуемое Фридманомъ: казенное учрежденіе существуетъ, чиновники, въ немъ состоящіе, должны служить, исполнять свои обязанности, а жалованья имъ не платятъ, ибо Дума, чтобы добиться отъ правительства покорности, вычеркнула соотвѣтствующее ассигнованье изъ смѣты.

Таковъ смыслъ „бронированныхъ" кредитовъ. Не мѣшаетъ припомнить, что въ третьей Думѣ кадеки и ихъ болѣе лѣвые товарищи голосовали за отверженье всей смѣты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ—слѣдовательно, если бы у кадекъ оказалось большинство и если бы не было смѣтнаго правила, выше разобраннаго, то ни одинъ изъ служащихъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ не получилъ бы за годъ ни копейки жалованья. Не мѣшаетъ, далѣе, вдуматься въ учиненную октябристами исторію съ жалованьемъ учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ. Эти случаи наглядно показываютъ, насколько мудро и предусмотрительно поступило правительство, установивъ порядокъ, закрѣпленный статьею девятою смѣтныхъ правилъ.

Очевидно также, что бюджетныя права, нужныя и важныя для политической борьбы, вовсе не нужны и не важны для укрѣпленья финансоваго благополучія. Напротивъ, широкое пользованье политической стороной бюджета приноситъ не пользу, а вредъ государственному хозяйству. Если, для „мирнаго, законнаго и нравственнаго" насажденья конституціи путемъ бюджетнаго пресса должно наступить, по авторитетному удостовѣренью проф. Фридмана, такое положенье, при которомъ „закроются школы, перестанутъ ходить (!) желѣзныя дороги и тысячи рабочихъ будутъ выброшены на улицу"—то вѣдь финансамъ отъ этого не поздоровится.

Такимъ образомъ, *финансовая* сторона бюджета и *политическая*—это двѣ вещи не только различныя, но иногда и прямо противоположныя.

Сіе надо твердо запомнить, чтобы оцѣнить по достоинству лицемѣрное утвержденье нашихъ конституціоналистовъ: „мы не провели широкихъ финансовыхъ реформъ, ибо у насъ было мало бюджетныхъ правъ".

Но возвращаемся къ смѣтнымъ правиламъ 8-го марта 1906 года.

Кредиты „небронированные", обнимаютъ, главнымъ обра-

зомъ, область всевозможныхъ казенныхъ операцій, снабженій, заготовокъ.

Разумѣется, и здѣсь парламентъ, укрѣпляющій конституцію и требующій покорности и смиренья отъ правительства, можетъ поставить сіе послѣднее въ положенье безвыходное.

Безъ денегъ на продовольствіе арміи или на топливо для желѣзныхъ дорогъ правительство окажется въ положеніи не лучшемъ, чѣмъ безъ жалованья чиновникамъ.

Вотъ почему статья 13 смѣтныхъ правилъ гласитъ, что если по такимъ небронированнымъ кредитамъ возникнетъ разномысліе между Государст. Думою и Госуд. Совѣтомъ, то въ росписи остается та цифра, которая была въ прошломъ году.

Такимъ образомъ, если Дума станетъ вести борьбу съ правительствомъ путемъ вычеркиванья изъ росписи кредитовъ, необходимыхъ для казеннаго хозяйства, то, надо полагать, такое вычеркиванье встрѣтитъ возраженье въ Госуд. Совѣтѣ и тогда вѣдомство, правда, не въ состояніи будетъ провести тѣхъ увеличеній въ ассигнованьяхъ, которыя сплошь и рядомъ бываютъ нужны вслѣдствіе ежегоднаго, естественнаго роста расходовъ, но, во всякомъ случаѣ, не наступитъ такого критическаго положенья, когда правительство останется вовсе безъ денегъ и вслѣдствіе этого „желѣзныя дороги перестанутъ ходить (!), а тысячи рабочихъ окажутся выброшенными на улицу“.

Опять таки ясно, что статья 13, очень важная въ политическомъ отношеніи, финансовымъ реформамъ нисколько не мѣшаетъ.

Да такихъ „разномыслій“, гдѣ бы Госуд. Совѣтъ препятствовалъ Думѣ въ мало мальски крупномъ дѣйствительномъ сокращеніи расходовъ—и не было, за исключеньемъ двухъ уже разобранныхъ случаевъ съ постройкою броненосцевъ и съ пособіемъ попечительствамъ о народной трезвости.

Далѣе, смѣтными правилами закрѣплялся существовавшій и ранѣе „десятимилліонный фондъ“, ассигнуемый на каждый годъ и расходуемый, помимо Думы, по непосредственнымъ распоряженьямъ Государя Императора.

Надлежитъ отмѣтить, что во-первыхъ сумма въ десятъ милліоновъ, по отношенью ко всему бюджету, достигающему

трехъ милліардовъ, настолько незначительна, что вести противъ нея цѣлую кампанію можно по соображеньямъ политическимъ, но отнюдь не финансовымъ. Во вторыхъ, расходованье десятимилліоннаго фонда вовсе не безконтрольное, какъ старались изобразить это кадеки. Напротивъ, въ отчетахъ Государственнаго Контроля выведены тѣ расходы, почти всѣ совершенно безспорные, которые были покрыты изъ десятимилліоннаго фонда.

И лишь по нѣкоторымъ, сравнительно рѣдкимъ, статьямъ расхода въ отчетѣ значилось: „на извѣстныя Его Величеству надобности“, безъ поясненья, въ чемъ таковыя заключались.

Срокъ, въ который Дума должна окончить разсмотрѣнье росписи наступающаго года, опредѣленъ смѣтными правилами къ 1 декабрю; если же къ началу смѣтнаго періода, т. е. къ 1 январю, роспись остается неутвержденной, то вступаютъ въ силу такъ называемыя „двѣнадцатыя доли“, т. е. правительство имѣетъ право расходовать каждый мѣсяцъ одну двѣнадцатую часть того, что было ассигновано на годъ по данному параграфу смѣты въ прошлой росписи.

Наконецъ, въ смѣтныхъ правилахъ имѣется статья 17-я, соотвѣтствующая для финансовой области, для кредитовъ и ассигнованій, тому, что даетъ правительству 87 ст. Зак. Осн. въ законодательствѣ общемъ.

Таково распредѣленье бюджетныхъ правъ между правительствомъ и Думой.

Съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности, октябристы, опираясь на лѣвое крыло, постарались эти права расширить, выдвинуть политическую сторону бюджета въ ущербъ финансовой и, слѣдуя испытаннымъ заграничнымъ рецептамъ, путемъ завинчиванья бюджетнаго пресса внѣдрять конституцію.

Думскія бюджетныя преньи съ первой же сессіи превратились въ нескончаемый митингъ, гдѣ о бюджетѣ, о финансахъ не говорили почти ничего, а смѣтою Святѣйшаго Синода пользовались для выпадовъ противъ церкви; по смѣтѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ доказывали, что „пріемы управленья не соотвѣтствуютъ принципамъ управленья“ (разумѣлись, конечно, *конституціонные* принципы); по смѣтѣ Министерства Юстиціи разсказывали, какъ Ми-

нистръ ѣлъ дыню, и утверждали, что онъ „разрушилъ правосудіе въ странѣ“; по смѣтѣ Министерства Народнаго Просвѣщенья въ глаза называли Министра „убійцей“... Подъ флагомъ „широкаго обсужденья бюджета“ систематически сводили счеты съ представителями правительства, признанными въ конституціонномъ лагерѣ особо вредными, вытаскивали на думскую кафедру вороха непровѣренныхъ слуховъ и фантастическихъ разсказовъ, всячески порочили власть и расшатывали ея авторитетъ, устраняя тѣмъ самымъ всякую возможность спокойнаго, дѣлового обсужденья смѣтныхъ вопросовъ.

Сдѣлавъ бюджетъ орудіемъ шумнаго, крикливаго, чисто митинговаго натиска на правительство въ общемъ собраніи Думы, наши парламентаріи старались поддержать этотъ натискъ и въ бюджетной комиссіи, но, разумѣется, другими пріемами, не столь грубыми, но не менѣе дѣйствительными. Бюджетная комиссія стала снабжать каждую смѣту рядомъ „пожеланій“, опять таки не имѣвшихъ, сплошь и рядомъ, никакого отношенья ни къ бюджету, ни къ финансамъ. Выше было приведено бюджетное пожеланье, которое докладчикъ, октябристъ Ковалевскій, проводилъ по смѣтѣ Святѣйшаго Синода: о томъ, чтобы Страстной и Чудовъ монастыри вынести изъ Кремля на окраины Москвы. Или, напримѣръ, бюджетная комиссія приняла выдвинутое поляками пожеланье, чтобы возстановить въ девяти западныхъ губерніяхъ дворянскіе выборы—другими словами, чтобы чрезвычайно усилить польское вліянье, именно опирающееся тамъ на дворянскій землевладѣльческій классъ, въ значительномъ большинствѣ своемъ—польскій.

Можно привести и много другихъ „бюджетныхъ пожеланій“ въ такомъ же родѣ, причемъ октябристы очень настойчиво и далеко не безуспѣшно проводили ту мысль, что думскія пожеланья, на разсмотрѣнье Госуд. Совѣта не восходящія, пріобрѣтаютъ тѣмъ не менѣе для правительства „нравственную обязательность“ и дѣйствительно, цѣлый рядъ вѣдомствъ „шелъ навстрѣчу“ этимъ вожделѣньямъ и начиналъ свои смѣты длинными разговорами о томъ, какъ и что исполнено „въ осуществленье думскихъ пожеланій“. Между тѣмъ, всякій законодательный или бюджетный актъ, исходящій изъ Думы, имѣетъ значенье только тогда, когда онъ

одобренъ Госуд. Совѣтомъ и утвержденъ Государемъ. Въ обходъ этого порядка, все для того же захватнаго расширенья правъ Думы, и была изобрѣтена „широкая система пожеланій, на которую чутко отозвались наиболѣе расположенныя къ Думѣ вѣдомства".

Одновременно съ незаконнымъ вторженьемъ въ область управленья отдѣльныхъ министерствъ, были приняты мѣры, чтобы путемъ бюджета забрать власть надъ правительствомъ и въ его цѣломъ.

Прежде всего были учинены попытки прибрать къ рукамъ десятимилліонный фондъ. Въ одномъ изъ законопроектовъ, не крупныхъ и безспорныхъ по существу, объ ассигнованіи 1,500,000 рублей на нѣкоторые расходы по выкупной операціи, бюджетная комиссія сдѣлала невинную на первый взглядъ прибавку, чтобы расходъ сей былъ отнесенъ Министромъ Финансовъ на счетъ десятимилліоннаго фонда.

Въ засѣданіи Думы 11 декабря 1909 г. В. Н. Коковцевъ выступилъ[1]) по этому поводу съ самыми рѣшительным возраженьями, указавъ, что принятіе законопроекта въ томъ видѣ, какъ предлагала бюджетная комиссія, „равносильно фактическому, постепенному уничтоженью десятимилліонаго фонда. Вотъ почему настоящему дѣлу правительство не можетъ не придать принципіальнаго значенья. Распоряженье десяти милліоннымъ фондомъ не принадлежитъ законодательнымъ учрежденьямъ".

Одновременно Министръ Финансовъ отмѣтилъ, насколько „бережно" расходуется этотъ фондъ: „въ 1907 году образовался отъ него остатокъ, поступившій въ рессурсы казны въ суммѣ свыше 3500000 р.; въ 1908 г. въ тѣ же рессурсы казны опять поступилъ остатокъ свыше 1,500,000 рублей и въ настоящую пору, хотя наличіе фонда противъ 26 октября (когда была дана бюджетной комиссіи справка о его состояніи) измѣнилось и вмѣсто 3,500,000 рублей, за производствомъ крупныхъ и въ полномъ смыслѣ слова экстренныхъ и неотложныхъ расходовъ, осталось уже меньше, но тѣмъ не менѣе и сегодня, 11 декабря, въ наличіи фонда имѣется 2,100,000 руб.".

---

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 3. Ч. I. Стр. 2425—3431.

Послѣ рѣчи В. Н. Коковцова, противъ котораго немедленно возсталъ предсѣдатель бюджетной комиссіи, лѣвый октябристъ Алексѣенко, и послѣ заявленья отъ имени правыхъ П. В. Березовскаго, что правые считаютъ вторженье Госуд. Думы въ область распоряженья десятимилліоннымъ фондомъ—недопустимымъ, послѣдовала баллотировка вставаньемъ и сидѣньемъ, которая дала 105 голосовъ за поддержанное Алексѣенкою предложенье бюджетной комиссіи и 105 противъ. При повѣркѣ голосованья выходомъ въ двери правая часть Думы одолѣла и предложенье бюджетной комиссіи было отвергнуто большинствомъ 106 противъ 104!

По росписи слѣдующаго, 1910 года, такая же попытка. только въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ, была повторена: Дума изъ смѣты Министерства Внутренихъ Дѣлъ вычеркнула ассигнованье въ 39,000 рублей на выдачу „вспомоществованій по случаю пожаровъ и наводненій“ ибо, хотя такія вспомоществованья, молъ, и нужны, но ихъ можно сдѣлать изъ десятимилліоннаго фонда. Только послѣ разногласія съ Государственнымъ Совѣтомъ кредитъ этотъ былъ возстановленъ.

Нами уже было объяснено, какое значенье имѣетъ для росписи исчисленье доходовъ „съ преуменьшеніемъ“. Если дѣйствительное поступленье ихъ выше, чѣмъ показанное въ росписи, а роспись сведена такъ, что общая сумма доходовъ равна общей суммѣ расходовъ, то, разумѣется, отъ такого превышенья доходовъ получится остатокъ, который и составитъ затѣмъ „свободную наличность“.

Тотъ же результатъ, только, такъ сказать, „съ другого конца“, образуется, если расходы въ росписи показаны „съ преувеличеньемъ“, если дѣйствительная ихъ цифра будетъ меньше подсчитанной въ смѣтахъ.

Наоборотъ, если цифра доходовъ въ росписи преувеличена, а цифра расходовъ преуменьшена, то и послѣдствія будутъ обратныя: не только не получится никакихъ остатковъ, но можетъ оказаться и перерасходъ.

Если образованье остатковъ, свободной наличности, не только не вредитъ государственному хозяйству, но даже его укрѣпляетъ, то появленье перерасхода отражается въ высшей степени вредно, лишая бюджетъ всякой устойчивости.

И вотъ мы видимъ, какъ бюджетная комиссія, а вслѣдъ

за нею и общее собранье Думы начинают, по сравненью съ правительственными исчисленьями, систематически увеличивать исчисленье доходовъ и уменьшать исчисленіе расходовъ, т. е. принимать самыя рѣшительныя мѣры, чтобы остатковъ, свободной наличности у правительства отнюдь бы не накопилось, рискуя даже такимъ вреднымъ явленьемъ, какъ образованье перерасхода.

Политическій смыслъ такой системы понятенъ: чѣмъ меньше у правительства свободныхъ денегъ, тѣмъ въ большей зависимости отъ Думы оно находится.

Практическіе результаты можно взять, для примѣра, изъ той же исторіи съ законопроектомъ въ полтора милліона о выкупныхъ платежахъ, которая была только что изложена.

В. Н. Коковцевъ сообщилъ тогда Думѣ, что, несмотря на его возраженья, бюджетная комиссія два года подрядъ сокращала общесмѣтныя ассигнованья на выдачу выкупныхъ платежей. Наконецъ, въ октябрѣ 1909 года выяснилось, что весь соотвѣтствующій кредитъ исчерпанъ, а на государствѣ лежитъ долгъ передъ третьими лицами въ полтора милліона рублей. Считая невозможнымъ заставлять кредиторовъ казны—крестьянъ и землевладѣльцевъ—ждать окончанья года, правительство въ октябрѣ 1909 г. внесло соотвѣтствующій законопроектъ—однако разсмотрѣнье его наши парламентаріи дотянули до декабря и, поставивъ такимъ способомъ правительство въ положенье уже стѣсненное, внесли затѣмъ „поправку“ о десятимилліонномъ фондѣ, равносильную отказу въ законопроектѣ, ибо покрывать тѣ или иные расходы изъ этого фонда правительство имѣетъ полное право и помимо Думы.

Эта хитрая тактика оставить правительство безъ свободныхъ денегъ, была въ корнѣ разрушена обстоятельствомъ, котораго никто предвидѣть и учесть не могъ—превосходнымъ урожаемъ 1909 г., исключительнымъ не только по количеству зерна, но по его качеству, и, что очень важно, по выгодно сложившейся за границею цѣнѣ.

Доходы пошли въ гору такъ, что оставили далеко позади всѣ, самыя „преувеличенныя“ исчисленья и къ 1910 г. свободная наличность, сведенная годъ тому назадъ почти

къ нулю, сразу, дала, какъ было указано, внушительную цифру въ 107 милліоновъ.

О томъ, чтобы прижимать правительство, играя на отсутствіи свободныхъ денегъ, больше не могло быть рѣчи и, по мѣрѣ того, какъ росла свободная наличность, падалъ интересъ нашихъ парламентаріевъ къ общимъ цифрамъ бюджета.

Въ 1911 году картину этихъ „общихъ преній по росписи“ думскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ воспроизводитъ такимъ образомъ [1]):

„Всякой волокитѣ бываетъ, все же, конецъ. Наступаетъ онъ и для думской бюджетной волокиты.

21 февраля 1911 г. начались пресловутыя „общія пренія“ по бюджету, разсмотрѣніе коего по закону надо было закончить къ 1 декабря 1910 г. Но можетъ-быть, огромный вредъ, причиняемый государственному хозяйству такою проволочкой, искупается плодотворностью, содержательностью думской бюджетной работы?

Ничуть не бывало.

Внѣшнюю сторону открытія позвольте воспроизвести по стенограммѣ.

Предсѣдатель. „Угодно утвердить редакцію означенныхъ законопроектовъ? (Баллотировка). Принято. Переходимъ къ п. 2 повѣстки: докладъ бюджетной комиссіи по государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1911 годъ. Докладчикъ—Алексѣенко (*Петровъ* 3 съ мѣста: кворума нѣтъ). разрѣшите намъ обойтись безъ вашихъ совѣтовъ; никакихъ голосованій въ отсутствіи кворума не будетъ допущено [2]).

Что же касается рѣчей докладчика и ораторовъ, то во время ихъ произнесенья я не нахожу необходимымъ производить подсчетъ наличнаго состава“.

Мудрое отсутствіе излишняго любопытства, ибо на слѣдующій день добровольцы, занявшіеся такимъ подсчетомъ, насчитали въ залѣ 80 человѣкъ“.

Видя, что бюджетъ окрѣпъ, что система подходцевъ и урѣзыванiй больше не годится—правительства ею все равно не прижмешь, главари лѣвыхъ теченій октябризма рѣшили —такъ же, какъ и въ церковныхъ вопросахъ—дѣйствовать радикально.

Въ первыя же засѣданья третьей Думы кадеками было

---

[1]) Московскія Вѣдомости, 3 марта 1911 г. № 50. Думскіе очерки.

[2]) Примѣчанье автора: а баллотировка, о которой упомянуто нѣсколькими строкамя выше? Или кворумъ растаялъ какъ разъ послѣ баллотировки и передъ началомъ доклада?

внесено законодательное предположенье, заготовленное ими еще во времена второй Думы, объ измѣненіи смѣтныхъ правилъ 8 марта 1906 года.

Кадекскій проектъ—надо отдать ему справедливость—былъ ясенъ и простъ до очевидности.

Упразднить десятимилліонный фондъ.

Отмѣнить статью семпадцатую (которая, какъ указано, въ финансовой области представляетъ то, что 87 ст. Зак. Осн. въ общемъ законодательствѣ).

Всѣ кредиты сдѣлать „небронированными“, подлежащими отмѣнѣ не въ законодательномъ, а въ смѣтномъ порядкѣ.

Вотъ и вся реформа. Коротко и внушительно.

Зато всякій мало мальски безпристрастный человѣкъ скажетъ, что значенье такой реформы исключительно политическое, но отнюдь не финансовое.

Сіе кадекское творчество, лежавшее до поры до времени подъ спудомъ, и было выдвинуто октябристами на четвертый годъ думскихъ занятій.

Предварительно, однако, оно подверглось нѣкоторой комиссіонной переработкѣ.

Упраздненіе десятимилліоннаго фонда, находившагося въ непосредственномъ распоряженіи Государя Императора—октябристы, конечно, приняли.

Отмѣну статьи 17-ой тоже приняли.

Но уничтоженье всѣхъ бронированныхъ кредитовъ было шагомъ явно революціоннымъ, ибо такимъ путемъ не только измѣнялись бы смѣтныя правила, но была бы отмѣнена и статья 94, подлежащихъ измѣненью только по почину Государя Императора, Законовъ Основныхъ, гласящая, что „законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона“—слѣдовательно, и кредитъ, основанный на законѣ, нельзя упразднить помимо закона, въ „смѣтномъ порядкѣ“.

Октябристы вышли изъ затрудненья очень остроумно. Они сохранили кадекскую идею: держать правительство въ рукахъ постоянною угрозою отвергнуть необходимые ему кредиты. Но придумали способъ, который бы не вызывалъ явнаго столкновенья съ Основными Законами.

Для этого центръ тяжести былъ перенесенъ съ кредитовъ бронированныхъ на ассигнованья небронирован-

ныя, операціонныя, и отмѣнена 13 статья смѣтныхъ правилъ, чѣмъ было создано такое положенье: если Дума отвергла какой либо операціонный кредитъ, то какова бы ни была цифра предшествующей росписи, какія бы разногласія не возбуждались въ Госуд. Совѣтѣ, кредитъ остается вычеркнутымъ, уничтоженнымъ, производить соотвѣтствующаго расхода правительство не можетъ.

Тотъ же результатъ, но болѣе тонкимъ пріемомъ. Если положенье правительства безвыходно, когда всѣ чиновники сидятъ безъ жалованья (область кредитовъ бронированныхъ), то правительству не лучше, когда нѣтъ денегъ на продовольствіе арміи и на эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ (область кредитовъ небронированныхъ).

А между тѣмъ Основные Законы оставлены въ неприкосновенности!

Это преобразованье смѣтныхъ правилъ было поставлено на думскую повѣстку, для него времени хватило и принято голосами лѣваго крыла и октябристовъ въ маѣ 1911 года. Со стороны правыхъ съ принципіальными возраженьями выступали И. И. Балаклѣевъ и П. В. Березовскій.

Когда затѣи нашихъ парламентаріевъ поступили въ Госуд. Совѣтъ, то были имъ отвергнуты голосами всѣхъ *противъ пяти*

Характерно, что кадекское законодательное предположенье о расширеніи бюджетныхъ правъ Думы было внесено въ то время (10 ноября 1907 г.), когда еще ни одной росписи, ни одной смѣты Думою вообще ни разу разсмотрѣно не было, ибо первыя двѣ Думы къ обсужденью бюджета приступить такъ и не успѣли. Слѣдовательно, недостаточность, узость думскихъ правъ объявлялась уже напередъ, такъ сказать „авансомъ", въ то время, когда Дума къ бюджетной работѣ еще не успѣла и приступить.

Стремленье уничтожить бронированные кредиты было кадеками прикрыто такимъ объясненіемъ[1]): „въ этомъ отношеніи надо положиться не на предписанье закона, а на *государственный смыслъ* народнаго представительства, который не позволитъ ему въ бюджетномъ порядкѣ ломать законодательство"—однако эти успокоительныя разсужденья

[1]) Объяснительная записка къ законодательному предположенью объ измѣненіи смѣтныхъ правилъ.

„партіи выборгскаго воззванья“ о государственномъ смыслѣ не помѣшали ей въ третьей Думѣ (о первыхъ двухъ не будемъ и говорить) отвергать цѣликомъ всю смѣту Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Вообще, изслѣдованья въ области „государственнаго смысла“ могли принести пользу не авторамъ „измѣненья смѣтныхъ правилъ“, а какъ разъ ихъ противникамъ: когда это измѣненье обсуждалось третьей Думой, то четырехлѣтній бюджетный опытъ у Думы уже былъ, однако тщетно просили нашихъ парламентаріевъ указать хотя бы одинъ случай, когда или правительство, или Госуд. Совѣтъ, во вредъ государственнымъ интересамъ, злоупотребили бы тѣми своими бюджетными правами, отнятія которыхъ такъ страстно добивались у нихъ думскіе конституціоналисты.

Истинные широкіе интересы народнаго и государственнаго хозяйства были чужды главарямъ бюджетной комиссіи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, по самому свойству предмета, о сторонѣ политической, о „завоеваніи“, расширеніи бюджетныхъ правъ не могло быть рѣчи.

Въ видѣ примѣра не безынтересно остановиться на отношеніи этихъ главарей къ занимающей одно изъ первыхъ мѣстъ по цифрѣ операціонныхъ кредитовъ смѣтѣ Главнаго интендантскаго Управленья.

Оказывается, главная мысль соотвѣтствующаго печатнаго доклада бюджетной комиссіи за 1910 годъ заключалась въ томъ, чтобы интендантскіе заказы отдавать не кустарямъ, не мелкимъ трудовымъ организаціямъ, стоящимъ близко къ народу, а крупнымъ капиталистическимъ предпріятіямъ.

„Докладчики бюджетной комиссіи А. И Гучковъ и В. В. Хвощинскій—заявилъ по этому поводу съ думской каѳедры Н. Е. Марковъ[1])—проявили чрезвычайно одностороннюю тенденцію, а именно полное нерасположенье, вражду по отношенію къ трудовымъ организаціямъ, организаціямъ ремесленнаго, трудящагося люда, и чрезвычайную слабость, даже, скажу болѣе, влеченье, родъ недуга, болѣзненное расположенье къ центральнымъ, монопольнымъ, по большей части іудейскаго типа организаціямъ всякаго рода.

Тенденціи эти я считаю крайне необходимымъ отмѣтить. Онѣ, по моему, не соотвѣтствуютъ ни нуждамъ, ни интересамъ, ни взглядамъ русскаго народа. Въ докладѣ докладчики почти

---

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 3, ч. Ш, стр. 1206, 1207

все время стараются представить дѣятельность трудовыхъ организацій, какъ весьма плохую; по отношенію къ трудовымъ организаціямъ въ докладѣ приводятся только однѣ тѣневыя, отрицательныя стороны и наоборотъ, не то по отношенію къ центральнымъ организаціямъ, монопольнымъ организаціямъ, въ особенности по отношенію къ организаціи московской, которая, хотя и не названа по фамиліи, но всѣмъ и такъ извѣстна. „Мандль и Рейцъ", австро-іудейская фирма, захватившая почти монополію въ этомъ дѣлѣ, она получаетъ на страницахъ доклада полную похвалу и оцѣнку свыше всякой мѣры. Я, г.г., нахожу, что это стремленіе нашихъ докладчиковъ отнять заработокъ у трудящагося народа, въ лицѣ его трудовыхъ организацій, и передать всѣ эти многомилліонные заработки въ руки австро—и иныхъ иностранныхъ іудеевъ, а также русскихъ іудеевъ, въ руки монопольныхъ организацій, крайне нежелательно".

Взгляды, высказанные Марковымъ, вполнѣ раздѣлялись и главнымъ интендантомъ, генераломъ Шуваевымъ, занимающимъ и понынѣ эту отвѣтственную должность.

„Интендантское вѣдомство—сказалъ тогда же, 19 марта 1910 г. генералъ Шуваевъ [1])—въ распредѣленіи своихъ заказовъ, конечно, должно употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы эти заготовленья производить возможно дешевле, конечно, опять таки, безъ ущерба качеству вещей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, интендантское вѣдомство не имѣетъ права и не должно считать себя какимъ то отвлеченнымъ интендантствомъ, оно всегда должно помнить, что оно есть интендантство русской арміи, *(Голоса справа. браво).* Оно должно помнить, что оно интендантство той арміи, которая поставляется населеньемъ Россійской Имперіи; оно должно помнить, что это населенье даетъ всѣ свои соки на содержаніе этой арміи; поэтому при всѣхъ своихъ заказахъ, при всѣхъ своихъ планахъ и соображеньяхъ оно ни на минуту не должно упускать изъ вида необходимости возвратить эти средства, по возможности полностью, въ это самое населенье *(рукоплесканья справа).*

Организаціи трудовой помощи незначительны, не велики въ отдѣльности сами по себѣ, но въ суммѣ составляютъ значительную силу, которая лишаетъ центральныя мастерскія, нерѣдко работающія на иностранные капиталы, возможности диктовать интендантству свои цѣны *(Голоса справа: браво).*

Нечего бояться того, что, можетъ быть, иногда, мы переплачиваемъ сотню—другую тысячъ трудовымъ организаціямъ. Во первыхъ, эти деньги пойдутъ туда, откуда онѣ

---

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 3, ч. III: стр. 1166, 1167.

взяты; во вторыхъ, если бы этихъ организацій не было, то, само собой разумѣется, поставка, сосредоточенная въ рукахъ нѣкоторыхъ центральныхъ мастерскихъ, привела бы къ израсходованью суммъ, много превышающихъ эти сотни тысячъ. *(Голоса справа: браво)*".

Стремленіемъ отстоять для интендантскихъ заказовъ монополію крупныхъ капиталистическихъ предпріятій не исчерпывалась предвзятость доклада бюджетной комиссіи. Указавъ, что для осуществленія этого стремленія докладъ прибѣгаетъ къ одностороннему подбору цифръ, къ совершенно непозволительному замалчиванью фактовъ, Н. Е. Марковъ оттѣнилъ и другую тенденцію этого любопытнаго документа:

„Въ докладѣ А. И. Гучкова и В. В. Хвощинскаго [1]) имѣется чрезвычайная слабость по отношенью къ хлопчатой бумагѣ и нѣкоторая холодность по отношенью къ льняной промышленности. А между тѣмъ казалось бы, что для людей, патріотически настроенныхъ, надо было бы смотрѣть наоборотъ: ленъ это есть природный русскій продуктъ; именно на льнѣ живетъ русскій крестьянинъ, а хлопчатая бумага получается изъ Америки, изъ-за границы, въ лучшемъ случаѣ изъ окраинъ нерусскихъ, изъ Туркестана, и вообще изъ нерусскихъ мѣстъ. Уже это одно, казалось бы, истиннаго патріота должно бы заставить обратить вниманіе интендантства на необходимость даже переплачивать нѣсколько на льнѣ, но пріобрѣтать для войска льняныя матеріи, а не хлопчатобумажныя. И это тѣмъ болѣе, что бѣлье льняное признано гигіеничнѣе; оно несомнѣнно вдвое дольше служитъ и въ этомъ смыслѣ дешевле хлопчатобумажнаго. Но наши докладчики сравниваютъ цѣну только покупную,—чтобы льняная матерія попадала въ интендантство, въ моментъ пріобрѣтенья, по той цѣнѣ, по которой и хлопчатобумажная, т. е. требованья предъявляются для льна явно невозможныя. При этихъ требованьяхъ невозможно никогда ввести льняную матерію, и это несмотря на всѣ тѣ соображенья, которыя я изложилъ. Я понимаю, что хлопчатобумажная промышленность требуетъ нѣкотораго вниманья; я понимаю, что московскій и лодзинскій районы весьма озабочены и весьма заинтересованы процвѣтаньемъ хлопчатобумажныхъ учрежденій; но, тѣмъ не менѣе, нельзя же настолько ослѣпляться интересами этихъ хлопчатобумажныхъ заведеній, чтобы забывать интересы государства и интересы русскаго народа" [2]).

---

[1]) Лѣвый октябристъ.

[2]) Характерно, что ровно годъ тому назадъ, тоже 19-го марта при обсужденіи одной изъ военныхъ смѣтъ, гдѣ докладчикомъ тоже былъ А. И. Гучковъ, но предметъ обсужденья интендантства не ка-

„Полагаю—закончилъ Н. Е. Марковъ—что я достаточно разъяснилъ это дѣло въ этомъ направленіи. Дальнѣйшее, можетъ быть, господа, въ вашихъ умахъ образуется само собою (*смѣхъ, рукоплесканья справа*)".

Упомянемъ, что въ области интендантскихъ поставокъ горячимъ защитникомъ крупныхъ предпріятій передъ мелкими, кустарными заказами, выступалъ рѣдко появляющійся на думской кафедрѣ лѣвый октябристъ Ѳаворскій [1]). Во время громкаго московскаго процесса, съ участіемъ, въ качествѣ защитниковъ, кадековъ, Маклакова и Тесленка, объ интендантскихъ злоупотребленьяхъ по пріему заказовъ отъ большой фирмы Тиль, выяснилось, согласно газетнымъ сообщеньямъ, что однимъ изъ администраторовъ фирмы Тиль былъ членъ Думы Ѳаворскій...

Таковы, въ видѣ образчика, очень рѣдкіе случаи, когда смѣтныя пренія вращались, дѣйствительно, около смѣтныхъ, финансовыхъ вопросовъ. Изложенное показываетъ, что даже въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ думскій „руководящій центръ", думскіе парламентаріи не только не внесли ничего новаго, широкаго, творческаго въ область народнаго и государственнаго хозяйства, но, наоборотъ, правымъ и даже правительству приходилось отстаивать, ограждать это народное хозяйство отъ тѣхъ октябристскихъ поползновеній, которыя неизмѣнно совпадали съ вождѣленьями крупныхъ капиталистическихъ круговъ, не сулили широкимъ народнымъ интересамъ ничего хорошаго и дошли до того, что, благодаря усиліямъ патентованныхъ либераловъ и въ угоду капиталистамъ, не удостоилась думскаго разсмотрѣнья такая крупная реформа, внесенная правительствомъ, какъ подоходный налогъ.

Даже тѣ газеты конституціоннаго лагеря, которыя всячески старались расхваливать и раздувать бюджетную дѣятельность Думы, не рисковали приписывать ей какихъ либо важныхъ, существенныхъ, творческихъ заслугъ въ дѣлѣ улучшенья и укрѣпленья нашихъ финансовъ. Ихъ похвалы ограничивались утвержденьемъ, что третья Дума „упорядо-

---

сался, В. М. Пуришкевичъ заявилъ съ думской каѳедры: мы, правые, можемъ обратиться къ А. И. Гучкову и сказать: „Александръ Ивановичъ, не нужно намъ какого то особаго хлопчато-бумажнаго патріотизма"... (Стеногр. отчетъ. Сессія 2, ч. III, стр. 1240).

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 3, ч. III, стр. 1238—1243.

чила“ бюджетъ. Упорядоченье выразилось въ томъ, что нѣкоторые расходы, соединенные раньше въ одинъ смѣтный „параграфъ“, были теперь разбиты на нѣсколько отдѣльныхъ параграфовъ. По большинству вѣдомствъ были составлены особые сборники „юридическихъ титуловъ“—т. е. тѣхъ законовъ, указовъ и Высочайшихъ повелѣній, иногда очень старинныхъ, на которыхъ основывалось внесенье въ смѣту различныхъ „бронированныхъ“ кредитовъ.

Не будемъ спорить, что эти, требующія большой усидчивости, работы полезны и почтенны, не будемъ придираться и къ тому, что, собственно говоря, онѣ выполнены не членами Госуд. Думы, а или министерскими чиновниками, или чинами думской канцеляріи, гдѣ „начальникамъ отдѣловъ“ Дума изволила положить жалованье съ наградными по 7200 рублей въ годъ!

Не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что некрупная польза, принесенная такимъ „упорядоченьемъ“, совершенно ничтожна по сравненью съ большимъ вредомъ и безпорядкомъ, происходившимъ отъ постоянныхъ запаздываній въ разсмотрѣніи росписи. По закону, Дума должна таковое закончить къ *первому декабря.* Предполагалось, что въ теченіе декабря роспись пройдетъ черезъ Госуд. Совѣтъ и къ январю—срокъ, съ котораго она вступаетъ въ дѣйствіе—удостоится Высочайшаго утвержденья. Чтобы у Думы было больше времени, законъ предусматриваетъ, что думская бюджетная комиссія можетъ начать свои засѣданья до начала занятій общаго собранья. Такъ оно и бывало на дѣлѣ: занятія бюджетной комиссіи, состоящей изъ 66 человѣкъ, объявлялись осенью открытыми за мѣсяцъ до начала сессіи, причемъ, согласно думскому постановленью, за все это время каждому члену бюджетной комиссіи полагалось дополнительное вознагражденіе по десяти рублей въ сутки.

Если бы Дума ограничивалась лишь смѣтными, финансовыми вопросами по росписи, то, разумѣется, могла бы свободно кончить ея разсмотрѣнье къ 1 декабря. Доказательствомъ тому служитъ срокъ, въ теченіе котораго проходитъ обсужденье бюджета въ Госуд. Совѣтѣ, относящемся, въ тоже время, тщательно, съ чрезвычайнымъ вниманьемъ къ каждой цифрѣ въ любой смѣтѣ. Но такъ какъ наши парламентаріи желаютъ прежде всего устроить изъ бюджета

политическій прессъ; такъ какъ для нажима этимъ прессомъ на правительство и ежегоднаго конституціоннаго съ нимъ торга на почвѣ бюджетныхъ ассигнованій—нужно время, нужно возможное удлинненіе бюджетныхъ сроковъ; такъ какъ бюджетныя пренія, изъ соображеній политическихъ, превращены нашими конституціоналистами въ митингъ,—то, конечно, сихъ послѣднихъ „не устраиваетъ“ опредѣленный закономъ срокъ 1 декабря, а потому, самовольно упразднивъ сей законъ, Дума, такъ много кричащая о незакономѣрности правительства, только приступаетъ къ обсужденью бюджета послѣ рождественскихъ вакацій, кончаетъ же его въ апрѣлѣ, въ маѣ и даже въ іюнѣ.

Противъ такого безобразія правые неоднократно выступали съ самыми рѣшительными протестами.

При обсужденіи законодательнаго предположенья объ измѣненіи смѣтныхъ правилъ, гдѣ, между прочимъ, предполагалось срокъ 1 декабря упразднить, П. В. Березовскій, указавъ, что Дума „плохо исполняетъ свои обязанности“ [1]), продолжалъ: „объ этомъ говоритъ и залъ нашъ, полупустой въ настоящее время (*рукоплесканія справа*), объ этомъ говоритъ и то, что сегодня, когда мы приступали къ обсужденью проекта, о которомъ кадеки звонили во всѣ колокола въ теченіе вотъ уже четырехъ лѣтъ, у насъ не оказалось „кворума“; послѣ усилій приставовъ собрать „кворумъ“ и тогда насчитали 143 чел. голосовавшихъ—одного человѣка всетаки недоставало (*шумъ*). Вотъ, г.г., какъ мы помнимъ о своихъ обязанностяхъ. Поэтому я вполнѣ понимаю, что вы, будучи послѣдовательными, стремитесь къ отмѣнѣ ст. 11 смѣтныхъ правилъ (устанавливающей срокъ 1 декабря). Я возражаю противъ этой отмѣны.

Въ нашей бюджетной работѣ я бы могъ указать весьма много фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что она ведется недостаточно продуктивно; я бы могъ назвать по именамъ тѣхъ докладчиковъ, которые, взявшись за докладъ, совершенно не являются къ началу засѣданій бюджетной комиссіи и цѣликомъ пропускаютъ тотъ льготный мѣсяцъ передъ началомъ занятій Государственной Думы, когда можно было бы подготовить все рѣшительно для доклада и, можетъ быть, самый докладъ написать и подготовить его для того, чтобы онъ былъ заслушанъ въ засѣданіи бюджетной комиссіи. Я бы могъ указать на то, что нѣкоторые наши докладчики берутся за составленіе двухъ, даже трехъ докладовъ

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 4, ч. III, стр. 4050, 4051.

по различнымъ смѣтамъ, разумѣется, отъ этого работа только задерживается, ибо человѣкъ не можетъ работать одновременно надъ двумя и тремя докладами, и пока работаетъ надъ однимъ, другой дожидается своей очереди. Я бы могъ назвать по имени того докладчика, который, собравъ содокладчиковъ, устроилъ съ ними одно совѣщаніе и затѣмъ упорхнулъ за границу, и для него этотъ льготный мѣсяцъ совершенно пропалъ".

Такія „упархиванья", между тѣмъ, причиняли государственному хозяйству крупные убытки. Согласно закону, при неутвержденіи росписи къ 1 января, вѣдомства получаютъ ежемѣсячно „двѣнадцатыя доли", о которыхъ сказано выше.

Однако, сплошь и рядомъ, состоянье цѣнъ и рынка, условія различныхъ работъ и подрядовъ требуютъ, чтобы крупные операціонные, хозяйственные расходы, далеко выходящіе за предѣлы „двѣнадцатой доли", были произведены именно въ началѣ года и откладыванье ихъ влечетъ крупный перерасходъ. Помимо отдѣльныхъ поставокъ, заготовокъ, укажемъ, хотя бы, на переселенческое управленье, гдѣ издержки падаютъ какъ разъ на весенніе мѣсяцы, когда происходитъ главная отправка и водворенье переселенцевъ.

Убытки, причиняемые здѣсь казнѣ „упархиваньемъ" докладчиковъ и невѣроятной задержкой въ разсмотрѣніи росписи, конечно, посерьезнѣе пресловутаго „упорядоченья".

Изъ вышеизложенныхъ данныхъ вытекаетъ далеко не соотвѣтствующее октябристскимъ восхваленіямъ, но вполнѣ обоснованное заключеніе:

Итоги тому, что сдѣлала третья Дума въ области бюджета и финансовъ—не велики.

Финансовое благополучіе послѣднихъ лѣтъ создалось безъ всякаго участья Думы. Прошла война и смута, наступили два урожайныхъ года подрядъ и природныя богатства Россіи взяли свое.

Финансоваго творчества третья Дума не проявила рѣшительно никакого. Мало того, не давъ ничего своего, она, въ угоду крупнымъ капиталистамъ, затормозила такія полезныя правительственныя реформы, какъ введенье подоходнаго налога и преобразованье налога съ наслѣдствъ. Огражденье капиталистическихъ интересовъ въ ущербъ народному хозяйству Дума проводила до мелочей: въ то время,

какъ въ состоящей подъ предсѣдательствомъ лѣваго октябриста Лерхе финансовой комиссіи безнадежно застрялъ законопроектъ о налогѣ на туркестанскій хлопокъ, въ это время бюджетная комиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ лѣваго октябриста Алексѣенко, выдвинула по интендантской смѣтѣ докладъ лѣвыхъ октябристовъ Гучкова и Хвощинскаго съ тою рекомендаціей для интендантскихъ заказовъ хлопчатобумажнаго товара, въ ущербъ льнянымъ тканямъ, о коей „достаточно разъяснилъ“ Н. Е. Марковъ.

Стремленье того же октябристскаго доклада отнять заработокъ у кустарей и мелкихъ трудовыхъ артелей, передавъ интендантскіе заказы крупнымъ монопольнымъ фирмамъ, также надлежитъ оцѣнить по достоинству.

Въ области чисто бюджетной увеличенье по смѣтамъ цифръ дохода и уменьшенье цифръ расхода вообще носило показной, бухгалтерскій характеръ и дѣйствительной прибыли не давало, а крайне немногочисленныя сокращенья расходовъ, имѣвшіе реальное значенье, были или очень спорны по существу или ничтожны по суммѣ.

Старанья третьей Думы сдѣлать изъ бюджета орудье политической борьбы заслуживаетъ всемѣрнаго осужденья. Превращенье бюджетныхъ преній въ безконечный митингъ, на которомъ можно было говорить что угодно и о чемъ угодно, непомѣрное затягиванье разсмотрѣнья росписи, причиняющее разстройство и крупные убытки казенному хозяйству—должно признать актами противогосударственными. Попытка лишить Государя Императора находящагося въ его непосредственномъ распоряженіи десятимилліоннаго фонда—дерзка и глубоко возмутительна.

Измѣнить направленье принятаго третьей Думою бюджетнаго „курса“ у правыхъ не было достаточно голосовъ.

Для того, чтобы помѣшать его успѣху, дать ему должную оцѣнку и освѣтить надлежащій смыслъ различныхъ бюджетныхъ „комбинацій“—правые сдѣлали все, отъ нихъ зависѣвшее.

Глава VIII.

Народное Просвѣщеніе.

Законодательная дѣятельность третьей Думы въ области школьныхъ вопросовъ сосредоточилась, главнымъ образомъ, на низшей школѣ.

Въ первые же мѣсяцы думскихъ занятій, въ январѣ 1908 г., правительствомъ былъ внесенъ законопроектъ объ отпускѣ 6,900,000 рублей „на нужды народнаго образованья въ видахъ всеобщаго обученья“.

Не встрѣтивъ въ Думѣ какихъ либо принципіальныхъ возраженій, реформа эта, значительно улучшившая матеріальное положенье сельскихъ учителей—уже 3 мая 1908 г. восприяла силу закона.

Этой безспорностью и быстротою была подчеркнута непреложность той истины, что народное образованье надо расширять и укрѣплять, бытъ учащихъ поднимать, а потребныя для сего деньги отпускать по возможности щедро.

Однако, довольно быстро выяснилась и другая истина, что вопросъ о томъ, *какъ* должно вестись дѣло начальнаго образованья и *въ чьихъ рукахъ находиться*—вызываетъ острые споры и непримиримыя противорѣчія.

Одновременно съ правительственнымъ законопроектомъ объ ассигнованіи 6,900,000 рублей на школы министерскія и земскія, члены Думы праваго крыла внесли, за 94 подписями, законодательное предположенье объ отпускѣ четырехъ милліоновъ рублей на школы церковно-приходскія.

Но здѣсь разговоръ пошелъ уже иной. О быстротѣ, щедрости, безспорности не было и помину.

Только въ послѣднихъ числахъ мая 1909 г., передъ самымъ окончаньемъ сессіи, Дума удосужилась разсмотрѣть по существу предложенье 94-хъ, причемъ голосами октябристовъ и лѣваго крыла оно было искажено совершенно.

Оспаривать то положенье, что учителя церковно-приходскихъ школъ должны получать вознагражденье, одинаковое въ вознагражденьемъ учителей въ соотвѣтствующихъ министерскихъ и земскихъ школахъ—было невозможно, а потому съ этимъ положеньемъ наши парламентаріи, скрѣпя сердце, согласились, но и только.

Согласясь отпустить милліонъ рублей на прибавку жалованья учителямъ церковно-приходскихъ школъ до нормъ, установленныхъ для министерскихъ и земскихъ учителей законом 3 мая 1908 года—октябристы съ тщательностью, съ рвеньемъ, достойнымъ лучшей участи, старались принять мѣры, чтобы какъ нибудь церковно-приходскій учитель не сталъ получать больше учителя министерскаго или земскаго.

Деньги были отпущены только для уже существующихъ церковно-приходскихъ школъ, входящихъ въ школьную сѣть.

Кредиты на открытіе новыхъ церковныхъ школъ, на поддержку школъ грамоты—были отвергнуты, и такимъ образомъ, отъ четырехъ милліоновъ остался только одинъ милліонъ.

И его отпустили не просто, а снабдили „бюджетнымъ пожеланьемъ", принятымъ голосами лѣваго крыла и октябристовъ, „чтобы распредѣленье кредитовъ между церковно-приходскими училищами въ уѣздахъ земскихъ губерній передавалось на заключенье уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ"—т. е. чтобы сдѣлать первый шагъ для отнятія у церковно-приходской школы ея самостоятельности и для подчиненья ея, на общихъ основаньяхъ, свѣтской власти —земствамъ, Министерству Народнаго Просвѣщенья.

„Вы знаете—заявилъ съ думской кафедры Преосвященный Митрофанъ [1]), что—настоящій законопроектъ явился результатомъ полуторагодичной работы комиссіи и подкомиссіи, въ которыхъ первоначальное предположеніе объ ассигнованіи 4.000.000 р. на нужды церковно-приходскихъ школъ было сведено къ 1.000.000 р. Самый простой ариѳметическій подсчетъ скажетъ вамъ, г.г., что подобное ассигнованіе въ высшей степени неудовлетворительно сообразно съ заявленной нуждой церковно-приходской школы. Я бы сказалъ скорѣе, что оно похоже на подачку. Но мы всетаки должны принять эту подачку, такъ какъ знаемъ нужды тѣхъ учителей, которые ожидаютъ хотя небольшой прибавки къ своему жалованью, хотя нѣкотораго улучшенія своего тяжелаго положенья. Но и это небольшое пособіе на церковно-приходскія школы обставлено было такими условіями, которыя являются стѣснительными съ одной стороны, а съ другой—прямо унизительными. Ростъ церковно-приходскихъ школъ

---

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 2, ч. IV, стр. 2464.

искусственно задерживается, о нуждахъ своихъ учителя не смѣютъ заявлять, пока механически къ нимъ не подойдетъ очередь, а очередь можетъ подойти только тогда, когда будутъ удовлетворены нужды и потребности министерскихъ школъ. Но и тогда, оказывается, нужды церковныхъ школъ могутъ быть приняты во вниманіе, а то могутъ быть и оставлены до слѣдующей очереди или могутъ быть удовлетворены только частично.

И невольно, работая въ этихъ комиссіяхъ и подкомиссіяхъ, гдѣ въ продолженіе полутора года влачился нашъ вопросъ, являлось такого рода недоумѣніе: за что такая пытка, за что такое несправедливое отношеніе? За то ли, что духовенство въ теченіе 25 лѣтъ покрыло цѣлою сѣтью церковныхъ школъ всю нашу великую необъятную матушку Русь!?"

Это несправедливое отношенье, эта пытка съ каждымъ годомъ не уменьшалась, а усиливалась. Въ то время, какъ крупныя ассигнованья на министерскую и земскую школу проходили быстро и безрепятственно, соотвѣтствующіе кредиты на церковно-приходскія училища застревали все больше и больше.

Такъ, немедленно послѣ Высочайшаго утвержденья закона 3 мая 1908 г. Министерство Народнаго Просвѣщенія внесло новый законопроектъ объ отпускѣ на нужды начальнаго образованья дополнительно еще шести милліоновъ рублей и уже 10 іюня 1909 года этотъ новый кредитъ получилъ Высочайшее утвержденье.

По закону 14 іюня 1910 года отпущено, сверхъ того, новыхъ, дополнительныхъ десять милліоновъ рублей.

По закону 9 мая 1911 г. еще семь милліоновъ рублей.

Несмотря на то, что изъ перечисленныхъ крупныхъ суммъ только часть предназначалась на вознагражденье учителей, а часть—свыше 20 мил. р.—пошла на школьное строительство, для этой послѣдней надобности было ассигновано въ разное время еще спеціально болѣе 20 милліоновъ рублей.

Въ 1909 году правительство внесло законопроектъ, сдѣлавшійся въ маѣ 1911 года закономъ, о значительномъ увеличеніи содержанья директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ.

Наряду съ этимъ, каждый, самый ничтожный отпускъ денегъ на церковно-приходскія школы былъ сопряженъ,

стараньями нашихъ парламентаріевъ, съ величайшими затрудненьями.

Въ главѣ о Православіи разсказано, какъ лишь въ послѣдній день четвертой сессіи, послѣ безконечной волокиты, незначительнымъ большинствомъ голосовъ, образовавшимся только благодаря специальной, усиленной „мобилизаціи" праваго крыла—было проведено очень небольшое сравнительно ассигнованье, вытекавшее, однако, все изъ того же неоспоримаго начала, что церковно-приходскихъ учителей надо уравнять въ жалованіи съ учителями министерской и земской школы.

Въ той же главѣ описано безпримѣрное поведенье октябристовъ 8 и 9 іюня 1912 года, а также ужасное состоянье, въ которое пришли приходскія училища за неотпускомъ денегъ на церковно-школьное строительство.

Впрочемъ, истинныя намѣренья октябристовъ, тѣ цѣли, которыя они преслѣдовали въ области народнаго образованья, съ очевидностью раскрылись и ранѣе, при обсужденіи реформы съ громкимъ заглавіемъ „о введеніи всеобщаго обученья".

Реформа эта распадалась на двѣ части: первая, „уставъ начальныхъ училищъ", имѣла лишь косвенное отношенье ко всеобщему обученью. Всеобщность непосредственно зависитъ отъ количества школъ, а не отъ того устава, по которому онѣ дѣйствуютъ. Вторая часть, заключавшая финансовую сторону дѣла, гласила, что сверхъ всѣхъ кредитовъ, отпущенныхъ ранѣе на нужды начальнаго образованья, съ 1912 года ассигнуется новыхъ 10 милліоновъ рублей, и сумма эта въ теченіи десяти лѣтъ увеличивается еще на десять милліоновъ рублей ежегодно въ порядкѣ прогрессіи, т. е., если въ 1912 году, ко всему, отпускаемому на основаніи болѣе раннихъ законовъ, прибавлено 10 милліоновъ, то въ 1913 году „механически" прибавляется двадцать милліоновъ, въ 1914 г.—тридцать милліоновъ, въ 1915—сорокъ и такъ далѣе до 1922 года.

Это, возникшее по „думской инициативѣ" закрѣпленье, „бронированье" огромныхъ суммъ на десять лѣтъ впередъ имѣло только одно объясненіе: недовѣріе къ правительству. Иначе съ какой стати заранѣе опредѣлять неизмѣнную цифру ежегодной прибавки, когда гораздо удобнѣе и практичнѣе

отпускать ее въ смѣтномъ порядкѣ, исчисливъ каждый годъ въ размѣрѣ дѣйствительной потребности, которая, по самому свойству расхода, должна колебаться.

Однако, и правительство, и Государственный Совѣтъ принципіально съ такимъ закрѣпленьемъ, „бронированьемъ", согласились. Но вслѣдъ затѣмъ въ этомъ, на первый взглядъ чисто финансовомъ преобразованіи, обнаружилось нѣчто, выходящее за предѣлы финансовъ. Всѣ сіи милліоны предполагалось отпустить въ распоряженіе *только* Министра Народнаго Просвѣщенья и, слѣдовательно, церковно-приходская школа оставлялась уже окончательно безъ денегъ.

Тогда въ думскій проектъ было внесено Госуд. Совѣтомъ соотвѣтствующее измѣненье. Госуд. Совѣтъ предлагалъ цифру прогрессіи даже нѣсколько увеличить—на полмилліона рублей, но съ тѣмъ, чтобы изъ каждыхъ, образующихся такимъ образомъ десяти съ половиною милліоновъ девять милліоновъ рублей шли Министру Народнаго Просвѣщенья, а полтора милліона—Оберъ Прокурору Святѣйшаго Сѵнода.

Казалось бы, истинные друзья широкаго народнаго просвѣщенья безусловно должны были согласиться на такое измѣненье. Если на первомъ планѣ стоитъ дѣйствительно всеобщее обученье, а не борьба съ церковью, то спорить съ Госуд. Совѣтомъ представлялось немыслимымъ.

Однако октябристы, составивъ, вмѣстѣ съ лѣвымъ крыломъ, большинство, ни на какія соглашенья, ни на какія уступки не пошли, а такъ какъ и Гос. Совѣтъ уступать не счелъ возможнымъ, то все законодательное предположеніе оказалось отвергнутымъ, при оглушительныхъ вопляхъ конституціонной печати, что правые и Госуд. Совѣтъ „душатъ" просвѣщенье въ Россіи, что „для мрачныхъ цѣлей реакціи нужно держать народъ въ невѣжествѣ" и т. д.

Безстыдство этихъ заявленій выступило еще ярче въ исторіи съ уставомъ начальныхъ училищъ, обсужденье котораго въ Думѣ отняло, осенью 1910 года, длинный рядъ засѣданій. Здѣсь, несмотря на самыя рѣшительныя возраженья праваго крыла, полное упраздненье церковно-приходскихъ школъ было проведено въ видѣ постановленья прямого и вполнѣ опредѣленнаго. Далѣе, въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеньемъ введено обученье на мѣстныхъ, ино-

родческихъ языкахъ; принять рядъ мѣръ, чтобы отъ народнаго образованья отстранить правительство и все дѣло завѣдыванья начальной школой передать въ снабженные широкими полномочіями училищные совѣты, гдѣ большинство членовъ будутъ выборные. Въ тоже время, однако, рѣшительно никакихъ гарантій, насколько эти члены пригодны и подготовлены для такого важнаго и отвѣтственнаго дѣла, какъ народное образованье — законопроектъ не давалъ. Даже кругъ лицъ, изъ которыхъ можетъ быть выбрано такое сравнительно крупное должностное лицо, какъ предсѣдатель училищнаго совѣта—оказывался почти безграниченъ. Требовалось только „русское подданство и знанье русскаго языка". Даже среднее образованье являлось не обязательнымъ— цензъ льготный, необременительный. Изъ выборныхъ членовъ совѣта половина должна была быть христіанъ. А половина, значитъ, могла быть и не христіанъ, напримѣръ іудеевъ. Предсѣдатель, своей непререкаемой властью, имѣлъ право приглашать въ засѣданья совѣта любое количество „свѣдущихъ" лицъ обоего пола. Характеръ „свѣдѣній" не указанъ. Такимъ образомъ, превращенье совѣтскихъ засѣданій въ митингъ было вполнѣ предоставлено усмотрѣнью предсѣдателя.

Прохожденье законопроекта въ Думѣ такъ описывается въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" [1]).

„Если въ комиссіонномъ докладѣ по законопроекту упраздненіе церковно-приходскихъ школъ можно было объяснять соображеніями „экономіи", „цѣлесообразности", то въ концѣ общихъ преній докладчикъ фонъ-Анрепъ, отбросивъ „экономію" и „цѣлесообразность", выкрикивалъ полуохрипшимъ голосомъ безъ всякихъ околичностей: „стройте выше стѣны вашихъ монастырей", а справа его перебивали возгласами: „это не докладчикъ, а митинговый ораторъ".

Въ такомъ же положеніи оказался вопросъ объ устраненіи изъ училищныхъ совѣтовъ предводителей дворянства. Робкая попытка фонъ-Анрепа объяснить дѣло соображеніями „техническими" *(Пуришкевичъ съ мѣста: „пиротехническими")* была немедленно выведена на свѣжую воду, и предметомъ преній сдѣлался чисто принципіальный вопросъ объ отношеніи Думы къ дворянству съ рѣчами, опять-таки, явно митинговаго свойства. Не менѣе радикально разрѣшенъ споръ о мѣстныхъ языкахъ: постановлено создать, на прави-

[1]) № 284, 9 Декабря 1910 года, „Думскіе очерки".

тельственный счетъ, не только школы польскія, литовскія, татарскія, армянскія, но и еврейскія, киргизскія, калмыцкія. На-ряду съ устраненіемъ правительственнаго элемента отъ руководительства дѣломъ начальнаго образованія, для такъ-называемыхъ „общественныхъ силъ“ не создано рѣшительно никакого ценза, и должность предсѣдателя училищнаго совѣта можетъ исправлять „неграмотная жидовка, лишенная правъ за соціалистическую пропаганду“—это указаніе, сдѣланное однимъ изъ ораторовъ справа, постарались замолчать какъ можно тщательнѣе.

По мѣрѣ того, какъ центръ, опираясь на лѣвое крыло, принималъ всѣ приведенныя положенія, одно за другимъ, вниманіе было отвлечено рѣзкими выпадами октябристовъ противъ Государственнаго Совѣта. Эти выпады, заставляющіе вспомнить пословицу: „съ больной головы на здоровую“,—не новость.

Раньше они появлялись каждый разъ, какъ только Государственный Совѣтъ „осмѣливался“ не согласиться съ тѣмъ или другимъ думскимъ законопроектомъ. Теперь, когда октябристскіе главари все болѣе и болѣе теряютъ душевное равновѣсіе, походъ противъ Государственнаго Совѣта предпринимается, такъ сказать, авансомъ, и потому пріобрѣтаетъ характеръ совершенно курьезный. „Мы заранѣе увѣрены, что вы съ нами не согласитесь, а потому нынѣ же заявляемъ: только попробуйте не согласиться—и вселенная рухнетъ“...

Источники такого рвенья и такого радикализма нашихъ парламентаріевъ были указаны въ рѣчи А. С. Вязигина [1]).

Онъ началъ съ исторической справки о положеніи начальнаго образованья во Франціи:

„Послѣднія историческія изслѣдованія уже вскрыли въ достаточной степени роль враговъ христіанства—франкъ-масоновъ во время французской революціи. Благодаря имъ французская государственность попала въ руки разрушительныхъ силъ, но имъ не удалось достигнуть торжества своихъ идеаловъ. Противовѣсомъ оказалось народное образованіе, находившееся подъ покровомъ церкви. Ошибку свою франкъ-масоны поняли, они постигли справедливость мысли, выраженной еще Лейбницемъ, что „тотъ, кто держитъ въ своихъ рукахъ школу, тотъ держитъ міръ“. Слѣдовательно, для прочнаго закрѣпленія своихъ завоеваній, имъ надо было захватить школу. И вотъ, франкъ-масонскія ложи вырабатываютъ планъ борьбы: еще въ 1870 году, на засѣданіи ложи Великаго Востока, постановлено было требовать безплатнаго, обязательнаго и свѣтскаго обученія; затѣмъ, въ 1877 году былъ намѣченъ уже и постепенный планъ осуществленія

---

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 4, ч. I, стр. 639, 640.

этихъ требованій. Послѣ установленія безплатнаго и обязательнаго обученія надо сдѣлать коммунальныя школы свѣтскими. Разъ коммунальныя школы будутъ сдѣланы свѣтскими, надо лишить конгрегаціонныя школы ихъ свободы. А когда конгрегаціоннымъ школамъ будетъ нанесенъ ударъ, то тогда постараться „матеріализировать все дѣло народнаго обученія".

Шагъ за шагомъ эта программа была осуществлена на нашихъ глазахъ: законъ 16 іюня 1881 г. сдѣлалъ обученіе безплатнымъ; законъ 28 марта 1882 г. сдѣлалъ его обязательнымъ; законъ 30-го октября 1886 г. сдѣлалъ свѣтскимъ учительскій персоналъ. Затѣмъ создается такъ называемая нейтральная школа, которая, однако, никого не удовлетворила, и франкъ-масоны объявляютъ непримиримую войну конгрегаціонному обученію, а 7 іюля 1904 г. конгрегаціямъ нанесенъ рѣшительный ударъ. Начинается дехристіанизація школы подъ личиной превращенія ея въ свѣтскую. Министерскіе циркуляры предписываютъ устраненіе Распятія изъ школъ, запрещаютъ читать молитвы передъ уроками, запрещаютъ наставникамъ водить дѣтей на богослуженіе, запрещаютъ изученіе христіанскаго катехизиса и вводятъ обученіе гражданской морали. Затѣмъ въ самихъ школьныхъ книгахъ и учебникахъ сдѣлана попытка устранить имя Божіе. Эта любопытная перемѣна произошла въ промежутокъ между 1878 и 1882 г. Мы видимъ, какъ въ учебникахъ вычеркиваются слова „Богъ", „Провидѣніе", „Творецъ" „Богородица". Передѣлкѣ подвергаются не только какія-нибудь статьи, которыя можно такъ или иначе приспособлять, нѣтъ, передѣлываются отрывки изъ классическихъ французскихъ писателей. Басни Лафонтена и творенія Шатобріана подъ рукой этихъ масоновъ превращаются въ орудіе ихъ пропаганды.

Историческое прошлое каждаго народа можетъ оказать противовѣсъ подобнаго рода разрушительнымъ стремленіямъ, и мы видимъ, какъ въ учебникахъ исторіи тщательно разрушается славное прошлое Франціи. Появляются такіе учебники, какъ книга знаменитаго Эрве, который высмѣиваетъ „всѣ традиціонныя добродѣтели". Та же самая дехристіанизація замѣчается и въ подборѣ книгъ для чтенія и книгъ, выдаваемыхъ для наградъ. Циркуляры устраняютъ изъ школьнаго обихода книги „недостаточно свѣтскія". Антимилитаризмъ, антипатріотизмъ и атеизмъ свиваютъ прочное гнѣздо во французской школѣ. Во главѣ этого похода противъ христіанскаго образованія стоитъ возникшая въ 1866 г. масонская организація, извѣстная подъ именемъ „Лиги образованія". Она была основана Жаномъ Масе и играла главную роль въ выработкѣ и проведеніи школьныхъ законопроектовъ. Въ 1881 году въ одной изъ масонскихъ ложъ

было поставлено изображеніе французской республики; на цоколѣ этого изображенія символомъ невѣжества и суевѣрія былъ избранъ монахъ, облеченный въ митру и удушаемый веревкой, а на веревкѣ была надпись: „лига образованія". Съ цѣлью укрѣпить свои завоеванія, лига образованія постаралась взять въ свои руки дальнѣйшую подготовку дехристіанизированныхъ гражданъ и образовала курсы для взрослыхъ и народные университеты. Такимъ образомъ, французская школа перестала служить чисто просвѣтительнымъ цѣлямъ".

Указавъ на гибельныя для Франціи послѣдствія, происшедшія отъ этого, А. С. Вязигинъ продолжалъ:

„Справедливость требуетъ отмѣтить, что французскіе примѣры вдохновляли нашихъ россійскихъ преобразователей, и первые шаги по французскому образцу уже сдѣланы. Походъ противъ религіи ведется у насъ очень опредѣленно и ясно. Чарнолусскій, извѣстный „педагогическій" дѣятель, говоритъ, что „во имя единства и стройности школьной системы преподаванію религіи въ школѣ не можетъ и не должно быть никакого мѣста". Мы видимъ, что нѣкоторые педагоги уже дѣлаютъ попытки подражать французскимъ образцамъ, и въ книгѣ для чтенія Горбунова-Посадова, напримѣръ, стихотвореніе Кольцова „Урожай" изуродовано устраненіемъ имени Божія. Мы видимъ также въ школьныхъ учебникахъ глумленіе надъ христіанскими эмблемами, мы видимъ попытку развращать нашихъ дѣтей. И вотъ, въ журналѣ „Нашимъ дѣтямъ" въ номерѣ отъ 15-го сентября 1910 г. крестъ, символъ искупленія, изображенъ подъ хвостомъ у обезьяны. Появился у насъ и русскій Эрве, появилась попытка глумиться надъ всѣмъ историческимъ прошлымъ русскаго народа. Я имѣю въ виду знаменитую книжку Шишко, которая была образцомъ для нашихъ народныхъ учителей".

Но этимъ французскимъ образцамъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенья А. С. Вязигина, подражали въ Россіи не только отдѣльные „педагоги", но и цѣлая организація—общество, дѣйствующее открыто и носящее такое же, какъ и во Франціи, названье: *лига образованья*.

Пріемы ея и цѣли, оказывается, вполнѣ совпадаютъ съ масонскою организаціею того же названья, забравшей такую силу во Франціи.

Проектъ „лиги образованья" орудующей въ Россіи, требовалъ прежде всего „освобожденья личности отъ гнетущей опеки церкви и государства".

„Образованье должно быть свѣтскимъ, оно должно быть

основано на началахъ свободы совѣсти и вѣротерпимости [1]), и не должно стоять въ зависимости отъ духовенства той или иной церкви. Новая школа должна сообщать учащимся *лишь* то, что признается *современной* наукой“ [2]).

„Всѣ государственныя и общественныя суммы, ассигновывавшiяся до сихъ поръ на церковно-приходскiя школы, должны быть переданы на школы общественныя и свѣтскiя“.

Сильнѣйшее влiянье „лиги образованья“ на выработанный думскою комиссiей „уставъ начальныхъ училищъ“—не подлежитъ сомнѣнiю. Впрочемъ, въ самомъ докладѣ комиссiи прямо указано, что матерiаломъ для него послужилъ проектъ, выработанный лигою образованья. Главная задача докладчиковъ—фонъ-Анрепа и Ковалевскаго—заключалась, повидимому, лишь въ такомъ „приспособленiи“, въ такой облицовкѣ этого проекта лиги образованья, при которой—какъ разсчитывали главари октябристовъ—не воспослѣдуетъ слишкомъ рѣзкихъ, непримиримыхъ возраженiй со стороны правительства.

Рѣчами правыхъ эта подоплека октябристскихъ затѣй была освѣщена достаточно ярко. Послѣ самыхъ рѣшительныхъ возраженiй, не имѣя возможности создать большинство, правые покинули залъ засѣданiй. Къ нимъ присоединились и нацiоналисты.

Въ принятый послѣ этого голосами центра и лѣваго крыла законопроектъ Госуд. Совѣтъ внесъ рядъ существенныхъ измѣненiй, согласныхъ, въ общемъ, съ тѣмъ, чего добивались правые, и отмѣнившихъ, прежде всего, упраздненье церковно-приходскихъ школъ. Въ согласительной комиссiи разногласiя эти остались неустраненными, а приступать къ ихъ обсужденью въ общемъ собранiи Думы „руководящiй центръ“, убѣдясь, что Госуд. Совѣтъ уступать не намѣренъ,

---

[1]) Событiя, происходящiя во Францiи, наглядно уясняютъ, что значитъ на масонскомъ языкѣ „свобода совѣсти“ и „вѣротерпимость“. Попытка нашихъ парламентарiевъ уравнять православiе съ iудействомъ, разобранная въ четвертой главѣ, то же вѣдь объяснялась ими требованьями „свободы совѣсти“ и „вѣротерпимости“.

[2]) Какая удобная лазейка выкинуть изъ школы религiю, извратить историческое прошлое, произвести полное крушенье здоровыхъ идеаловъ молодежи, подъ предлогомъ, что *современная* наука этого *не* признаетъ.

счелъ излишнимъ. Въ такомъ незаконченномъ видѣ реформа пребываетъ и поднесь, [illegible]

Таково положенье дѣлъ, на основаніи котораго вся конституціонная печать позволяетъ себѣ крикомъ кричать, что Госуд. Совѣтъ и правые препятствуютъ, по своему „мракобѣсію“, распространенью народнаго просвѣщенья въ Россіи.

Лживость этихъ увѣреній, разсчитанныхъ все на ту же „фальсификацію общественнаго мнѣнья“, очевидна.

Крушенье „Устава начальныхъ училищъ“ зависѣло только отъ того, что октябристы положили въ основу реформы устраненье церкви и государства отъ народнаго образованья, а въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеньемъ упорно желали создать на казенный счетъ инородческую школу, съ обученьемъ на инородческихъ языкахъ.

Какая нужна недобросовѣстность и развязность, чтобы сопротивленье этимъ пагубнымъ начинаньямъ объявить *борьбой съ просвѣщеньемъ!..*

Затѣя со школьными милліонами, ассигнуемыми на десять лѣтъ впередъ, провалилась опять таки только потому, что въ этотъ, казалось бы, чисто финансовый проектъ, ловко и незамѣтно подсунули уничтоженіе все тѣхъ же, ненавистныхъ врагамъ церкви, приходскихъ школъ.

Авторамъ проекта отвѣтили, казалось бы, вполнѣ основательно: будемъ отпускать предполагаемые вами большіе милліоны, но только ужъ на *всѣ* школы: и на тѣ, которыя вамъ нравятся, и на тѣ, которыя вамъ не нравятся.

— О нѣтъ—сейчасъ же возразили пряткіе „друзья просвѣщенья“—такъ мы не согласны. Чѣмъ дать *всѣмъ*—лучше *никому* не дать.

Нужно ли добавлять, что развитію народнаго просвѣщенья провалъ октябристской затѣи рѣшительно никакого ущерба не причинилъ.

Предполагалось закрѣпить школьные кредиты на десять лѣтъ впередъ, для чего была выдумана совершенно произвольная „прогрессія“—ежегодное увеличенье на десять милліоновъ въ годъ. Насколько бы оно оказалось въ соотвѣтствіи съ жизнью, съ дѣйствительною потребностью, оставалось неизвѣстнымъ.

Предположенье это неосуществилось, было отвергнуто.

Но неужели изъ такого отверженья мыслимо сдѣлать

выводъ, что на школу не станутъ ежегодно давать столько денегъ, сколько на самомъ дѣлѣ будетъ требоваться—можетъ быть, даже въ нѣкоторые годы и больше десяти милліоновъ?

Вотъ если бы послѣдовалъ отказъ въ школьныхъ кредитахъ, необходимыхъ въ данный моментъ, на текущій годъ, тогда можно было бы говорить, что отказавшіе тормозятъ дѣло народнаго просвѣщенья, что они враги просвѣщенья.

Однако, ни правые, ни Госуд. Совѣтъ въ такомъ отказѣ неповинны. Никакихъ препятствій въ отпускѣ на начальную школу весьма крупныхъ суммъ по цѣлому ряду законовъ съ 3 мая 1908 г. и по 1912 годъ—они не чинили.

А вотъ тѣ, кто рекламируетъ себя въ качествѣ патентованныхъ „друзей просвѣщенья“ поступали иначе. Нравится или не нравится церковно-приходская школа, хорошо или худо она поставлена, но нельзя отрицать, что свой вкладъ въ дѣло народнаго образованья она приноситъ. Слѣдовательно, какъ-же можетъ тотъ, кто дѣйствительно, искренно, безъ скрытыхъ тайныхъ цѣлей, ратуетъ за укрѣпленіе и расширенье на Руси просвѣщенья—какъ можетъ такой дѣятель столь злобно и настойчиво стремиться къ разрушенью школы уже созданной, уже налаженной?

„Другъ просвѣщенья“, не дающій денегъ на починку школьнаго зданья, гдѣ потолки проваливаются и ребята мерзнутъ зимой отъ холода! Эта, молъ, школа не соотвѣтствуетъ желательному мнѣ типу...

Здѣсь и разгадка сути вещей. Не народное образованье, какъ таковое, какъ самодовлѣющая *цѣль* нужно было нашимъ парламентаріямъ. Нѣтъ, въ народной школѣ они видѣли лишь *средство*, для достиженья цѣлей, внѣ школы лежащихъ и приводящихъ къ *политическимъ* результатамъ. Вотъ почему имъ нужна была не всякая, способствующая народному просвѣщенью школа, а лишь опредѣленнаго типа. Такая и никакая больше.

А „для завоеванья общественнаго мнѣнья“ былъ пущенъ въ ходъ испытанный пріемъ, излюбленный масонствомъ: „популярный лозунгъ“. Вожделѣнья нашихъ парламентаріевъ были, по возможности прикровенно, вдвинуты въ рамки законодательныхъ мѣръ, озаглавленныхъ громкимъ заглавіемъ: „о введеніи всеобщаго обученья“. Послѣ

этого уже не составило труда, черезъ преданные органы печати, произвести обычную подстановку, передержку понятій и тѣхъ, кто боролся съ перекройкой нашей школы на масонскій образецъ, объявить противниками всеобщаго обученья, а затѣмъ и врагами просвѣщенья вообще.

Но и эта ложь, тонко разсчитанная, не помѣшала правымъ дѣлать свое дѣло и, шагъ за шагомъ разоблачая истинный смыслъ красивыхъ фразъ и громкихъ лозунговъ, довести подражателей французскимъ образцамъ до полнаго законодательнаго крушенья.

Въ области средняго образованья законодательная дѣятельность Думы ограничилась одобреньемъ правительственнаго законопроекта объ увеличеніи содержанья учащимъ и отпускомъ кредитовъ на вновь открывавшіяся гимназіи. Прекрасную рѣчь о недостаткахъ гимназическаго преподаванья сказалъ, при обсужденіи смѣты Министерства Народнаго Просвѣщенья на 1909 г., графъ А. А. Бобринской.

По высшей школѣ законодательныя мѣропріятія, прошедшія черезъ Думу, были еще менѣе значительны и сводились къ одобренью уставовъ и штатовъ нѣсколькихъ новыхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Крупный законопроектъ объ университетской реформѣ, внесенный въ Думу при А. Н. Шварцѣ, былъ взятъ обратно его преемникомъ, Л. А. Кассо. Впрочемъ, общее отношенье октябристовъ къ школьнымъ вопросамъ не оставляло сомнѣній, что изъ этой реформы въ третьей Думѣ все равно ничего бы не вышло.

Такая скудость законодательныхъ мѣръ не помѣшала, однако, правымъ оказать огромное вліянье на жизнь высшей школы инымъ путемъ.

Сейчасъ же послѣ созыва третьей Думы, еще въ 1907 году, правые внесли запросъ о той революціонной разрухѣ, которая убила наши Университеты.

Однако, 1 января 1908 г. послѣдовала отставка Министра Народнаго Просвѣщенія; фонъ-Кауфмана смѣнилъ А. Н. Шварцъ. Ожидая отъ него рѣшительныхъ дѣйствій, правые взяли свой запросъ обратно и заняли пока выжидательное положенье.

Тѣмъ временемъ В. М Пуришкевичъ энергичнѣйшимъ образомъ принялся за устройство среди благонамѣренной части учащейся молодежи „академическихъ союзовъ“, ста-

вившихъ своей цѣлью служеніе отечеству и наукамъ (patriae et litteris), борьбу съ забастовками, бойкотами и вообще отстаиванье мирнаго теченья жизни въ высшей школѣ.

Общенье съ молодежью дало, разумѣется, массу драгоцѣннѣйшаго, фактическаго, строго провѣреннаго матеріала о тѣхъ дѣйствительно невѣроятныхъ событіяхъ, которыя разыгрывались въ высшихъ учебныхъ заведеньяхъ, захваченныхъ революціей.

Въ октябрѣ 1908 г., въ газетѣ „Колоколъ" появилась громовая статья В. М. Пуришкевича подъ заглавіемъ „Ростовщичество студентовъ лѣвыхъ партій горнаго института".

Лѣвые студенты, вполнѣ опредѣленно указанные въ этой статьѣ, оказались притиснутыми къ стѣнѣ: они принуждены были оправдывать себя передъ остальнымъ студенчествомъ, а для этого у нихъ не оставалось иного выхода, какъ привлеченье В. М. Пуришкевича къ отвѣтственности за клевету.

Впрочемъ, уже на примирительномъ разбирательствѣ у слѣдователя, предшествующемъ, по закону, разсмотрѣнью судебному, студенты-обвинители предлагали мириться, если Пуришкевичъ признаетъ, что „былъ введенъ въ заблужденье ошибочными свѣдѣньями".

Владиміръ Митрофановичъ мужественно отвергъ всякую мысль о „примиреніи", три дня въ ноябрѣ 1909 года просидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ въ залѣ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, но добился того, что картина революціонныхъ безобразій въ высшей школѣ была, наконецъ, нарисована во весь ростъ присяжными показаньями очевидцевъ, подвергнутыхъ основательному перекрестному допросу, была удостовѣрена стенографическимъ отчетомъ и закрѣплена судебнымъ приговоромъ.

Впечатлѣнье получилось настолько ошеломляющее, что обвинители, отъ имени которыхъ выступалъ присяжный повѣренный Грузенбергъ, даже не рѣшились принести на оправдательный приговоръ Окружнаго Суда апелляціоннаго отзыва въ Судебную Палату.

Этотъ историческій процессъ [1]) во-первыхъ сильно содѣйствовалъ развитію и укрѣпленью академизма, во-вторыхъ,

[1]) Описанный, на основаніи стенографическаго отчета въ отдѣльной книжкѣ: „Идейные кассиры". Спб. 1910 г.

далъ въ руки Пуришкевичу и защищавшему его на судѣ Замысловскому, тоже ставшему очень близко къ академическому движенью, ужасныя для лѣвыхъ организацій и непререкаемыя въ своей достовѣрности данныя.

Когда затѣмъ въ „Прямомъ Пути“ появилась статья, подъ заглавіемъ: „Лѣвые студенты лѣсники—воры“, съ подробными указаньями, пріуроченными къ опредѣленнымъ лицамъ,—ни возраженій, ни привлеченья къ судебной отвѣтственности уже не послѣдовало.

Основанныя на всѣхъ этихъ данныхъ рѣчи В. М. Пуришкевича и Г. Г. Замысловскаго въ Думѣ, пріуроченныя ими къ обсужденью смѣтъ соотвѣтствующихъ Министерствъ[1]), произвели сильное впечатлѣнье.

Лѣвое крыло, при обычномъ попустительствѣ предсѣдателей, всячески мѣшало ораторамъ: безконечными возгласами, перебиваньями, наконецъ прямымъ скандаломъ и обструкціей: крикомъ, стукомъ, ломаньемъ пюпитровъ.

Такое систематическое зажиманье рта путемъ скандаловъ прикрывали „негодованьемъ“ на то, что, молъ, Пуришкевичъ „порочитъ русскую молодежь“—передержка понятій, безъ которой ни одинъ серьезный вопросъ у лѣвыхъ не обходился.

Однако, *возраженья по существу совершенно отсутствовали.*

Тогда правыми, 1 мая 1910 года, былъ внесенъ обширный запросъ, подъ которымъ удалось собрать болѣе ста подписей.

Онъ гласилъ слѣдующее:

„Цѣлый рядъ фактовъ, оглашенныхъ въ печати, данныя, установленныя въ засѣданіяхъ С.-Петербургскаго окружнаго суда 27, 28 и 29 ноября 1909 года судебнымъ разбирательствомъ по дѣлу В. М. Пуришкевича, обвинявшагося студентами Горнаго института въ клеветѣ, наконецъ, то, что было сообщено съ думской каѳедры въ рѣчахъ В. М. Пуришкевича и Г. Г. Замысловскаго 3, 5 и 12 марта 1910 г. (засѣданіе 61, 63 и 70)—все это даетъ полное основаніе утверждать, что въ высшей школѣ царитъ развалъ, въ значительной мѣрѣ обусловливаемый бездѣйствіемъ, допущеннымъ органами Правительства.

---

[1]) Горный и всѣ Политехническіе Институты находятся въ вѣдѣніи Министерства Торговли и Промышленности.

События, въ которыхъ наиболѣе рѣзко это бездѣйствіе власти проявилось, могутъ быть сведены въ слѣдующія три группы:

1) Въ огромномъ большинствѣ высшихъ учебныхъ заведеній распредѣленіе казенныхъ стипендій, пособій и освобожденіе отъ платы за право ученія находится фактически въ рукахъ студенческихъ организацій, открыто заявляющихъ, что единственный „законъ“, которому они считаютъ себя обязанными подчиняться, это резолюція общестуденческихъ сходокъ. Вышеуказанный процессъ В. М. Пуришкевича далъ возможность проникнуть въ тайны одной изъ такихъ организацій—фондовой комиссіи Горнаго института, и дѣйствительность превзошла самую смѣлую фантазію. Заполненіе фондовой комиссіи исключительно лицами, кандидатура коихъ была выставлена „блокомъ студенческихъ фракцій соціалъ-демократовъ и соціалистовъ революціонеровъ“, отчисленіе отъ всѣхъ суммъ, проходящихъ черезъ руки „фонда“ извѣстнаго процента на „нужды революціи“, цѣлая система растратъ и подлоговъ, именовавшаяся „институтомъ фиктивныхъ стипендій“ и направленная къ тому, чтобы требуемый закономъ критерій „успѣшности“ студента замѣнить критеріемъ его „революціонности“—все это факты, установленные судебнымъ разбирательствомъ съ очевидностью. За отсутствіемъ со отвѣтственнаго разслѣдованія, мы не располагаемъ возможностью освѣтить столь же всесторонне дѣятельность подобныхъ организацій въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, напр., въ экспертной комиссіи С.-Петербургскаго университета или въ кассѣ взаимопомощи Политехническаго института, но несомнѣнно, что и тамъ фактическое распоряженіе казенными стипендіями и пособіями сосредоточено не въ рукахъ начальства высшей школы, а въ названныхъ „кассахъ“ или „комиссіяхъ“, захваченныхъ небольшими, но хорошо организованными революціонными группами.

Между тѣмъ Правительство не только не борется съ этимъ явленіемъ, но даже идетъ ему навстрѣчу. Такъ, закрывъ, послѣ разоблаченій по дѣлу В. М. Пуришкевича, фондовую комиссію Горнаго института, оно дозволило вмѣсто этой комиссіи открыть „кассу взаимопомощи“, куда вошли всѣ тѣ же самые, до единаго, члены правленія, которые были въ правленіи „фондовой комиссіи“. Правда, совѣты профессоровъ стараются представить положеніе вещей въ такомъ видѣ, что кассы взаимопомощи и экспертныя комиссіи—это лишь студенческія благотворительныя учрежденія, между прочимъ, содѣйствующія профессурѣ въ распредѣленіи стипендій, пособій, въ освобожденіи отъ платы за ученіе: однако, на самомъ дѣлѣ, происходитъ нѣчто совершенно иное, ибо правленія кассъ взаимопомощи состоятъ изъ лицъ, избранныхъ отъ имени цѣлаго курса, на курсовой сходкѣ, вслѣдствіе чего образованное изъ такихъ „курсовыхъ представителей“ правленіе кассы дѣйствуетъ уже въ качествѣ „представителя всего студенчества даннаго учебнаго заведенія“, а это въ корнѣ противорѣчитъ той основной идеѣ всякаго частнаго благотворительнаго общества, что его членами являются только лица, добровольно туда вступившія. Далѣе, при назначеніи стипендій и пособій,

при освобожденіи отъ платы за ученіе, экспертныя комиссіи и кассы взаимопомощи фактически даютъ не „экспертизы“, не подготовительный матеріалъ, подлежащій дальнѣйшей провѣркѣ и свободному обсужденію, а „директивы“, постановленія обязательнаго характера, непререкаемо разрѣшающія вопросъ по существу и сводящія дѣятельность профессорскаго совѣта къ простой формальности, къ механическому утвержденію всего того, что рѣшаетъ въ этой области касса взаимопомощи. При такомъ положеніи дѣла считать кассы взаимопомощи частнымъ благотворительнымъ учрежденіемъ, а постановленія кассы въ области хозяйничанія казенными деньгами называть „экспертизою“—это значитъ грубо искажать понятія. Не далѣе, какъ въ мартѣ 1910 г. касса взаимопомощи С.-Петербургскаго политехническаго института лишила платной работы двухъ студентовъ Захарова и Калмакова, только потому, что эти безусловно нуждающіеся студенты были членами академическаго союза. Касса, не отрицая, что Захаровъ и Калмаковъ крайне нуждаются въ матеріальной поддержкѣ, предложила имъ на выборъ—или выйти изъ академическаго союза, или оставить тѣ занятія по продажѣ находящихся въ завѣдываніи кассы книгъ и чертежныхъ принадлежностей, гдѣ названныя лица за 8 часовъ ежедневнаго труда получали отъ кассы по 17 руб. 50 к. въ мѣсяцъ. Оглашенное съ думской каѳедры распредѣленіе кассою казенныхъ пособій, гдѣ въ сложности, евреямъ досталось больше денегъ, чѣмъ русскимъ, въ связи съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что евреи стоятъ во главѣ революціоннаго студенчества и преимущественно наполняютъ его кадры—показываетъ наглядно, что кассы взаимопомощи не частныя благотворительныя учрежденія, а политическія организаціи революціоннаго характера.

2) Какъ уже было упомянуто, единственнымъ „закономъ“, признаваемымъ студенческими „кассами“ и „комиссіями“, являются постановленія общестуденческихъ сходокъ, вліяніе коихъ на студенческую жизнь вообще очень велико. Между тѣмъ, никакого наблюденія за дѣятельностью этихъ сходокъ учебное начальство не имѣетъ и не желаетъ имѣть. Туда въ изобиліи проникаютъ лица, ничего общаго со студенчествомъ не имѣющія, революціонный уличный сбродъ, играющій часто на сходкахъ рѣшающую роль, участвующій въ преніяхъ и голосованіяхъ наравнѣ со студентами. Требованія Правительства о контролѣ входныхъ билетовъ упорно оставляются учебнымъ начальствомъ безъ исполненія; когда студентамъ желательно сдѣлать изъ общестуденческой сходки орудіе явно революціоннаго воздѣйствія, то они или созываютъ ее безъ разрѣшенія начальства, „явочнымъ порядкомъ“, или, получивъ разрѣшеніе на обсужденіе вполнѣ легальныхъ вопросовъ, начинаютъ обсуждать не эти вопросы, а совершенно иные, къ обсужденію не разрѣшенные Въ цѣломъ рядѣ такихъ случаевъ поведеніе учебнаго начальства нельзя охарактеризовать иначе, какъ попустительствомъ. Такъ, напр., въ концѣ 1909 года въ С.-Петербургскомъ университетѣ на созванной явочнымъ порядкомъ сходкѣ обсуждался протестъ противъ казни испанскаго революціонера Ферреро. Университетское началь-

ство не могло не знать, что такая сходка назначена на опредѣленное число, ибо это заранѣе объявлялось совершенно открыто, тѣмъ не менѣе, оно не только не приняло мѣры къ ея недопущенію, но и позволило въ теченіе нѣсколькихъ часовъ произносить революціонныя рѣчи, которыя закончились резолюціей, вызвавшей международныя осложненія.

Въ концѣ марта 1910 года, въ Петербургскомъ политехническомъ институтѣ, сходка, вмѣсто стоявшихъ на повѣсткѣ вопросовъ, возбудила пренія о бойкотѣ всѣхъ членовъ академическаго союза студентовъ-политехниковъ; несмотря на протесты, обращенные студентами-академистами къ находившемуся тутъ же институтскому инспектору, онъ остался совершенно безучастнымъ къ происходившему безобразію, и сходка, послѣ града незаслуженныхъ оскорбленій по адресу академистовъ, вынесла резолюцію объ ихъ бойкотѣ.

10 апрѣля 1910 года сходка студентовъ Горнаго института, вмѣсто стоявшихъ на повѣсткѣ вопросовъ открыла, съ вѣдома инспектора, пренія о „событіяхъ послѣднихъ дней въ жизни высшей школы“, закончившіяся резолюціей, гдѣ распоряженія Правительства именуются „актами наглаго презрѣнія къ вольностямъ студенческихъ сходокъ, актами циничнаго, лишеннаго капли законности, вмѣшательства въ права непонятно молчаливой профессуры“. Резолюцію эту постановлено вывѣсить въ столовой института и разослать во всѣ учебныя заведенія С. Петербурга. Участники сходки Политехническаго института остались совершенно безнаказанными. Участникамъ сходки Горнаго института совѣтъ профессоровъ объявилъ выговоръ. Нѣсколькими мѣсяцами раньше, въ декабрѣ 1909 г., общестуденческая сходка того же Горнаго института объявила бойкотъ шестерымъ студентамъ только за то, что они на судѣ, подъ присягой, дали свидѣтельскія показанія, неблагопріятныя для правленія фондовой комиссіи института. Инициаторы этого бойкота также остались совершенно безнаказанными. Полнымъ отсутствіемъ надзора и попустительствомъ учебнаго начальства объясняется изумительное паденіе нравственности, проявляющееся въ стѣнахъ высшей школы, и пребываніе въ ней лицъ, не имѣющихъ ничего общаго съ наукою, числящихся, напр., студентами съ 1896 г. и появляющихся только во время революціонныхъ вспышекъ.

3) Нѣкоторые изъ членовъ профессуры, не ограничиваясь только что описаннымъ попустительствомъ, идутъ дальше. Такъ въ Горномъ институтѣ была образована особая „междусовѣтская“ комиссія, гдѣ избранные совѣтомъ профессоровъ четыре профессора (Бауманъ, Долбня, Никитинъ и Яковлевъ) засѣдали въ 1908 и 1909 г.г. совмѣстно съ четырьмя студентами, изъ которыхъ двое были представителями студенческой фракціи соціалъ-демократовъ, а третій—фракціи соціалистовъ-революціонеровъ. Хотя фактъ этотъ былъ установленъ на судѣ безспорно, хотя онъ былъ воспроизведенъ въ одной изъ думскихъ рѣчей и возражавшимъ на эту рѣчь Министромъ не опровергался—никакихъ мѣръ въ отношеніи названныхъ профессоровъ Правительствомъ не принято и до сихъ поръ.

Оглашенные съ думской каѳедры отрывки изъ лекцій, читаемыхъ студентамъ профессорами Политехническаго института Гессеномъ и Гредескуломъ убѣждаютъ, что такимъ путемъ не только внушали слушателямъ невѣрное представленіе о существующемъ въ Россіи государственномъ строѣ, но, сообщеніемъ невѣрныхъ свѣдѣній и тенденціозныхъ выводовъ, возбуждали ихъ какъ противъ этого строя, такъ и противъ Правительства вообще. Однако и Гессенъ и Гредескулъ продолжаютъ чтеніе своихъ лекцій и по сіе время, хотя послѣдній изъ нихъ, какъ и цѣлый рядъ другихъ, находящихся на государственной службѣ профессоровъ, лишенъ избирательныхъ правъ и отбылъ наказаніе въ тюрьмѣ за призывъ неповиноваться властямъ.

Мало того, уже съ 1905 года кадетскія теченія, возобладавшія въ профессурѣ, послѣдовательно, систематично пользуются своимъ правомъ избранія для осуществленія партійной тенденціи, стараясь провести въ составъ профессорскихъ коллегій и на должности младшихъ преподавателей исключительно политическихъ единомышленниковъ по возможности яркой окраски—лицъ, отбывшихъ наказаніе за призывъ неповиноваться властямъ, редакторовъ радикальныхъ газетъ, предсѣдателей нелегальныхъ партійныхъ бюро и комитетовъ, при чемъ вопросъ о научныхъ заслугахъ этихъ кандидатовъ отступаетъ на задній планъ, сводится на нѣтъ. Само Правительство, отказываясь легализовать конституціонно-демократическую партію, тѣмъ признаетъ ее противогосударственною, но одновременно оно смотритъ съ полнымъ безучастіемъ на вышеописанныя явленія, ведущія къ гибели нашу молодежь.

Изложенное приводитъ къ выводу, что студенчество въ высшей школѣ захвачено небольшою, но хорошо организованною группою соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ, которые удерживаютъ свое господствующее положеніе благодаря тому, что они, во-первыхъ, опираются на опытныхъ, искушенныхъ въ революціонномъ дѣлѣ руководителей, которые числятся помногу лѣтъ студентами, имѣя, однако, къ высшей школѣ лишь революціонное касательство; во-вторыхъ, прибѣгаютъ въ рѣшительныя минуты къ содѣйствію улицы, имѣющей безпрепятственный доступъ внутрь высшихъ учебныхъ заведеній; въ третьихъ, крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ всѣ средства денежнаго воспособленія студенчеству изъ казны; въ-четвертыхъ, пользуются сочувствіемъ и полной поддержкой кадетской профессуры, составляющей въ учебныхъ заведеніяхъ большинство. Что касается этой профессуры, то она, для осуществленія своихъ партійныхъ, политическихъ требованій старается укрѣпить среди студенческой массы недовольство существующимъ строемъ и принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы революціонныя выступленія учащихся оставались фактически безнаказанными. Борьба съ описаннымъ положеніемъ вещей выходитъ изъ рамокъ отдѣльнаго вѣдомства и относится къ общей внутренней политикѣ Правительства, почему, на основаніи ст. 33 Учр. Гос. Думы, мы предлагаемъ Предсѣдателю Совѣта Министровъ слѣдующій запросъ:

Извѣстно ли Правительству:

1) что въ цѣломъ рядѣ высшихъ учебныхъ заведеній, напр., въ С.-Петербургскомъ университетѣ, Горномъ и Политехническомъ институтахъ фактическое завѣдываніе казенными стипендіями, пособіями и освобожденіемъ отъ платы за ученіе незаконно находится въ рукахъ студенческихъ организацій, дѣйствующихъ на началахъ общестуденческаго представительства и допускающихъ въ своей дѣятельности многочисленныя злоупотребленія;

2) что въ тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ, вплоть до апрѣля 1910 года, былъ рядъ противозаконныхъ студенческихъ сходокъ, къ прекращенію коихъ и къ наказанію виновныхъ учебное начальство этихъ заведеній не приняло надлежащихъ мѣръ;

3) что въ стѣны высшихъ учебныхъ заведеній противозаконно имѣютъ свободный доступъ лица постороннія и что тамъ происходятъ сцены разврата;

4) что въ Горномъ институтѣ дѣйствовала въ 1908 и 1909 г.г. особая „междусовѣтская" комиссія, гдѣ четыре профессора засѣдали совмѣстно съ четырьмя студентами, изъ коихъ трое были ставленниками революціонныхъ организацій;

5) что среди профессоровъ, состоящихъ на государственной службѣ, рядъ лицъ принадлежитъ къ нелегальной организаціи, именующей себя „партіей конституціонно-демократическою или народной свободы"; что нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, призванныхъ Правительствомъ къ воспитанію юношества, лишены избирательныхъ правъ и отбыли тюремное заключеніе за призывъ неповиноваться Правительству; что одно изъ этихъ лицъ, Гредескулъ, и въ настоящее время, въ качествѣ профессора, въ своихъ лекціяхъ, возбуждаетъ слушателей противъ Правительства и существующаго государственнаго строя; что такое же возбужденіе заключается и въ лекціяхъ другого профессора, Гессена; что сдача студенческихъ экзаменовъ по этимъ лекціямъ является обязательною для полученія диплома, дающаго права государственной службы?

Если изложенное Правительству извѣстно, то какія мѣры оно приняло или намѣрено принять для устраненія описанныхъ незакономѣрныхъ дѣяній и для привлеченія виновныхъ къ законной отвѣтственности?

Пока запросъ этотъ, какъ и всѣ требованья, исходившія отъ правыхъ, вылеживался въ думской комиссіи, правительство взялось, наконецъ, за очистку высшей школы и начало принимать мѣры именно въ томъ направленіи, которое намѣчено запросомъ.

Прежде всего, былъ положенъ конецъ широкому и безконтрольному хозяйничанью всякихъ „фондовыхъ" и „экспертныхъ" комиссій.

Далѣе, пресѣченъ доступъ въ стѣны высшихъ учебныхъ заведеній постороннимъ лицамъ.

Наконецъ, въ январѣ 1911 года особымъ циркуляромъ, воспрещены общестуденческія сходки.

Революціонное подполье, видя, что изъ его рукъ господство надъ высшей школой ускользаетъ, немедленно отвѣтило „широко поставленной“ „общестуденческой“ забастовкой „на весь семестръ“ съ примѣненіемъ „обструкцій“ звуковой, физической, химической и иныхъ—до избіенья, по лицу профессора Ивановскаго, включительно.

Но окрѣпшіе, ставшіе на ноги академическіе союзы дали негодяямъ рѣшительный отпоръ, сдѣлавъ то, что было недоступно самому сильному правительству: до сихъ поръ вся игра лѣвыхъ профессоровъ была основана на неуловимости ихъ дѣйствій. Они, во время забастовки, не читали лекцій потому что, молъ, имъ *некому было читать.* А забастовка длилась, потому, что, разъ профессора *не читали лекцій,* то самые благонамѣренные студенты фактически не имѣли возможности приступить къ занятіямъ.

Теперь этотъ, столь удобный для революціи, заколдованный кругъ былъ разорванъ.

Отговорка, что *некому* читать, отпала, ибо академисты аккуратно являлись на лекціи и заявляли о своемъ желаньи таковыя слушать очередному профессору. Забастовщики пустили въ ходъ насиліе, но твердости академистовъ сломить имъ не удалось.

Несмотря на непрерывныя оскорбленья, на кровохарканье, воспаленье глазъ, простуду отъ „химическихъ обструкцій“ и отъ выставленныхъ въ морозъ оконъ [1]) академисты продолжали стойко ходить на лекціи. Зато у правительства явилось законное, непререкаемое основанье ввести въ стѣны высшихъ учебныхъ заведеній полицію, а насильниковъ высылать въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. Лѣвые профессора вздумали пугать правительство коллективной отставкой, но Министръ Народнаго Просвѣщенья не

---

[1]) Въ С.-Петербургскомъ Университетѣ былъ, наприм., въ январѣ 1910 года случай, когда студентовъ-академистовъ, слушавшихъ лекцію, забастовщики заперли въ аудиторіи снаружи на ключъ, а подъ дверь налили съ корридора жидкость, настолько сильно дѣйствующую, что съ нѣкоторыми сдѣлался обморокъ, у многихъ моментально началось кровохарканье. Пришлось выставить окно, несмотря на морозъ свыше 15 градусовъ.

испугался и принялъ отставку отъ тѣхъ, сравнительно немногихъ, кто ее подалъ. Остальные, цѣпко держась за свои многотысячные оклады, предпочли воздержаться отъ выполненія угрозъ.

Забастовка провалилась съ позоромъ, съ урономъ, еще небывалымъ. Занятія возобновились, весенніе экзамены прошли безпрепятственно, революціонному господству въ высшей школѣ былъ нанесенъ тяжелый, рѣшительный ударъ.

Весьма достопримѣчательно, однако, что въ тѣхъ крайне немногочисленныхъ высшихъ учебныхъ заведеньяхъ, гдѣ не было своего академическаго союза, напримѣръ въ Женскомъ Медицинскомъ Институтѣ, забастовка „удалась"— занятія совершенно прекратились и весенніе экзамены не состоялись.

Слѣдующій учебный годъ (вторая половина 1911 и первая 1912 г.), несмотря на всѣ старанья революціоннаго подполья, прошелъ вполнѣ спокойно. Отдѣльныя, совершенно ничтожныя революціонныя вспышки были сразу же подавлены самими студентами. Неудался и „бойкотъ назначенныхъ профессоровъ [1]). Зато въ мартѣ 1912 г., благодаря въ значительной мѣрѣ стараньямъ В. М. Пуришкевича и Г. Г. Замысловскаго, въ Петербургѣ состоялся прекрасно прошедшій первый Всероссійскій съѣздъ представителей академическихъ союзовъ. На съѣздѣ были студенты 19 высшихъ учебныхъ заведеній, пріѣхавшіе со всѣхъ концовъ Россіи, даже изъ Томска.

Всѣ они удостоились высокомилостивѣйшаго Высочайшаго пріема.

Между тѣмъ, какъ только въ высшихъ учебныхъ заведеньяхъ начались въ январѣ 1911 года, по поводу воспрещенья общестуденческихъ сходокъ, крупные безпорядки, такъ лѣвыя партіи Госуд. Думы немедленно выступили на поддержку забастовщиковъ со „спѣшными" запросами.

[1]) Хотя Министръ, по закону, имѣетъ полнѣйшее право назначить на открывшуюся вакансію не того профессора, который представленъ соотвѣтствующей профессорской коллегіей, но освободительные круги не замедлили объявить такія назначенія попраньемъ автономіи. Такъ какъ въ большинствѣ профессорскихъ коллегій кадеки располагали большинствомъ, то само собою понятно, насколько для нихъ было важно, чтобы на открывающіяся ваканціи попадали только тѣ, кого эти коллегіи выберутъ.

„Студенчеству, которое въ настоящее время сумѣло встать на защиту университетской автономіи“—заявилъ 5 февраля 1911 г. „первый подписавшій“ такой запросъ, трудовикъ Булатъ [1])—„сумѣло выразить протестъ противъ правительственнаго беззаконія, этому студенчеству я шлю мой привѣтъ и пожеланье въ этой борьбѣ выдержать до конца, пока оно одержитъ надъ вами побѣду *(рукоплесканья слѣва)*“.

„Я нисколько не за кулачную расправу—заявилъ въ той же рѣчи Булатъ по поводу избіенья забастовщикомъ-студентомъ профессора Ивановскаго—но я вполнѣ понимаю, что, когда молодежь, когда студенчество ставятъ въ такое безвыходное положенье, когда имъ нѣтъ возможности имѣть свободную науку въ свободномъ учебномъ заведеніи, имъ остается только поднять борьбу противъ всѣхъ угнетателей. Я понимаю, что, когда студенчество доведено до такого тяжелаго положенья, то болѣе неуравновѣшенныя натуры могутъ дойти до этого.

Я скажу болѣе: если профессора и правительство будутъ дальше вести такимъ образомъ политику въ учебныхъ заведеньяхъ, то вполнѣ можно ожидать, что повторятся и болѣе тяжелыя событія, которыя уже бывали въ университетахъ (*шумъ справа*).

Мы помнимъ и ректоровъ избитыхъ, мы знаемъ и министровъ *убитыхъ*, я вамъ говорю, что всегда, когда является насиліе, тогда является и *достаточный отпоръ*. Разъ вы хотите *этого отпора*, производите насилія, одобряйте насилія, производимыя правительствомъ“.

Такое подстрекательство и угрозы, довольно недвусмысленныя, не вызвали со стороны предсѣдателя даже замѣчанья.

Пренія по запросамъ о высшей школѣ дали возможность правымъ дополнить списокъ революціонныхъ безобразій нѣсколькими новыми фактами. Было подробно разсказано, какъ 21 февраля 1911 года, въ Томскомъ Технологическомъ Институтѣ, забастовщики, видя, что сломить сопротивленья академистовъ и провести забастовку имъ не по силамъ, *подожгли* институтъ, прибѣгнувъ для поджога къ сложному способу, требующему техническихъ познаній: въ цѣломъ рядѣ мѣстъ были развѣшены колбочки со спиртомъ, а къ нимъ проведены шнурки, пропитанные смѣсью фосфора съ сѣроуглеродомъ. По мѣрѣ быстраго испаренья сѣроуглерода, частицы фосфора, отлагаясь въ чистомъ видѣ,

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 4, ч. II, стр. 1346, 1347.

вспыхивали, шнуры перегорали, колбочки падали и моментально воспламеняющійся спиртъ, разливаясь, дѣлалъ тушенье очень затруднительнымъ. Въ Томскѣ для этого потребовался сборъ всѣхъ пожарныхъ частей. Одновременно вспыхнулъ пожаръ въ особомъ горномъ павильонѣ и въ университетѣ [1]).

Правыми, далѣе, было описано возникновенье академическаго союза въ Новоалександрійскомъ (Привислинскій край) институтѣ, въ октябрѣ 1910 г.: „члены новой корпораціи собрались въ особой аудиторіи, около которой сейчасъ же появилась толпа лѣвыхъ студентовъ, пожелавшихъ туда ворваться. Академисты заперли изнутри двери. Двери эти начали выламыватъ, но онѣ оказались настолько прочными, что выломать ихъ не могли. Тогда часть толпившихся около дверей лѣвыхъ студентовъ отправилась на сосѣдній газовый заводъ, съ этого завода взяли бревно и подъ руководствомъ товарища Гангесова начали бревномъ громить двери, какъ тараномъ. Послѣ третьяго удара двери сорвались съ петель и толпа поборниковъ свободы слова ворвалась въ аудиторію, гдѣ произошла свалка“ [2]).

Не менѣе яркимъ было изложенье событій, происшедшихъ въ декабрѣ 1910 въ Одессѣ. Тамъ, на многолюдномъ публичномъ балу, устроенномъ студентами академистами, лѣвые поборники „полной свободы собраній“ начали бросать колбочки, которыя, разбиваясь, наполнили весь залъ ѣдкимъ, удушливымъ дымомъ. У многихъ началось кровохарканье, другіе падали въ обморокъ. Только благодаря рѣдкой энергіи и спокойствію распорядителей, была предотвращена общая, массовая паника, которая, вслѣдствіе узкаго выхода изъ залы, идущаго стеклянной галлереей, неминуемо бы окончилась множествомъ человѣческихъ жертвъ [3]).

Оглашались и эпизоды „комическаго“ характера: въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ существуетъ студенческая финансовая комиссія, вѣдающая денежными дѣлами такъ же, какъ въ Горномъ Институтѣ вѣдала ими комиссія „фондовая“.

---

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 5, ч. I, стр. 642, 643.
[2]) Стеногр. отчетъ. Сессія 4, ч. III, стр. 412.
[3]) Стеногр. отчетъ. Сессія 4, ч. I, стр. 3332.

„Студенты лицея заявили протестъ, что значится выданнымъ пособіе нѣкоему Раковцу, а Раковецъ въ дѣйствительности никакого пособія не получалъ. Финансовая комиссія успокоила протестантовъ, что здѣсь нѣтъ никакого хищенья, что здѣсь просто „фикція“, нужная для революціонныхъ цѣлей, и вотъ для какихъ: отправлялась депутація на похороны Муромцева и издержки по отправкѣ депутаціи постановлено было принять на казенный счетъ, на счетъ казенныхъ стипендій и пособій; чтобы отсчитаться передъ казначействомъ, было выписано извѣстное пособіе Раковцу, но пошло оно вовсе не Раковцу, а тому, кто стоялъ во главѣ этой муромцевской депутаціи—іудею Либерману *(смѣхъ справа; голоса слѣва: чего обрадовались?* [1])“.

Перечень этотъ наглядно показываетъ, что правые, добившись широкой освѣдомленности во внутренней жизни высшей школы по Петербургу, затѣмъ наладили это дѣло по всей Россіи и, своевременно получая подробнѣйшій фактическій матеріалъ отовсюду, даже изъ Томска и Новой Александріи, заручились, такимъ образомъ, возможностью доказывать правильность своихъ выводовъ прежде всего путемъ широкаго сопоставленья.

Поведенье кадекской профессуры было освѣщено не менѣе ярко, чѣмъ подвиги революціоннаго студенчества. Судебные процессы ректора Новороссійскаго Университета Занчевскаго, проректора Васьковскаго и директора С.-Петербургскаго Политехническаго института князя Гагарина нарисовали въ отношеніи этой профессуры картину, не менѣе ошеломляющую [2]), чѣмъ въ отношеніи студенчества процессъ по Горному Институту.

В. М. Пуришкевичъ напечаталъ въ журналѣ „Прямой Путь“ (отъ 20 марта 1911 г.) и предъявилъ Госуд. Думѣ фотографическій снимокъ, снятый „въ дни революціи фотографомъ-любителемъ евреемъ Глускимъ (соц. дем.)“.

На снимкѣ князь Гагаринъ—среди студенческаго коаліціоннаго Комитета, въ составъ котораго вошли лишь лидеры партіи соціалистовъ-революціонеровъ, соціалъ-демократовъ и кадековъ. Ни одного безпартійнаго среди этой группы нѣтъ. Въ числѣ 17 членовъ комитета 7 соціалъ демокра-

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 4, ч: III, стр. 408.

[2]) Дѣло Занчевскаго и Васьковскаго академическимъ союзомъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института издано особою книгою подъ заглавіемъ „Революціонное гнѣздо“.

товъ, 4 соціалиста революціонера и 6 кадековъ. Евреевъ въ этой группѣ восемь.

Изъ числа сихъ „вождей передового студенчества" *оставлено при Институтѣ для подготовки къ профессорскому званью семь*—два соціалиста революціонера, четыре соціалъ демократа и одинъ кадекъ".

Еврейское засиліе также удалось установить непререкаемыми цифровыми данными. Напримѣръ, Г. Г. Замысловскимъ былъ оглашенъ [1]) оффиціальный списокъ студентовъ С.-Петербургскаго Политехническаго института пріема 1906 г. металлургическаго отдѣленья электрохимическаго подотдѣла. Въ спискѣ оказалось 55 человѣкъ. Изъ нихъ 28 іудеевъ, 6 поляковъ и 21 человѣкъ, принадлежащимъ „къ остальнымъ народностямъ, не исключая и русской"—согласно фразеологіи члена Думы октябриста Каменскаго.

„Изъ того, *кого* приняли—закончилъ Г. Г. Замысловскій—ясно, *кто* принялъ: принималъ тотъ, кто былъ связанъ съ жидами политическими векселями, кто принужденъ былъ по этимъ политическимъ векселямъ платить".

Приложенная правыми къ ихъ запросу богатая коллекція курсовъ и лекцій, читаемыхъ кадекскими профессорами-юристами, являла полное научное убожество и свидѣтельствовала о томъ, насколько беззастѣнчиво политическіе памфлеты выдвигались на мѣсто серьезныхъ ученыхъ трудовъ.

Теоретическая сторона вопроса, полное и преднамѣренное извращенье понятій „свободы науки" и „автономіи высшей школы"—извращенье, которымъ, однако, герои „освободительнаго движенья" сбиваютъ съ толку и завлекаютъ множество молодежи—были превосходно выяснены въ двухъ очень сильныхъ рѣчахъ В. А. Образцова [2]).

Въ запросной комиссіи, перевѣсомъ октябристскихъ голосовъ, большинство высказалось за принятіе запроса, внесеннаго правыми, и за отверженье запросовъ, внесенныхъ лѣвыми.

Это не помѣшало октябристамъ въ общемъ собраніи

---

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 4, ч. III, стр. 420.

[2]) Произнесены 29 февраля и 7 марта 1912 года. Напечатаны въ „Мирномъ Трудѣ" 1912 года № 3—4 и вышли отдѣльнымъ изданіемъ: „Подкупъ и провокація—источники университетскихъ безпорядковъ". Харьковъ, 1912 г.

Думы голосовать какъ разъ наоборотъ—за отверженье запроса правыхъ и за принятіе запросовъ, шедшихъ слѣва.

Впрочемъ, произошло сіе уже въ концѣ четвертой сессіи (весна 1911 г.), когда къ такимъ образчикамъ послѣдовательности „руководящаго центра" всѣ въ Думѣ настолько привыкли, что даже не считали нужнымъ это особо отмѣчать.

На запросы лѣваго крыла, поддержанные и принятые въ общемъ собраніи Думы голосами октябристовъ, Министръ Народнаго Просвѣщенья отвѣтилъ 8 февраля 1912 г. большою рѣчью, которая произвела огромное впечатлѣнье.

„Фактическая обоснованность—читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" [1])—тонкій юридическій анализъ, мѣткость сопоставленій и остроуміе, отъ добродушной шутки доходящее до ѣдкаго сарказма, спокойствіе и благородство тона, широта и возвышенность государственнаго пониманія —все это заставило и сторонниковъ, и противниковъ министра слушать его съ напряженнымъ, неослабѣвающимъ вниманіемъ добрыхъ полтора часа.

Юридическая сторона запроса, на который отвѣчалъ Л. А. Кассо, сводится къ утвержденію, что министръ, будто бы не имѣетъ права исключать студентовъ—на это управомоченъ-де только профессорскій дисциплинарный судъ. Равнымъ образомъ правительство не можетъ, будто бы, давать ректорамъ и директорамъ высшихъ учебныхъ заведеній указанія, въ какихъ предѣлахъ и по какимъ вопросамъ допустимы студенческія сходки,—это, молъ, „область свободнаго, безконтрольнаго и ничѣмъ не ограниченнаго усмотрѣнія со стороны выборнаго, автономнаго ректора".

Доказавъ полную закономѣрность дѣйствій правительства рядомъ ссылокъ на статьи дѣйствующаго закона и на историческое ихъ происхожденье, Л. А. Кассо привелъ многочисленные примѣры, что на протяженіи многихъ лѣтъ, издавна и до самаго послѣдняго времени, и министры, и попечители самыхъ разнообразныхъ направленій опредѣляли свою власть, свои отношенія къ начальству высшихъ учебныхъ заведеній именно такъ, какъ это опредѣляется правительствомъ теперь.

Указавъ на разницу между „исключеніемъ", какъ мѣрой болѣе строгою по сравненію съ „увольненіемъ", Л. А. Кассо сообщилъ о должностномъ донесеніи попечителя фонъ-Анрепа въ Министерство отъ 1902 г., гдѣ значится, что въ Технологическомъ институтѣ постановленіемъ профессорскаго учебнаго комитета (замѣнявшаго въ то время профес-

---

[1]) „Московскія Вѣдомости". 14 февраля 1912 года, № 36, Думскіе очерки.

сорскій дисциплинарный судъ) два студента за химическую обструкцію были подвергнуты увольненію. „Мною же,—пишетъ попечитель фонъ-Анрепъ,—предложено директору подвергнуть двухъ названныхъ студентовъ *исключенію* изъ учебнаго заведенія“.

Такимъ образомъ, въ бытность свою попечителемъ одинъ изъ главныхъ руководителей октябристовъ, фонъ-Анрепъ, нисколько не сомнѣвался, что правительству принадлежало то право, осуществленіе коего теперь октябристская партія вмѣнила министру въ вину, какъ „незакономѣрность“.

А вотъ что, по удостовѣренію министра, телеграфировалъ въ Министерство 28 февраля 1904 г. „одинъ изъ попечителей, засѣдающій теперь въ вашей средѣ“: „веденіе дѣлъ профессорскимъ судомъ по медленности производства можетъ оказаться крайне неблагопріятнымъ для правильнаго хода учебныхъ занятій и для возстановленія порядка“.

Которому изъ двухъ бывшихъ попечителей, состоящихъ нынѣ въ думской средѣ,—Алексѣенкѣ или фонъ-Анрепу—принадлежала эта телеграмма, министръ не указалъ, но затѣмъ, сославшись на донесеніе Харьковскаго попечителя отъ 5 декабря 1901 г., Л. А. Кассо сказалъ уже опредѣленно, что оно исходило отъ Алексѣенки.

„Начались уличные безпорядки,—сообщалъ тогда Алексѣенко,—и правленію университета, *подъ руководствомъ управляющаго округомъ*, выпала на долю задача оздоровить университетъ, *устранивъ* изъ него элементы безпорядка... Такого устраненія нельзя избѣжать, такъ какъ этого требуетъ благо большинства студентовъ“.

Описавъ рядъ аналогичныхъ случаевъ, относящихся, между прочимъ, и къ временамъ совсѣмъ недавнимъ, Л. А. Кассо оттѣнилъ, что ни разу ни университетское начальство, ни профессура, ни студенты не оспаривали, не сомнѣвались, что правительству, министру, принадлежатъ тѣ права, осуществленіе коихъ объявлено теперь въ принятомъ Думой запросѣ незакономѣрнымъ.

Сомнѣваться въ этихъ правахъ, дѣйствительно, весьма мудрено: „Если-бы считать учащихся не подлежащими увольненію, то получился бы такой контрастъ: члены профессорскаго суда, которые призваны судить студентовъ, могутъ быть уволены центральною властью, а подсудимые этихъ университетскихъ судей были бы несмѣняемы. Многимъ кажется, что когда учащіеся вносятъ аккуратно плату за ученье, то они пріобрѣтаютъ право на неприкосновенность. Въ законѣ этого нѣтъ. Расширительное толкованіе могло бы распространить это и на среднія и на низшія учебныя заведенія, вплоть до несмѣняемости воспитанниковъ дѣтскихъ садовъ“.

Не менѣе остроумно было описаніе того, какъ „предсѣ-

датель дисциплинарнаго суда“ тщетно ищетъ по университету составъ суда и не находитъ. „Я не говорю,—добавилъ Кассо,—о составѣ преступленія, котораго тоже онъ установить не въ состояніи“.

Этою безпомощностью дисциплинарнаго профессорскаго суда и вскрывается истинная сущность запроса. Если по мало-мальски серьезному дѣлу, выходящему за предѣлы „столкновенія двухъ студентовъ въ кондитерской“, дисциплинарному суду, по отсутствію у него слѣдственнаго аппарата, „приходится поневолѣ или оправдывать, или никогда не собираться“, то совершенно ясно, какой получится результатъ, если провозгласить этотъ судъ единственнымъ органомъ, имѣющимъ право налагать на студентовъ какія-либо взысканія. Такое провозглашеніе равносильно полнѣйшей безнаказанности всѣхъ забастовщиковъ и обструкціонистовъ. Къ этому, надо полагать, и гнули авторы запросовъ, внесенныхъ лѣвымъ крыломъ въ самый разгаръ прошлогоднихъ университетскихъ безпорядковъ—въ январѣ и февралѣ 1911 года. Тѣмъ непростительнѣе „тактика руководящаго центра“, который, имѣя въ числѣ своихъ наиболѣе видныхъ дѣятелей двухъ бывшихъ попечителей учебныхъ округовъ, поддержалъ въ общемъ собраніи своими голосами лѣвое крыло и добился весной 1911 года принятія подобныхъ запросовъ“.

Впрочемъ, въ рѣчи Министра находимъ нѣкоторыя косвенныя указанья и по этому вопросу. „Правительству вмѣняется въ вину *манія власти*“—сказалъ Л. А. Кассо.—„Манія—это болѣзнь, которая питается призраками. Манія власти чаще всего бываетъ у тѣхъ, которые не имѣютъ власти или потому, что они ея лишились, или потому, что они тщетно къ ней стремятся“.

Препья по поводу рѣчи Министра тянулись, съ перерывами, *три мѣсяца* и закончились 10 мая 1912 г. голосованьемъ „формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ“, предложенной А. И. Гучковымъ. Она объявляла дѣйствія правительства *незакономѣрными* и объясненія Министра неудовлетворительными.

Такой оборотъ дѣла повергъ въ окончательное смущенье ту часть октябристовъ, которая была неповинна въ „маніи власти“, не чувствуя ни тщетнаго къ ней стремленія, ни горечи ея утраты.

Въ высшей степени сдержанный и уравновѣшенный представитель Эстляндской губ., октябристъ баронъ Шил-

лингъ [1]), заявилъ съ думской каѳедры, что будетъ голосовать противъ формулы, предложенной лидеромъ партіи октябристовъ „по той причинѣ, что я лично признаю объясненья Министра Народнаго Просвѣщенья вполнѣ удовлетворительными“. Приведя тому рядъ строго юридическихъ соображеній, октябристъ баронъ Шиллингъ закончилъ:

„Смѣю васъ увѣрить, что число родителей, которые съ благодарностью привѣтствуютъ принятіе энергичныхъ мѣръ, благодаря которымъ удаляются изъ университетовъ тѣ, которые не только сами не занимаются, но и мѣшаютъ другимъ заниматься; мѣръ, благодаря которымъ не удалось и, дай Богъ, не удастся закрыть университетъ и превратить его въ арену митинговъ и забастовокъ и благодаря которымъ намъ, наконецъ, откроется возможность вновь отдать нашихъ дѣтей въ университетъ—увѣряю васъ, что число этихъ родителей далеко превышаетъ число тѣхъ, которые въ настоящее время порицаютъ дѣйствія нашего Министра“. *(Справа и на отдѣльныхъ скамьяхъ въ центрѣ рукоплесканья и голоса: браво)*“.

Голосованье вставаньемъ и сидѣньемъ дало *за* формулу Гучкова 103 голоса, *противъ* 101. При провѣркѣ голосованья выходомъ въ двери формула оказалась принятой большинствомъ 105 противъ 102, при девяти воздержавшихся. Среди октябристовъ выдѣлялся попечитель двухъ учебныхъ округовъ фонъ-Анрепъ, не только самъ голосовавшій „за формулу“, но и ревностно склонявшій къ тому смущенныхъ, колебавшихся и „раздѣлившихся на ся“ софракціонеровъ.

Такъ закончились въ третьей Думѣ запросы о высшей школѣ.

Крупная заслуга правыхъ въ этой области неоспорима. Ими были выяснены документально всѣ, до мельчайшихъ подробностей, отрицательныя стороны того революціоннаго засилія, которое водворилось въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеньяхъ. Эта изнанка, эта подноготная сразу развѣнчала и революціонныхъ героевъ студенчества и представителей освободительной профессуры. Вслѣдъ за вѣрнымъ „діагнозомъ болѣзни“, были указаны и совершенно правильныя мѣры ея леченія, до хирургической операціи включительно. Когда правительство стало, наконецъ, на путь именно этихъ мѣръ, то оно было поддержано правыми самымъ рѣшитель-

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 5, ч. IV, стр. 1092, 1093.

нымъ образомъ и въ Думѣ, и внѣ Думы. Разгромъ забастовочнаго движенья въ началѣ 1911 г. никогда не удался бы правительству въ такой мѣрѣ, если бы не было сильныхъ, сплоченныхъ академическихъ союзовъ. А союзы эти могли выросги и окрѣпнуть только благодаря постояннымъ заботамъ и усиліямъ правыхъ. Наконецъ, въ тотъ моментъ, когда по поводу принятыхъ правительствомъ энергичныхъ дѣйствій поднялся въ Думѣ неистовый вопль слѣва, правые опять таки, пользуясь огромною освѣдомленностью, которую они успѣли пріобрѣсти, сейчасъ же изобличали всѣ освободительныя искаженья и передержки. Ссылка тѣхъ, кто напоминалъ объ *избитыхъ* ректорахъ и *убитыхъ* министрахъ, на „свободу науки" и „неприкосновенность храмовъ науки"—эта обычная манера прикрыть, по масонскому образцу, весьма низменную и даже преступную сущность громкимъ, красивымъ лозунгомъ—немедленно выводилась правыми на чистую воду.

Въ приведенныхъ выше словахъ октябриста барона Шиллинга заключалась очень вѣрная мысль: многіе родители, стоящіе далеко отъ политики, вовсе не принадлежащіе къ лагерю правыхъ, можетъ быть, даже осуждающіе ихъ, въ угоду создаваемому жидовскими газетами „популярному общественному мнѣнью"—тѣмъ не менѣе облегченно вздохнули, убѣдясь, что въ высшей школѣ водворяется понемногу хоть внѣшній порядокъ и—если, по малодушію, не открыто, то въ душѣ—сказали за это большое спасибо правымъ. Дѣятельность именно ихъ въ вопросахъ высшей школы была вовсе не „партійной", а широко государственной.

Не слѣдуетъ обольщаться: до настоящаго оздоровленья русской науки и русскаго студенчества еще далеко, но то, что сдѣлано, уже очень важно и серьезно.

Эту дѣятельность правыхъ постарались, хотя и неневольно, оттѣнить своимъ поведеньемъ октябристы: долго они отмалчивались, колебались, не рѣшались и лишь въ концѣ пятаго, послѣдняго года думскихъ полномочій наконецъ собрались съ духомъ: лидеръ ихъ объявилъ незаконными какъ разъ тѣ мѣры правительства, которыми только и удалось возстановить порядокъ въ высшихъ учебныхъ заведеньяхъ. Объявилъ и... половина руководящаго центра

пошла за своимъ лидеромъ, половина противъ лидера, а девять наиболѣе осторожныхъ „воздержались“ вѣдь выборы въ четвертую Думу не за горами!

И эти люди претендовали на видную роль въ дѣлѣ государственнаго строительства!

Глава IX.

Судъ.

Въ области судебныхъ реформъ первое мѣсто и по важности и по объему принадлежало, безспорно, преобразованью мѣстнаго суда.

Соотвѣтствующій правительственный законопроектъ, самъ по себѣ неудовлетворявшій правыхъ, былъ думскою комиссіею перекроенъ такъ, что сталъ уже совершенно для нихъ непріемлемымъ.

Главное и, какъ тогда казалось, непримиримое разногласіе заключалось въ вопросѣ о волостномъ судѣ. Лѣвое крыло и центръ обрекали его на совершенное уничтоженье: всѣ дѣла, городскія и сельскія, отъ рубля и до тысячи, долженъ былъ вершить мировой судья, выбираемый на земскомъ собраньи [1]).

Противъ такой затѣи правые возражали самымъ рѣшительнымъ образомъ. Не отрицая недостатковъ волостного суда, они утверждали, что судъ этотъ необходимо *преобразовать*, но немыслимо *уничтожать*.

Если волостному суду не дано законовъ, по которымъ онъ могъ бы судить, если волостнымъ судьямъ не положено мало-мальски сноснаго жалованья, если должность эта поставлена такъ, что крестьяне получше, позажиточнѣе сплошь и рядомъ отъ нея всячески уклоняются, то немудрено, что волостной судъ плохъ. Однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что плоха самая *идея народнаго, близкаго деревнѣ суда*. Примѣромъ служатъ инородческіе суды нашей западной окраины. Имъ правительство давно сдѣлало то, что считалось до послѣдняго времени излишней роскошью для рус-

[1]) Кромѣ девяти западныхъ губерній, гдѣ мировые судьи назначаются правительствомъ. На Сибирь, Кавказъ, Привислинскій и Прибалтійскій край реформа не распространяется.

ской деревни. И гминные суды Привислинскаго края и волостные суды губерній Прибалтійскихъ снабжены и необходимыми, нарочно для нихъ выработанными, законами, и надлежащимъ жалованьемъ. И тѣ, и другіе суды дѣйствуютъ прекрасно. Ими чрезвычайно довольно и мѣстное населенье, и высшія судебныя установленія, и правительство. Русскому народному суду не дали, какъ слѣдуетъ, ни законовъ, ни жалованья и правый ораторъ имѣлъ всѣ основанія сказать въ Госуд. Думѣ:

„То ужасное положенье, въ которое вы поставили народъ, вы сваливаете на шею опять таки самого народа, вы въ этомъ вините не себя, а его *(справа рукоплесканья и голоса: браво)* и говорите: народъ судитъ по обычаю, поэтому судитъ безобразно, а поэтому надо уничтожить его суды и устранить его изъ суда" *(голоса справа: браво, правильно)* [1]).

Эти доводы въ защиту волостного суда правые подкрѣпляли тѣмъ соображеньемъ, что проектъ, дабы сохранить *близость* суда къ населенью, создавалъ, вмѣсто волостного суда, „странствующихъ" мировыхъ судей, обязанныхъ все время объѣзжать свой, далеко не маленькій, участокъ и разбирать дѣла „въ мѣстѣ ихъ возникновенья". Это неизбѣжное странствіе превратило бы, по мнѣнью правыхъ, судью въ „невидимку". Тяжущійся не зналъ бы, гдѣ застать судью, гдѣ онъ въ данный моментъ находится. Пришелъ бы разъ къ судьѣ въ камеру. Нѣтъ судьи, уѣхалъ. Пришелъ второй разъ. Опять его нѣтъ. Поневолѣ, съ каждымъ мелкимъ дѣломъ надо было бы обращаться къ адвокату. Исчезла бы та *дешевизна* суда для населенія, которая существуетъ благодаря волостному суду. Полчища адвокатовъ, которымъ уже голодно, уже тѣсно въ городѣ, двинулись бы на деревню и многіе милліоны переплатило бы имъ крестьянское населенье.

Всѣ крестьяне, входившіе въ составъ думской комиссіи судебныхъ реформъ, присоединились къ настояньямъ правыхъ, что волостного суда нельзя уничтожать, а надо преобразовать, и въ этомъ смыслѣ подали особое мнѣнье.

„Мы крестьянскіе депутаты—такъ заканчивается оно,—попавшіе въ комиссію по судебнымъ реформамъ, находимъ предлагаемый Думѣ законъ о реформѣ мѣстнаго суда очень

---

1) Стенографическій отчетъ. Сессія 3, ч. I, стр. 1175.

вреднымъ закономъ—въ этомъ, насколько намъ извѣстно—съ нами согласны всѣ крестьянскіе депутаты, и правые, и въ центрѣ, и лѣвые. Поэтому мы думаемъ, что и все многомилліонное русское крестьянство, мнѣнья котораго не потрудились спросить, признаетъ предлагаемый законопроектъ вреднымъ и подлежащимъ отклоненью".

Тѣмъ не менѣе, комиссія судебныхъ реформъ упорно стояла на своемъ и всѣ проекты преобразованья волостного суда отклонила даже безъ разсмотрѣнья по существу. Тоже повторилось и въ общемъ собраньи Думы, гдѣ, во время преній, торжествующе подчеркивалось съ кафедры, что „мы присутствуемъ при окончательныхъ похоронахъ волостного суда".—„Ну, это мы еще посмотримъ"—сказалъ тогда съ мѣста В. М. Пуришкевичъ.

Были введены Думою въ законопроектъ и другія затѣи, недопустимыя съ точки зрѣнья правыхъ: мѣстный языкъ тамъ, гдѣ есть смѣшанное, инородческое населенье; правила объ иновѣрческой присягѣ на судѣ, противорѣчащія господствующему положенью Православной Церкви; допущеніе въ судьи евреевъ.

Думская комиссія судебныхъ реформъ предполагала и еще одно измѣненье: по дѣйствующему закону, іудеи принимаются въ число присяжныхъ повѣренныхъ лишь съ особаго на каждый разъ разрѣшенья Министра Юстиціи. Отказъ его никакому обжалованью не подлежитъ. Это стѣснительное для іудеевъ правило, изложенное въ примѣчаніи къ 380 статьѣ Учрежденья Судебныхъ Установленій, было обречено комиссіей на уничтоженье. Надо замѣтить, что вопросъ о томъ, кто можетъ и кто не можетъ быть *присяжнымъ повѣреннымъ*, вовсе не входилъ въ область реформы мѣстнаго суда, ибо присяжные повѣренные состоятъ не при Мировыхъ Судьяхъ или Мировыхъ Съѣздахъ, а при Окружныхъ Судахъ, слѣдовательно, и касаться этого вопроса при обсужденіи правительственнаго законопроекта о *мѣстномъ* судѣ—комиссія не имѣла даже формальнаго права.

Но и судебная комиссія, въ составѣ которой было 17 адвокатовъ, и общее собранье Думы питало къ адвокатамъ такое „влеченье, родъ недуга", что „примѣчанью къ 380 статьѣ", конечно, не сдобровать бы, если бы за него не вступилось на сей разъ весьма энергично, правительство въ лицѣ

Товарища Министра Юстиціи, А. Н. Веревкина. Тогда, чтобы „не создавать осложненій“, октябристы отъ покушеній на знаменитое примѣчанье, какъ выходящее изъ рамокъ мѣстнаго суда, отказались. Но все остальное,—и мѣстные языки, и иновѣрческая присяга, и допущенье іудеевъ въ судьи—несмотря на самыя энергичныя возраженья справа [1]), были приняты большинствомъ, составившимся изъ лѣваго крыла и октябристовъ.

Прикрыта была реформа, по обыкновенью, громкимъ, „популярнымъ“ лозунгомъ: о необходимости ввести въ Россіи для всѣхъ „равный судъ“.

По этому поводу въ „особомъ мнѣніи“ крестьянъ читаемъ:

„Намъ говорили въ комиссіи, что новый законъ—благодѣяніе для крестьянъ, что этимъ закономъ создается судъ, равный для всѣхъ, но не сочли нужнымъ спросить благодѣтельствуемыхъ, хотятъ ли они такихъ благодѣяній, а что касается равенства, то какое же это равенство, когда крестьянъ судить будетъ судъ выборный, а попасть въ судьи крестьянину нельзя“.

Государственный Совѣтъ, разумѣется, кореннымъ образомъ переработалъ издѣлье нашихъ парламентаріевъ: была включена статья, недопускающая въ судьи іудеевъ, постановленья о мѣстномъ языкѣ и иновѣрческой присягѣ упразднены, а, главное, возстановленъ волостной судъ и правила, преобразующія и чрезвычайно улучшающія его теперешнее состоянье, изложены въ особомъ уставѣ изъ 96 статей—такимъ образомъ, Госуд. Совѣтомъ было сдѣлано, въ общемъ, именно то, чего тщетно добивались правые при первоначальномъ прохожденіи законопроекта въ Думѣ.

Однако, хотя главныя основанья, заставлявшія правыхъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возражать противъ реформы, отпали, но нѣкоторыя сомнѣнья еще остались.

Такъ, самая идея выборнаго мирового института далеко не была безспорной. Передача выборовъ *судей* въ земскія собранія, такъ часто являющіяся, къ сожалѣнью, ареною политической борьбы, представлялась довольно рискованной. Наконецъ, возникало опасенье, что едва ли удастся найти

[1]) Приведенныя выше, въ главѣ „о народности“.

по выборамъ внушительную армію въ четыре тысячи хорошихъ, опытныхъ судей.

Хотя соображенья эти представлялись недостаточными, чтобы отвергать, „проваливать" всю реформу цѣликомъ, но они заставляли относиться къ преобразованью съ извѣстной сдержанностью, смотрѣть на него, какъ на такой шагъ, который, можетъ быть, удастся, но можетъ быть и не удастся.

Далѣе, новый уставъ изъ 96 статей о реформѣ волостного суда, уставъ, въ разработкѣ котораго Дума рѣшительно никакого участья не принимала, также, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, вызывалъ у правыхъ возраженья. Не отрицая огромныхъ улучшеній, чрезвычайнаго упорядоченья, которое вносилось въ волостное правосудіе проектомъ Государ. Совѣта, правые, тѣмъ не менѣе, находили, что такіе сложные вопросы, какъ волостная подсудность, организація для волостныхъ судовъ апелляціонной инстанціи, ранѣе не существовавшей, въ видѣ верхнихъ сельскихъ судовъ [1]), предѣлы власти Мировыхъ судей и Мировыхъ Съѣздовъ въ отношеніи судей, предсѣдателей и писарей волостного суда —все это вызываетъ рядъ замѣчаній, требующихъ подробнаго, тщательнаго комиссіоннаго разсмотрѣнья.

Что касается лѣваго крыла, то насколько оно стояло за реформу мѣстнаго суда въ первоначальной, думской редакціи, настолько теперь сдѣлалось непримиримымъ противникомъ реформы, какъ только убѣдилось, что *затѣя уничтожить народный, крестьянскій судъ осуществиться не можетъ*.

Но достопримѣчательнѣе всего было поведенье октябристовъ. Сначала, какъ уже сказано, они и слышать не хотѣли ни о какомъ преобразованіи волостного суда, требуя полнаго, совершеннаго его уничтоженья. Прохожденье

[1]) По проекту Госуд. Совѣта каждое дѣло, рѣшенное волостнымъ судомъ, подлежитъ апелляціонному обжалованью въ верхній сельскій судъ, гдѣ предсѣдателемъ состоитъ мѣстный Мировой Судья, а членами—всѣ предсѣдатели волостныхъ судовъ даннаго мирового участка. Въ засѣданіи участвуютъ двое изъ этихъ предсѣдателей, по очереди, за исключеньемъ того, который рѣшалъ данное дѣло въ первой инстанціи. Дѣлопроизводствомъ завѣдуетъ письмоводитель Мирового Судьи. Мировой Судья имѣетъ въ отношеніи волостныхъ судей право надзора, ревизіи, возбужденья дисциплинарной отвѣтственности. Онъ же назначаетъ писарей волостного суда.

реформы въ Госуд. Совѣтѣ показало „руководящему центру“ съ полной очевидностью, что надо выбирать одно изъ двухъ: или согласиться съ измѣненьями, внесенными Государ. Совѣтомъ, или обречь весь законопроектъ на полное отклоненье, цѣликомъ.

Казалось бы, принципіально убѣжденные люди, все время твердившіе, что волостные суды есть зло, которое надо вырвать съ корнемъ, въ *такомъ вопросѣ* на компромиссъ, на соглашенье идти никоимъ образомъ не могли бы. Вѣдь это не какая нибудь второстепенная подробность, а краеугольный камень, исходная точка всего преобразованья. Вмѣсто того, чтобы уничтожить народные суды—закрѣпить ихъ.

Таковы были требованья принципа, убѣжденья.

Но соображенья партійной выгоды и предвыборной кампаніи говорили другое.

Былъ на исходѣ пятый годъ дѣятельности третьей Думы, приближался конецъ думскихъ полномочій.

Какія крупныя, широкія реформы были результатомъ ея трудовъ?

Дума одобрила земельный законъ, но онъ введенъ въ дѣйствіе гораздо раньше, помимо Думы.

Законы о Финляндіи, о Холмщинѣ для октябристской избирательной кампаніи въ центральныхъ губерніяхъ мало пригодны.

А что же еще?

И вся тяжесть обвиненій несомнѣнно—и вполнѣ заслуженно—падетъ на ту партію, которая такъ много кричала о своей „руководящей“ роли, а на выборы пришла съ пустыми руками...

Сіи печальныя размышленья оказались куда сильнѣе голоса „принципа“, „убѣжденности“. И докладчикъ законопроекта о мѣстномъ судѣ, онъ же предсѣдатель думской комиссіи судебныхъ реформъ, октябристъ Шубинской съ отмѣнной храбростью начисто отказался отъ того, на чемъ раньше такъ горячо настаивалъ: онъ, а за нимъ и „парламентская фракція союза 17 октября“, уступили Госуд. Совѣту по всѣмъ пунктамъ разногласія.

Куда дѣвалось знаменитое „сосчитыванье“ съ Государ. Совѣтомъ, задорныя заявленья о его „немощи“ и „безсиліи“, объ этихъ „жалкихъ потугахъ людей отжившаго строя“...

Но столь рѣзкій переходъ отъ грубой заносчивости, граничившей съ бранью, къ поспѣшному и безпрекословному послушанью поставилъ въ очень тяжелыя условія дѣловую, законодательную работу Думы: передъ ней оказался совершенно новый, не бывшій на ея разсмотрѣніи, большой, сложный и спорный проектъ о коренномъ преобразованіи волостного суда, который октябристы желали сразу разсматривать въ общемъ собраніи Думы.

Согласительная комиссія закончила свои занятія 26 апрѣля 1912 г.; труды ея, обширное „согласительное заключенье", вышли изъ печати и были розданы членамъ Думы 12 мая, а 16 мая вопросъ уже стоялъ на думской повѣсткѣ и Дума приступила къ преніямъ по существу.

Правые, еще за нѣсколько дней, не скрывали своего мнѣнья, что проектъ новыхъ правилъ о волостномъ судѣ надо подвергнуть предварительному разсмотрѣнью въ думской комиссіи. Пускать его сразу въ общее собранье, безъ комиссіоннаго обсужденья, значило бы, по ихъ мнѣнью, проявить крайне легкомысленное и поверхностное отношенье къ вопросу первостепенной государственной важности.

„Мы всегда относились—заявилъ по этому поводу съ думской кафедры Г. Г. Замысловскій[1])—съ уваженьемъ къ Госуд. Совѣту, всегда высоко ставили его авторитетъ, но съ другой стороны, мы не желали творить изъ него себѣ кумира; мы не желали и не желаемъ безъ всякаго разсмотрѣнья ставить штемпеля на то, что предлагается Государ. Совѣтомъ. А та партія, которая сидитъ посрединѣ, она именно въ этомъ вопросѣ была *крайней* партіей, потому что сначала шумно, крикливо, рекламно говорила по адресу того законодательнаго учрежденья, съ которымъ мы призваны сотрудничать, невозможнѣйшія вещи, брань, злословіе, а потомъ перешла къ другой крайности и желаетъ безъ всякаго разсмотрѣнья огуломъ ставить штемпеля на то, что предлагаетъ Госуд. Совѣтъ.

У насъ, правыхъ цѣлый рядъ сложныхъ поправокъ, которыхъ нельзя разбирать въэтомъ суммарномъ разсмотрѣніи.

Секундомѣръ хорошъ на бѣгахъ, но при разсмотрѣніи дѣлъ государственной важности нужно нѣчто, кромѣ секундомѣра".

Октябристамъ, однако, въ данномъ случаѣ былъ важенъ, именно, секундомѣръ. Чѣмъ тщательнѣе и подробнѣе

---

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 5, ч. IV, стр. 1526, 1679.

стали бы разбирать постановленья, внесенныя въ законопроектъ Госуд. Совѣтомъ, тѣмъ нагляднѣе и очевиднѣе стала бы выясняться полная перемѣна октябристскаго фронта, сдача ими всѣхъ первоначальныхъ позицій, а сіе, разумѣется, главарямъ „руководящей фракціи“ не могло доставить удовольствія [1]).

Вотъ почему вполнѣ естественное и разумное заявленье о необходимости разсмотрѣть согласительное заключенье сначала въ думской комиссіи, а затѣмъ уже въ общемъ собраніи, было объявлено Гучковымъ и его „политическими друзьями“ попыткой обструкціи, а такъ какъ на предварительномъ комиссіонномъ разсмотрѣніи настаивали не только правые, но и лѣвые, то октябристы завопили о „противоестественномъ красно-черномъ блокѣ, который составляетъ проклятіе страны и мѣшаетъ прохожденью насущныхъ, неотложныхъ реформъ“.

Все то же стремленье, не церемонясь съ истиной, валить съ больной головы на здоровую!

Политическій „блокъ“ основанъ на соглашеніи, на договорѣ. Ни въ какіе договоры и соглашенья правые съ лѣ-

---

[1]) Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ образчиковъ этой перемѣны фронта, воспроизведенный въ думской рѣчи Г. Г. Замысловскаго: „въ статьѣ 69 выработанныхъ Госуд. Совѣтомъ правилъ о волостномъ судѣ сказано, что присяжные повѣренные въ волостной судъ не допускаются. Г. докладчикъ по сему поводу поднялъ въ согласительной комиссіи цѣлую бурю; онъ заявилъ, что это выраженіе недовѣрія присяжной адвокатурѣ, что это немыслимо, что присяжная адвокатура заслуживаетъ лучшаго отношенія, заслуживаетъ большаго довѣрія, и что недопущеніе ея въ волостной судъ—такой актъ въ отношеніи присяжной адвокатуры, съ которымъ онъ, присяжный повѣренный Шубинскій, помириться не можетъ. Мы всѣ, и правые, и члены оппозиціи, бывшіе въ согласительной комиссіи, свидѣтели, какъ горячо тогда говорилъ уважаемый Н. П. Шубинскій. Однако, въ согласительномъ заключеніи мы читаемъ: три члена оппозиціи настаивали на томъ, чтобы въ волостной судъ была допущена адвокатура, а всѣ остальные, *въ томъ числѣ и членъ согласительной комиссіи, членъ Государственной Думы присяжный повѣренный Шубинской*, находятъ, что ее туда пускать не слѣдуетъ. (*Шумъ; смѣхъ справа*). Къ сему приложены мотивы, заканчивающіеся фразой: „поэтому допущеніе въ волостной судъ повѣренныхъ представляется нежелательнымъ“. Лица, не читавшія доклада,—а такихъ огромное большинство—благоволятъ найти сіе на стр. 26“. Стенографическій отчетъ. Сессія 5, часть IV, стр. 1676.

выми никогда не вступали и октябристамъ было прекрасно объ этомъ извѣстно.

Комиссіонное разсмотрѣнье, начавшись 16 мая, нисколько бы не помѣшало окончить обсужденье всей реформы въ общемъ собраніи къ 9 іюня—день роспуска Думы. При желаніи, при серьезномъ отношеніи къ дѣлу времени бы вполнѣ хватило.

„Насущность, спѣшность и неотложность“—все это было лишь красивой фразеологіей. Осуществленье реформы послѣдуетъ лишь по особому законопроекту о „введеніи въ дѣйствіе“ новаго мѣстнаго суда, законопроекту, требующему сложныхъ и кропотливыхъ исчисленій о „штатахъ“, о томъ, сколько судей на какой раіонъ нужно, въ зависимости отъ разстояній и количества дѣлъ.

Если четвертая Дума будетъ иного политическаго состава, чѣмъ третья, то она отвергнетъ этотъ законопроектъ о введеніи въ дѣйствіе по несогласію своему съ организаціей того мѣстнаго суда, который будетъ вводиться.

Если же четвертая Дума окажется приблизительно такою же, какъ третья, то ничто не помѣшаетъ ей одобрить, въ очень непродолжительный срокъ, не только законопроектъ о „введеніи въ дѣйствіе“, но и самую реформу мѣстнаго суда, по которой всѣ предварительныя работы закончены и мнѣнье Госуд. Совѣта уже извѣстно.

Такимъ образомъ, на повѣрку, всѣ эти жупелы о „проклятіи страны“ сводились къ не лишенному ловкости партійному маневру, которымъ затушевывалось то „пиковое положенье“, въ которое попали октябристы.

На голосованіи большинство, составившееся изъ октябристовъ, націоналистовъ и польскаго коло (!?) постановило вопроса на предварительное комиссіонное разсмотрѣнье не передавать и приступить къ непосредственному обсужденью его въ общемъ собраньи Думы.

Ради прикрытія собственной безпринципности, октябристы лишили тѣхъ членовъ Думы, которые смотрѣли на волостной судъ не какъ на „неизбѣжное зло“, а какъ на благо, неотъемлемаго ихъ права на то предварительное, всестороннее обсужденье, безъ котораго ни серьезное улучшенье предлагаемыхъ законодательныхъ мѣръ, ни даже

просто сознательное къ нимъ отношенье представлялись невозможными!

Тогда, признавая реформу хотя и далекой отъ совершенства, но, въ переработкѣ Госуд. Совѣта, все же въ общемъ пріемлемой, правые голосовали за всѣ, внесенныя имъ измѣненья, которыя и были приняты голосами всего праваго крыла и центра противъ лѣваго крыла.

Этимъ же большинствомъ былъ одобренъ весь законопроектъ въ цѣломъ.

Единственное отступленье заключалось въ принятомъ Думою, по предложенью правыхъ крестьянъ, нѣкоторомъ увеличеніи содержанья волостного суда по сравненью съ тѣмъ, что опредѣлилъ Госуд. Совѣтъ.

Въ конечномъ итогѣ было постановлено въ волостныхъ судахъ перваго разряда отпускать *изъ средствъ государственнаго казначейства*, (а не изъ мірскихъ суммъ, какъ теперь), предсѣдателю—480 рублей въ годъ, писарю (должность эта съ должностью *волостного* писаря не можетъ быть совмѣщаема)—360 руб., каждому судьѣ—120 рублей. Канцелярскихъ—не менѣе 75 руб... Въ судахъ второго разряда предсѣдателю—360 руб., писарю—300, судьямъ по 100 руб. Канцелярскіе тѣ же.

Госуд. Совѣтъ не возражалъ.

Въ такомъ видѣ законопроектъ удостоился Высочайшаго утвержденья.

Другою первостепенною, хотя, конечно, далеко не столь важною реформою могъ бы быть законопроектъ объ измѣненіи порядка отвѣтственности, гражданской и, особенно, уголовной, должностныхъ лицъ. Къ сожалѣнью и здѣсь октябристы, при помощи лѣваго крыла снабдили правительственный текстъ такими „поправками“, которыя сдѣлали все преобразованье очевидно непріемлемымъ и для правительства и для Госуд. Совѣта. Послѣдній, впрочемъ, къ разсмотрѣнью дѣла въ общемъ собраніи пока еще не приступалъ.

Далѣе, Госуд. Думою одобренъ, въ области судебныхъ реформъ, длинный рядъ законопроектовъ, полезныхъ, имѣвшихъ существенное значенье, но не возбуждавшихъ острыхъ разногласій *политическаго* свойства.

По нѣкоторымъ изъ этихъ преобразованій вовсе не было сомнѣній и споровъ, а по другимъ хотя пренія и воз-

гарались, но преимущественно дѣлового, техническаго характера. Политическая сторона или вовсе отсутствовала, или не представляла широкаго, принципіальнаго интереса. Наиболѣе существенными представляются здѣсь законы о правѣ застройки, объ авторскомъ правѣ, объ увеличеніи содержанья чинамъ судебнаго вѣдомства, о порядкѣ учрежденья опекъ надъ сельскими обывателями за расточительность и пьянство, и др. [1]).

Совсѣмъ иначе отнеслись правые къ нѣкоторымъ законопроектамъ, внесеннымъ Министерствомъ Юстиціи въ первые же дни думскихъ занятій и встрѣченнымъ горячимъ сочувствіемъ въ освободительномъ лагерѣ. Законопроекты эти, представлявшіе какъ бы законченный кругъ, циклъ, всѣ имѣли своею исключительною цѣлью съ одной стороны ослабленіе уголовной наказуемости, репрессіи,—съ другой расширенье правъ арестантовъ и ихъ защитниковъ, адвокатовъ.

Таковы были законопроекты о досрочномъ освобожденіи, объ условномъ осужденіи, объ „измѣненіи порядка преданья суду"—причемъ въ число измѣненій входилъ допускъ защитниковъ, адвокатовъ въ эту стадію процесса, и наконецъ введенье защиты на предварительномъ слѣдствіи.

Противъ подобныхъ преобразованій правые, разумѣется, возстали.

Они находили, что уголовную репрессію надо не ослаб-

---

[1]) Назовемъ еще нѣкоторые, менѣе важные: удлиненіе предѣльнаго срока найма недвижимыхъ имуществъ; о порядкѣ веденья крѣпостныхъ книгъ; о публикаціяхъ по судебнымъ и административнымъ дѣламъ; о сношеніи суда съ тяжущимися черезъ почту; объ отмѣнѣ прокурорскаго заключенья по нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ; о разъясненіи присяжнымъ засѣдателямъ угрожающаго подсудимому наказанья; объ измѣненіи уголовной отвѣтственности за бродяжество; о мѣрахъ пресѣченья торга женщинами въ цѣляхъ разврата; о выдачѣ преступниковъ—этотъ законъ ограниченъ строго формальными рамками, такъ какъ все существо вопроса является предметомъ международныхъ конвенцій. Объ уравненіи въ правахъ наслѣдованья лицъ мужскаго и женскаго пола. Хотя здѣсь возникъ вопросъ, имѣющій политическій характеръ, о дробленіи родовыхъ недвижимостей. О введеніи присяжныхъ засѣдателей въ губерніяхъ Вологодской, Архангельской и нѣкоторыхъ сибирскихъ, объ учрежденіи нѣкоторыхъ новыхъ судовъ и объ усиленіи штатовъ въ уже существующихъ и др.

лять, а усиливать. Когда деревня стонетъ отъ безсудья и хулиганства, когда среди городского населенья преступность растетъ съ ужасающей быстротою, когда вся система наказаній въ корнѣ расшатана, когда уголовныя кары не устрашаютъ и не исправляютъ, а съ думской кафедры [1]) раздаются кадекскія заявленья что тюрьма „сдѣлалась учрежденьемъ, въ которомъ отбываютъ наказанье во многихъ случаяхъ лучшіе сыны родины"—въ такое время идти еще дальше по пути ослабленья репрессій, это значило, по мнѣнью правыхъ, играть въ руку революціи.

Равнымъ образомъ, у правыхъ не было чувства нѣжности и къ адвокатскому сословію. Правые находили, что современная адвокатура, въ огромномъ большинствѣ, далеко отошла отъ своихъ настоящихъ задачъ и обязанностей. „Содѣйствіе правосудію" превратилось въ стремленіе „выиграть процессъ" и добиться оправданья во что бы то ни стало; пріемы, пускаемые для этого въ ходъ, были сплошь и рядомъ болѣе чѣмъ сомнительнаго характера. Іудейское засиліе въ адвокатурѣ повело, во-первыхъ, къ изумительному паденью нравовъ, а, во-вторыхъ, къ яркой „освободительной" окраскѣ этого сословія.

При этихъ условіяхъ расширять права адвокатовъ, пускать ихъ, напримѣръ, въ область предварительнаго слѣдствія, гдѣ раскрытіе дѣла, успѣхъ розысковъ такъ часто зависятъ отъ соблюденья строжайшаго секрета—значило, по убѣжденью правыхъ, дѣлать вредное, противогосударственное дѣло.

Изъ перечисленныхъ четырехъ законопроектовъ первый, о досрочномъ освобожденіи, ставшій нынѣ уже закономъ, имѣлъ ту хорошую сторону, что вводимое имъ ослабленье наказанья, являясь наградою за примѣрное, безупречное поведенье въ тюрьмѣ, могло способствовать укрѣпленью дисциплины, совершенно павшей въ мѣстахъ заключенья. У тюремнаго начальства, отъ котораго зависѣло представить или не представить арестанта къ досрочному освобожденью, являлось новое и при умѣломъ пользованіи довольно сильное оружіе для поддержанья порядка.

Тѣмъ не менѣе, правые, „не возражая противъ основ-

---

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 5, ч. IV, стр. 1726.

ной мысли законопроекта и признавая теоретически правильными общія мысли, положенныя въ основанье этого закона"—голосовали противъ него, ибо,—какъ гласило заявленье ихъ, прочитанное съ думской кафедры 4 марта 1908 г. графомъ А. А. Бобринскимъ [1])—„убійства, экспропріаціи и тяжкія политическія преступленья всякаго рода въ Россіи не прекращаются, приводя мирное населенье въ ужасъ и отчаянье. При такихъ условіяхъ, смягченье наказаній, въ какой бы формѣ оно ни выразилось, въ настоящее время недопустимо". Далѣе слѣдовали дополнительныя соображенья о невозможности организовать за досрочно освобожденными надлежащій надзоръ при несовершенствѣ нашей полиціи и маломъ распространеніи попечительныхъ о тюрьмахъ обществъ (патронатовъ).

Гораздо больше возраженій со стороны правыхъ вызвалъ другой законопроектъ того же „цикла"—объ „условномъ осужденіи". Въ немъ отсутствовала та хорошая сторона, которую представлялъ законопроектъ о досрочномъ освобожденіи, и гораздо рѣзче были выдвинуты тѣ отрицательныя стороны, съ которыми правые не могли примириться.

Согласно проекту, докладчикомъ коего выступилъ кадекъ Аджемовъ, и суду коронному, и присяжнымъ засѣдателямъ предоставлялось въ широкихъ предѣлахъ право, признавъ подсудимаго виновнымъ, вынеся ему обвинительный приговоръ, освобождать его, тѣмъ не менѣе, отъ наказанья и мирно отпускать домой, съ учрежденьемъ лишь за нимъ надзора. Если оказывалось, что такой поднадзорный велъ себя предосудительно, то „отсроченное" наказанье, къ которому онъ былъ ранѣе присужденъ, могло быть приведено въ исполненіе.

Важное значенье имѣлъ здѣсь вопросъ о „тунеядствѣ и праздности", какъ обстоятельствѣ отягчающемъ, не допускающемъ уже примѣненія „условнаго" осужденья.

Такимъ образомъ, ослабленье уголовной репрессіи было выражено въ одной изъ наиболѣе вредныхъ формъ. Русскій простой народъ—утверждали ораторы справа [2])—никогда не пойметъ закона, въ силу котораго преступникъ, котораго только что изобличили и обвинили, которымъ причиненъ

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 1, ч. II, стр. 215.
[2]) Стенографическій отчетъ. Сессія 3, ч. I, стр. 692 и слѣд.

въ деревнѣ огромный вредъ, возвращается изъ суда, освобожденный отъ наказанья, по той же дорогѣ, тутъ же рядомъ, въ сосѣдней ближайшей таратайкѣ съ тѣмъ, кого онъ ограбилъ, сжегъ, обокралъ. „Это создастъ недовѣріе къ суду, озлобленье противъ суда, т. е. именно то, что нужно революціоннымъ элементамъ: раздоръ между властью и населеньемъ“ *(голоса справа: правильно, вѣрно)*. Конечно, бываютъ исключительные случаи, когда человѣкъ, дотолѣ безупречный, вовлеченъ въ преступленье стеченьемъ несчастныхъ обстоятельствъ. Такіе люди достойны всякаго сожалѣнья и состраданья, но положенье ихъ и по закону, дѣйствующему нынѣ, вовсе не безнадежно, ибо они могутъ быть *помилованы* Высочайшею властью“.

„Надзоръ“ за условно освобожденными, конечно, будетъ только на бумагѣ. Если же устраивать его какъ слѣдуетъ, при нашихъ разстояньяхъ и плохой регистраціи населенья, то потребуются очень крупныя суммы, которыя падутъ не на „условно-освобожденныхъ“ воровъ и грабителей, а на тѣхъ честныхъ и мирныхъ людей, которыхъ они ограбили и обворовали. Точно также изслѣдованье по каждому дѣлу вопроса о „тунеядствѣ и праздности“ потребуетъ отъ судебныхъ властей такого дополнительнаго труда, что немедленно же придется „увеличивать штаты“ съ отпускомъ на сіе новыхъ и новыхъ ассигнованій.

Доводы эти, однако, нашихъ парламентаріевъ не убѣдили; законопроектъ голосами центра и лѣваго крыла былъ принятъ. Но зато Госуд. Совѣтъ отвергъ его цѣликомъ и начисто, безъ какихъ либо согласительныхъ комиссій и даже безъ перехода къ постатейному чтенью.

Та же участь, только не въ столь рѣзкой формѣ, постигла и реформу порядка преданья суду.

Какъ уже упомянуто, преобразованье это заключалось не только въ допущеніи туда адвокатовъ, но и въ другихъ измѣненьяхъ, противъ которыхъ правые не возражали.

Госуд. Совѣтъ, признавъ эти измѣненья полезными, допущенье адвокатовъ, однако, отвергъ, вслѣдствіе чего дѣло поступило въ согласительную комиссію, гдѣ каждая сторона осталась при своемъ мнѣніи и соглашенья не послѣдовало.

Въ общемъ собраньи Думы большинство, составившееся

изъ центра и лѣваго крыла, тоже на уступки не пошло, напротивъ, членъ Думы Шубинской[1]) предпринялъ одинъ изъ опытовъ „сосчитыванья“ съ Госуд. Совѣтомъ, всячески вышучивалъ его дѣятельность и сравнивалъ съ „новшествами“, введенными однимъ предсѣдателемъ земской управы изъ „отжившихъ чиновниковъ“, котораго скоро „смели событія“. А новшества состояли, по словамъ Шубинскаго, лишь въ томъ, что сей бюрократъ ввелъ слова: „оному“, „сему“ и „поелику“.

Невзыскательная думская публика тогда много смѣялась.

Впослѣдствіи, черезъ полтора года, при прохожденіи вернувшагося изъ согласительной комиссіи въ корнѣ переработаннаго Госуд. Совѣтомъ законопроекта о мѣстномъ судѣ, правые напомнили объ этихъ издѣвательствахъ Шубинскому, но уже ни слѣва, ни изъ центра смѣха не было. Въ данномъ случаѣ оказалась вполнѣ примѣнимою французская пословица: „хорошо смѣется тотъ, кто смѣется послѣдній“.

Впрочемъ, и въ первый разъ, эффектъ, произведенный Шубинскимъ, былъ нѣсколько испорченъ рѣчью говорившаго непосредственно передъ нимъ Ф. Ф. Тимошкина, который закончилъ не безизвѣстными стихами:

„И сорвавъ гонораръ неумѣренный
Восклицалъ мой присяжный повѣренный:
„Передъ вами стоитъ гражданинъ
Чище снѣга альпійскихъ вершинъ“.

Не лишнее добавить, что участье адвокатуры во время преданья суду было, по законопроекту, поставлено такъ, что, въ дѣйствительности, составило бы привиллегію только богатыхъ подсудимыхъ.

Когда Дума отъ этого участья не отказалась, то Государственнымъ Совѣтомъ, за разномысліемъ, весь законопроектъ о реформѣ порядка преданья суду былъ отвергнутъ.

Еще нѣсколько ранѣе самимъ Министромъ Юстиціи было взято обратно „введенье защиты на предварительномъ слѣдствіи“.

Такимъ образомъ, и въ этомъ важномъ принципіаль-

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 4, ч. I, стр. 2889—2901.

номъ вопросѣ правые, въ конечномъ результатѣ, отстояли свои позиціи, свою точку зрѣнья.

Необходимость не ослаблять, а усиливать наказанье весьма быстро была провозглашена самою же Думою. Пока обсуждалось „условное осужденье“, думскіе крестьяне составили законодательное предположенье объ увеличеніи наказаній за конокрадство. Разработку этого предположенья взяло на себя правительство, послѣ чего соотвѣтствующій законопроектъ, несмотря на возраженья лѣваго крыла и нѣкоторыхъ лѣвыхъ октябристовъ, былъ одобренъ Думою, Государственнымъ Совѣтомъ и удостоился Высочайшаго утвержденья. Послѣ введенія этого, вызваннаго самой жизнью законопроекта въ дѣйствіе, конокрадство быстро пошло на убыль и тѣмъ ясно было доказано значеніе усиленія каръ вопреки либеральному предразсудку.

Убѣдился Министръ Юстиціи и въ необходимости прежде, чѣмъ расширять права адвокатуры, ее упорядочить, очиствивъ отъ кадекскаго и іудейскаго засилія.

Тогда немедленно на И. Г. Щегловитова былъ воздвигнутъ слѣва походъ, къ которому не замедлили присоединиться и октябристы.

На думскую повѣстку былъ выдвинутъ и *принятъ* думскимъ большинствомъ запросъ, объявляющій *незакономѣрнымъ* циркуляръ начальника главнаго тюремнаго управленья, воспрещающій допускъ къ арестантамъ защитниковъ, *изобличенныхъ* въ передачѣ арестанту *недозволенныхъ* вещей.

Объясненія, данныя Министромъ Юстиціи по этому запросу Думѣ 25-го ноября 1909 года [1]) весьма достопримѣчательны.

Прежде всего, И. Г. Щегловитовымъ были приведены нѣкоторыя историческія справки, которыя не могли доставить адвокатамъ никакого удовольствія:

„Когда въ смутные, темные октябрьскіе дни 1905 г. нѣкоторые адвокаты посѣтили Петербургскія судебныя установленья для того, чтобы устроить забастовку, и дошли въ своей наглости до того, что появились въ Сенатѣ, то тамъ одно, но достаточно рѣшительное слово, произнесенное покойнымъ уже сенаторомъ, встрѣтившимъ пришедшихъ адвокатовъ, гласившее „вонъ“ *(смѣхъ справа)*, обратило въ бѣг-

---

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 3, ч. I, стр. 2513—2526.

ство всѣхъ этихъ храбрыхъ дѣятелей“ *(справа рукоплесканья и голоса: браво).*

„Съ 1906 года—удостовѣрилъ далѣе Министръ Юстиціи —въ нашихъ тюрьмахъ систематически наблюдается нарушенье защитниками требованій закона, въ силу котораго ничто не можетъ быть передаваемо въ тюрьму подсудимому, находящемуся подъ судомъ, и ничто не можетъ быть отправляемо отъ него иначе, какъ съ разрѣшенья прокурорскаго надзора“...

„Наблюденья указываютъ, что защитники стали проносить въ тюрьмы и передавать при своихъ объясненьяхъ наединѣ съ подсудимыми письма съ воли. Но при этомъ не забывали и газетъ лѣваго направленья. Арестантамъ приносились такіе органы нашей печати, какъ „Рѣчь“, „Русь“ и существовавшая нѣкоторое время газета „Товарищъ“. Защитники признавали это необходимымъ для того, чтобы подсудимые не отставали отъ событій общественной жизни *(смѣхъ справа).* Принимались отъ подсудимыхъ и письма, которыя переносились защитниками на волю“...

Были обнаружены случаи и посерьезнѣе: „по дѣлу Лапиной, которая обвинялась въ организаціи покушенья на убійство бывшаго Военнаго Министра Редигера, установлено, что между этой Лапиной, содержавшейся въ домѣ предварительнаго заключенья, и серьезнѣйшей организаціей сѣвернаго летучаго отряда, находившейся въ Финляндіи, производилась дѣятельнѣйшая переписка при помощи защитника, посѣщавшаго Лапину и объяснявшагося съ ней наединѣ“ *(голосъ справа: ай да защитники!).*

„Злоупотребленья, о которыхъ я вамъ свидѣтельствую, были замѣчены не только въ Петербургѣ, но и въ Харьковѣ, Одессѣ, Томскѣ и въ цѣломъ рядѣ другихъ городовъ, сдѣлавшись хроническимъ явленьемъ, при чемъ всѣ эти злоупотребленья исходили или отъ присяжныхъ повѣренныхъ или отъ ихъ помощниковъ“.

За такія продѣлки „совѣты присяжныхъ повѣренныхъ въ лучшихъ случаяхъ ограничивались выговорами, въ худшихъ—оставляли безъ всякаго взысканья“.

Утверждая, что циркуляръ 18 января 1908 года представляется вполнѣ закономѣрнымъ, И. Г. Щегловитовъ закончилъ такъ:

„При томъ положеніи, которое хотятъ создать для тюремнаго начальства, когда тюрьмы осаждаютъ защитники, нарушающіе тюремный порядокъ, я скажу, слава Богу, что дѣйствующій законъ можетъ еще въ достаточной мѣрѣ оградить тюремный порядокъ.

Быть можетъ г.г., въ Государственной Думѣ уже соз-

рѣла мысль о преподаніи въ переходной формулѣ къ очереднымъ дѣламъ какихъ—либо указаній на незакономѣрность по настоящему дѣлу. Конечно, угадать того, что произойдетъ, я не берусь, но я позволю себѣ удостовѣрить вамъ одно: что того положенія, которое лежитъ въ основѣ запроса, формулой перехода къ очереднымъ дѣламъ вы не достигнете, ибо Министръ Юстиціи, который является „окомъ царевымъ", по завѣту Великаго Петра, долженствующимъ быть отверстымъ для пресѣченія всякаго рода злоупотребленій, не отступитъ отъ закона передъ злоупотребленіями защитниковъ. Такимъ образомъ, формулой перехода къ очереднымъ дѣламъ вы не достигнете того, что скрыто въ основаніи запроса. Вы можете достигнуть этого только законодательнымъ путемъ, намѣтивъ такую законодательную норму: на время пребыванія защитниковъ въ тюрьмѣ власть тюремнаго начальства отъ наблюденія за тюрьмой устраняется". *(Бурныя рукоплесканія справа и на нѣкоторыхъ скамьяхъ въ центрѣ).*

Конечно, на рѣчь Министра посыпался градъ возраженій, счастливо сочетавшихъ Булата, Чхеидзе, Маклакова, Караулова, барона Мейендорфа и, наконецъ, Гучкова [1]), который, для окончательнаго объединенья, внесъ при рукоплесканьяхъ въ центрѣ и слѣва, чрезвычайно понравившуюся всѣмъ возражавшимъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, гдѣ дѣйствія правительства объявлялись незакономѣрными, объясненія Министра Юстиціи неудовлетворительными и слова его „провозглашеньемъ цѣлой системы нарушеній подобнаго рода въ будущемъ".

Особенно негодовалъ Гучковъ на *тонъ* министерской рѣчи, на ея „политическую тенденцію" и на „злорадную насмѣшку надъ безсиліемъ Думы".

Отношенье къ запросу правыхъ выразилось въ ихъ формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ, оглашенной съ думской кафедры П. В. Березовскимъ и представлявшей прямую противоположность тому, что предлагалъ Гучковъ [2]):

„Признавая дѣйствія Министра Юстиціи вполнѣ закономѣрными, необходимость изданья циркуляра 18 января 1908 г. вполнѣ выясненной и находя, что обязанность защищать мирное населенье отъ преступныхъ элементовъ предписывала Министру принять въ отношеніи недобросовѣстныхъ защитниковъ именно тѣ мѣры, какія были ука-

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 3, ч. I, стр. 2874—2878.
[2]) Стенографическій отчетъ. Сессія 3, ч. I, стр. 2895.

заны въ циркулярѣ, Госуд. Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ".

Цѣлый рядъ ораторовъ справа подчеркнулъ, что нельзя никоимъ образомъ согласиться съ тѣмъ, все болѣе выясняющимся взглядомъ большинства Думы, согласно которому интересы тюремныхъ сидѣльцевъ ставятся выше интересовъ мирнаго населенья. „Тюремная стража стала за послѣдніе годы какимъ то убойнымъ мясомъ, на которое идетъ охота, и если охотящіеся увидятъ поощренье съ думскихъ скамей, то это будетъ ужасно, потому что охота усилится *(голоса справа: вѣрно, браво; очень хорошо)*.

Съ юридической стороны, если бы права подсудимыхъ и ихъ защитниковъ были дѣйствительно нарушены противозаконно, то нарушенья эти сдѣлались бы предметомъ многочисленныхъ кассаціонныхъ жалобъ и, слѣдовательно, Сенатскихъ разъясненій—чего, однако, нѣтъ.

Непонравившіеся Гучкову тонъ и политическія тенденціи министра были именно такими, какими надлежали быть —это тонъ и тенденція сильной власти, поступающей вполнѣ государственно, сознающей свою законность и правоту, не желающей потакать революціи и пресмыкаться передъ Госуд. Думой.

Гучковъ смѣшалъ. Нельзя называть „безсиліемъ Думы" неудачу „тѣхъ попытокъ захватнаго права, въ область которыхъ ведутъ Думу нѣкоторые ея руководители" [1]) (*рукоплесканья справа и голоса: браво*).

При голосованіи, формула правыхъ была, конечно, отвергнута, а формула Гучкова принята голосами лѣваго крыла и большей частью октябристовъ. Такимъ образомъ опять, такъ же, какъ и въ запросѣ Министру Народнаго Просвѣщенья, Гучковъ, въ рѣшительную минуту, повидимому, изъ соображеній узко-партійныхъ, пришелъ на помощь лѣвому крылу, и благодаря своему вліянью среди октябристовъ, несмотря на нежеланье рядовыхъ членовъ центра, составилъ въ Думѣ большинство, объявившее незаконными тѣ мѣры правительства, которыя были очевидно необходимы для борьбы съ революціоннымъ нарушеньемъ порядка, принесли несомнѣно благіе результаты и, въ дѣй-

---

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 3, ч. I, стр. 2889.

ствительности, даже съ точки зрѣнья строго юридической, были вполнѣ законны.

Между тѣмъ, нападки лѣваго крыла на Министра Юстиціи принимали съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ, по мѣрѣ того, какъ въ судебномъ вѣдомствѣ утратили прежнее положенье тѣ кадекскіе элементы, которые одно время играли тамъ замѣтную, вліятельную роль; по мѣрѣ того, какъ началось нѣкоторое, хотя и очень слабое пока, обузданье адвокатуры.

Процессъ лишеннаго всѣхъ правъ состоянья и сосланнаго на поселенье бывшаго директора департамента полиціи Лопухина, столь близкаго кадекскому сердцу, осужденье присяжнаго повѣреннаго іудея Гиллерсона за революціонные призывы, допущенные имъ въ судебной рѣчи по бѣлостокскому погрому; твердость, проявленная И. Г. Щегловитымъ въ дѣлѣ звѣрски замученнаго Ющинскаго; ограниченье дальнѣйшаго наплыва іудеевъ въ адвокатуру; заявленье съ думской каѳедры, что поляки „засоряютъ судебное вѣдомство“—все это привело освободительный лагерь, послѣ прежнихъ радужныхъ надеждъ и перспективъ, въ совершенную ярость и „бюджетныя пренья по смѣтѣ Министерства Юстиціи“ превратились въ сплошной вопль кадекскихъ ораторовъ, что „Министръ Юстиціи разрушилъ правосудіе въ странѣ“—какихъ только дрязгъ, сплетенъ и слуховъ не было вынесено при этомъ на думскую каѳедру, вплоть до пресловутаго разсказа о томъ, какъ Министръ ѣлъ дыню, послѣ чего кадеки выступили съ предложеньемъ о томъ, чтобы *уменьшить Министру Юстиціи содержанье на одинъ рубль* [1]) —этимъ ограничился финансовый характеръ сихъ смѣтныхъ преній.

Такимъ образомъ обзоръ событій наглядно показываетъ, что и въ области судебныхъ реформъ дѣятельность правыхъ была послѣдовательной, государственной и успѣшной.

Въ главной реформѣ—мѣстнаго суда, всѣ усилія правыхъ были направлены на сохраненіе, въ улучшенномъ, преобразованномъ видѣ, дешеваго и близкаго деревнѣ ея выборнаго крестьянскаго суда. Эти настоянья, казавшіяся сначала чуть не безнадежными, увѣнчались успѣхомъ.

---

[1]) Стенографическій отчетъ, сессія 5, ч. IV, стр. 611.

Не менѣе успѣшной была упорная борьба правыхъ противъ стремленія ослабить наказанья, расширить права адвокатуры, а заботы о тюремныхъ сидѣльцахъ поставить превыше интересовъ мирнаго, трудящагося населенья.

И здѣсь, какъ въ другихъ вопросахъ государственной жизни, твердостью и послѣдовательностью правыхъ ярко подчеркивался необычайный разбродъ и шатанье мысли у „руководящаго центра".

Въ качествѣ послѣдняго штриха для его характеристики, не безинтересно отмѣтить, что еще въ первую сессію, весною 1908 года, правительство внесло въ третью Думу очень небольшой по объему и очень несложный технически законопроектъ: „объ установленіи уголовной отвѣтственности за восхваленье преступнаго дѣянья или личности преступника въ рѣчи или печати".

Комиссіонное разсмотрѣнье и составленье печатнаго доклада закончилось очень быстро, однако, на думскую повѣстку докладъ въ теченіи почти четырехъ лѣтъ такъ и не могъ попасть, остался общимъ собраньемъ Думы не разсмотрѣннымъ.

Повидимому, законопроектъ былъ отнесенъ главарями октябристовъ къ числу непріятныхъ: и отклонить нельзя, и принять для либеральной репутаціи щекотливо—скажутъ, что, молъ, новое ограниченье свободы печати.

Такъ газетное восхваленье преступниковъ и преступленья остается и по сіе время въ уголовномъ законѣ не предусмотрѣннымъ.

Это ли не примѣръ истинной государственности руководящаго центра третьей Думы!?..

Это ли не образчикъ безшумной, но планомѣрной законодательной обструкціи...

Глава X.

Земельный вопросъ и переселенье.

Въ области земельныхъ преобразованій третьей Думою былъ одобренъ законопроектъ огромной важности: о выходѣ изъ общины.

Однако, несмотря на громадное значенье самой реформы и на продолжительность думскихъ о ней преній, заслуга

Думы здѣсь представлялась очень скромною: законъ о выходѣ изъ общины былъ изданъ за годъ до созыва третьей Думы, 9 ноября 1906 года, по 87 статьѣ Зак. Осн., Высочайшею властью, помимо законодательныхъ учрежденій. Когда эта „временная мѣра" поступила на разсмотрѣнье и одобренье третьей Думы, то правительство съ чрезвычайной энергіей и поспѣшностью успѣло столько сдѣлать по пути новаго землеустройства, что, очевидно, вопросъ, по существу, былъ уже рѣшенъ твердо и безповоротно.

Думѣ оставалось, во-первыхъ, не мѣшать правительству, а во-вторыхъ, внести въ дѣло свои посильныя законодательныя улучшенья.

Выполненье сей послѣдней задачи октябристы видѣли въ такихъ „поправкахъ", которыми свободный *выходъ* изъ общины превращался въ принудительное *разрушенье* общины.

Что касается лѣваго крыла, то оно, по соображеньямъ, о которыхъ будемъ говорить ниже, съ чрезвычайной яростью старалось опрокинуть всю реформу, отклонить весь законопроектъ, хотя, казалось бы, закрѣпленье общиннаго строя совершенно не вязалось ни съ общими принципами объ „индивидуальной свободѣ", ни даже съ тѣми взглядами, которые именно по данному предмету весьма опредѣленно, настойчиво и продолжительно высказывались либеральными кругами.

Между этими двумя крайними теченьями правые занимали середину: они были противъ закрѣпленья общиннаго строя, противъ лишенья возможности свободно выйти изъ общины, но и противъ полнаго, принудительнаго разрушенья общины.

Въ замѣчательной рѣчи, произведшей огромное впечатлѣнье на всю Думу, безъ различія партій, В. А. Образцовъ предостерегалъ отъ земельнаго пролетаріата, отъ утраты крестьянами своихъ надѣловъ, отъ слишкомъ рѣзкой безъ надлежащей осторожности, безъ должной подготовки, духовной и матеріальной ломки вѣковыхъ основъ крестьянскаго правосознанья и земельнаго быта.

Въ то же время правые голосовали за переходъ къ постатейному чтенью законопроекта и за весь законопроектъ въ цѣломъ.

Послѣ того, какъ реформа о выходѣ изъ общины была

одобрена большинствомъ Госуд. Думы, составившимся изъ праваго крыла и октябристовъ, на думское разсмотрѣнье поступилъ и довольно быстро былъ принятъ законопроектъ „о землеустройствѣ", представлявшій рядъ правилъ, по которымъ должно было производиться новое земельное разверстанье, опредѣлявшій составъ и порядокъ дѣйствія мѣстныхъ органовъ землеустройства — землеустроительныхъ комиссій.

Эта реформа, явившаяся необходимымъ послѣдствіемъ закона о выходѣ изъ общины, рѣзкихъ политическихъ разногласій не вызвала.

Въ дѣловомъ, техническомъ отношеніи она представлялась весьма сложною и, разумѣется, имѣющею крупное значенье. Обсужденье ея отняло цѣлый рядъ засѣданій.

Менѣе продолжительными, но гораздо болѣе острыми были пренья о землеустроительной дѣятельности крестьянскаго банка, возникавшія какъ при ежегодномъ обсужденіи подлежащей смѣты, такъ и по спеціальному законопроекту о продленіи теперешнихъ банковыхъ полномочій.

Первоначально крестьянскій поземельный банкъ былъ учрежденьемъ чисто финансовымъ, ограничиваясь лишь посредничествомъ между продававшими землю помѣщиками и покупавшими ее крестьянами. *Самъ банкъ ничего не продавалъ и ничего не покупалъ.*

Въ 1895 г. характеръ дѣятельности крестьянскаго банка измѣнился и вышелъ за предѣлы сдѣлокъ чисто посредническихъ: банкъ уже отъ своего имени, за свой счетъ, страхъ и рискъ началъ покупать и продавать. Однако, особенно крупнаго значенья эта купля—продажа все еще имѣть не могла, ибо уставъ банка опредѣлялъ, и не очень щедро, ту сумму, выше которой общая цѣнность купленнаго не должна была простираться.

Окончательное превращенье крестьянскаго поземельнаго банка изъ учрежденья чисто финансоваго въ землеустроительное по преимуществу, произошло въ 1905 году, когда банкъ получилъ по закону право самостоятельно покупать земли, безъ ограниченья въ своемъ уставѣ суммы такихъ покупокъ.

Съ этого момента дѣятельность банка развилась чрез-

вычайно и его земельный запасъ достигъ громадной цифры въ пять милліоновъ десятинъ.

Между тѣмъ, 14 октября 1906 года, въ порядкѣ 87 ст. Зак. Осн., былъ изданъ о дѣятельности крестьянскаго банка новый законъ, облегчающій положенье его заемщиковъ-крестьянъ.

По этому закону крестьяне, покупая у банка въ долгъ землю, платили банку по такому своему долгу только четыре съ половиною процента, включая сюда и процентъ погашенья.

Принимая во вниманіе, что малоземельнымъ и безземельнымъ крестьянамъ до 90% покупной суммы банкъ зачислялъ въ долгъ, въ ссуду, надо признать эти условія покупки въ высшей степени льготными. Крестьянинъ уплачивалъ только 10 процентовъ стоимости земли [1]). Все остальное зачислялось, какъ его долгъ. По этому долгу онъ платилъ 55 лѣтъ $4^1/_2$%, послѣ чего долгъ оказывался погашеннымъ, а земля, за которую, въ сущности, никакого капитала, никакой почти „покупной цѣны“ уплочено не было, дѣлалась чистой, незаложенной собственностью пріобрѣтателя.

Въ иномъ положеніи чѣмъ эти пріобрѣтатели былъ самъ крестьянскій банкъ, покупавшій, для продажи крестьянамъ, землю у помѣщиковъ. Правда, и онъ платилъ за землю не наличными деньгами, а „свидѣтельствами“, но, во-первыхъ, держателямъ этихъ свидѣтельствъ, по которымъ банкъ являлся должникомъ, онъ давалъ 5% [2]), а во-вторыхъ уплата процентовъ по свидѣтельствамъ вовсе не погашала капитальнаго долга.

Такимъ образомъ оказывалось, что своимъ кредиторамъ банкъ принужденъ былъ платить 5% (и даже въ нѣкоторыхъ, хотя сравнительно немногочисленныхъ случаяхъ 6%), а съ должниковъ крестьянъ, ради льготъ, имъ оказываемыхъ, взималъ только $4^1/_2$%.

Разницу надлежало, по закону 14 октября 1906 года, ежегодно *приплачивать* изъ государственнаго казначейства.

[1]) А фактически могъ избѣжать даже этого, сравнительно ничтожнаго, платежа, получивъ „ссуду на домообзаводство“, которая легко могла составить немногимъ меньше десяти процентовъ покупной суммы.

[2]) Нѣкоторое, хотя и непродолжительное время выпускались и 6% свидѣтельства.

Такихъ приплатъ было

по	росписи	на	1909	годъ	около	17	милліоновъ	рублей
"	"	"	1910	"	"	14	"	"
"	"	"	1911	"	"	13	"	"
"	"	"	1912	"	"	15	"	"

Суммы не маленькія...

Въ декабрѣ 1910 г. Госуд. Дума приступила въ спѣшномъ порядкѣ къ разсмотрѣнью законопроекта о продленіи истекавшихъ къ 1 января 1911 г. полномочій крестьянскаго банка по вышеописаннымъ земельнымъ операціямъ, по самостоятельному пріобрѣтенью земель для продажи ихъ на льготныхъ условіяхъ крестьянамъ.

Казалось бы, первыми и самыми рьяными защитниками законопроекта должны были выступить представители лѣваго крыла, какъ патентованные друзья и радѣтели малоземельнаго крестьянства.

Но предъ глазами изумленнаго наблюдателя неожиданно развернулась совсѣмъ иная картина: именно лѣвое крыло было противъ законопроекта.

Благовидные для того предлоги изыскивались кадеками заблаговременно. Еще раньше, въ февралѣ 1910 года, по смѣтнымъ преньямъ, кадекъ Шингаревъ выступалъ съ длинной рѣчью о безхозяйственности крестьянскаго банка.

Ему немедленно была дана надлежащая отповѣдь Министромъ Финансовъ.

Указавъ на приведенныя выше приплаты въ 17 милліоновъ рублей на 1909 г. и въ 14 м. р. на 1910 г., В. Н. Коковцовъ продолжалъ [1]).

„Эти приплаты, по словамъ члена Госуд. Думы Шингарева, есть результатъ прежней безхозяйственности и прежней безалаберности веденья операцій банка. Вотъ эту характеристику я долженъ опровергнуть самымъ рѣшительнымъ образомъ. Вѣдь это говорится для краснаго словца, а не потому, что такова дѣйствительность. Вѣдь всѣ эти приплаты есть результатъ не операцій крестьянскаго банка, а того взгляда, на который стало правительство по отношенью къ земельному кредиту въ пользу крестьянъ. Что же Крестьянскій Банкъ виноватъ, что правительство по 87 статьѣ признало необходимымъ удешевить кредитъ для крестьянъ“?

---

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 3. Ч. II, стр. 2443.

Далѣе, министръ удостовѣрилъ, что изъ земельнаго запаса банка въ 5 милліоновъ десятинъ за 1908 г. продано 331,000 дес., за 1909 г., по неполнымъ свѣдѣньямъ, 599,000 дес. [1]). Имѣнья, временно находившіяся въ управленіи банка, давали въ среднемъ за 1908 годъ $3^1/_2{}^0/_0$ чистаго дохода, а за 1909 г. даже $4^1/_2{}^0/_0$, хотя, по самому свойству банковыхъ операцій, къ болѣе выгодной арендѣ, долгосрочной, прибѣгать нельзя было.

Не смотря на эти доводы, на полную голословность упрековъ въ безхозяйственности и на совершенную невозможность объяснять безхозяйственностью ежегодныя приплаты, прямо предусмотрѣнныя закономъ, взглядъ кадековъ не измѣнился, ибо, конечно, дѣйствительныя, а не показныя его причины лежали совершенно въ иной области. Не лишенъ интереса и взглядъ польскаго коло, тоже находившаго, что законопроектъ подлежитъ отклоненью и, слѣдовательно, теперешнія земельныя операціи банка—прекращенью.

По этому поводу членъ Думы отъ землевладѣльцевъ Ковенской губерніи Казиміръ Завиша заявилъ [2]):

„Въ виду того, что государственный крестьянскій банкъ въ западныхъ губерніяхъ примѣняетъ не одинаковую мѣру при перепродажѣ купленныхъ земель мѣстному крестьянскому населенью католическому и православному, польское коло будетъ голосовать противъ предоставленья крестьянскому банку этого права“.

Въ трогательномъ единеніи съ помѣщикомъ Завишею оказался и представитель соціалистической партіи, трудовикъ, литовецъ Булатъ, который, отъ имени „трудовой группы“, заявилъ, что она тоже противъ законопроекта, который, такимъ образомъ, оказался принятымъ голосами правыхъ и центра противъ лѣваго крыла.

Впрочемъ, съ выводами и сопоставленьями пока подождемъ: еще поучительнѣе было отношенье этихъ печальниковъ крестьянскаго малоземелья къ тѣмъ законопроектамъ, тѣсно связаннымъ съ переселеньемъ, которые, какъ разъ,

---

[1]) Въ 1910 году продано 792 тыс. дес.; за первые 7 мѣсяцевъ 1911 г.—408 тыс. дес. Продажная цѣна въ среднемъ на 31 р. съ десятины меньше средней цѣны по посредническимъ сдѣлкамъ. См. госуд. роспись на 1912 г., стр. 129.

[2]) Стеногр. отчетъ. Сессія 4, ч. I, стр. 2744.

должны были ослабить, сдѣлать менѣе острой земельную нужду центральной Россіи.

Огромное значенье здѣсь имѣлъ законопроектъ о постройкѣ Амурской желѣзной дороги. Ею открывались для переселенья громадные плодородные раіоны, пока совершенно недоступные вслѣдствіе бездорожья. Безспорной казалась и необходимость дороги въ цѣляхъ стратегическихъ. Послѣ несчастной русско-японской войны, съ 1905 и до 1908 года, японцы успѣли построить въ Кореѣ 1700 верстъ желѣзныхъ дорогъ къ русской границѣ, а китайцы принялись за сооруженье линіи въ 1200 верстъ отъ Пекина прямо къ нашему Благовѣщенску. Надо добавить, что въ то время, когда постройка Амурской дороги обсуждалась въ Думѣ, о теперешней китайской разрухѣ не было и помину. Напротивъ, усиленное и спѣшное вооруженье Китая на европейскій образецъ и все возрастающая враждебность его къ Россіи не могли не внушать опасеній. При такихъ условіяхъ защита Амура и Приморской области безъ желѣзной дороги признавалась военными авторитетами почти невозможной или, во всякомъ случаѣ, сопряженной съ неимовѣрными трудностями.

Крупный расходъ—свыше 300 милліоновъ рублей—нужный на постройку новой дороги, выкупался тѣми громадными естественными богатствами, разработка коихъ иначе представлялась невозможною. Опытъ Сибирской желѣзной дороги удостовѣрялъ, что сразу же послѣ ея сооруженья, въ 1901 г. на сибирскія станціи поступило тридцать съ половиною милліоновъ пудовъ хлѣба, не смотря на то, что урожай былъ ниже средняго. Масла изъ Сибири начали вывозить съ 1901 г. свыше двухъ съ половиною милліоновъ пудовъ ежегодно, при чемъ вывозъ этотъ все возрастаетъ, тогда какъ до желѣзной дороги онъ держался на ничтожномъ уровнѣ.

Несмотря на все это, лѣвое крыло старалось провалить законопроектъ объ Амурской дорогѣ, сколько могло. Представитель кадекской партіи Шингаревъ [1]) не жалѣлъ красокъ, пугая Думу тягчайшими новыми налогами и даже общимъ крушеньемъ бюджетнаго равновѣсія отъ непосильныхъ расходовъ, вызываемыхъ постройкою дороги. Пріамурье онъ рисовалъ какъ мрачную, дикую пустыню, совершенно

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 1, ч. II, стр. 948—960.

негодную для переселенья и ради большей убѣдительности пробовалъ даже читать Думѣ выдержки изъ книги одного изъ изслѣдователей Пріамурья, Чикалева.

Но тутъ Шингарева постигъ великій конфузъ.

Онъ прочелъ, съ большимъ апломбомъ, слѣдующее:

„Казаки живутъ тѣсно, въ грязныхъ хатахъ, плохо построенныхъ, съ дырявой крышей, ѣдятъ плохо, нѣтъ домашней птицы, нѣтъ овощей“.

И впрямь, какія то ужасныя мѣста, куда направлять переселенья отнюдь не слѣдуетъ!

Но, какъ выяснилось изъ тѣхъ же думскихъ преній [1]), Шингаревъ, прочтя свою выдержку, умолчалъ о тѣхъ строкахъ, которыя ей въ книгѣ Чикалева *предшествуютъ*:

„Казаки пользовались, не прилагая особыхъ трудовъ, тѣмъ, что давала имъ сама природа, потребности свои сократили, облѣнились и стали жить такъ, что *по первому взгляду* можно подумать, что они находятся въ большой нуждѣ—казаки живутъ тѣсно, въ грязныхъ хатахъ и т. д.“.

Предпочелъ кадекскій ораторъ не читать и того мѣста, которое *слѣдуетъ* у Чикалева за выдержкой:

„Русскіе поселенцы по рѣкѣ Зеѣ (одинъ изъ главныхъ притоковъ Амура) живутъ прекрасно, собирая обильную жатву. У нихъ въ большомъ употребленіи жнеи, сѣнокосилки, молотилки“.

Совершенно ясно: Чикалевъ утверждалъ въ своей книгѣ какъ разъ обратное тому, что приписалъ ему Шингаревъ.

Но ясно и то, что ловко выхваченный Шингаревымъ изъ книги Чикалева отрывокъ могъ лицъ, не знающихъ всей книги, ввести въ заблужденье.

Такъ рѣшился дѣйствовать представитель кадекской партіи въ вопросѣ огромной государственной важности.

Не лишнее отмѣтить, что Сибирь послала въ третью Думу только лѣвыхъ депутатовъ. Все лѣвое крыло голосовало противъ постройки Амурской дороги, между тѣмъ, для Сибири, для ея мѣстныхъ нуждъ и интересовъ не могло быть уже никакихъ сомнѣній, никакихъ колебаній въ крайней необходимости Амурской дороги.

И вотъ члены Думы отъ сибирскихъ и дальне восточныхъ губерній оказались между двухъ огней: съ одной сто-

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 1, ч. II, стр. 965.

роны партійная дисциплина, партійныя директивы, а съ другой—ясные и непререкаемые интересы того края, отъ котораго они выбраны.

Труднѣе всего было члену Думы отъ Амурской области соціалъ-демократу Чиликину.

Онъ поступилъ рѣшительно: вышелъ изъ соціалъ-демократической партіи и произнесъ рѣчь, что амурскую дорогу надо строить [1]).

Правые голосовали, разумѣется, за постройку. Государственное значенье широко поставленнаго переселенья, какъ могучаго средства борьбы съ малоземельемъ, было прекрасно очерчено Н. Е. Марковымъ. Онъ разсѣялъ кадекскія басни объ ужасахъ Приамурья и подробно, съ цифрами въ рукахъ, описалъ то значенье, которое получитъ эта окраина для русскаго крестьянства съ проведеньемъ дороги.

В. М. Пуришкевичъ далъ чрезвычайно интересный очеркъ „желтой опасности". Заканчивая рѣчь, онъ выразилъ отъ имени правыхъ твердое, настойчивое желанье, чтобы Амурская дорога возводилась исключительно русскими рабочими, чтобы китайцамъ тамъ не было мѣста *(рукоплесканья справа).* Дальнѣйшія слова Пуришкевича, чтобы завѣдыванье дорогою было въ рукахъ коренныхъ русскихъ людей, а не поляковъ или финляндцевъ,—были вдругъ прерваны предсѣдательскимъ замѣчаньемъ „безпристрастнѣй-

---

[1]) Изъ остальныхъ сибирскихъ депутатовъ, какъ удостовѣряетъ приложенный къ стенографическому отчету результатъ поименнаго голосованья, (Стеногр. отч. сессія 1, ч. II, стр. 1585—1590) баллотировали за постройку, кромѣ Чиликина, только Шило (Приморская область, трудовикъ), Маньковъ (Амурское и Уссурійское казачье войско; кадекъ), и Волковъ второй (Забайкальская область; кадекъ).

Противъ подали голосъ Бѣлоусовъ (эсдекъ, Иркутская губ.), Дзюбинскій (трудовикъ. Тобольская губ.) и Скалозубовъ (Тобольская губ. безпартійный).

Воздержался Войлошниковъ—эсдекъ, отъ войскового населенья Забайкальской области.

Оказались при голосованіи въ нѣтяхъ Карауловъ, Некрасовъ (успѣвшій, однако, произнести рѣчь противъ постройки дороги), Мягкій и Молодцовъ—три кадека и одинъ трудовикъ отъ Тобольской и Томской губ.

Этотъ полный разбродъ достаточно свидѣтельствуетъ о тяжкой драмѣ, которую переживали сибирскіе депутаты, коихъ лѣвизна завела въ безысходный тупикъ.

шаго“ Хомякова: „финляндцы и поляки также русскіе подданные“.

Принятіе Думою въ мартѣ 1908 года—голосами центра и правыхъ—законопроекта объ Амурской дорогѣ естественно выдвинуло вопросъ „о закрытіи порто-франко во Владивостокѣ“.

Это мудреное названье заключало очень простую сущность. Иностранные товары шли до сихъ поръ черезъ нашу дальне-восточную границу и, въ частности, черезъ Владивостокъ, безъ таможеннаго обложенья. Во Владивостокѣ былъ „свободный“ портъ—„порто-франко“. Когда началась постройка Амурской дороги, то, естественно, измѣнились экономическія и даже государственныя условія на Дальнемъ Востокѣ, почему правительство внесло законопроектъ о закрытіи тамъ свободнаго доступа иностранныхъ товаровъ, о введеніи таможеннаго обложенья. Мѣра эта, несомнѣнно, способствовала русской промышленности и торговлѣ. Она открывала новый рынокъ, новый раіонъ сбыта, позволяя товарамъ, привезеннымъ изъ центральной Россіи, вытѣснять обложенные таможенною пошлиною товары заграничные [1]).

Это обстоятельство обезпечило реформѣ горячее сочувствіе октябристовъ, которые очень быстро, уже въ ноябрѣ 1908 года, поставили законопроектъ на повѣстку, избравъ докладчикомъ октябриста Шешминцева, какъ значится въ думскомъ справочникѣ, „директора правленія акціонернаго общества Мальцевскихъ заводовъ и общества Мальцевскаго портландъ-цемента“.

Рѣдко сочувствуя октябристскому тяготѣнью къ интересамъ крупныхъ капиталистовъ, правые находили, что въ данномъ случаѣ эти интересы вполнѣ совпадаютъ съ пользой общегосударственной. Кромѣ конкуренціи товаровъ, на Дальнемъ Востокѣ возникла и конкуренція рабочихъ, причемъ русскій рабочій, какъ оказалось, не могъ ея выдержать, не могъ довольствоваться цѣною рабочаго-китайца

[1]) Иначе не только для Дальняго Востока, но и для Сибири съ проведеньемъ Сибирской дороги и съ развитіемъ по Амуру пароходства (не говоря уже о будущей Амурской дорогѣ) получалось слѣдующее уродливое положенье: провозъ туда мануфактуры изъ Гамбурга по Амуру черезъ Срѣтенскъ обходится 2 рубля 27 коп., а изъ Москвы по желѣзной дорогѣ—2 рубля 33 коп. (Стенографическій отчетъ. Сессія 2, ч. I, стр. 1458).

вслѣдствіе разныхъ условій жизни и, главнымъ образомъ, питанья. Китаецъ пользовался крайне дешевыми пищевыми продуктами китайскаго происхожденья, къ которымъ онъ привыкъ, а русскій рабочій, не будучи въ состояніи ихъ ѣсть, принужденъ былъ питаться болѣе дорогою пищею русскаго производства.

Таможенною пошлиною эта невыгодная для русскаго рабочаго разница въ значительной степени устранялась.

Такимъ образомъ, помимо интересовъ русской промышленности вообще и крупной московской промышленности въ особенности, помимо увеличенья грузооборота русскихъ желѣзныхъ дорогъ, введеньемъ таможеннаго обложенья несомнѣнно улучшалось положенье русскаго простонародья на Дальнемъ Востокѣ. Это послѣднее обстоятельство особенно подчеркнулъ въ своей думской рѣчи С. В. Воейковъ, заявившій, отъ имени правыхъ, что они всецѣло поддерживаютъ законопроектъ [1]).

Лѣвое крыло и въ этомъ случаѣ горой стояло за полное отверженье реформы, по обыкновенью, пугая—разореньемъ Владивостока и совершеннымъ паденьемъ тамъ всякой торговли.

Уже въ вопросѣ объ Амурской дорогѣ достаточно обнаружилась вздорность доводовъ, приводимыхъ слѣва: о чрезвычайныхъ бюджетныхъ затрудненіяхъ, о необходимости вводить новые и крайне тягостные налоги, объ ужасахъ Приамурья. Но въ вопросѣ о порто-франко цѣну кадекскихъ предсказаній удалось установить документально, съ цифрами въ рукахъ.

Въ объяснительной запискѣ къ государственной росписи на 1912 годъ читаемъ:

„Введеніе съ 1 марта 1909 года таможеннаго обложенія въ Приамурскомъ краѣ, вопреки опасеніямъ защитниковъ порто-франко, не повлекло за собою упадка торгово-промышленной жизни края. Напротивъ, данныя о товарообмѣнѣ по морской границѣ Приамурья за 1910 годъ свидѣтельствуютъ о значительномъ увеличеніи оборотовъ торговли, какъ это видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Ввезено черезъ порты Приморской области.

---

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 2, ч. I, стр. 1762—1764.

Годы	Всего
1908	17,2 мил. пуд.
1909	20,2 „ „
1910	24,7 „ „

Прибыло въ порты Приморской области (Владивостокъ и Николаевскъ) судовъ заграничнаго плаванья и большого каботажа.

Годы	Всего	Въ томъ числѣ подъ русскимъ флагомъ
1908	657	96 или 14,6%
1909	656	116 „ 17,7%
1910	720	240 „ 33,3%

Ввезено черезъ порты Приморской области (главнымъ образомъ транзитныхъ грузовъ).

Годы	Милл. пуд.
1908	8,5
1909	17,8
1910	18,0

Надо замѣтить, что 1908 годъ вслѣдствіе большого завоза товаровъ передъ закрытіемъ порто-франко, былъ выдающимся по размѣрамъ ввоза.

Согласно приведеннымъ цифровымъ даннымъ, пошлинное обложеніе иностранныхъ товаровъ уже оказало вліяніе на замѣну въ краѣ иностранныхъ товаровъ соотвѣтствующими русскими: ввозъ послѣднихъ морскимъ путемъ съ 1,5 милл. пуд. въ 1908 году поднялся до 5,8 милл. пуд. въ 1910 году, причемъ иностранныя государства хотя и сохраняютъ еще преобладающее положеніе въ дѣлѣ снабженія Приамурья товарами, но ввозятъ преимущественно безпошлинныя произведенія. Привозъ въ край русскихъ товаровъ продолжаетъ рости и въ текущемъ году. Наряду съ этимъ наблюдается сокращенье иностранныхъ фирмъ и возникновенье цѣлаго ряда русскихъ домовъ [1])“.

Таковъ непреложный языкъ цифръ, убійственный для кадекскихъ прорицателей.

Въ связи съ разсматриваемымъ вопросомъ находится небольшой законопроектъ, заслушанный Думою 22 января 1911 г., объ учрежденіи въ Амурской и Приморской обла-

[1]) Перечисляя далѣе русскія промышленныя предпріятія, возникшія въ краѣ, объяснительная записка упоминаетъ и о цементномъ заводѣ.

стяхъ корчемной стражи. Дѣло въ томъ, что съ наплывомъ на постройку Амурской дороги русскихъ рабочихъ, у пограничныхъ китайцевъ страшно развился особый промыселъ: выдѣлка дешеваго спирта, контрабандный проносъ его черезъ границу и широкая распродажа среди пришлаго русскаго населенья, которое, соблазняясь удобствомъ и сходной цѣной, начало пропивать значительную часть своего заработка.

Для борьбы съ этимъ зломъ и былъ внесенъ правительствомъ вышеназванный законопроектъ, требовавшій некрупнаго сравнительно расхода въ 300 тыс. руб.

И что же?

Прежде всего, опять посыпались возраженья съ лѣвой стороны, совѣтовавшей корчемной стражи не учреждать, а лучше войти въ переговоры съ китайскимъ правительствомъ.

Этого мало. Отъ того рвенья, съ которымъ октябристы проводили нужное для капиталистическихъ круговъ уничтоженье порто-франко, не осталось и слѣда. Въ бюджетной комиссіи составилось большинство за полное отклоненье законопроекта, правда, ничего не дававшаго крупной промышленности, но совершенно необходимаго для огражденья русскаго простонародья отъ спаиванья. Замѣтимъ, что къ этому времени казначейство располагало уже большою свободною наличностью, такъ что рѣшительно никакихъ финансовыхъ затрудненій отпускъ 300 тыс. возбуждать не могъ.

Въ общемъ собраніи Думы выступилъ съ рѣчью бар. Мейендорфъ. Прочитавъ рядъ статей дѣйствующаго закона, которыми корчемной стражѣ предоставлены широкія права по производству обысковъ, по задержанью, по быстротѣ взысканья и по вознагражденью открывателей, права, —„подтвердить“ кои Дума вообще „мало склонна“, октябристскій ораторъ торжественно и не безъ ироніи заявилъ: „вотъ тѣ статьи, которыя вамъ, быть можетъ, угодно будетъ признать въ силѣ, когда вы примете теперь законоположенье относительно учрежденья корчемной стражи!“

Эта логика вызвала справедливое изумленье Министра Финансовъ: „возраженья бар. Мейендорфа—сказалъ онъ [1])—направлены на одно: не давать корчемной стражи потому,

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 4, ч. II, стр. 462—466, 471.

что у нея слишкомъ много правъ, хотя бы эти права имѣли своимъ предметомъ борьбу со зломъ".

Не лишнее замѣтить, что баронъ Мейендорфъ былъ избранъ докладчикомъ по законопроекту о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ...

Что касается корчемной стражи на Дальнемъ Востокѣ, то учрежденье ея удалось въ общемъ собраніи Думы отстоять голосами праваго крыла и части октябристовъ, вопреки докладу бюджетной комиссіи.

Характерно, что въ то самое время, когда общее собранье Думы рѣшало этотъ вопросъ, бюджетная комиссія, состоящая изъ 66 человѣкъ, засѣдала по какому то другому очередному законопроекту и, такимъ образомъ, членамъ ея предоставлялось на выборъ: отсутствовать или тамъ, или здѣсь.

Весьма возможно, что только благодаря такому совпаденью, совершенно немыслимому при разумно, правильно налаженной работѣ, голосованье дало благопріятный результатъ.

Но хороша постановка дѣла, при которой возможны подобныя, хотя бы и счастливыя, случайности!

Болѣе непосредственное отношенье къ переселенью имѣлъ законопроектъ, тоже очень небольшой по объему и тоже снабженный мало говорящимъ заглавіемъ: „о дополненіи статьи 270 Положенья объ Управленіи Туркестанскимъ краемъ".

Исторія вопроса такова: хотя главная площадь Туркестана пригодна для земледѣлія лишь при условіи искусственнаго орошенья, но и пространства, плодородныя въ естественномъ своемъ состояніи, представляются достаточно обширными. Заняты они киргизскими кочевьями, причемъ, однако, текстъ закона не оставляетъ сомнѣнья въ томъ, что *собственникомъ* этой земли является государство, а киргизы лишь пользователями.

Реформа заключалась въ томъ, чтобы переводить понемногу киргизъ изъ кочевого состоянья въ осѣдлое, нарѣзая имъ на каждый дворъ (или, правильнѣе, на каждую „кибитку") земельную площадь, болѣе чѣмъ достаточную для осѣдлаго хозяйства, а излишки обращая на нужды *русскаго* переселенья. Въ установленіи за Главнымъ Управленьемъ

землеустройства и земледѣлія такого права и заключалось „дополненіе 270 ст. Положенья объ Управленіи Туркестанскимъ краемъ“. Надо замѣтить, что въ законѣ, очень сходномъ, въ „Положеніи объ Управленіи Степнымъ краемъ“ это „дополненіе“ уже существовало издавна.

Тѣмъ не менѣе лѣвое крыло подняло страшный шумъ о „посягательствѣ на священныя права киргизъ“. Такой доводъ былъ особенно курьезенъ со стороны тѣхъ, кто столь недавно проповѣдывалъ необходимость принудительнаго отчужденья земель у русскихъ помѣщиковъ. Даже многіе лѣвые крестьяне пришли въ недоумѣнье: почему у русскихъ помѣщиковъ можно отбирать землю, а у киргизовъ нельзя? Тщетно указывали, кадекамъ, что земля, которою пользуются киргизы для кочевій, никогда ихъ собственностью не была, что неопредѣленнымъ кочеваньемъ по степи никто еще своего права собственности на степь не закрѣплялъ и что, если даже ссылки на нужды русскаго переселенья для лѣвыхъ неубѣдительны, то сами же они твердятъ о необходимости заводить „культуру“, между тѣмъ культура едва ли совмѣстима съ бытомъ дикихъ кочевниковъ.

Несмотря на все сіе, лѣвое крыло голосовало за полное отверженье законопроекта.

Что касается общей постановки переселенческаго дѣла, то плодотворность думской работы въ этой области мало замѣтна. Октябристы здѣсь правда не вели борьбы съ правительствомъ, не мѣшали ему, не старались съ нимъ „сосчитываться“, но и чего либо новаго не внесли, пребывая въ полномъ равнодушіи.

Была учреждена особая думская переселенческая комиссія подъ предсѣдательствомъ одного изъ наиболѣе лѣвыхъ октябристовъ, князя Голицына.

Объ ея дѣятельности предоставляемъ судить по слѣдующему обмѣну сужденій, имѣвшему мѣсто 10 марта 1909 г., при обсужденіи въ общемъ собраніи Думы смѣты переселенческаго Управленья:

„**Виноградовъ кадекъ** [1]). „Я начну съ того, съ чего началъ докладчикъ (князь Голицынъ), начну съ его предложенія не разсматривать смѣтъ Переселенческаго Управленія по существу. Я спрошу: почему? Потому, что переселенческая

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 2, ч. III, стр. 400.

комиссія не удосужилась дать своего заключенія о положеніи переселенческаго дѣла. Да когда она удосужится? Намъ говорятъ: докладъ будетъ представленъ своевременно. Что это значитъ „своевременно“? Я думаю, „своевременно“— это имѣть докладъ *сегодня*, когда обсуждается смѣта Переселенческаго Управленія и когда предсѣдателемъ переселенческой комиссіи кн. Голицынымъ было обѣщано бюджетной комиссіи, что докладъ переселенческой комиссіи будетъ представленъ на обсужденіе Госуд. Думы. Къ величайшему сожалѣнію, этого нѣтъ. Переселенческая комиссія два года занимается, главнымъ образомъ, и почти исключительно тѣмъ, что знакомится съ положеніемъ переселенческаго дѣла, и до сихъ поръ она или не захотѣла познакомиться, какъ слѣдуетъ, съ нимъ, или, почему-либо, не удосужилась представить своего доклада. Я считаю, что этого, очевидно, никогда и не будетъ. Я долженъ заявить, что представители вѣдомства въ переселенческой комиссіи очень охотно шли намъ навстрѣчу, и мы получили почти всѣ объясненія, о которыхъ спрашивали. И всетаки доклада сегодня нѣтъ. Такъ что винить, кромѣ переселенческой комиссіи, никого нельзя въ этомъ дѣлѣ“.

Князь Голицынъ [1]): „Я считаю долгомъ остановиться на началѣ только что произнесенной членомъ Государственной Думы Виноградовымъ рѣчи. Дѣло въ томъ, что онъ высказалъ удивленіе тому, что переселенческая комиссія не удосужилась, какъ онъ выразился, представить соотвѣтствующій докладъ ко времени разсмотрѣнія смѣты Переселенческаго Управленія.

Я, собственно говоря, не удивился бы этому, если бы ораторъ, говорившій это, не былъ членомъ той самой комиссіи, къ которой онъ обращаетъ свой упрекъ; но такъ какъ члену этой комиссіи, депутату Виноградову, прекрасно извѣстно, при какихъ условіяхъ шла работа въ переселенческой комиссіи, насколько трудно было созывать эту сложную и громоздкую комиссію и сообразовать работу въ ней съ занятіями въ другихъ комиссіяхъ Государственной Думы, насколько было трудно каждый разъ получить кворумъ [2]), то я думаю, что ему обращаться съ упрекомъ къ переселенческой комиссіи о томъ, что она не удосужилась представить къ означенному сроку свой докладъ, не надлежало бы“.

Такъ вели занятія по переселенческому дѣлу трудоспособные октябристы.

Впрочемъ, полный хаосъ, водворившійся въ третьей

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 2, ч. III, стр. 420.

[2]) Т. е. только одну треть всѣхъ членовъ комиссіи,—всего только 11 чел.

Думѣ вмѣсто стройнаго, согласованнаго плана работъ—очерченъ достаточно.

Несомнѣнно, переселенческое дѣло за послѣдніе годы сильно шагнуло впередъ. Достаточно сказать, что переселенческая смѣта съ 13 милліоновъ рублей, ассигнованныхъ въ 1907 г., возросла къ 1912 г. до 27 мил. рублей, но приписывать это третьей Думѣ не рѣшаются, повидимому, даже тѣ, кто всячески старается раздуть и превознести плоды ея трудовъ.

Вопросъ огромной государственной важности—ороше-нье Туркестана, былъ выдвинутъ на очередь только за самое послѣднее время. Заинтересовались имъ, опять таки, лишь тогда, когда разрывъ торговаго договора съ Америкой сталъ грозить кризисомъ нашей хлопчато-бумажной промышленности, т. е., когда обезпокоились возможностью грядущихъ убытковъ предприниматели, вложившіе въ эту промышленность крупные капиталы, и производство въ большихъ размѣрахъ русскаго, Туркестанскаго хлопка стало для нихъ дѣломъ насущнымъ. До тѣхъ поръ оросительныя работы, производившіяся тамъ правительствомъ, влачили самое жалкое существованье.

Между тѣмъ въ Туркестанѣ свыше трехъ милліоновъ десятинъ земли, годной для орошенья. Теперь она представляетъ совершенную пустыню, лишенную жилья и растительности, но, будучи снабжена водой, превращается въ плодороднѣйшую почву, дающую огромные урожаи высокихъ, цѣнныхъ культуръ. Каждая десятина такой орошенной земли стоитъ, по своей доходности, много сотенъ рублей.

Конечно, устройство оросительныхъ сооруженій обходится въ большіе милліоны, а потому отдѣльнымъ лицамъ не подъ силу, но когда этотъ крупный расходъ сопоставить съ числомъ десятинъ во всей орошенной площади, то, въ среднемъ, на каждую десятину упадетъ не свыше семидесяти—восьмидесяти рублей, т. е., по сравненью съ ея продажной стоимостью, сумма очень небольшая.

Помимо огромной матеріальной выгоды, излишне говорить о государственной важности вопроса объ орошеніи Туркестана для устраненья малоземелья въ центральной Россіи и для укрѣпленья нашей мощи на востокѣ.

Однако, и лѣвое крыло, и октябристы, столь придирчи-

вые въ иныхъ случаяхъ къ малѣйшимъ промахамъ правительства, здѣсь взирали совершенно безучастно, что, напримѣръ, казенныя работы по орошенью въ Туркестанѣ сравнительно очень небольшой площади въ 45 тысячъ десятинъ безнадежно тянутся съ 1900 года, но придти къ концу такъ и не могутъ.

Законопроекта объ орошеніи туркестанскихъ земель на правильныхъ, широкихъ началахъ третья Дума такъ и не дождалась.

На ненормальное положенье переселенческаго дѣла и въ Туркестанѣ, и, особенно, на Кавказѣ правые указывали неоднократно. Они повторяли не разъ ту мысль, выраженную ими еще по законопроекту объ Амурской дорогѣ, что въ переселеніи лежитъ и разрѣшеніе земельнаго вопроса внутри Имперіи и созданье ея неодолимой мощи на восточныхъ окраинахъ. Всякое промедленье здѣсь „смерти подобно", ибо, если на этихъ окраинахъ прочно осядетъ инородческій элементъ, всемѣрно старающійся туда просочиться, то для русскаго переселенца мѣста тамъ уже не окажется и окраины, вмѣсто того, чтобы быть источникомъ силы, обратятся въ источникъ слабости.

Справедливость своего изумленья, что и Туркестанъ, и Кавказъ объявлены „закрытыми" для русскаго переселенья, правые подтверждали документальными данными. Напримѣръ, они приводили, въ преніяхъ по внесенному ими кавказскому запросу, выдержки изъ всеподданнѣйшаго отчета Кавказскаго Намѣстника за 1905 годъ. Тамъ [1]), „на страницѣ 70—71 читаемъ, что въ Елисаветпольской губерніи нарѣзано 30,000 дес. для переселенческихъ участковъ, но они не могутъ быть предоставлены переселенцамъ впредь до перераспредѣленья пастбищъ въ губерніяхъ и выясненья правовыхъ и хозяйственныхъ къ этимъ пастбищамъ отношеній различныхъ мѣстныхъ, коренныхъ жителей".

Другими словами, то, что при прежнемъ кавказскомъ начальствѣ вполнѣ и окончательно предназначалось для русскихъ переселенцевъ, было уже имъ нарѣзано—теперь, при другихъ кавказскихъ вѣяньяхъ, остается для русскаго человѣка запретнымъ „впредь до"... захвата этихъ прекрас-

---

[1]) Стеногр. отч., сессія 2, ч. II, стр. 956, 957.

ныхъ и пока свободныхъ земель „мѣстными, коренными жителями“.

„Въ такихъ же условіяхъ находятся 20 участковъ въ Эриванской губ., площадью въ 40,000 дес.“.

Въ Карской губ. 15,000 или 16,000 дес. земли „могутъ быть заняты соотвѣтственнымъ контингентомъ переселенцевъ лишь по выясненью землеустройства коренного населенья“.

Что значатъ эти туманныя фразы, отсылающія насъ къ отдаленному будущему? Въ чемъ заключается это „выясненье землеустройства“?

Согласно закону 1 мая 1900 года, за мѣстнымъ населеньемъ должна остаться вся та земля, которая находится какъ въ его юридическомъ, такъ и фактическомъ владѣніи. Все остальное считается землей казенной; на ней отводятся участки, гдѣ должны быть распредѣлены русскіе поселенцы.

Однако, въ явный обходъ закона 1 мая, Намѣстникъ въ своемъ отчетѣ пишетъ: „гдѣ отмежеванье существующаго землепользованья селеній будетъ закончено, надлежитъ разрѣшить расселенье части жителей многолюдныхъ селеній на особыхъ участкахъ, образованныхъ для того изъ свободныхъ казенныхъ земель“.

Значитъ, эти „свободныя земли“, завоеванныя русскою кровью, пойдутъ уже не русскимъ переселенцамъ, а жителямъ „мѣстныхъ многолюдныхъ селеній“.

Значитъ, надо только выиграть время, пока селенья сдѣлаются многолюдными...

Теперь становятся понятными всѣ эти туманныя фразы о „выясненіи землеустройства“, объ „опредѣленіи правовыхъ и хозяйственныхъ отношеній къ пастбищамъ“ и т. д.

„Выясненье“ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока селенья не станутъ „многолюдными“.

А чтобы этотъ естественный процессъ искусственно ускорить, къ селеньямъ стараются „приселить“ подающихъ о семъ ходатайства армянскихъ выходцевъ, „бѣженцовъ“ изъ Турціи.

Про сухумскій округъ прямо написано, что тамъ отведено 33,500 десятинъ „для устройства различныхъ группъ *пришлаго* населенья“.

Спрашивается, какое это пришлое населенье и откуда оно пришло? Русское это населенье или не русское?

Отвѣта мы въ отчетѣ не находимъ.

Такова земельная политика кавказскаго начальства, подробно, съ цифрами и документами въ рукахъ, описанная правыми, среди полнаго равнодушія остальной Думы.

При такихъ условіяхъ выступать, кромѣ запроса, еще и съ какимъ либо законодательнымъ предположеньемъ правымъ было, разумѣется, безполезно.

Немногимъ лучше обстояло дѣло и въ закрытомъ для русскаго переселенья Туркестанѣ.

Обзоромъ того, что сдѣлано въ области землеустройства и переселенья устанавливается, прежде всего, насколько упорно и систематично мѣшало лѣвое крыло цѣлому ряду такихъ правительственныхъ мѣропріятій, которыми, безспорно, приводились въ порядокъ земельныя отношенья, ослаблялась земельная нужда, устранялось малоземелье.

Патентованные друзья крестьянъ все время дѣйствовали въ третьей Думѣ во вредъ крестьянамъ, подкрѣпляя лишь своимъ поведеньемъ то мнѣнье, что лѣвые круги очень любятъ кричать о крестьянскомъ малоземельѣ и раздувать его ужасы, но меньше всего желаютъ серьезно позаботиться объ устраненіи малоземелья и вредныхъ его послѣдствій—ибо, пока есть острая нужда въ землѣ, пока ненормальность земельныхъ отношеній возбуждаетъ вражду и недовольство, до тѣхъ поръ тлѣетъ огонекъ, который можно легко и быстро раздуть въ большой революціонный пожаръ. Какъ только земельныя отношенья пришли въ порядокъ, такъ нѣтъ горючихъ матеріаловъ для революціи.

И лѣвыя партіи принимали всѣ мѣры, чтобы огонекъ тлѣлъ, чтобы горючаго матеріала было довольно.

Законъ о выходѣ изъ общины лѣвое крыло проваливало всѣми силами. А давно ли писанья о необходимости упразднить общину были признакомъ хорошаго тона въ радикальныхъ изданьяхъ?

Землеустроительная дѣятельность крестьянскаго банка является, несомнѣнно, благодѣяньемъ для малоземельныхъ крестьянъ. Между тѣмъ, лѣвое крыло старалось эту дѣятельность всячески опорочить и дошло, наконецъ, до того, что голосовало противъ закона, по которому на нужды ма-

лоземельныхъ крестьянъ, на устройство дешеваго и льготнаго для нихъ кредита, государство ежегодно приплачиваетъ отъ 13 до 17 милліоновъ руб.

Законъ о постройкѣ Амурской дороги и о закрытіи порто-франко во Владивостокѣ вызывалъ слѣва оглушительные вопли, а между тѣмъ огромную пользу его и для русскаго переселенья, устраняющаго острую земельную нужду центральныхъ губерній, и для русскаго рабочаго, и для русскаго промышленника—отрицать невозможно.

Когда кочующихъ на необъятной степи киргизовъ хотѣли обратить къ осѣдлому быту, а освободившуюся часть степи отдать русскимъ переселенцамъ—и тутъ самозванные печальники русскаго крестьянина выступили съ ожесточеннѣйшими возраженьями.

Приэтомъ, всѣ лѣвыя изданья чуть не на каждой страницѣ твердятъ, что правительство рѣшительно ничего для мужичка не дѣлаетъ и не желаетъ дѣлать.

Между тѣмъ характерно, что самыя главныя изъ разобранныхъ выше мѣръ, одобренныхъ Думою, были приняты именно по правительственному почину.

Законъ о выходѣ изъ общины введенъ въ дѣйствіе по 87 ст. Зак. Осн. и лишь впослѣдствіи, черезъ два года, одобренъ Думою.

Законъ о землеустроительной дѣятельности крестьянскаго банка, о льготныхъ ссудахъ малоземельнымъ крестьянамъ введенъ въ дѣйствіе тоже по 87 статьѣ.

Даже къ постройкѣ Амурской желѣзной дороги приступлено по той-же 87 статьѣ.

Отношенье правыхъ ко всѣмъ этимъ правительственнымъ мѣропріятіямъ было вполнѣ государственнымъ. Поддерживая правительство въ вопросахъ землеустройства и переселенья, правые въ тоже время, съ одной стороны, всячески предостерегали отъ искусственнаго, рѣзкаго, стремительнаго разрушенья общиннаго быта, а съ другой, старались освѣтить истинное положенье дѣлъ въ тѣхъ окраинныхъ раіонахъ, гдѣ русское переселенье встрѣчало препятствія какъ по безразличному отношенью русскихъ властей, такъ и вслѣдствіе инородческихъ вожделѣній къ захвату свободныхъ земель, составляющихъ государственное достоянье и необходимыхъ для русскаго крестьянства.

Глава XI.

Рабочій вопросъ.

Въ области рабочаго законодательства третьей Думой были разсмотрѣны сдѣлавшіяся нынѣ уже законами два крупныхъ правительственныхъ проекта: обезпеченье рабочихъ на случай болѣзни и страхованье ихъ отъ несчастныхъ случаевъ.

Второй изъ этихъ проектовъ былъ лишь дальнѣйшимъ шагомъ въ отношеніи закона 2 іюня 1903 г., установившаго за несчастные случаи съ рабочими денежную отвѣтственность предпринимателей, простиравшуюся до уплаты потерпѣвшему ежегодной пенсіи въ размѣрѣ двухъ третей его прежняго содержанья.

Однако, отвѣтственность предпринимателя была до сихъ поръ личной, „индивидуальной“—если предприниматель разорялся, то право рабочаго на вознагражденье, на пенсію дѣлалось „бумажнымъ правомъ“—осуществить его, получить причитающіяся деньги рабочій уже не могъ. Теперь эта личная отвѣтственность была замѣнена коллективною, групповою.

Передъ рабочимъ отвѣчалъ цѣлый союзъ предпринимателей—страховое товарищество.

Такимъ образомъ, права увѣчныхъ рабочихъ на пенсію, на вознагражденье стали гораздо болѣе надежными, обезпеченными.

Далѣе, они увеличились и въ объемѣ.

По закону 2 іюня 1903 г. рабочій лишался вознагражденья не только, когда несчастье съ нимъ происходило по его собственному злому умыслу, но и при наличности „грубой неосторожности“ пострадавшаго. Согласно же новой реформѣ, неосторожность рабочаго, какова бы она ни была, легкая или грубая, обязанности вознагражденья не устраняетъ.

Большая важность этого нововведенья несомнѣнна.

Грань между грубою и легкою неосторожностью неуловима.

Между тѣмъ неосторожность рабочаго выражается, главнымъ образомъ, въ непринятіи такихъ предохранительныхъ

мѣръ, которыя замедляютъ работу (не одѣлъ предохранительныхъ очковъ, чистилъ машину на ходу и т. д.), а замедленье работы вызываетъ, нерѣдко, нареканья, недовольство и даже болѣе низкую расцѣнку со стороны администраціи завода. Такимъ образомъ, чтобы ускорить работу, косвенно побуждаемый заводомъ, рабочій не принимаетъ предохранительныхъ мѣръ, хотя о нихъ на заводѣ, въ установленномъ порядкѣ объявлено и, получивъ увѣчье, лишается права на вознагражденье, ибо проявилъ „грубую неосторожность".

Теперь эта ненормальность исчезнетъ и администрація завода сама, въ собственныхъ интересахъ, будетъ слѣдить за принятіемъ предохранительныхъ мѣръ.

Если законъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ является, въ общемъ, лишь развитіемъ началъ, уже извѣстныхъ нашему законодательству, то „обезпеченьемъ рабочихъ на случай болѣзни" вводилось совершенно новое учрежденье, въ видѣ „больничныхъ кассъ", выдающихъ рабочимъ пособія (въ размѣрѣ до двухъ третей заработка) по случаю болѣзни, родовъ и смерти.

Средства кассъ смѣшанныя: двѣ пятыхъ вносятъ предприниматели, а три пятыхъ сами рабочіе (по примѣрному разсчету, около двухъ процентовъ заработной платы). Слѣдовательно, въ конечномъ счетѣ, часть вознагражденья, причитающагося изъ больничной кассы рабочему, падаетъ на него самого, на его заработную плату, однако эта тягота съ избыткомъ возмѣщается обязанностью предпринимателя безплатно лѣчить своихъ рабочихъ, независимо отъ пенсій и пособій, причитающихся имъ изъ больничныхъ кассъ.

Таковы были два большія преобразованья, которыя, несомнѣнно, должны сильно повліять на улучшенье рабочаго быта [1]). Однако, то служенье узкимъ интересамъ крупнаго капитала, которое красной нитью проходило черезъ всю дѣятельность „руководящаго центра" въ третьей Думѣ, ярко сказалось и въ данномъ случаѣ. Было примѣнено испытан-

[1]) Правыми былъ внесенъ законопроектъ о привлеченіи государственныхъ сберегательныхъ кассъ къ расширенію страхованій съ цѣлью обезпечить за каждымъ гражданиномъ неприкосновенный „минимумъ средствъ для существованія", но политиканство третьей Думы погребло это начинаніе безъ надлежащаго разсмотрѣнья общимъ собраніемъ.

ное средство, давшее такія блестящіе результаты и въ вопросѣ о подоходномъ налогѣ и во многихъ другихъ случаяхъ —похоронить дѣло въ комиссіи, гдѣ предсѣдателемъ былъ, разумѣется, октябристъ.

Борьба противъ такихъ похоронъ велась самая ожесточенная, дѣлались объ этомъ заявленья съ думской кафедры, назначались рабочей комиссіи сроки и наконецъ соотвѣтствующіе доклады ея попали на думскую повѣстку, но, однако, лишь весною 1911 года, къ исходу четвертаго года думскихъ занятій.

Однако и тутъ, за недостаткомъ времени (котораго въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, хотя бы по бюджетнымъ преньямъ, совершенно не жалѣли)—были закончены лишь общія пренья, а постатейное чтенье перенесено на послѣднюю, пятую сессію.

Тянули, такимъ образомъ, елико возможно, повидимому, въ той надеждѣ, что Государственному Совѣту времени для разсмотрѣнья столь важной и сложной реформы уже не останется: тогда преобразованье не осуществится, а всю вину можно будетъ свалить на Государственный Совѣтъ.

Впрочемъ, и помимо невѣроятной волокиты, рабочая комиссія, стараньями октябристовъ, внесла въ правительственный законопроектъ такое измѣненье, которое сразу чрезвычайно ухудшало положенье рабочихъ. Согласно комиссіонному докладу, обязанность лѣчить рабочихъ снималась съ предпринимателей и перелагалась на больничныя кассы. Правда, „взамѣнъ“, было предположено увеличить долю предпринимательскихъ взносовъ въ больничную кассу съ двухъ пятыхъ на три пятыхъ, уменьшивъ соотвѣтственно взносъ рабочихъ (съ трехъ пятыхъ на двѣ пятыя), но, разумѣется, эта одна пятая, которая перекладывалась съ рабочаго на предпринимателя, будучи сведена къ денежной суммѣ, давала величину неизмѣримо меньшую, чѣмъ тѣ расходы по лѣченью рабочихъ, которые, постановленьемъ рабочей комиссіи, снимались съ предпринимателя и перелагались на больничную кассу.

Въ общемъ собраніи Думы, однако, видя, что сія „поправка“ ни въ комъ сочувствія не встрѣчаетъ и что правительство возражаетъ противъ нея весьма рѣшительно, октябристы поддерживать ее не стали и эта часть законопроекта прошла въ первоначальной, правительственной редакціи.

Если, однако, законопроекту грозили крушеньемъ тѣ, кто защищалъ интересы только крупнаго капитала, то, одновременно, опасность была и съ другой стороны: противниками реформы выступили думскіе соціалъ демократы, заявившіе, что они за „полное принципіальное отклоненье законопроекта, какъ увеличивающаго опеку предпринимателя надъ рабочимъ и закрѣпощенье рабочаго за даннымъ предпріятіемъ“.

Приведенная формулировка ясно показала, въ какой мѣрѣ чисто политическія соображенья на революціонной подкладкѣ главенствовали у этихъ патентованныхъ защитниковъ рабочаго класса надъ требованьями экономическими. Опасенье, что партійное значенье соціалъ-демократіи въ рабочей средѣ уменьшится, что революціонныя теченья тамъ ослабѣютъ, заставили „принципіально“ отказываться отъ преобразованья, вносящаго несомнѣнное улучшенье въ положенье рабочаго.

Не тѣ ли самые это по существу своему мотивы, не та ли подкладка, которые заставляли лѣвое крыло, какъ было выяснено въ предшествующей главѣ, настойчиво проваливать всѣ правительственныя начинанья, направленныя къ улучшенью быта другой среды, на которую уповали революціонные элементы—среды малоземельнаго крестьянства? Разница, повидимому, только въ большей откровенности соціалъ-демократовъ и въ меньшемъ ихъ умѣніи находить благовидные предлоги.

Интересны исчисленья, приведенныя съ думской каѳедры самими соціалъ-демократами [1]). Въ предѣлахъ, очерченныхъ законопроектомъ, возложенное на предпринимателя лѣченье рабочихъ будетъ обходиться ежегодно въ 9,500,000 руб., кромѣ того ежегодный предпринимательскій взносъ въ больничныя кассы (исчисляя его въ двѣ пятыхъ) составитъ 11,000,000 р.. Если этотъ соціалъ-демократическій разсчетъ, оставшійся безъ опроверженья, невѣренъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ грѣшитъ въ сторону преуменьшенія, а не преувеличенья. И тѣмъ не менѣе соціалъ-демократы высказались противъ реформы!

Однако, когда переходъ къ постатейному чтенью былъ принятъ Думою, они выступили съ многочисленными по-

---

[1]) Стеногр. отчетъ. Сессія 4, ч. Ш, стр. 2597, и слѣд.

правками, расширявшими проектъ до предѣловъ, явно неприемлемыхъ.

Предѣлы эти опредѣлялись въ законопроектѣ, прежде всего, перечнемъ подходящихъ подъ дѣйствіе новой реформы предпріятій, *по роду* ихъ: фабрично заводскія, горныя, горно-заводскія, желѣзнодорожныя, судоходныя и трамвайныя.

Далѣе, слѣдовало опредѣленье границъ и *по размѣрамъ* предпріятій: такія, гдѣ примѣняются или паровые котлы, или машины, приводимыя въ дѣйствіе животными, силами природы (воды, газа, электричества и т. п.), или, наконецъ, гдѣ, хотя и нѣтъ такихъ котловъ и машинъ, но число постоянно занятыхъ рабочихъ не менѣе шестнадцати.

Многочисленныя поправки клонились къ тому, чтобы рамки эти расширить до полной неопредѣленности, включивъ сюда всевозможныя мелкія предпріятія со случайнымъ, постоянно мѣняющимся составомъ рабочихъ, часто не поддающіяся не только правительственному, фабричному надзору, но даже какому либо учету, регистраціи. Согласно „поправкѣ" соціалъ-демократовъ, реформу надлежало распространить и на иностранныхъ подданныхъ, и на *домашнюю прислугу* (!?)—разумѣется, принятіе такихъ, совершенно неосуществимыхъ (по крайней мѣрѣ, въ настоящее время) предположеній было равносильно полному провалу всего преобразованья.

Весьма существенными, но и спорными представлялись, далѣе, статьи законопроекта, опредѣляющія составъ особыхъ присутствій, наблюдающихъ за дѣломъ рабочаго страхованья и руководящихъ имъ. Такъ какъ члены такого присутствія отчасти назначаются правительствомъ, отчасти уполномачиваются предпринимателями, отчасти выбираются рабочими, то численное соотношеніе этихъ трехъ категорій пріобрѣтало, конечно, не маловажное значенье.

Вопросы эти въ связи съ отрицательнымъ взглядомъ на реформу крупныхъ капиталистическихъ теченій съ одной стороны и соціалъ-демократовъ съ другой, наглядно показываютъ, какое важное значенье имѣло отношенье къ законопроекту правыхъ

И здѣсь дѣйствія ихъ были строго государственными. Они рѣшительно, энергично поддерживали преобразованье, стараясь въ разумныхъ предѣлахъ расширить его рамки. Въ

этомъ направленіи о. Д. Ф. Машкевичемъ былъ внесенъ рядъ поправокъ, поддержанныхъ неоднократными его выступленьями и голосами правыхъ. Въ тоже время правые голосовали и противъ соціалъ-демократическихъ затѣй, вышеописаннаго характера, и противъ такихъ вожделѣній думской рабочей комиссіи, какъ снятіе съ предпринимателя обязанности лѣчить его заболѣвшихъ рабочихъ.

Хотя законопроекты о рабочемъ страхованіи были переданы изъ Думы въ Госуд. Совѣтъ лишь въ *мартѣ* 1912 г., но упованья думскихъ гробокопателей не оправдались; несмотря на чрезвычайную краткость срока, на обширность и сложность реформы, Госуд. Совѣту удалось съ ней справиться настолько быстро, что ко времени роспуска Думы, т. е. къ 9 іюню все было окончено, несмотря на то, что нѣкоторыя разногласія, правда второстепеннаго характера, потребовали согласительной комиссіи, а затѣмъ законопроекты эти удостоились Высочайшаго утвержденія 23 іюня 1912 г.

Остальные законопроекты, касающіеся рабочихъ, не имѣли столь существеннаго значенья, не вызывали въ Думѣ острыхъ разногласій и прохожденье ихъ тамъ не представляло принципіальнаго, политическаго интереса.

Въ этомъ направленіи заслуживаетъ вниманья внесенный соціалъ-демократами еще въ первую сессію запросъ о „преслѣдованіи профессіональныхъ союзовъ рабочихъ".

По самому существу этого документа было очевидно, что никакого матеріала для обвиненья правительства въ незакономѣрности онъ не даетъ, ибо рѣчь въ немъ шла о яко бы неправильныхъ постановленьяхъ губернскихъ присутствій, отказывавшихъ различнымъ обществамъ и союзамъ въ открытіи или постановлявшихъ о закрытіи уже открытыхъ.

Если даже въ постановленьяхъ этихъ была неправильность, то она сводилась къ невѣрному пониманью закона, подлежавшему обжалованью въ Сенатъ, но никоимъ образомъ не служила основаньемъ для запроса, ибо, при такомъ взглядѣ на запросъ, онъ можетъ быть внесенъ по поводу любого судебнаго рѣшенья.

Такого взгляда держалась и думская запросная комиссія, причемъ въ ней большинство за отклоненье запроса могло составиться, конечно, только благодаря октябристскимъ голосамъ, присоединившимся къ правому крылу.

Однако, въ общемъ собраніи Думы октябристы не замедлили, по обыкновенію, поступить наоборотъ.

Въ брошюрѣ, на которую мы уже ссылались: „Гололобовскій инцидентъ“, подробно описано какъ, подъ давленьемъ Гучкова, состоялось постановленье „парламентской фракціи союза 17 октября“—принять запросъ, причемъ на фракціонномъ засѣданіи, гдѣ было принято это постановленье (еще до начала думскихъ преній по запросу) участвовало 13 человѣкъ: восемь высказалось *за* принятіе запроса, пять *противъ*. На остальныхъ, не бывшихъ на фракціонномъ засѣданіи, можно было воздѣйствовать авторитетомъ,—обязательностью уже принятаго фракціоннаго рѣшенія.

Почему же понадобилось принятіе запроса руководителямъ октябризма?

Отвѣтъ, думается, простой. Въ это время въ рабочей комиссіи вылеживались и искажались, въ угоду вожделѣньямъ крупныхъ капиталистовъ, законопроекты о рабочемъ страхованіи. Надлежало, между тѣмъ, показать, что октябристы вовсе не враги рабочимъ, что рабочіе интересы близки октябристскому сердцу. Но сдѣлать это желательно было подешевле.

И вотъ открылся прекрасный случай: и расположенье, сочувствіе высказано; мало того, даже проявлено негодованье по поводу „незаконнаго“ угнетенья рабочихъ, и ни единаго гроша платить за это не надо, и въ отвѣтѣ все то же долготерпѣливое и многомилостивое къ октябристамъ правительство.

Въ результатѣ запросъ оказался принятымъ голосами лѣваго крыла и октябристовъ.

Истинные мотивы октябристскаго голосованья были тогда же указаны правыми съ думской каѳедры въ выраженьяхъ вполнѣ опредѣленныхъ [1]): „изъ преній по запросу для рабочихъ рѣшительно ничего не выйдетъ, имъ не будетъ ни жарко, ни холодно, но зато положенье ихъ можетъ существенно улучшиться отъ тѣхъ законопроектовъ, касающихся положенья рабочихъ, которые находятся въ рабочей комиссіи Госуд. Думы. И вотъ, въ то время, когда центръ

[1]) Стеногр. отчетъ, сессія 2, ч. II, стр. 2463 и слѣд.; сессія 3, ч. I, стр. 1361.

очень охотно выдвигаетъ настоящій запросъ и по нему начинаются безконечныя пренья, въ то время, когда представители этого центра проливаютъ слезу сочувствія на грудь „угнетаемыхъ правительствомъ рабочихъ“, тѣ законопроекты, которые дѣйствительно могутъ облегчить участь рабочихъ, упорно держатся въ комиссіи и никоимъ образомъ попасть въ общее собранье Думы не могутъ“.

Правыми было указано далѣе, что къ профессіональнымъ союзамъ, какъ таковымъ, они относятся очень сочувственно и всячески готовы ихъ поощрять, но

„подъ профессіональными союзами надо разумѣть не филіальныя отдѣленія соціалъ-демократической организаціи, а союзы для подъема благосостоянія рабочихъ только на экономической почвѣ, для развитія ихъ самодѣятельности. Въ партійной же литературѣ соціалъ-демократической рабочей партіи совершенно опредѣленно сказано: надо добиваться открытія союзовъ и ихъ легализаціи; ради этой легализаціи надо идти на всевозможныя уступки, надо быть покладистымъ, не надо спорить съ администраціей и т. д. но, добившись легализаціи, надо твердо помнить, что профессіональные союзы—это союзы для классовой борьбы пролетаріата, *для борьбы политической*, для борьбы по той программѣ, которая начертана соціалъ-демократической рабочей партіей (*голосъ слѣва „вѣрно!“*) Разложеніе профессіональныхъ союзовъ, въ той же партійной литературѣ, объясняется не только угнетеніями администраціи и гоненіями полиціи, но и другими причинами, ибо оно замѣчается и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ нѣтъ никакихъ притѣсненій, напримѣръ, на Кавказѣ. Въ газетахъ „Голосъ Соціалъ-Демократа“ и „Впередъ“ говорится, что „когда полиція закрыла одинъ изъ профессіональныхъ союзовъ, то всѣ вздохнули облегченно, потому что въ этомъ союзѣ уже было внутреннее гніеніе; причину этому сами соціалъ-демократы усматриваютъ въ томъ, что „прошелъ извѣстный острый политическій моментъ; такъ какъ эти организаціи вовсе не экономическія, а политическія, то съ измѣненіемъ политическаго момента, съ упадкомъ политическаго интереса, начался и упадокъ союзовъ даже тамъ, гдѣ, по сознанію самихъ соціалъ-демократовъ, не было никакихъ репрессій“.

Именно соціалъ демократы не позволяютъ развиться здоровому, чуждому политикѣ профессіональному движенью, прилагая всѣ усилія, чтобы всякій профессіональный союзъ былъ немедленно окрашенъ соціалъ-демократической программой и превратился бы въ революціоную ячейку.

Отвѣтъ на запросъ, данный правительствомъ, въ лицѣ Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, гласилъ [1]), какъ это можно было безошибочно предсказать заранѣе, что „по тому смыслу, который наши Основные Законы придаютъ понятію о незакономѣрности, необходимой для запроса, не представляется никакой возможности говорить о ней по отношенію къ дѣйствіямъ коллегіальныхъ учрежденій, права и обязанности которыхъ точно опредѣлены въ законѣ и рѣшеніе которыхъ, на основаніи того же закона, подлежатъ обжалованію предъ высшимъ въ Имперіи учрежденіемъ по истолкованію законовъ—Правительствующимъ Сенатомъ. Какой отвѣтъ можетъ дать Министерство Внутреннихъ Дѣлъ на вопросъ: почему то или иное присутствіе такъ, а не иначе, истолковало законъ, какими мѣрами воздѣйствія обладаетъ оно по отношенію къ этимъ присутствіямъ. Отвѣтъ одинъ —*никакими.* На основаніи ст. 39 правилъ 4 марта 1906 г., даже въ томъ единственномъ случаѣ, когда высшій представитель Министерства на мѣстахъ—губернаторъ не согласенъ съ мнѣніемъ присутствія, онъ входитъ съ представленіемъ къ Министру, который въ свою очередь не имѣетъ права дѣлать никакихъ распоряженій, а предоставляетъ это опять таки Правительствующему Сенату. Отъ высшей инстанціи зависитъ истолковать, правильно или неправильно присутствіе примѣняло законъ“.

„Министерство Внутреннихъ Дѣлъ—закончилъ представитель правительства—ведетъ борьбу не съ профессіональнымъ движеніемъ, а съ антиправительственной пропагандой; вѣдь ясно, что профессіональные союзы превращаются мало-по-малу въ противозаконныя сообщества, и если правительство не приметъ своевременно мѣръ, на которыя оно по закону уполномочено, то мы встрѣтимся сначала съ политической забастовкой, а потомъ, быть можетъ, и съ вооруженнымъ возстаніемъ. Министерство, сознающее свой долгъ предъ Государемъ и родиной, этого допустить не можетъ *(шумныя рукоплесканія справа)*, и,—я твердо заявляю съ этой каѳедры,—не допуститъ. *(Голоса: браво)*.

Несмотря на полное отсутствіе и юридическихъ и фактическихъ основаній къ запросу, баронъ Мейендорфъ, отъ лица „парламентской фракціи союза 17 октября“ не преминулъ внести осуждающую правительство формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающую „пожеланье, чтобы Министръ Внутреннихъ Дѣлъ принялъ зависящія мѣры для исполненія подлежащими учрежденьями правилъ объ обще-

---

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 3, ч. I, стр. 944 и слѣд.

ствахъ и союзахъ", иначе къ этимъ учрежденьямъ „подрывается довѣріе".

Предшествующимъ изложеньемъ достаточно выяснено, насколько октябристы злоупотребляли правомъ запроса, какъ легкомысленно путемъ запросовъ они подрывали авторитетъ власти ради своихъ узко партійныхъ цѣлей, ради всевозможныхъ парламентскихъ „сосчитываній" въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ правительственныя мѣропріятія не только не представляли рѣшительно ничего незакономѣрнаго, но были настоятельно необходимы для поддержанья порядка, для отпора революціонному натиску. Поведенье октябристовъ по запросамъ лѣвыхъ о высшей школѣ, объ адвокатахъ, проносившихъ всякую контрабанду арестантамъ, представляютъ яркій тому образчикъ. Сюда же надлежитъ причислить и запросъ о профессіональныхъ союзахъ. И здѣсь они не остановились передъ поддержкой такого запроса, который явно былъ разсчитанъ на то, чтобы „подогрѣть" революціонное движенье. Этому, впрочемъ, были даже прямыя указанья, оглашенныя правыми съ думской каѳедры. Ими было прочтено напечатанное въ „Голосѣ Соціалъ-Демократа" обращенье центральнаго соціалъ-демократическаго комитета „ко всѣмъ профессіональнымъ союзамъ Имперіи", гдѣ, между прочимъ, значится такой вопросъ: „какъ относится ваша организація къ мысли объ одновременномъ повсемѣстномъ выступленіи пролетаріата въ формѣ одновременной стачки, демонстрацій, собраній и т. д. въ день запроса соціалъ-демократической фракціи въ Думѣ о гоненьяхъ на профессіональные союзы"?

Формула, внесенная барономъ Мейендорфомъ и съ радостью, конечно, встрѣченная всѣмъ лѣвымъ крыломъ, была поставлена на баллотировку въ самомъ концѣ засѣданья.

Подсчетъ голосовавшихъ вставаньемъ и сидѣньемъ далъ 120 *за* и 106 *противъ*. Видимо, и въ этотъ разъ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, „оппозиціонные жесты" вождей „руководящаго центра" были ужасно не по нутру рядовымъ октябристамъ и кое кто изъ нихъ или вовсе ушелъ изъ засѣданья, или присоединился къ правому крылу.

Такъ какъ разница оказалась только въ 14 голосовъ, а при подсчетѣ встающихъ и сидящихъ сплошь и рядомъ бывали ошибки и болѣе крупныя, то правые стали настаивать на провѣркѣ голосованья выходомъ въ двери.

Далѣе воспроизводимъ по стенограммѣ.

Предсѣдатель Н. А. Хомяковъ. Вниманья только на одну минуту. Позвольте доложить, что на повѣстку слѣдующаго засѣданья будетъ поставлено продолженье сегодняшней повѣстки. Объявляю засѣданье Госуд. Думы закрытымъ. А теперь кому угодно—въ двери".

Такъ была принята формула, которой главари октябризма хотѣли „отыграться" въ рабочемъ вопросѣ, такъ октябристскій предсѣдатель лишній разъ показалъ свое дешевое остроуміе и свою неспособность руководить сложнымъ государственнымъ дѣломъ.

Обзоръ того, что сдѣлала третья Дума въ области рабочаго вопроса, приводитъ къ выводу, который приходилось дѣлать уже не разъ. Новаго, своего, творческаго, созидательнаго нашими парламентаріями не внесено рѣшительно ничего. Напротивъ, безспорно полезныя для рабочихъ начинанья правительства все время встрѣчали противодѣйствіе и если были осуществлены, спасены отъ искаженій, то главнымъ образомъ благодаря воздѣйствію правыхъ. Кто же и во имя чего противился этимъ начинаньямъ? Съ одной стороны, во имя узкихъ капиталистическихъ вожделѣній, тѣ, кто всячески старался изобразить либеральную благожелательность къ рабочему; съ другой стороны, ради служенья революціи, тѣ, кто объявляетъ себя единственнымъ, патентованнымъ „другомъ рабочихъ".

Глава XII.

Заключенье.

Разсмотрѣнные нами вопросы, конечно, не охватываютъ всего того, что происходило въ третьей Думѣ. Это лишь сжатый очеркъ самыхъ главныхъ, самыхъ важныхъ сторонъ государственной жизни, поскольку онѣ прошли передъ законодательными учрежденьями за послѣдніе пять лѣтъ.

Впрочемъ, и здѣсь имѣющая громадное значенье область военная и военно-морская не вошла въ кругъ нашего изложенья. Большая и наиболѣе существенная часть относившихся сюда законопроектовъ слушалась въ Думѣ при закрытыхъ дверяхъ, слѣдовательно, не подлежала публичному обсужденью. Давать вмѣсто цѣльной картины отры-

вочныя свѣдѣнья, лишенныя общей связи, а тѣмъ болѣе дополнять ихъ догадками или намеками мы считали неумѣстнымъ.

Думаемъ, однако, что, несмотря на этотъ пропускъ, цѣль наша достигнута: значенье правыхъ въ третьей Думѣ выяснено достаточно опредѣленно.

Остается отвѣтить еще на одно обвиненіе, широко распространенное и въ лѣвой и въ октябристской печати. Она утверждаетъ, что правые систематически мѣшали плодотворнымъ „парламентскимъ“ трудамъ путемъ заранѣе подготовленныхъ скандаловъ и вообще превратили „высокую палату“ въ мѣсто весьма низменной перебранки.

Быстраго паденья думскихъ нравовъ до очень невысокаго уровня и пышнаго расцвѣта думскихъ скандаловъ, перебранокъ никто не отрицаетъ, но приписывать такой поворотъ думской жизни правымъ—это значитъ опять таки, какъ и въ цѣломъ рядѣ случаевъ, разобранныхъ ранѣе, валить съ больной головы на здоровую.

Нравы учрежденья, его бытъ, его распорядки всегда и вездѣ зависятъ отъ тѣхъ, кто занимаетъ въ немъ первенствующую, руководящую роль.

Такъ было и въ Думѣ. Сошлемся прежде всего на совершенно безпристрастное впечатлѣнье тѣхъ стороннихъ Думѣ лицъ, которыя попадали на думскіе хоры „посмотрѣть, послушать“.

Отзывы длиннаго ряда такихъ зрителей и слушателей, самаго различнаго общественнаго положенья и политической окраски, удостовѣряли всегда буквально одно и тоже: глубочайшее изумленье разговорамъ, шуму, безпорядку, суетѣ, снованью взадъ и впередъ, которые на свѣжаго человѣка производили прямо удручающее впечатлѣнье.

— „Мы были подготовлены, мы знали, что въ Думѣ шумятъ, разговариваютъ, но увидѣть такое безобразіе никакъ не ожидали“...

Такъ съ единодушіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненья, говорили рѣшительно всѣ, попавшіе первый разъ въ Думу.

Что же, и здѣсь виноваты правые, составлявшіе одну девятую часть всей Думы, а не октябристы, явившіеся туда многочисленной „руководящей“ группой и, главное, выдви-

нувшіе изъ своей среды думскихъ предсѣдателей, сначала Хомякова, а потомъ Гучкова, прямою обязанностью которыхъ было недопущенье всего этого шума, гама, снованья и суеты.

Разумѣется, если бы на первыхъ же порахъ, когда только сформировывался укладъ думской жизни, Хомяковъ, вмѣсто отпусканія весьма невысокаго достоинства шуточекъ и остротъ, вмѣсто заботъ о собственной популярности, вмѣсто культивированья іудейскихъ журналистовъ, хоть немного бы заботился о поддержаніи порядка, никогда бы ничего подобнаго создаться въ Думѣ не могло.

Здѣсь же лежитъ объясненіе и другого явленья—думскихъ „скандаловъ“ въ тѣсномъ смыслѣ.

Тамъ, гдѣ судъ и власть бездѣйствуютъ или, еще хуже, дѣйствуютъ лицепріятно—тамъ всегда начинается самосудъ и саморасправа.

Такъ было и въ Думѣ.

Планомѣрныхъ, предварительно обдуманныхъ и заранѣе организованныхъ скандаловъ никогда и никто тамъ не производилъ.

Всѣ скандалы всегда разыгрывались внезапно, такъ сказать „стихійно“, вслѣдствіе предсѣдательскаго бездѣйствія, попустительства или несправедливости.

Когда съ думской каѳедры оскорбляли православную церковь, поносили монархію, называли правыхъ „убійцами“, „провокаторами“, „погромщиками“, говорили, что у нихъ „нѣтъ ни совѣсти, ни чести“, а отъ предсѣдателя никакихъ рѣшительныхъ мѣръ обузданья добиться нельзя было, то, конечно, начиналась „саморасправа“, всегда принимающая грубыя, уродливыя формы. Люди, болѣе вспыльчивые, разражались, наконецъ, бранью и поднимался общій скандалъ.

Многочисленные образчики невозбраннаго надругательства съ думской каѳедры надъ тѣмъ, что для правыхъ было дорого и свято, а также прямого и тяжкаго оскорбленья правыхъ приведены въ первыхъ главахъ нашего изложенья въ изобиліи. Все это матеріалъ документальный, фактическій, удостовѣряемый стенограммами и часто закрѣпленный протестами правыхъ на дѣйствія предсѣдателя.

Такъ внѣдрилась въ Думу озвѣрѣлость, грубость нра-

вовъ, которая подъ конецъ уже, дѣйствительно, вошла какъ бы въ обиходъ.

Истиннымъ происхожденьемъ думскихъ скандаловъ объясняется и тотъ фактъ, очень благопріятный на первый взглядъ для октябристовъ, что они никогда скандала не затѣвали.

Да, потому что ихъ права, ихъ интересы всегда сугубо ограждались предсѣдателями и для нихъ ни малѣйшаго повода негодовать на предсѣдательское бездѣйствіе и попустительство никогда не возникало.

Но какъ только октябристамъ пробовали говорить непріятныя для нихъ вещи, такъ они начинали себя вести нисколько не лучше другихъ. Возьмемъ, хотя бы, воспроизведенную нами въ 4 главѣ (стр. 66—67) рѣчь священника Гепецкаго, котораго октябристы все время прерывали шумомъ и возгласами, а провожали шиканьемъ и даже свистомъ.

Что же касается предсѣдательскаго „благопріятствованья“ октябристамъ, то сему приведемъ небольшой примѣръ; онъ, кстати, даетъ описанье одного изъ „скандаловъ“, въ которомъ, однако, правые никакого участья не принимали.

17-го мая 1912 года происходило въ высшей степени серьезное, имѣвшее огромное дѣловое значеніе, постатейное чтенье выработаннаго Государственнымъ Совѣтомъ и поступившаго сразу въ общее собранье Думы, безъ комиссіоннаго разсмотрѣнья, законопроекта о новомъ устройствѣ волостного суда.

Докладчикомъ былъ октябристъ Шубинской.

Обсуждалась [1]) статья о томъ, кто можетъ и кто не можетъ быть волостнымъ судьей.

Кадекъ Черносвитовъ заявивъ, что въ силу „политическихъ теченій“ „за послѣднее время тюрьма сдѣлалась тѣмъ учрежденьемъ, въ которомъ отбываютъ наказанье во многихъ случаяхъ лучшіе сыны родины“—внесъ соотвѣтствующую „поправку“, согласно которой отбытіе тюремнаго заключенья, само по себѣ, не служитъ препятствіемъ для занятія должности волостного судьи. При этомъ, однако, въ концѣ поправки значилось, что сидѣвшіе въ тюрьмѣ за

---

[1]) Стенографическій отчетъ. Сессія 5, ч. IV, стр. 1726 и слѣд.

кражу, мошенничество, присвоенье, укрывательство похищеннаго судьями быть не могутъ.

Поправки такого рода кадеки старались всунуть и въ цѣлый рядъ другихъ законопроектовъ [1]) съ нескрываемой цѣлью вернуть къ политической жизни выборгскихъ сидѣльцевъ.

Само собой разумѣется, что приравнивать ихъ къ ворамъ и мошенникамъ кадеки совершенно не желали, а потому и кадекскія поправки всегда снабжались оговоркой, вродѣ только что приведенной.

Всего этого не могъ не знать Шубинской; тѣмъ не менѣе, заключенье его, какъ докладчика, было таково:

„Черносвитовъ сожалѣлъ, скорбѣлъ и желалъ, чтобы попали въ составъ волостныхъ судей лучшіе сыны родины (*голосъ слѣва: пошлякъ*), каковыми онъ именовалъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ, а я прочитаю его поправку: „за кражу, за мошенничество, за присвоеніе ввѣреннаго имущества, за укрывательство похищеннаго, за покупку завѣдомо краденаго или добытаго черезъ обманъ имущества, или ростовщичество“. Вотъ, собственно, о чемъ скорбѣлъ сей членъ Государственной Думы (*Голосъ слѣва: балаганъ*), я противъ такого рода поправки (*Голосъ слѣва: вы лжецъ*).

Хотя заявленье Черносвитова о „лучшихъ сынахъ родины“ было чрезвычайно возмутительно [2]), однако должно признать, что все таки онъ совершенно не говорилъ того, что ему приписалъ докладчикъ Шубинской, напротивъ, поправка гласила, что лица, отбывшія наказанье за кражу, мошенничество и т. д. *не могутъ* быть судьями.

Это немедленно и было выяснено Черносвитовымъ, закончившимъ словами:

„Такимъ образомъ, при васъ, на этой трибунѣ докладчикъ показалъ ту ловкость рукъ, которая носитъ названье шулерства (*Шумъ; рукоплесканья слѣва*).

Предсѣдатель. Членъ Госуд. Думы Черносвитовъ. Призываю васъ къ порядку. Переходимъ къ голосованью.

---

[1]) Въ главѣ 4, при разсмотрѣніи законопроекта о старообрядческихъ общинахъ, одна изъ такихъ попытокъ описана подробно (стр. 56 слѣд.). Тогда октябристы ее *поддерживали*.

[2]) И здѣсь, казалось бы, предсѣдатель былъ обязанъ остановить кадекскаго оратора, какъ „уклонившагося отъ уваженья къ закону“, на точномъ основаніи 37 ст. Учр. Гос. Думы. Увы, думскіе предсѣдатели давно ввели въ обычай примѣнять 37 статью лишь тогда, когда это имъ нравилось.

Гегечкори (съ мѣста) Шубинской шулеръ—вотъ крылатое слово.

Предсѣдатель. Членъ Госуд. Думы Гегечкори, я принужденъ буду принять относительно васъ болѣе серьезныя мѣры. Прошу соблюдать тишину".

Далѣе полторы страницы стенограммы заняты результатами сложной баллотировки различныхъ поправокъ.

Такимъ образомъ, казалось бы, „инцидентъ исчерпанъ". Такъ бы оно и было, если бы Шубинской не принадлежалъ къ партіи октябристовъ. Если обратиться къ стенограммамъ, то окажется, что цѣлый рядъ возгласовъ и наименованій, гораздо болѣе сочныхъ, чѣмъ „шулерство", оканчивался „призывомъ къ порядку"—и только. Но... эти возгласы и наименованья направлялись по адресу лицъ, не имѣвшихъ счастья принадлежать къ „руководящему центру".

Здѣсь же призывомъ къ порядку дѣло не ограничилось.

Проголосовавъ слѣдующую статью, предсѣдатель послѣ какихъ то конфиденціальныхъ обращеній къ нему шепотомъ со стороны Шубинского, вдругъ заявилъ:

Въ только что происшедшихъ преніяхъ отъ сильнаго шума я не разслышалъ и не разобралъ тѣхъ словъ, которыя позволилъ себѣ сказать членъ Госуд. Думы Черносвитовъ [1]). Членъ Госуд. Думы Черносвитовъ съ этой каѳедры сказалъ: „при васъ на этой трибунѣ докладчикъ показалъ ту ловкость рукъ, которая носитъ названіе шулерства". Я считаю, что гг. членамъ Госуд. Думы, уважающимъ ту высокую каѳедру, которую они занимаютъ, непозволительно произносить подобныя рѣзкія слова, это недопустимо по адресу своихъ товарищей. Поэтому я предлагаю члена Госуд. Думы Черносвитова устранить отъ участія въ двухъ засѣданіяхъ общаго собранія (*Рукоплесканія въ центрѣ*).

Послѣ объясненья, даннаго Черносвитовымъ, гдѣ онъ еще разъ выяснилъ то извращенье его словъ, которое произвелъ Шубинской, стенограмма гласитъ такъ:

Предсѣдатель. Ставлю на голосованіе предложеніе объ устраненіи члена Госуд. Думы Черносвитова отъ участія въ двухъ засѣданіяхъ. (**Гегечкори**, *съ мѣста*: безобразіе, этого нельзя допускать, это насиліе, долой докладчика). Покорнѣйше прошу соблюдать тишину. (**Гегечкори**, *съ мѣста*: это недопустимо). Членъ Госуд. Думы Гегечкори, я принужденъ буду принять противъ васъ соотвѣтствующія мѣры. (*Шумъ*

[1]) А въ такомъ случаѣ, если, дѣйствительно, слова Черносвитова „за шумомъ", не были разслышаны Предсѣдателемъ, за что же Предсѣдатель призвалъ Черносвитова къ порядку?

слѣва). Прошу не шумѣть. (*Шумъ*). Предупреждаю гг. шумящихъ, что мною будутъ приняты тѣ же мѣры, какъ относительно члена Госуд. Думы Черносвитова. (*Сильный шумъ слѣва*; **Степановъ**, *съ мѣста*: исключайте насъ тоже, пожалуйста, сдѣлайте одолженіе; **Гегечкори**, *съ мѣста*: призовите къ порядку докладчика). Членъ Госуд. Думы Гегечкори, призываю васъ къ порядку. (*Шумъ*). Ставлю на голосованіе предложенную мною мѣру взысканія по отношенію къ члену Госуд. Думы Черносвитову. (*Голоса слѣва*: сначала Шубинского исключите; **Гегечкори**, *съ мѣста*: если докладчикъ не будетъ призванъ къ порядку, скандалъ громадный учинимъ; **Милюковъ**, *съ мѣста*: шулера вонъ). Итакъ, ставлю мое предложеніе на голосованіе. (*Баллотировка*). Принято большинствомъ 125 голосовъ противъ 86. Членъ Госуд. Думы Черносвитовъ устраненъ отъ участія въ двухъ засѣданіяхъ общаго собранія. (**Захаровъ 2**, *съ мѣста*: это подлость). Членъ Госуд. Думы Захаровъ 2. Призываю васъ къ порядку. (**Гегечкори**, *съ мѣста*: прошу слова по нарушенію Наказа). По нарушенію Наказа слово принадлежитъ члену Госуд. Думы Гегечкори.

Гегечкори. Отъ лица моихъ товарищей позвольте сдѣлать заявленіе. Не входя совершенно въ существо, въ критику того распоряженія, которое было сейчасъ сдѣлано въ отношеніи Черносвитова, мы заявляемъ, что г. Предсѣдатель не исполнитъ своего долга, если докладчикъ не будетъ призванъ къ порядку, ибо поведеніе Черносвитова можетъ быть объяснено исключительно поступкомъ г. докладчика. Поэтому я заявляю, что если докладчикъ не понесетъ заслуженнаго наказанія, то мы въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ будемъ совершенно свободны. (*Продолжительныя рукоплесканія слѣва*; **Захаровъ 2**, *съ мѣста*: Шубинской шулеръ; *голоса слѣва*: стенограмму сейчасъ, стенограмму).

Предсѣдатель. (*звонитъ*). Успокойтесь. Переходимъ къ ст. 7. (*Слѣва сильный шумъ и голоса*: призовите къ порядку докладчика, возьмите стенограмму). По ст. 7 слово принадлежитъ члену Госуд. Думы Тимошкину.

Слѣдуетъ рѣчь Тимошкина, послѣ которой на каѳедрѣ появляется Шубинской, какъ докладчикъ, чтобы высказаться по внесеннымъ поправкамъ.

Обращаемся опять къ стенограммѣ:

Шубинской. (докладчикъ согласительной комиссіи). Господа! (*Голоса*: довольно; *слѣва сильный шумъ, стукъ по пюпитрамъ и крики*, долой).

Предсѣдатель. Я покорнѣйше прошу гг. членовъ Госуд. Думы успокоиться. Стенограмма будетъ мною провѣрена [1]),

---

[1]) А если стенограмма еще не провѣрена, если стенограммы

а теперь я прошу не нарушать порядка засѣданія. (*Слѣва шумъ и голоса*: довольно). Прошу не шумѣть и не мѣшать оратору говорить.

Засѣданіе продолжается подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Госуд. Думы кн. В. М. Волконскаго.

Предсѣдательствующій. Сейчасъ Предсѣдателемъ будетъ доложено заключеніе по рѣчи докладчика.

Шубинской (докладчикъ согласительной комиссіи). Считаю... (*Слѣва безпрерывный шумъ и голоса*: довольно, шулеръ; *звонокъ Предсѣдательствующаго; голоса справа*: молчите: *голоса въ центрѣ*: говорите. *Словъ докладчика не слышно изъ-за шума*)...

Не имѣя возможности говорить, Шубинской покидаетъ каѳедру.

Предсѣдательствующій. Къ ст. 7 имѣется поправка члена Госуд. Думы Тимошкина. (*Шумъ*). Покорнѣйше прошу соблюдать тишину. Мы голосуемъ поправку члена Госуд. Думы Тимошкина. (*Голоса слѣва*: стенограмму). Стенограмма будетъ доложена. Итакъ...

Слѣдуетъ рядъ голосованій, принимается статья восьмая [1]). Дума переходитъ къ статьѣ девятой, по которой вноситъ „поправку" членъ мусульманской группы Максудовъ, и, въ подкрѣпленье поправки, произноситъ небольшую рѣчь, которую заканчиваетъ такъ:

Я сейчасъ, гг., обращался къ г. докладчику и сказалъ ему, что поправка имѣетъ громадное жизненное значеніе. Знаете, что мнѣ отвѣтилъ г. докладчикъ, который сейчасъ возбуждаетъ всеобщее негодованіе? Онъ говорилъ, „вы, мусульмане, голосовали противъ волостного суда, теперь мы не будемъ голосовать за вашу поправку, пусть мусульмане принимаютъ присягу по христіанской формулѣ" [2]). (*Слѣва рукоплесканія, смѣхъ и голоса*: шулеръ).

Баллотировкой поправка Максудова принимается, такъ же, какъ и слѣдующія четыре статьи законопроекта, по которымъ говоритъ рѣчь Гулькинъ.

На предсѣдательскомъ мѣстѣ князя Волконскаго смѣняетъ опять Предсѣдатель Думы.

нѣтъ, то какимъ же путемъ Предсѣдатель ознакомился съ тѣми словами Черносвитова, которыхъ онъ „за сильнымъ шумомъ не разслышалъ?

[1]) Это при такомъ содомѣ, безъ заключенья докладчика, которому не даютъ говорить, и по законопроекту огромной важности, Думѣ почти не извѣстному, въ думской комиссіи не обсуждавшемуся.

[2]) Тоже недурной образчикъ государственнаго отношенья къ законодательствованью!..

Предсѣдатель. Слово принадлежитъ члену Госуд. Думы Пахальчаку (*голоса слѣва:* а что стенограмма исправляется? не успѣли!?):

Слѣдуетъ рѣчь Пахальчака.

Предсѣдатель. Списокъ ораторовъ исчерпанъ. Слово принадлежитъ докладчику. (*Слѣва шумъ и голоса:* довольно; стенограмму).

Шубинской (докладчикъ согласительной комиссіи). Я считаю... (*Слѣва сильный шумъ; стукъ по пюпитрамъ; звонокъ Предсѣдателя; голоса слѣва:* шулеръ, долой, довольно, стенограмму; **Гегечкори,** *съ мѣста:* провокаціей занимаетесь, сойдите съ каѳедры; *голоса слѣва:* долой).

Предсѣдатель. Прошу соблюдать тишину. (*Обращаясь къ докладчику*). Прошу васъ говорить. (*Слѣва шумъ, стукъ по пюпитрамъ и голоса:* долой, просимъ стенограмму). Покорнѣйше прошу успокоиться. (*Шумъ; звонокъ Предсѣдателя*). Прошу соблюдать тишину. (*Голоса слѣва:* долой, стенограмму; *шумъ*). Членъ Госуд. Думы Сверловъ [1]). Прошу васъ занять ваше мѣсто. Я очень прошу не шумѣть, мною будетъ сдѣлано сообщеніе послѣ голосованія ст. 15 [2]). *Слѣва шумъ и голоса:* стенограмму). Членъ Госуд. Думы Гегечкори. Прошу васъ успокоиться.

Шубинской... (*словъ докладчика не слышно изъ-за сильнаго шума и стука по пюпитрамъ съ лѣвой стороны*).

Предсѣдатель. Приступаемъ къ голосованію. 30 членовъ Государственной Думы предлагаютъ изложить ст. 15 въ новой редакціи; позвольте ее огласить. (*Шумъ слѣва*). Членъ Госуд. Думы Щепкинъ. Прошу васъ не шумѣть. (*Голосъ въ центрѣ:* Щепкинъ хорошій барабанщикъ). Итакъ,

(Слѣдуетъ оглашенье и баллотировка).

Въ виду заявленія о нарушеніи мною Наказа, сдѣланнаго членомъ Госуд. Думы Гегечкори, я ознакомился по стенограммѣ съ рѣчью члена Госуд. Думы докладчика Шубинского. По содержанію этой рѣчи я въ ней не нашелъ такихъ выраженій и такихъ оборотовъ, которыя заставили бы Предсѣдателя Государственной Думы примѣнить одну изъ карательныхъ мѣръ § 143 Наказа. Но (*движеніе слѣва*) я долженъ замѣтить, что при внимательномъ ознакомленіи съ содержаніемъ рѣчи члена Госуд. Думы Шубинского и по сопоставленію ея со смысломъ поправки, внесенной членомъ Госуд. Думы Черносвитовымъ, я нахожу, что такого освѣщенія, какое сдѣлалъ членъ Госуд. Думы Шубинской, сдѣ-

---

[1]) Члена Госуд. Думы, носящаго такую фамилію, нѣтъ. Предсѣдатель не знаетъ, кого онъ проситъ сѣсть на мѣсто.

[2]) Это великолѣпно. Сначала, посреди скандала, проголосуемъ. а потомъ покончимъ со скандаломъ. Интересы правильнаго законодательствованья требовали, казалось бы, обратнаго.

лано не должно было быть. Считаю инцидентъ исчерпаннымъ. Переходимъ къ ст. 16. (*Шумъ слѣва; рукоплесканья въ центрѣ: голосъ слѣва*: за что же Черносвитова исключили?). Я объявилъ инцидентъ исчерпаннымъ".

Таково описанье скандала, воспроизведенное со стенографической точностью.

Учиненъ онъ былъ лѣвыми.

Однако надлежитъ признать, что если бы не предосудительныя выходки октябристскаго докладчика, если бы не поведенье октябристскаго предсѣдателя, сначала проявившаго весьма одностороннюю справедливость, а потомъ подъ давленьемъ скандала,—пошедшаго на уступки—если бы не эти *причины*, лежавшія въ дѣйствіяхъ членовъ Думы изъ *центра*, то не было бы и скандала, произведеннаго членами Думы *слѣва*.

Несмотря на то, что съ ихъ стороны сей скандалъ былъ далеко не единственнымъ, свалить все на правыхъ, изобразить ихъ, при помощи лѣвыхъ органовъ печати, какими то присяжными скандалистами, пришедшими въ Думу „только чтобъ скандалить"—было слишкомъ соблазнительно и при выборахъ въ 1911 г. думскаго „президіума", кадеки имѣли развязность выступить съ „внѣочереднымъ заявленьемъ", составленнымъ въ этомъ смыслѣ.

Тогда и со стороны правыхъ, предсѣдателемъ ихъ А. С. Вязигинымъ было сдѣлано такое заявленье [1]):

„Въ русскомъ обществѣ, повременной печати и даже въ средѣ самихъ членовъ Госуд. Думы широко распространены обвиненія правыхъ членовъ Госуд. Думы въ нарушеніи „добрыхъ нравовъ", которые должны господствовать въ законодательномъ учрежденіи. (*Голоса справа: правильно*). Считаемъ долгомъ заявить, что для правильнаго отношенія къ этимъ обвиненіямъ необходимо принять во вниманіе хотя бы такіе незыблемо установленные факты: 1) первою, издающеюся въ Россіи, газетою, обвиненною судомъ за грубое ругательное оскорбленіе членовъ Госуд. Думы, была газета „Рѣчь", въ заголовкѣ коей красуется указаніе, что въ ней ближайшее участіе принимаетъ членъ Государствен. Думы, лидеръ партіи народной свободы Милюковъ. (*Голоса справа: браво*). Обруганъ же былъ правый членъ Государ. Думы Тимошкинъ.

2) первымъ и пока единственнымъ думскимъ корреспондентомъ, осужденнымъ за оклеветаніе члена Госуд. Думы.

---

[1]) Стеногр. отч. Сессія 5, ч. I. стр. 980 и слѣд.

былъ корреспондентъ „прогрессивной“ газеты [1]), ссылавшійся во время процесса на показанія членовъ Госуд. Думы, принадлежащихъ, по преимуществу, къ лѣвому ея крылу. Оклеветанъ былъ правый октябристъ Я. Г. Гололобовъ; 3) первымъ и пока единственнымъ членомъ Госуд. Думы, осужденнымъ по частной жалобѣ, по обвиненію, тѣсно связанному съ думской дѣятельностью, былъ членъ партіи народной свободы, привлеченный по обвиненію въ клеветѣ [2]); 4) многократно, по свидѣтельству стенографическихъ отчетовъ, съ лѣвыхъ скамеекъ раздавались грязныя обвиненія и непристойныя ругательства, направленныя противъ правыхъ ораторовъ и даже правыхъ организацій, такъ, напр., 31 марта 1910 г. лидеръ партіи народной свободы безъ всякаго отношенія къ обсуждаемому вопросу назвалъ „союзомъ убійцъ и погромщиковъ“ союзъ русскаго народа, отлично зная, что въ его составъ входятъ многіе члены третьей Госуд. Думы. Очевидно, что противъ правыхъ членовъ Госуд. Думы идетъ организованный походъ, въ расчетѣ, что эта травля выведетъ изъ равновѣсія кое-кого изъ правыхъ и они послѣдуютъ подаваемому имъ слѣва примѣру, создавая почву для нареканій въ той же лѣвой печати. Къ нашему общему сожалѣнію, этотъ расчетъ неоднократно оправдывался и наиболѣе несдержанные и нервные люди платили лѣвымъ той же монетой. Мы выражаемъ твердую надежду, что, по крайней мѣрѣ, въ послѣдній годъ нашей совмѣстной дѣятельности Совѣщаніе обуздаетъ тѣхъ, кто постоянно бросаетъ вызовъ и нерѣдко оскорбляетъ священныя вѣрованія и убѣжденія своихъ сочленовъ, дѣлая тѣмъ самымъ невозможнымъ водвореніе „добрыхъ нравовъ“. Съ своей стороны заявляемъ, что нами будетъ оказана полная поддержка членамъ Совѣщанія въ борьбѣ съ печальнымъ явленіемъ, нынѣ омрачающимъ достоинство и значеніе Госуд. Думы. (*Рукоплесканія справа*).

Если прибавить къ изложенному незыблемо обоснованное обвиненіе въ клеветѣ съ думской каѳедры, предъявленное Я. Г. Гололобовымъ соціалъ-демократу Кузнецову, и клеветническій запросъ лѣваго крыла, изображавшій праваго октябриста Я. Г. Гололобова (нынѣ вице-губернатора) и В. А. Образцова прикосновенными къ убійству въ Екатеринославѣ Караваева—запросъ, который даже въ третьей Думѣ былъ отвергнутъ тутъ же, сразу, безъ передачи въ комиссію

[1]) Іудей Стембо, писавшій въ Биржевкѣ подъ псевдонимомъ „Азра“, о немъ упомянуто въ третьей главѣ, какъ о „другѣ“ Хомякова, съ которымъ предсѣдатель Думы на „интервью“ не скупился.

[2]) Членъ Думы отъ г. Одессы, кадекъ Никольскій, привлеченный Одесскимъ градоначальникомъ И. Н. Толмачевымъ.

—если взять только эти факты, а подобныхъ имъ множество, то будетъ ясно, что въ настоящихъ причинахъ паденья думскихъ нравовъ правые неповинны. *Внѣшніе* признаки этого упадка, выражающіеся въ перебранкахъ и скандалахъ, конечно, являются лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ болѣе глубокихъ причинъ—*внутреннихъ*.

Ругательство, брошенное человѣкомъ раздраженнымъ, выведеннымъ изъ терпѣнья—слышно всѣмъ, а въ систематической клеветѣ, путемъ которой довели до такого раздраженья—еще не скоро разберутся.

Но полное крушенье авторитета третьей Думы, уваженья къ ней, коренится даже и не здѣсь, а въ виляньи, неустойчивости, неискренности, лицемѣріи по такимъ краеугольнымъ вопросамъ государственной жизни, гдѣ отвѣтъ долженъ быть твердый и ясный.

Даже соціалъ демократы изыскивали предлоги, чтобы отвергать законъ, который былъ безспорно полезенъ рабочимъ, но безусловно вреденъ революціи.

У кадекъ это изысканье благовидныхъ предлоговъ, это драпированье дѣйствительныхъ цѣлей выставочными, показными было возведено въ цѣлую систему. Еще бы... прикрыть свою службу инородцамъ „требованьями радикальныхъ принциповъ“ было мудренымъ дѣломъ даже для іудейской изобрѣтательности.

Не легко давалась и „приличная“, не рѣжущая уха „мотивировка“, чтобы, по мѣрѣ силъ, проваливать всѣ реформы, направленныя къ удовлетворенью земельной нужды, столь желательной, полезной для революціоннаго броженья—изображая въ то же время горячихъ друзей малоземельнаго крестьянства.

Столь же лицемѣрнымъ, только въ иныхъ областяхъ, было и поведенье октябристовъ. Лишь изрѣдка ихъ настоящіе порывы вырывались безъ прикрасъ наружу: въ самомъ началѣ Думы, 13 ноября 1907 г., когда „руководящій центръ“ „отвергъ самодержавіе“, да въ самомъ концѣ, 9 іюня 1912 г., когда, послѣ Высочайшаго пріема въ Царскомъ Селѣ, наши парламентаріи учинили возмутительнѣйшую демонстрацію.

Въ остальное время все старались облечь въ возможно благопріятныя формы: злостный, разрушительный походъ противъ церкви прикрывался наружнымъ уваженьемъ къ

православію. Отъ систематическаго внѣдренья захватнымъ правомъ конституціи старались отвести глаза всѣми мѣрами. Но кромѣ неискренности, лицемѣрія, было и предательство. Проникнувъ въ третью Думу въ качествѣ правительственной партіи, благодаря усиленной поддержкѣ правительства, октябристы—правильнѣе, ихъ главари — не задумывались наносить удары правительству именно въ тѣ моменты, когда ему нужна была поддержка въ мѣрахъ необходимой, разумной, государственной, борьбы съ революціонными очагами.

Министръ Юстиціи принялъ мѣры для водворенья порядка въ тюрьмахъ, гдѣ тюремная стража превратилась въ какое то убойное мясо.

И немедленно внесенный слѣва запросъ былъ поддержанъ октябристами, которые объявили дѣйствія Министра незаконными, а объясненья его неудовлетворительными.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ началъ бороться съ революціонными социалъ-демократическими организаціями, желавшими прикрыться оболочкою профессіональныхъ союзовъ. И опять социалъ-демократическій запросъ нашелъ поддержку въ октябристахъ.

Министръ Народнаго Просвѣщенія водворилъ хоть внѣшній порядокъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не далъ разыграться забастовкѣ—сейчасъ же, конечно, самые яростные запросы всего лѣваго крыла. Какъ же ведутъ себя октябристы? Они тоже противъ Министра, осуждаютъ его и „поддерживаютъ“ запросъ!...

А между тѣмъ прохожденье реформы мѣстнаго суда показало, какъ быстро и безъ всякихъ церемоній, октябристы, по чисто партійнымъ соображеньямъ, отъ надменной оппозиціонности и надутой заносчивости сразу перешли къ безоглядочной уступчивости.

И здѣсь у октябристовъ, такъ же, какъ у кадековъ, цѣлая система: громкими фразами и „популярными“ лозунгами прикрывать совсѣмъ иную, весьма неказистую сущность.

Въ тоже время у „руководящаго центра“ по цѣлому ряду вопросовъ и въ особенности по такимъ краеугольнымъ вопросамъ, какъ національные—изумительное шатанье мысли: то туда, то сюда. То, какъ будто, не надо давать іудеямъ равноправія, то, какъ будто надо...

Вотъ въ этихъ свойствахъ, въ этой неискренности, лицемѣріи, виляніи, въ легкомысленнѣйшемъ отношеніи къ серьезнымъ государственнымъ интересамъ ради узкопартійныхъ цѣлей и лежитъ истинная причина того отрицательнаго отношенья къ третьей Думѣ, которое у многихъ проявляется сознательно, а у многихъ, плохо умѣющихъ разбираться въ событіяхъ—безсознательно, инстинктивно.

Всѣ способности, творчество, изобрѣтательность нашихъ парламентаріевъ ушли на то, чтобы красивыми, но измышленными предлогами закрывать настоящія цѣли и намѣренья—трудно на этомъ далеко уѣхать.

А на другое способностей, созидательныхъ силъ уже не оставалось.

Здѣсь поприжать, „сосчитаться", тамъ выторговать, тутъ устроить парламентскую комбинацію на взаимномъ компромиссѣ—плохой, невѣрный путь и для законодательства и для государственнаго строительства вообще.

Даже объявленные враги правыхъ не могутъ отрицать ихъ прямоты, твердости, искренности, послѣдовательности.

Правильность государственнаго пониманья, проявленнаго со стороны правыхъ въ третьей Думѣ, ширина чисто принципіальныхъ взглядовъ, отсутствіе всякихъ мелкихъ счетовъ, доказаны, мы полагаемъ, содержаньемъ настоящей книги.